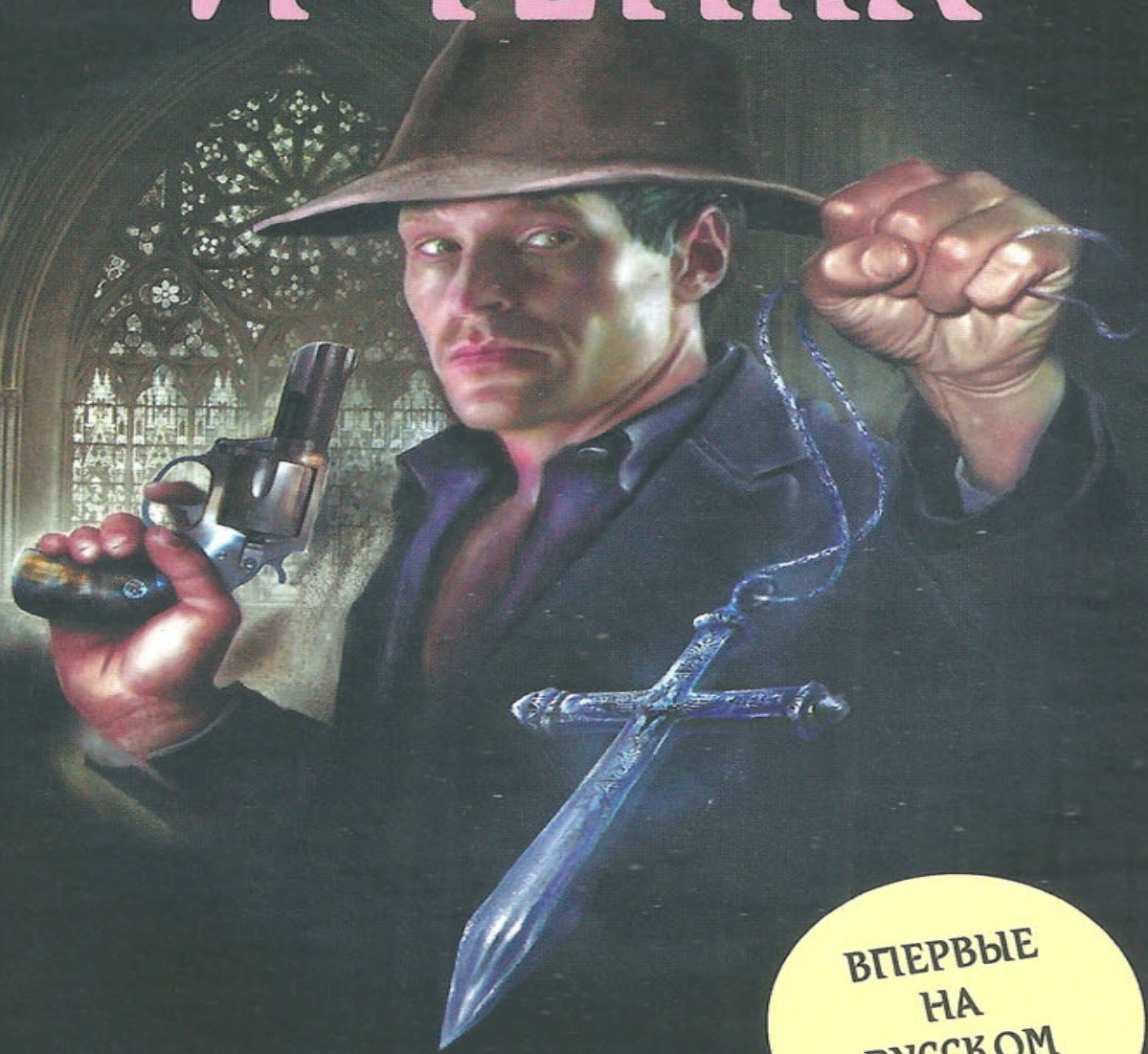

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН

О СВЯТЫХ
И ТЕНЯХ

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

ЭКСМО

Тайная секта Католической церкви с помощью древней книги под названием «Евангелие теней» в течение многих веков методично уничтожает вампиров. Но однажды бесценный фолиант загадочным образом исчезает. В том, кто его похитил, у священников сомнений нет, и они, опасаясь, что их миссия будет предана огласке, бросаются на поиски.

Однако в тот момент, когда служители Ватикана уже почти достигли цели, в дело вмешивается Питер Октавиан, готовый перевернуть мир, чтобы завладеть «Евангелием теней» раньше церковников. За свое долгое существование он был принцем, воином, убийцей, странником, вором... Теперь он частный детектив и... вампир!

Кристофер Голден

О святых и тенях

Этот роман я посвящаю своей жене Котетте Николь Руссо Голден, ибо без ее любви и поддержки он едва ли увидел бы свет. В мире, где каждый день происходят события гораздо более странные, чем в любом романе ужасов, ее неистощимый оптимизм и вера помогают мне сохранять силу духа и надежду на будущее. Поистине дуракам закон не писан. Так давайте же оставаться дураками.

Этот роман, как, впрочем, и любой другой, особенно если он первый в сериале, я писал достаточно долго. И на протяжении всего времени ощущал поддержку от многих, и многих людей, оказавших мне неоценимую помощь не только в написании данного романа, но и в понимании задач писателя как таковые. Я от всего сердца благодарю всех, кто оказывался рядом и в самые критические, и в самые радостные моменты моей жизни. И хотя я не называю здесь никаких имен — их слишком много, — надеюсь, все мои друзья и помощники знают, как много они для меня значат, и гордятся тем, что нам удалось создать.

ПРОЛОГ

Мэнни Соресу уже немного надоело делать одно и то же. Вот уже двадцать лет он работает и офисе государственного секретаря штата, и все еще уборщиком. Он выпустил швабру из рук, и она со стуком упала на выложенный плиткой пол туалета. Мэнни отчаянно захотелось покурить.

Он позволил себе сделать это в отделе обработки текстов: в личных кабинетах такое не допускалось. Мэнни убрал здесь еще час назад, и потому свет в помещении уже не горел. В комнату заглядывали звезды и очень яркая луна — стояла великолепная ясная ночь, завтра обещали снег, но кто знает, что будет на самом деле, учитывая репутацию бостонских метеорологов. Мэнни выглянул в окно, и в голове у него за пять минут пронеслось больше мыслей, чем за весь прошедший день. Черт, как же красиво!

Мэнни загасил сигарету в пепельнице на столе Тары. Славная она девчонка.

«Интересно, — подумал он, — Роджер еще здесь?»

Выйдя в коридор, он увидел, что в помещении корпоративного офиса горел свет, — впрочем, его это несколько не удивило. Роджер Мартин из числа людей, не знающих, что такое «конец рабочего дня».

— Мне снова придется ходить вокруг вас во время уборки? — спросил Мэнни, прислонившись к дверному косяку.

— Сегодня не придется.

Роджер встал и надел пиджак.

— Пора домой. Хотя стаканчик перед встречей с женой мне бы не повредил.

Роджер взял портфель и переложил часть бумаг со своего стола на стол Шейлы, возглавлявшей отдел.

— Вышейте и за меня.

Мэнни достал еще одну сигарету.

— Рано или поздно тебя за это выгонят, — сказал Роджер, показывая на пачку, которую уборщик спрятал в карман рубашки.

— Вот еще! Ничего они не сделают. Я не курю в рабочее время. Хотите сигаретку?

— Хочу, но я пытаюсь бросить. Сам не знаю почему. На самом деле мне совсем не хочется бросать. Но начальство велит.

Он рассмеялся.

— Ваше дело, — ответил Мэнни и прикурил, давая Роджеру понять, что ему нора.

Спускаясь в лифте, Роджер задумчиво насвистывал, он никак не мог решить, стоит ли ему немного выпить по дороге домой. В последнее время он не любил возвращаться трезвым. Нельзя сказать, чтобы они ссорились с Джулией, хотя и это бывало, как у всех. Дело обстояло гораздо хуже: дома стало как-то холодно. И оба не знали, как это изменить. Иными словами, обстановка была напряженной.

Да провались оно все пропадом! С какой стати он должен себе отказывать? Он уже давно никуда не заходил после работы. Роджер вышел на улицу, не замечая, как сильно размахивает портфелем. Он по-прежнему насвистывал, сосредоточившись на своих мыслях.

Он свернул налево у здания суда, «Открытый дом» находился в двух кварталах. Из бара, обнявшись, вышла молодая парочка, они смеялись, и пар легким облачком окутывал их губы.

Господи, как Роджер завидовал им. Прошло уже немало времени с тех пор, как они с Джулией чувствовали себя так же уютно в объятиях друг друга, как эти ребята.

Ребята. Вот именно! Им двадцать два или двадцать три года. А он тогда кто? Проклятье, тридцать три — это же еще не старость!

Познакомившись с Джулией, Роджер влюбился по уши, втрескался до полного безобразия, втюрился так, что и описать невозможно, и они поженились через год. Они смеялись и работали, занимались любовью и работали, жили и работали. Затем попытались завести ребенка, и впервые у них не получилось то, что они задумали. Они с Джулией не имели секса вот уже два месяца. Роджеру просто необходимо было выпита. Все меняется.

Он потянул на себя тяжелую дубовую дверь бара и уже не в первый раз подумал, что, возможно, ему удастся найти внутри не только пару кружек холодного пива. Он еще ни разу не изменял Джулии и даже представить себе не мог, что у него появится эта мысль. Но все меняется.

За стойкой бара как будто парила в воздухе молодая женщина, у нее были невероятные зеленые глаза и длинные каштановые волосы. На прикрепленной на груди карточке сообщалось, что ее зовут Кортни Макголдрик, и Роджер решил, что имя ей очень подходит.

Крошечное помещение бара, выдержанное в колониальном стиле, освещали лампы, стоявшие на краях стойки, да свечки на столах, настолько маленькие, что казалось, их зажгли, чтобы только отгонять насекомых. Очень романтично. И достаточно темно, чтобы, если возникнет такое желание, можно было бы спрятаться в каком-нибудь углу. Как правило, Роджер так и поступал, но сегодня направился к стойке и, удивив себя самого, заказал кружку «Гинесса».

Мисс Кортни Макголдрик, прекрасная барменша, тут же принесла и вручила ему заказ, на устах у нее сияла ослепительная улыбка. Эта улыбка вызвала у Роджера очень необычную реакцию.

Он потерял самообладание.

Прошло почти полчаса, когда, допив третью порцию «Гинесса», он наконец решился заговорить с девушкой. Роджер долго наблюдал, как она ходит вдоль стойки, и вот наконец в ее работе возникло временное затишье. Собрав остатки решимости и чувствуя, как от выпивки немеет тело, он обратился к ней.

— Ну, — сказал он, — и как сегодня идут дела?

Однако как только она повернулась к нему, он ощутил острое желание сбежать, прежде чем услышит ее ответ, доказывающий, что он непроходимый осел.

— Неплохо, — весело ответила Кортни. — А у вас?

О святой Боже! Пустые фразы. Одно из изобретений американского общества.

Они немного поболтали. Через пять минут Роджер снова начал нервничать: в дальнем конце стойки присели какие-то парни, и через минуту ей придется обслуживать их. Сейчас или никогда.

— Итак, — начал он, — могу я вас угостить стаканчиком, когда вы закончите работать?

Секунда.

Еще одна.

Роджер чувствовал, как бьется в груди его сердце. Отлично, значит, оно в порядке.

— А вашей жене это понравится?

— Моей... — начал он и скорее ощутил на пальце обручальное кольцо, чем вспомнил о нем.

Чувствуя себя полным идиотом, он положил на стойку двадцатку, взял портфель и, не говоря больше ни слова, выскочил из бара, словно собака с поджатым хвостом.

Однако, оказавшись на улице, Роджер не смог удержаться от улыбки: сначала скривились уголки губ, потом он расплылся в широкой ухмылке.

Он захихикал, фыркнул, а в следующее мгновение расхохотался.

Смеяться было приятно, пусть и над самим собой. Сама того не зная, Кортни Макголдрик, возможно, спасла его брак.

«Вот черт, — подумал Роджер, — да ведь мы справимся!»

По дороге в гараж он зашел в «Капитолийскую кофейню», купил стаканчик кофе и всю дорогу до гаража дул в дырку в пластиковой крышке, чтобы хоть немного остудить напиток. Открывая дверь гаража, Роджер снова принялся насвистывать песню, которую бесконечно крутило бостонское радио, но он так и не смог выяснить, как она называется. Такие вещи всегда помнила и знала Джулия. Машин в гараже оставалось уже совсем немного, и Роджер легко прошел по заасфальтированному проходу к своей «хонде аккорд». Он часто говорил Мэнни, что дорогие машины быстро выходят из строя, и Мэнни всегда смеялся.

Все так же насвистывая, Роджер поставил стаканчик на крышу машины, достал ключи, открыл дверь, бросил портфель на сиденье и сам забрался внутрь. Дожидаясь, когда согреется двигатель, он включил приемник и улыбнулся. Звучала та самая песня, которую он только что насвистывал. Он подумал, что это хороший знак. Мелодия уже почти закончилась, и Роджер опять не узнал, как она называется. Он принялся вертеть ручки настройки, и тут кто-то постучал в водительское окно, испугав его до полусмерти. Он даже ударился коленом о приборную доску.

У окна стоял мужчина в черном костюме с белым узеньким воротничком.

Священник?

В руках мужчина держал стаканчик, что тоже показалось Роджеру странным. Впрочем, вряд ли это «стакан крови», поскольку его украшала стилизованная надпись: «Капитолийская кофейня».

Да это же его собственный стаканчик кофе, тот самый, что он забыл на крыше машины! Во второй раз за этот вечер Роджер почувствовал себя полным идиотом.

Он открыл окно, взял стакан и произнес:

— Спасибо, святой отец.

И только тут он увидел, что священник держит в другой руке. И это что-то было наставлено прямо в голову Роджеру.

Войдя в гараж, Мэнни увидел какого-то человека в черном, стоявшего возле машины Роджера. Роджер сидел внутри, он уже завел мотор. Мэнни пошел в их сторону: их машины стояли рядом, и ему захотелось пожелать Роджеру приятного вечера. Прежде он никогда не видел мужчину, стоявшего сейчас возле машины, — высокого, в черных одеждах. А тот вдруг поднял руку.

В руке у него был пистолет. Человек нажал на курок.

С такого расстояния пуля вошла легко, но, покинув голову Роджера, наделала делов.

— Нет! — завопил Мэнни и тут же выругал себя и неосторожность.

Незнакомец резко развернулся, и, увидев белую полоску воротничка, Мэнни замер на месте от неожиданности. Священник! Этот парень священник! Или оделся священником?

Святой отец наставил пистолет Мэнни в грудь и выстрелил.

Убийца двинулся было к распростертому телу, но рев мотора, заполнивший гараж,

остановил его. Какая-то машина поднималась с нижнего уровня. Ему пришлось покинуть место преступления.

Позже, когда прибыла полиция, тело Мэнни все еще подрагивало: он еще не умер, вопреки надеждам убийцы. В машине покойного Роджера Мартина кровь и кофе пропитали обивку сидений.

Останется огромное пятно.

Глава 1

Его память мчится сквозь время, словно торнадо, что, опустившись на землю, подберет какое-нибудь событие или человека и унесет его прочь, чтобы потом бросить, заинтересовавшись чем-нибудь другим. Под событиями он чаще всего понимает катастрофы, а люди, его интересующие, как правило, мертвы. Ему стоит некоторых усилий думать о чем-нибудь приятном. Но такова природа памяти и времени.

Его зовут Октавиан. Это не настоящее его имя. По крайней мере, оно не всегда принадлежало ему. Он был принцем, воином, чудовищем, убийцей, странником и вором. Теперь он может только наблюдать и вспоминать.

Иногда он может помочь.

Вечером, в половине десятого, завершал встроенный в радио будильник. Впрочем, Питер Октавиан уже полчаса как проснулся. Он хлопнул по кнопке без раздражения, каким обычно сопровождаются подобные действия. У него было хорошее настроение. Он знал, чем будет заниматься сегодня ночью. Нельзя сказать, что обычно он с трудом находил себе дело, но все же ему нравилось больше, если дела сами находили его. Очень часто его единственным развлечением были ночные новости, и ему нравилось это. Ему доставляло удовольствие наблюдать склоки как между государствами, так и между людьми. Он научился предсказывать события задолго до того, как они произойдут. Одно из любимых высказываний Питера Октавиана гласило: история повторяется.

Хотя... это известно всем.

В таком случае, почему не нашлось никого, кому хватило бы ума использовать этот закон?

Ну, с этим всегда были проблемы.

Перемены. Чем сильнее ты с ними сражаешься, тем быстрее они наступают. Неизбежно как... ну, как налоги, например.

Питер встал с кровати и в темноте подошел к закрытому шторами окну, они скрывали внешний мир от него, а его от внешнего мира. Раздвинув шторы, он выглянул наружу. Луна и звезды сияли так ярко, что улицу внизу было хорошо видно, а ведь Питер жил на восьмом этаже. Он немного приоткрыл окно, чтобы впустить холодный воздух, несколько раз глубоко вдохнул Снег... завтра пойдет снег, может быть, завтра вечером.

Оставив окно открытым, Питер отправился в ванную. Прикрыв глаза, включил свет, зевнул, потянулся... Он спал без одежды и потому сразу встал под душ и задвинул занавеску. Он любил пар, поднимающийся от горячей воды, любил прохладу, которая окатит его спину, когда он выйдет из душа. Именно поэтому он оставил окно открытым, Луш Питеру был не особенно нужен. Поскольку он почти не потел, от него никогда не пахло, но вот волосы, выглядевшие чистыми и без мытья, после сна торчали в разные стороны, и их приходилось мыть.

Питер смыл пену со своей длинной каштановой гривы и вышел из душа, вздрогнув от порыва холодного воздуха. Он быстро вытерся, стоя у зеркала, высушил волосы и собрал их в хвост резинкой. Он чистил зубы, полируя улыбку, которая подарила ему столько сердец (когда это было в последний раз?). Из соседней комнаты было слышно радио. Будильник сдался, и его сменил возбужденный голос диктора:.

«Примерно без четверти десять в городе, за окном минус тридцать один градус. Искренне ваш напоминает вам, что, если вы не купите сладости для своей сладкой девочки, у вас будут серьезные неприятности. Кроме меня напомнить вам о своем существовании хотят “Болтуны” с программой “Купидон”».

Питер прополоскал рот и посмотрел в зеркало. Оттуда на него оценивающе посмотрело отражение. Совсем неплохо... для своего возраста.

Он улыбнулся собственной шутке. Одни и те же шутки по-прежнему забавляли его, и, вероятно, так будет всегда.

Все еще голый, Питер вышел из ванной и выключил радио. Он уже начал одеваться, когда зазвонил телефон.

На третьем звонке включился автоответчик:

— «Следственное агентство Октавиана». Сейчас никто не может вам ответить, но если вы оставите сообщение и номер вашего телефона, с вами свяжутся, как только появится такая возможность.

— Питер. Это Фрэнк. Просто хотел тебе сказать, что я тут разговаривал с Тедом Гардинером. У полиции ничего нет. Если тебе что-нибудь нужно, пожалуйста, позвони.

Питер надел короткий жакет со складками поверх темно-синей хлопчатобумажной рубашки, ловко спрятав кобуру под мышкой. В кобуре лежал пистолет тридцать восьмого калибра Настоящая пушка для Спенсера...

Впрочем, он нужен только для вида. Если Питеру будет необходимо причинить вред кому-нибудь, это не составит труда, да и голыми руками он сделает это с большим удовольствием. Он и боялся, и чувствовал отвращение к этой стороне своей натуры, но и не мог закрывать на это глаза Питер понимал, что победить в себе эти атавизмы можно, только признав их существование. Что он и делал. Однако чувства свои он держал в узде, в очень жесткой узде.

Сегодня у него было личное дело. Фрэнк Харрис был его другом, одним из немногих друзей. Исчезла его единственная дочь. Питер знал лучше многих, что значит терять близких людей. За свою жизнь он потерял столько, что сейчас хотел сделать все, чтобы найти ее.

Фрэнк рассказал очень мало полезного. Дженет Харрис работала в большой юридической компании в качестве помощницы юриста. Шесть дней назад — кажется, в среду — ушла с работы в обычное время и отправилась в свой любимый бар с друзьями, с которыми всегда проводила время после работы. Она ушла оттуда довольно рано, потому что у нее разболелась голова, хотя в этом тоже не было ничего особенного.

Шесть дней — большой срок. Все следы остыли.

Полицейские сделали только то, что необходимо было сделать, ни больше и ни меньше, и на этом успокоились, признав, что девушка пропала. Они решили, что она сбежала с молочником или с кем-нибудь вроде того, и в понедельник вечером неофициально прекратили расследование.

Сегодня был вторник, и Фрэнк с Питером уже успели трижды поговорить. Как правило, Октавиан вставал в половине шестого, однако он уезжал из штата на несколько дней, а сегодня весь день был на ногах, так что ему необходимо было отдохнуть. Он бы проснулся и раньше, если бы Фрэнк не будил его несколько раз. Но как объяснишь такую неестественную необходимость отдыха?

В одиннадцать часов вечера Питер вошел в «Открытый дом», последнее место, где видели Дженет Харрис.

Первым, что привлекло его внимание, был внимательный, оценивающий взгляд Кортни Макголдрик. Увидев, что он заметил ее взгляд, она слегка покраснела, но не отвернулась. Питер подошел к стойке и скривил губы в отработанной улыбке.

Улыбка тут же расположила к нему девушку. Впрочем, улыбка была не единственной причиной. У Питера были серые, словно отливавшие серебром, глаза, и казалось, они словно гипнозом притягивают собеседника. Он был высоким, шесть футов четыре дюйма, стройным и мускулистым и держался так, словно только что сошел с экрана какого-нибудь вестерна. Определить, сколько ему лет, было невозможно, но большинство людей, в том числе и Кортни Макголдрик, которая сейчас именно об этом и думала, были уверены, что ему около тридцати пяти.

— Чем могу помочь?

— Только стакан белого вина, и, может быть, я был бы рад услышать ответы на пару вопросов.

— Вино сейчас будет... А вот ответы зависят от того, что вы хотите знать.

Пока она наливала вино, Питер достал из кармана свое удостоверение, фотографию Дженет и положил их на стойку.

Кортни вернулась.

Сделав глоток вина, он произнес:

— Да, конечно, я понимаю.

Кортни сразу узнала девушку на фотографии.

— Дженет приходила сюда много раз. Конечно, флиртowała, она ведь симпатичная, веселая девушка. Но всегда уходила одна. Один раз рассказала мне про парня, который ей нравился, они работали вместе, имени я не помню. В тот вечер у нее разболелась голова после двух кружек пива, и она ушла. Больше я ее не видела. Я уже говорила об этом с полицейскими, но я уверена, что это вряд ли поможет.

— Это все? — спросил он.

— Все.

Питер встал, собираясь уходить.

— Приходите к нам еще.

— Чтобы вновь вас увидеть, непременно зайду, — пообещал он.

Питер вышел на улицу и зашагал к парковке возле здания государственного секретариата, где оставил свою машину. Через минуту он уже, забыв о девушке, и в голове у него осталось лишь то, что она рассказала. Ему хотелось послушать музыку, и он захватил с собой последний диск Сила, ведь сегодня он был на машине. Он редко ею пользовался и надеялся сейчас, что его «вольво» не украшает квитанция на штраф.

Ночь выдалась тихая. Однако уже через минуту все резко изменилось.

Тишину разорвал вой сирен, и Питер вздрогнул от неожиданности: он не любил резких звуков. Мимо промчалась машина скорой помощи, затем полицейские. Завернув за угол, они остановились перед гаражом под зданием государственного секретариата. Питер пошел вслед за ними. Это желание было будто сильнее его разума: благодаря такому любопытству и умению предвидеть события, подмечать малозначительные, на первый взгляд, происшествия, он и выживал всегда. Сейчас произошло то же самое.

Полицейская машина, за которой спешил Питер, была, уже третьей, две другие уже находились внутри. Медики достали носилки и покатали их в гараж. Питер подумал, что ему совсем не хочется увидеть на этих носилках тело Дженет, когда они вернутся. У него было

ощущение, что на протяжении нескольких жизней он только и делал, что сообщал плохие новости, и ему это стало надоедать.

— Октавиан!

Его окликнул Тед Гардинер. Этот чернокожий детектив был очень тощим и невероятно обаятельным, что странным образом уживалось с дурными манерами. Он улыбался Питеру. Они не были друзьями, но уважали друг друга, а более близкие отношения с окружающими его людьми у Питера складывались редко.

— Какая неожиданность, — проговорил Гардинер. — Решил погоняться за машинами скорой помощи?

— Решил взглянуть еще на одну задачку, которую ты не решишь, — резко ответил Питер.

Детектив всегда вызывал у Питера именно такую реакцию.

— Иди, посмотри.

Гардинер повел Питера за собой.

— Дело довольно интересное. Я... Слушай, тебе нужно побольше бывать на свежем воздухе. Отправиться во Флориду, например. Загорел бы немного.

— Ты мне расскажешь, что у вас тут произошло, или мне придется самому догадываться, умник?

Тед улыбнулся. Он прекрасно знал, что Питер по каким-то медицинским причинам не переносит солнце, но ему слишком нравилось подшучивать над людьми, а потому было абсолютно наплевать, что Питеру его слова могут быть неприятны.

— Какие мы нежные и обидчивые. А я всего лишь о твоём здоровье беспокоюсь, Питер. Ты похож на мерзкого вампира.

— А ты на чернокожую задницу, — сказал Питер, смеясь и вместе с Тедом, и над ним. — Я и есть вампир.

Улыбка скользнула по лицу полицейского, но тут же исчезла, его лицо снова было серьезным, что случалось так не часто. Они подошли к месту преступления, где медики уже упаковывали тело в мешок. Питер увидел открытую дверь машины (фотограф делал снимки салона), потом посмотрел на труп, у которого пуля снесла полголовы.

— Мартин, Роджер Фрэнсис, — сообщил ему Гардинер, — Возраст — тридцать три года, яппи. Причина смерти — выстрел из пистолета с расстояния около шести дюймов. Чистая работа Роджер сам открыл окно для убийцы, то есть он ничего не подозревал. Мотив — не ограбление, совершенно точно, потому что и деньги, и кредитки на месте. Если только в портфеле Роджера не было чего-нибудь очень важного, потому что, похоже, тот парень в портфеле рылся. Да, была еще одна машина скорой помощи, они уехали до твоего прихода.

— Другая машина?

— Когда все это тут происходило, в гараж вошел уборщик. Судя по всему, он видел парня, который это сделал. Правда, в ближайшие пару дней он ничего никому не сможет сказать. Так бывает, когда пуля попадет прямо в грудь.

Медики уже застегивали мешок с телом Роджера Мартина.

— Не против, если я на него взгляну?

— Если парни не против, смотри.

Тед махнул медикам, и те отошли в сторону, чтобы Октавиан мог осмотреть тело.

Питер наклонился, чтобы разглядеть рану, сделал глубокий вдох.

Тед приподнял одну бровь: «Он что, нюхает тело? Ну и ну!»

Впрочем, все, что делал Октавиан, было немного странным.

— Когда Мартин ушел с работы?

— Понятия не имею. А что?

— Он умер полтора часа назад, получается, его убили между десятью и половиной одиннадцатого, — ответил Питер. — От него пахнет пивом. Если ты согласишься на его рабочем месте и не обнаружишь там следов алкоголя, значит, он зашел куда-то поблизости пропустить пару кружек, а потом вернулся сюда. Узнай, куда он ходил и что лежало в портфеле, возможно, ты быстрее найдешь убийцу.

Питер застегнул мешок с телом на молнию и повернулся к Теду, который с удивленной улыбкой смотрел на него.

— Мне всегда становится не по себе, когда ты начинаешь изображать Шерлока Холмса.

— Элементарно, — сказал Питер и подмигнул ему.

Он пару минут раздумывал, стоит ли вмешиваться в это дело. Наверное, нет. Эта загадка сама будет преследовать его, если он должен вмешаться. Но на всякий случай...

— Тед, окажи мне услугу. Позвони завтра и расскажи, как идет расследование. И еще: пришли файл на Дженет Харрис.

— Приятель, а ты ничего не упускаешь. Я бы позвонил, но я думал, тебя нет в городе.

— Я вернулся сегодня утром.

— Ясно. Какой кошмар. Фрэнк держится, но из последних сил. Официально я не должен заниматься делом Дженет.

— Ты можешь отправить файл и неофициально и, знаешь, рассказывай мне, если что услышишь. Мне понадобится твоя помощь.

— Ясное дело, — ответил детектив. — Спокойной ночи.

— Надеюсь, она будет спокойной.

Питер пошел к своей машине и, конечно, нашел прикрепленную на ней квитанцию на штраф. Раз так, он решил проверить, не спит ли еще Меган, подруга Дженет. Было ровно двенадцать ночи.

По дороге Питер думал о Бостоне. Наверное, скоро ему придется перебраться в другое место, и это будет нелегко. Он прожил здесь десять лет, полюбил и этот город, и его жителей. Кажется, он жил уже во всех крупных городах мира, останавливаясь в одном месте лишь до тех пор, пока это не становилось опасно. Рано или поздно он переезжал в другой город, в другую страну и всегда выбирал новое имя. Этот город был теплее Нью-Йорка, теплее Лондона и Парижа, теплее всех вместе взятых ослепительных, но неуютных культурных центров западного мира. А восточный мир — место небезопасное для таких, как он.

Здесь здания будущего соседствовали с домами, которые казались старше самого государства, в этом огромном юрде все еще жила атмосфера небольшого поселения, и даже политика, которая была главным занятием, все еще вершилась так же, как в старые добрые времена. Казалось, ничто здесь не должно было измениться. Все жители, начиная от самых высоких чинов и заканчивая последними, самыми мелкими служащими магазинчиков, знали друг друга. Однако, если кому-то вдруг захотелось бы скрыться в городской суете и суматохе, сделать это было нетрудно, а у Питера часто возникало такое желание.

Его, скитавшегося по миру, словно сироту принял однажды этот маленький, но непростой, противоречивый город, и Питер был ему благодарен.

Припарковав машину перед старым зданием, совсем недавно выкрашенным ярко-зеленой краской, Питер посмотрел на окна третьего этажа, где жили Дженет Харрис и Меган Галахер, в одном из окон одиноко горел свет.

Дом стоял в стороне от Хантингтон-авеню около Северо-Восточного университета. Не лучший, но и не худший район города. Вдоль дороги тянулись голые в это время года деревья, фонари проливали призрачный свет на ухоженные лужайки и потрескавшийся старый асфальт тротуаров. Тишина и ночной холод наполняли все его существо энергией.

Ветер принес запах растопленного где-то неподалеку камина и аромат приближавшегося с северо-востока снегопада.

Питер вошел в вестибюль и принялся изучать имена на облезлых черных почтовых ящиках. В доме оказалось всего три квартиры.

«Харрис, Галахер» — значилось на средней табличке.

Он нажал на кнопку звонка.

Через пару минут он позвонил снова, немного настойчивее. Ему никто не ответил. Нажав на кнопку в третий раз, Питер подумал, что придется уйти. Он открыл было дверь, но на мгновение приостановился, и его ожидания оправдались, когда он услышал сонный женский голос:

— Здравствуйте. Кто это?

Питер снова закрыл дверь и ответил:

— Мисс Галахер? Меня зовут Питер Октавиан. Я частный детектив, друг Фрэнка Харриса. Отца Дженет.

Когда ему ничего не ответили, он поспешно добавил:

— Я понимаю, что уже поздно. Может быть, я зайду завтра вечером?

— Нет-нет, нормально. Извините, мистер Октавиан. Я еще не совсем проснулась. Поднимайтесь, я все равно плохо спала.

Дверь открылась. Поднимаясь по ступенькам, Питер размышлял, как может выглядеть хозяйка этого сонного, чуть хрипловатого и оттого очень сексуального голоса.

Он улыбнулся своим мыслям. Прошло немало времени с тех пор, как он в последний раз был близок с женщиной; впрочем, если уж говорить об отношениях с кем-нибудь, это было очень и очень давно. Всегда было очень много более важных дел, но сейчас он вдруг почувствовал, что в нем вновь просыпается желание. К сожалению, момент был не самый подходящий, и Питер порадовался, что ему некогда отвлекаться.

Он дважды постучал в дверь, услышал, как соскользнула цепочка, потом — засов. Из приоткрывшейся двери на него взглянули два темно-карих глаза.

— Входите, пожалуйста, — пригласила его Меган.

Она распахнула дверь, а как только он вошел, тут же закрыла и заперла ее за ним.

Питер прошел внутрь, снял куртку. Повернувшись к девушке, встретился с ней глазами — она его разглядывала.

— Вы не похожи на детектива, — сказала она.

— Правда? А как выглядят детективы?

— Ну, не в том дело, что вы не похожи. Просто полицейские, которых мне доводилось встречать... отличаются от тех, что показывают в кино.

На мгновение повисла тишина. Она улыбалась уголками губ, удивленно глядя на Питера. Он покачал головой и рассмеялся.

— Думаю, ваши слова можно расценивать как комплимент, — проговорил он.

— Если хотите, — ответила Меган.

Они дружно рассмеялись, легко и непринужденно, но уже через мгновение Меган снова стала серьезной.

— Какие-нибудь новости о Дженет?

— Пока нет, но я только начал этим заниматься.

Питер все смотрел на девушку, она была очаровательна. Слово это, немного старомодное, как нельзя лучше подходило к ней. Ее старенький голубой халат был велик ей на пару размеров, под халатиком он разглядел мужскую хлопчатобумажную рубашку. Полы в квартире были деревянными, и Меган ходила по дому в носках. Ее каштановые волосы растрепались во время сна, и сейчас она терла глаза, пытаясь стереть остатки крема.

— Садитесь, пожалуйста, — предложила ему Меган и, взяв его куртку, показала рукой на диван.

Питер огляделся: две спальни, одна ванная, кухня, гостиная, столовая. Уютная квартира, отделанная в светлых голубых и розовых тонах, с мебелью в стиле Новой Англии, массивной, но элегантной. Одну стену почти полностью занимали книжные полки, на полу лежал лоскутный ковер. Стены украшали репродукции Моне и совершенно непонятных творений современных художников, был здесь и огромный снимок китов с торчащими над водой хвостами. В столовой и гостиной стояло несколько старых обогревателей, но в комнатах все равно было прохладно. Ему это понравилось.

Они сели. Он на диван, она — в кресло напротив. Питер не сразу понял, что Меган смотрит на него, словно ждет, что он ей сообщит какую-то новость.

— Хм... — пробормотал он. — Извините, у меня выдалась непростая ночь.

— Ничего страшного.

— Насколько я понимаю, полицейские уже несколько раз задавали вам вопросы, так что я постараюсь ограничиться минимумом.

— Я расскажу все, что знаю, только найдите Дженет. Полиция, похоже, не слишком в этом продвинулась.

— Хорошо, мисс Галахер...

— Меган.

Она улыбнулась, и Питер улыбнулся ей в ответ.

— Да, Меган. Давайте начнем с самого начала. Вы не возражаете, если я загляну в комнату Дженет? Возможно, мне удастся найти там что-нибудь интересное.

— Никаких проблем, — ответила Меган, вновь поднимаясь с кресла — Она жила в дальней комнате.

Питер последовал ее примеру.

Комната оказалась очень простой, даже спартанской, но элегантной. Письменный стол, две маленькие прикроватные тумбочки с лампами и плетеный стул в углу. Большая железная кровать, маленький телевизор и огромный ковер на полу. Над кроватью картинка с цветами. Единственной слабостью Дженет, похоже, была одежда. Громадный встроенный шкаф был забит буквально снизу доверху.

— А ваша Дженет, судя по всему, модница, — сказал он.

— Вы с ней не знакомы? — удивленно спросила Меган.

— По правде говоря, не знаком. Ее отец много о ней рассказывал.

— Фрэнк очень милый. Знаете, если честно, о нем я волнуюсь даже немного больше, чем о Джен.

— Почему?

— Не знаю. Может, мне так хочется думать, но почему-то мне кажется, что с ней все в порядке.

Меган помолчала.

— А как давно вы знаете Фрэнка?

— Почти десять лет. Я тогда помешал группе подростков ограбить его ресторан. После этого он позволил мне встречаться в его заведении с клиентами, знаете, иногда это нужно.

Меган села на кровать, подобрав под себя одну ногу и обхватив себя руками, будто пыталась согреться в холодной комнате, ожидая, пока Питер закончит осматривать помещение.

— Странно, что мы никогда не встречались с вами раньше.

— Да нет, здесь нет ничего удивительного. Я редко бываю в ресторане Фрэнка и всегда очень поздно. Я работаю по ночам, в это время плохие ребята выходят на промысел.

— А вы, значит, хороший парень? — спросила она и рассмеялась.

Да, мэм, — ответил он, растягивая слова, как ковбой. — Официальный член ордена Белой Шляпы... по крайней мере, как правило. Бывал я, правда, и плохим парнем, может, пару раз, но с кем не случается?

Она тепло ему улыбнулась, но лицо ее снова стало серьезным в то же мгновение.

— Думаю, нам следует поговорить о деле?

— Если только вы решили не ложиться спать этой ночью.

— Может быть, мне лучше уйти из комнаты, чтобы вы могли сосредоточиться?

— Нет, будет лучше, если вы останетесь. Надеюсь, вы не против. Мне может понадобиться что-нибудь отыскать, и вы мне поможете.

— Знаете, я, наверное, и вправду не совсем проснулась, когда открыла вам дверь. Я даже не попросила ваше удостоверение.

Питер потянулся к карману, чтобы достать бумажник.

— Нет, мистер Октавиан...

Меган снова улыбнулась.

— Не стоит. Если бы вы хотели что-нибудь со мной сделать, вы бы уже сделали.

Она с ним заигрывала, впрочем, Питер подумал, что для такой ситуации это было абсолютно нормально.

— Зря вы в этом так уверены. И называйте меня Питер, ладно?

Она кивнула. Он достал бумажник и бросил ей.

— Чтобы все было по правилам. Только не смейтесь над фотографией.

— Да ладно вам, — сказала она, вытаскивая удостоверение. — Она намного лучше, чем моя фотография на водительских правах.

— А вы посмотрите на мои права, — посоветовал Питер, продолжая изучать шкаф с одеждой.

— Хм. Да уж, она отвратительная!

Питер выпрямился и, уперев руки в бока, наградил ее возмущенным взглядом.

— А ну-ка, отдайте. Я же просил не потешаться над фотографией.

Меган бросила ему бумажник и несколько минут молчала, пока он занимался левой тумбочкой.

— Мне просто необходимо выпить чего-нибудь горячего. Хотите кофе?

— Лучше чай, если можно.

— Отлично, пусть будет чай. Я пью слишком много кофе.

Меган поднялась, собираясь пойти готовить чай, но, услышав резкое жужжание, быстро повернулась к Питеру. Он показал ей белый пластмассовый вибратор со светящейся головкой, который только что достал из тумбочки.

— Ну, — весело сказала Меган и прикрыла рот ладошкой, — если она и в самом деле сбежала, то точно не одна.

Питер рассмеялся в ответ и убрал вибратор на место, а Меган отправилась на кухню, чтобы поставить чай. Питер осматривал комнату, хотя пока его поиски ничего не давали. Он разбирал уже другую тумбочку, но мысли его все еще занимала Меган Галахер.

Она показалась ему очень необычной девушкой: независимая, умная, с чувством юмора да еще и очень привлекательная. Ее можно было бы назвать открытой, но Питер видел в ее глазах какую-то тайну, у нее тоже были свои секреты.

Питер удивленно покачал головой. Да, это действительно было давно.

Опустившись на колени, он заглянул под кровать. Он думал уже, что поиски ничего не дадут, но ему хотелось быть уверенным, что он сделал все, что в его силах.

— Вода греется. А как у вас дела?

— Да практически все. Пытаюсь понять, не упустил ли я чего-нибудь. Может, сделать перерыв на пару минут? Расскажите мне про Дженет — как вы познакомились, и все такое.

— Вы начали с самого трудного вопроса...

Меган улыбнулась.

— У нас были немного необычные отношения, мы обе одиночки, слишком закрытые для того, чтобы комфортно чувствовать себя «в толпе», так что вдвоем нам было неплохо. Я могу сказать это за нас обеих, ведь она и сама мне это говорила. Мы познакомились в колледже на занятиях, «Вводный курс политологии» Шмелтера. Мы разговорились как-то, еще в самом начале занятий, знаете, как все одинокие девушки. Я сразу поняла, что у нее,

как и у меня, нет близких друзей. Получается, у нас просто не было выбора, мы подружились... Потом умерла ее мама.

— Расскажите мне об этом, — попросил Питер.

— О чем?

— Как она умерла?

Питер увидел боль, на мгновение застывшую в глазах у Меган.

Рак. Это ужасно, верно? Дженет пришла ко мне. Ведь у нее не было никого, на чьем плече она могла бы поплакать. Ее отец и сам нуждался в поддержке, она не хотела, чтобы он видел ее слабость. Мои родители погибли в авиакатастрофе за неделю до моего шестнадцатилетия, а ведь они тогда готовили для меня целый праздник. Одним словом, нам было о чем поговорить с Дженет.

После этого мы все делали вместе, все тяготы жизни в колледже переживали сообща, везде ходили вдвоем. В последний год обучения стали жить в одной комнате в общежитии. Как видите, мы и сейчас по-прежнему живем вместе. Не знаю, насколько хороша для нас была такая близкая дружба, потому что для других людей в нашей жизни просто не оставалось места. Даже ходили слухи, что мы лесбиянки.

Она замолчала и, улыбнувшись, покачала головой. Только сейчас они слышали свист чайника на кухне, вероятно, он кипел уже несколько минут.

Я приготовлю чай, — сказала Меган и направилась к двери. — Если вы здесь все выяснили, мы можем перейти в гостиную.

— Отлично. Я сейчас приду, через минуту.

Меган, поправляя халат на ходу, отправилась спасать пронзительно вопивший чайник. Питер окинул взглядом комнату Дженет Харрис, стараясь сообразить, все ли он посмотрел. Нет, есть еще одно место, где она могла хранить что-нибудь, что-нибудь очень личное. Он чуть его не пропустил.

Питер встал в ногах кровати и приподнял матрас. Держа матрас правой рукой, левой он достал дневник Дженет.

Вернув матрас на место, он прошел в гостиную, держа в руках дневник. Слушая, как Меган ходит по кухне, он задумался над тем, что она ему сказала.

Через минуту она вошла в комнату с подносом в руках, поставила его на Столик перед Питером. Дневник она не заметила.

— Слухи были правдой? — спросил он.

— Прошу прощения?.

Меган сделала вид, что не поняла вопроса, может быть, надеялась, что он не станет переспрашивать.

— Слухи были правдой? Вы с Дженет были любовницами?

Меган смотрела на него несколько мгновений, и по выражению ее лица ничего нельзя было понять.

— Прямой и некорректный вопрос.

— Не хотите обсудить эту тему? Что ж, не настаиваю. Но, может быть, вам захочется прочитать дневник Дженет прежде, чем это сделаю я?

Питер положил дневник на стол. По выражению лица Меган он понял, что она не знала о его существовании.

— Я его не открывал, но в нем может быть что-нибудь важное. Может и не быть. Если хотите, прочитайте его до меня, потому что я все равно должен выяснить, что случилось с

Дженет...

Он не стал продолжать.

Меган не проронила ни слова, взяла дневник и несколько мгновений просто смотрела на обложку. Открыла первую страницу, снова закрыла его и, опустив веки, положила подбородок на сцепленные руки.

— Давайте, сразу все выясним, мистер Окт... Питер. Я не считаю себя лесбиянкой, хотя ничего не имею против тех, кто таковыми является.

— Подождите, — перебил ее Питер, — Мне все равно, кто вы, и я не пытаюсь вас в чем-нибудь обвинить, заставить вас защищаться. Я никого не сужу. Прошу вас, не надо волноваться.

Меган смутилась, было видно, что этот разговор дается ей нелегко. Глубоко вздохнув, она продолжила: Я говорю вам это, потому что я вам доверяю, я никогда не сказала бы это полиции. Никто не знает, что именно может помочь найти ее, но кто-то ведь должен знать правду. Понимаете, я не считаю себя лесбиянкой, но, наверное, я могла бы сказать, что я бисексуальна. Я была с женщиной только однажды, очень давно, но мне кажется, что, если однажды это произошло, оно останется с тобой навсегда, и избавиться от этого невозможно. Вы не ошиблись, этой женщиной была Дженет.

За себя я не волнуюсь. В моей жизни нет человека, от которого я хотела бы скрыть правду. Но Фрэнку это знать не нужно, это просто убьет его. Он старомоден, а мы с Дженет очень разные. Ее личную жизнь нельзя назвать беспорядочной, я уже говорила, она очень закрытый человек. Однако, насколько я знаю, кроме меня, у нее было несколько любовниц, две из них уже в этом году. Трудно разговаривать об этом с человеком, которого совсем не знаешь, да я никогда и не говорила об этом, за исключением пары друзей.

Меган на минуту замолчала и посмотрела на Питера. Что-то в выражении его глаз подсказало ей, что она может говорить. Он излучал понимание, какого раньше ей встречать не доводилось, понимание, объяснить которое она не смогла бы. Казалось, она разговаривает с, очень старым человеком, много пережившим и понимающим твои чувства лучше тебя самого. Она успокоилась.

— Мы были любовницами почти год... Боже, как трудно об этом рассказывать... с лета первого курса, когда мы стали жить вместе. На следующее лето мы решили разъехаться, но потом поняли, что это не важно. Мне не хочется объяснять вам, что именно произошло, скажу только, что наши отношения прекратились. Мы продолжали оставаться добрыми, любящими друзьями, много времени проводили вместе. Но не более того. Мы встречались с мужчинами, иногда у нас возникали проблемы и сложные ситуации, причинявшие нам боль... тогда, казалось, все может вернуться, но...

К середине последнего курса и у меня, и у Дженет были постоянные партнеры, молодые люди. Я даже думала, что Дженет выйдет за Саймона замуж, наверное, она тоже так считала. Он нашел работу в 1 Центральной Америке, он фотокорреспондент. Она осталась здесь. У меня с Максом тоже ничего не получилось. Так что мы с Дженет вернулись к тому, с чего начали.

С тех пор у нее было несколько женщин. Меня другие женщины не привлекали, и отношения с кем-либо еще не сложились. Не знаю, почему так получилось...

— Бы должны радоваться, что в вашей жизни это произошло, — сказал Питер в наступившей тишине.

Казалось, Меган только сейчас поняла, как много она ему открыла, и собственная

откровенность ее потрясла.

— Я серьезно, вы должны радоваться. Очень мало кому посчастливилось по-настоящему любить кого-то...

Меган ждала продолжения, но он молчал.

— Дженет мой друг, Питер. У нас возникали разногласия, как бывает у всех, кто живет вместе. Я люблю ее и надеюсь, что вы сможете ее отыскать. Пожалуй, я больше не хочу об этом говорить. Спасибо вам за понимание.

— Будем надеяться, я смогу сделать что-нибудь существенное.

Питер понял, что Меган вдруг почувствовала необходимость защититься, и посочувствовал ей. Было ясно, что Дженет и Меган были друзьями, помогали друг другу, если жизнь была сложнее, чем обычно, поддерживали друг друга в трудную минуту. Конечно, их отношения вышли за пределы любви двух сестер, вместе сражавшихся с миром. Он надеялся, что Дженет жива, и ему совсем не хотелось, чтобы Меган думала, будто он вынудил ее сделать это тяжелое признание.

Глубина чувств и сила характера делали ее еще более привлекательной в его глазах.

— Хорошо, — сказал он, — вернемся к нашим делам. В ее жизни были мужчины?

Он чуть не сказал — в вашей жизни.

— Дженет очень милая, с сильным характером, хорошенькая. Мужчины обращают на нее внимание, но она редко приводит их домой, не приводила уже восемь или девять месяцев. Но и хорошую, надежную подругу найти в наше время довольно трудно. У нее никого не было больше года, я уже говорила. Мы становимся парочкой старых дев — что-то вроде того.

— Ну, в это трудно поверить, — совершенно серьезно проговорил Питер.

— Понимаете, Дженет боится завязывать отношения. Несмотря на все старания и предосторожности, она несколько раз оказывалась в очень сложных ситуациях, причинивших ей боль. Она не допускает к себе никого, кроме отца и меня.

Питер уже сомневался в том, что личная жизнь Дженет поможет ему отыскать ее, и расстроился. Если ее исчезновение или, что еще хуже, смерть — это случайность, он, может быть, никогда не найдет ее.

Меган уже весело болтала о парочке парней, которых Дженет приводила домой в разное время, а Питер все осматривал комнату. Неожиданно его взгляд наткнулся на изящный женский портфель.

Вспомнив пропавший с места убийства портфель, он спросил:

— А в чем были обязанности Дженет в компании?

— Что? — удивленно переспросила Меган. — В компании? Она работает в корпоративной компании, как и я. Сначала мы работали вместе, но я терпеть не могу политику. Дженет занимается созданием и роспуском корпораций, банкротствами и тому подобными вещами. А почему вы спрашиваете?

— Без особой причины. Догадка и никаких оснований. У нас мало информации, и я подумал, возможно, причина ее исчезновения связана с работой, а не с личной жизнью. Пожалуй, стоит обратить внимание и на это. Вы сказали, что работали с ее коллегами?

— Да уж.

— Не могли бы вы кое-что для меня сделать? Мне нужно точно знать, над чем работала Дженет, перед тем как исчезла. Может быть, дня за три или четыре. Вы сможете добыть для меня эти сведения?

— Ну, предполагается, что они должны помалкивать о своих делах, но я смогу получить нужную вам информацию.

— Отлично.

Разговор подошел к естественному завершению, и Питер встал, собираясь прощаться. Он надел куртку, и Меган проводила его до двери. Она протянула ему дневник.

— Вы не хотите сначала его прочитать? — удивленно спросил Питер.

— Нет. Я проверила дату первой записи. Скорее всего, там нет про меня ничего. Ну, может быть, несколько ностальгических фраз, но не больше того, что я вам рассказала.

Они посмотрели друг на друга, и Питер улыбнулся. Она рассказала ему о себе и о Дженет, думая, что это поможет, а возможно, ей нужно было с кем-то поделиться. Он боялся, что Меган рассказала ему все это только потому, что не хотела, чтобы он прочитал о ней в дневнике. Но нет, она знала, что там про нее ничего нет. Он был очень рад этому.

Меган снова улыбнулась.

— Если я сумею оказаться вам полезной, буду вашим помощником? Или кем?

— Или кем.

Она быстро поцеловала его в щеку.

— Спасибо за то, что вы из хороших парней.

Питер извинился, что пришел так поздно, сказал, что зайдет завтра вечером, часов в восемь. Прощаясь, он взял Меган за руку.

— У вас не так много друзей, — сказал он. — Мы ее найдем.

— Спасибо, — проговорила Меган, когда он уже начал спускаться по лестнице.

Питер вышел в холодную, тихую ночь, ему было хорошо. Город окутывал запах надвигавшегося снегопада, соленый привкус океана, лежавшего в нескольких милях. Зима была для Питера самым любимым временем года.

Открыв дверцу машины, он услышал громкие шаги и, подняв голову, увидел невысокого мужчину в черном костюме с белой полоской воротничка. Католический священник — пожилой мужчина — прошел мимо его машины.

— Припозднились, святой отец? — вежливо проговорил он.

— Божиим делам нет конца, — ответил тот совершенно серьезно и, не останавливаясь, прошел дальше.

Питер забрался в машину и завел двигатель.

«Это знак, — подумал он. — Только вот плохой или хороший?»

Церковь не жаловала таких, как он.

Через несколько минут он уже снова думал о Меган Галахер. Похоже, он не сможет забыть эту удивительную девушку.

Питер вернулся домой довольно рано, около трех утра, и читал еще пару часов. Он не слишком устал, но считал, что важно вовремя лечь. Он медленно разделся и аккуратно разложил одежду по местам.

Уже в белье, он закрыл дверь на плотную задвижку, затем проверил, на месте ли резиновая прокладка, закрывавшая щель между дверью и полом.

Затем он проверил окна, они оба были заперты, и Питер закрыл крепкие деревянные ставни с замками, которые сам устанавливал с внутренней стороны окон. Они плотно прилегали к рамам, а между ними были такие же резиновые прокладки, что и под дверью.

Все, квартира запечатана.

Всю ночь, как это часто бывало, голод постепенно накапливался в нем, и сейчас пел в

желудке дикую звериную песню. Пока Питер увлеченно читал, голод немного отступил, но стоило оторваться от книги, как он вернулся с новой силой, и теперь это была уже не песня, а настоящий гимн.

Точно ребенок, который не может решить, чем же ему подкрепиться, Питер стоял перед холодильником. Правда, рядом с ним не было родителей и некому было его отругать за впустую потраченное электричество, да и выбор был невелик. Питер с удивлением обнаружил, что в холодильнике осталось только четыре бутылки. Он мог бы поклясться, что, уезжая из города, он оставлял там по крайней мере восемь. А ведь уже не в первый раз он утолял голод и совершенно забывал об этом.

Нужно будет утром позвонить Джорджу. Питер знал Джорджа Маркопулоса еще с тех пор, как впервые приехал в Бостон, теперь это был его лучший друг. Когда-то Питер был вором, а потом и убийцей. Это и питание вынуждало его часто переезжать из города в город. Не важно, удачлив ли ты в своем ремесле, рано или поздно тебя все равно поймают. Поймать Питера не могли, но он не хотел, чтобы кто-нибудь открыл его тайну, и потому он бесконечно переезжал с места на место.

И вот однажды он оказался в Бостоне. Он был невыносимо голоден той ночью и, прежде чем покинуть город, решил выпить пинту-другую. Если бы он сразу ушел из Бостонской больницы, он и не заметил бы того грабителя — высокого белого парня, одетого в одежду черного цвета, осторожно проскользнувшего в дверь морга.

Вопреки здравому смыслу Питер осторожно прокрался к двери и, чуть-чуть приоткрыв ее, наблюдал, как вор один за другим открывал ящики с телами, будто проверяя имена на табличках. Питер сомневался, что этот человек просто хотел в последний раз попрощаться с близким человеком. Питер не успел и глазом моргнуть, как из-за угла появился доктор, седой мужчина уже пожилого возраста, который налетел на вора и, подмяв его под себя, повалил на пол.

Однако, прежде чем Джордж Маркопулос, патологоанатом Бостонской городской больницы, успел позвать на помощь, он оказался на спине, а большой нож с неровными краями — у его горла.

— Знаете, — прорычал вор, — пожалуй, вы не первый, кто умрет, задержавшись на работе дольше обычного.

Когда нож коснулся горла доктора, Питер, выпустив из рук бутылки, бросился на помощь. Прежде чем бутылки с грохотом упали на пол и вдребезги разбились, Питер повалил вора на спину. Для человека вор оказался очень ловким и быстрым: обеими руками он вонзил в тело Питера нож, и тот прошел в опасной близости от позвоночника.

С диким воем Питер изменил форму.

Остальное заняло всего несколько мгновений. Когда Питер снова принял облик человека, он чувствовал страшную слабость. Джордж Маркопулос мог бы убить его в тот момент, это было несложно. Однако доктор не сделал этого. Старый грек сразу понял, кто такой Питер, хотя никогда не верил в существование подобных созданий. Через несколько минут он уже вернулся в морг, держа в руках новые бутылки, наполненные кровью.

— Итак, что я должен сделать? — спросил он, с опаской подходя к Питеру.

Накормите меня, — с трудом проговорил Питер, и Джордж выполнил его просьбу.

Затем, чтобы побыстрее прийти в себя, Октавиан вылил пинту крови на рану, и Джордж с изумлением увидел, как она сама собой затянулась.

Как только Питер почувствовал себя лучше, они принялись наводить порядок в морге.

Прибираясь, они разговаривали, и Питер видел, что Джордж смотрел на него то ли с страхом, то ли с благоговением. Впрочем, Питер тоже был удивлен. Навряд ли возможно было объяснить полиции, что произошло, в таком состоянии находилось тело, и на Питера произвело впечатление, как просто оказалось спрятать труп для патологоанатома крупной городской больницы. Особенно в четыре утра.

В ту ночь, почти десять лет назад, он рассказал Джорджу о песне крови.

— Ах, дети ночи, — проговорил Джордж, улыбаясь, — так вот какую музыку они творят.

У них не было выбора: они стали друзьями.

И вот теперь, стоя перед открытым холодильником, осознавая, что в комнату струится холод, но не чувствуя этого, Питер заставил себя подумать, что утром нужно позвонить другу, который пойдет на риск, как он это делал всегда, чтобы только помочь ему. Тогда Питеру не будет угрожать опасность быть отброшенным назад, и песнь крови не принесет с собой смерть, разрушение, не заставит его выйти на охоту. Порой Питеру не хватало охоты, но чаще он тосковал по нормальной жизни, и он уж точно не хотел вновь заниматься этим.

Но нет, сегодня первая пинта легко и быстро проникла в его существо, Питер прикусил губу и выгнул спину; песня крови превратилась в симфонию, звуки неслись все быстрее и быстрее, по его телу пробежала дрожь.

Вторую пинту он выпил медленно, наслаждаясь каждой каплей, и песня все двигалась на крещендо. Питер начал постепенно успокаиваться, лишь когда вторая бутылка присоединилась к первой в мусорном ведре. Его разум и тело окутало приятное тепло, словно он оказался в уютном родном месте.

Песня, которая никогда не покидала его по-настоящему, словно пульсирующее сексуальное желание, постоянно требующее удовлетворения, сейчас немного стихла.

Все его существо охватил экстаз песни крови, оглушительной, мощной, провозглашающей свое могущество перед лицом каждого, кто осмелится к нему приблизиться.

— Король Джунглей приближается, — прошептал сам себе Питер, не в силах разомкнуть веки.

«Господи, — в который раз подумал он, — свежая кровь дарит в десять раз больше удовольствия и в десять раз больше силы. И ты несешься на крыльях песни крови в темноту ночи, и каждая новая ночь дарит тебе наслаждение...»

— Да, — сам себе напомнил он, — так и есть, если ты каждый раз заново питаешь ее.

Питер заставил себя отбросить эти мысли, забыть эти ощущения, одновременно сражаясь с сознанием того, что у Карла его образ жизни вызвал бы отвращение.

Вернее, уже вызывает. Вероятнее всего, его старый учитель знает, как изменилась жизнь Питера с тех пор, как они виделись в последний раз. Так же вероятно, что его возмущает философия, превратившая принца и воина в ночного вора и прислужника людей. Совершенно точно, что Карлу неприятно и стыдно было узнать, что его ученик и друг получает обманом или крадет то, что не хочет больше брать силой.

Но Карл смотрит на мир именно так. Он совершенно не понимал Питера в этом, а Питер не мог больше следовать представлениям старого немца, убежденного, что сила дает им право делать все, что захочется. Питер считал, что истинное могущество неразрывно связано с ответственностью: необходимостью копить знания и опыт, экспериментировать и делиться... особенно делиться с другими.

Утолив голод, он лег на кровать и, погрузился в сон, легко и бездумно, как перо, медленно падающее на землю. Только растущее предчувствие, что ученик скоро должен будет стать учителем, тяжелым грузом лежало на его рассудке.

Над землей проснулось солнце, и его лучи разогнали ночной мрак, и все ночные призраки скрылись в своих убежищах. Питер крепко спал, спрятавшись от дневного света. Он поставил будильник на время заката — время теней.

Анри Жискар поднял воротник пальто. День выдался холодный, а кардинал был уже не молод. Он прошел сквозь турникет отеля «Парк-Плаза» и быстро зашагал в сторону Биконхилл¹. Он снова чувствовал свой возраст, но, не обращая на него внимания, прекрасно с ним справлялся. Время от времени он оглядывался через плечо, но, казалось, никто за ним не следил. Впрочем, он прекрасно понимал, что за ним может гнаться стадо слонов и он ничего не заметит.

Вздыхнув, кардинал решил, что, скорее всего, зря беспокоится. Однако после того, что случилось в Риме, ему совсем не хотелось рисковать.

Он снова оглянулся.

Всю свою сознательную жизнь Анри посвятил церкви, он всегда был одним из уважаемых и честных служителей Бога. Теперь же, охваченный страхами, гневом и смущением, он прятался от той самой церкви, которой раньше отдавал всего себя.

С севера надвигалась буря, и Жискар чувствовал ее дыхание. Все так же быстро шагая, он заставил себя немного успокоиться, и услужливая память перенесла его в прошлое, минуя события, из-за которых он оказался именно здесь, минуя дни, когда он был приходским священником. Он думал о детстве, которое провел на Сицилии.

— Ты Жискар! — часто повторял его отец. — Ты должен уметь постоять за себя.

Его снова избили старшие мальчишки, и отец рассердился. В его жилах текла кровь одного из величайших воинов истории, как говорил его отец. Нормандец Робер Жискар и его сыновья в течение целого пека не давали покоя византийцам. Отец часто повторял, что Жискары и сейчас сражались бы с ними, если бы семья не пережила саму империю.

Это была прекрасная теория, но, когда доходило до дела, Анри совсем не чувствовал себя храбрым воином. Как раз наоборот. Ему казалось, что он сам, все его тело — это один огромный синяк. Ребенком Анри был слабым и болезненным, и, несмотря на то что изо всех сил старался гордиться своим именем и историей семьи, ему часто хотелось рассказать отцу о своих страхах. Но это было невозможно.

Благодаря словам отца он только напускал на себя гордый и пренебрежительный вид, из-за чего его еще чаще стали бить мальчишки.

— Осторожнее, святой отец.

Кто-то потянул его за рукав и, подняв голову, он увидел молодую женщину в деловом костюме. Прежде чем он успел спросить, что ей нужно, он увидел на ее лице беспокойство, а в следующее мгновение мимо него на безумной скорости промчалось несколько машин. Жискар чуть не оказался под колесами, пытаясь перейти улицу на красный свет.

Улыбнувшись, он поблагодарил женщину и тихо выругался себе под нос. Впервые с тех пор, как он был мальчишкой, он так нервничал и был так напуган. Но сейчас он был и разозлен. Обернувшись, Жискар посмотрел на свое отражение в окне ресторана. На вывеске было написано: «Беннигэн». В свои шестьдесят четыре года он все еще был худощавым, при росте более шести футов, и относительно здоровым. Он уставился на свое бледное, суровое лицо с голубыми глазами и роскошной седой шевелюрой, отражение сердито хмурилось, и он подумал, что у него есть на это причины. Жискар не мог позволить себе роскошь быть рассеянным — слишком высоки были ставки.

Молодая пара сидела по другую сторону окна, они пришли сюда пообедать и сейчас смущенно поглядывали на священника, который сердито смотрел, как они едят свои чизбургеры. Он снова улыбнулся и хихикнул — сценка рассмешила его.

— Извините, — одними губами произнес он, пожал плечами и двинулся дальше.

Жуткие события снова всплыли в его памяти, и он знал, что так будет до тех пор, пока ситуация так или иначе не разрешится.

Вечно зарабатывавший синяки маленький мальчишка, в чьих жилах текла кровь рыцарей Нормандии, постепенно превратился в робкого умного молодого человека. Воспитанный в жесткой католической вере, Анри мечтал получить более серьезное образование, чем те драгоценные крохи, которые выпали на его долю, и потому решил стать священником.

Они сейчас считал, что это было самое правильное и важное решение в его жизни.

Церковь дала ему образование, возложила на его плечи ответственность и необходимость исполнять божественную миссию. Став священником в маленькой церкви неподалеку от Палермо, он выучил французский, латынь, а затем и английский. В Париже получил сан епископа и в конце концов пять лет назад удостоился мантии кардинала.

Тогда он мечтал только об одном — оказаться в Риме. Его завораживала смена епископов и кардиналов, королей и королев, президентов и даже Пап. Годы, проведенные в Париже, открыли ему, что церковь точно так же подвержена коррупции, как и любая другая организация, управляемая людьми. Ему причинило боль открытие, что лишь немногие представители высших кругов католической церкви сохранили веру. Он знал, что вековая борьба за власть продолжается, только используются в ней более изощренные и тонкие приемы. Церковь пожертвовала благоговением и ощущением чуда ради земной, материальной власти, и порой Жискар испытывал физическое отвращение в присутствии тех, для кого сутана являлась всего лишь символом.

Однако в Риме каким-то непостижимым образом все обстояло иначе. Этот город успокаивал его и восхищал. Этот город вернул ему магию веры, придал ему сил и помог выстоять в борьбе с циничным миром, и Жискар, несмотря на возраст, с новым восторгом посвятил себя наукам. Днем он делился со своими братьями идеями современной теологии, а по ночам штудировал бесценные тома, имевшиеся в библиотеке Ватикана, все глубже и глубже погружаясь в ее богатства и узнавая совершенно поразительные вещи.

Сначала его не слишком беспокоило, что в библиотеке есть комната, в которую он не мог попасть, он обратил на нее внимание, лишь когда лихорадочно занялся целиком поглотившими все его мысли исследованиями таких сложных материй, как правда и реальность. Больше всего его огорчало, что он не знает, какие тайны скрыты от него. В это крыло библиотеки можно было войти только по особому разрешению Папы, но за время, проведенное в Риме, Жискар ни разу не слышал и не видел, чтобы кто-нибудь вошел в тайную комнату. Любопытство, как бы невинно ни звучало это слово, стало для него тяжелой ношей.

Однажды вечером Жискар, как обычно, читал в библиотеке, погруженный в свои исследования. Было довольно поздно, но он редко спал больше пяти часов в сутки и часто засиживался до ночи. Работа сегодня не шла, он почти ничего нового не узнал и страшно устал. Он снял очки и потер уже слипавшиеся глаза.

Освещение в этом самом старом из длинной череды старых помещений библиотеки было очень тусклым Жискар сидел за длинным дубовым столом на невероятно неудобном —

впрочем, других здесь и не было — деревянном стуле с высокой спинкой. Все в этой комнате было мрачным, старым и неудобным, казалось, обстановка комнаты подтверждала, его давнюю догадку: церкви, провозгласившей своей целью поиски правды, нет до правды никакого дела, ее интересует лишь подобие истины, и она встает на пути у каждого, кто попытается заглянуть дальше постулатов современной веры.

«Не удивительно, что свитки Мертвого моря вот у же несколько десятилетий находятся в руках переводчиков», — подумал он.

Разумеется, Жискар никого за это не винил. Никто не хотел знать правду, люди желали верить в то, во что они «должны» верить, — не более того.

Но, сидя на неудобном стуле в тускло освещенной комнате, в окружении тысяч древних томов, Анри Жискар понял, что именно он хочет знать. Он хотел знать все, что можно узнать, даже если ему не удастся до конца понять древнюю мудрость.

«Пусть сами наслаждаются своей косностью», — подумал он тогда.

О, как все это старо и цинично. Он знал, что рано или поздно это случится.

Он устал, в нем росло раздражение, а глаза болели от чтения при тусклом свете. Жискар находился к самом старом крыле библиотеки, здесь хранились самые древние книги. Только дубовая дверь у него за спиной, дверь в ту самую комнату, существование которой доводило его до бешенства, казалась старше самих книг. Он на минуту опустил голову на стол и прикрыл глаза, давая им отдых и стараясь успокоиться. Лишь позже, когда все уже свершилось, Жискар понял, что тогда он уснул за столом.

Ни полиция, ни сигнализация не отреагировали на появление в Ватикане незваного гостя. Он прошел по длинным, темным галереям и коридорам, где разгуливало эхо, миновал личные покои кардиналов и священников, незамеченным спустился в самое сердце Ватикана. Этот путь занял целых десять минут у того, кому не нужно было скрываться. Этот человек каким-то непостижимым образом проскользнул мимо трех служителей в первом зале библиотеки, неслышно прошел мимо спавшего Анри Жискара и наконец остановился перед запретной дверью. Если бы Жискар не спал, он поздравил бы его с успехом.

Он и по сей день не знает, что его разбудило, но, что бы это ни было, он проснулся. Он не поднял еще окутанную сном голову, не стал тереть глаза или зевать, но и не подскочил резко на своем месте.

Как обычно, не поднимая головы со скрещенных рук, Жискар легко вернулся в окружающий мир, словно и не покидал его.

Он несколько мгновений не шевелился, хотя не понимал еще, что произошло нечто необычное. Когда наконец он поднял голову, то быстро закрыл и открыл глаза.

Нет, сказал он себе, дело не в уставших глазах, просто плохое освещение.

Все же он снова потер глаза, надел очки, собрал свои вещи, книгу, которую читал, поставил на полку над столом, чтобы завтра легко найти ее. Он совсем уже собрался уходить и в последний раз взглянул на ненавистную, вечно запертую дверь.

Она была открыта. Широко распахнута. Жискар снова потер глаза и дважды моргнул, на этот раз совершенно сознательно. Дверь по-прежнему была открыта. Он бессознательно направился в сторону одного из небольших альковов, расположенных по обеим сторонам двери. Ему пришло в голову, что те люди, кому разрешено входить в эту, комнату, если таковые существуют, наверняка бывают здесь очень поздно, чтобы не вызывать ненужного любопытства у остальных. Он спал за столом, и они не могли не заметить его. Почему они не ушли? Может быть, возникла какая-то непредвиденная ситуация, но тогда и Ватикане

поднялся бы страшный шум И наконец, тот, кто открыл дверь, мог заявиться сюда без разрешения. Тогда следует позвать служителя.

Жискар решил не заходить в комнату и уже собрался отправиться на поиски служителя, когда вдруг заметил нечто, отблескивавшее металлом. Но ведь здесь нет ничего, кроме дерева, кожи и бумаги. Тусклый свет отразился от какого-то серебряного предмета, находившегося над дверью. Он столько раз смотрел на эту дверь, изучал ее с таким интересом и тщанием, так же как изучал книги, что знал наверняка, что на ней нет ничего металлического.

Еще не понимая, что собирается сделать, Жискар обнаружил себя стоящим в маленьком алькове, всего в нескольких дюймах от открытой двери, и изучающим металлическую полосу над ее верхней частью. Он увидел отверстие в дюйм высотой и примерно в два дюйма глубиной, а рядом — кусочек дерева, полностью закрывавший это отверстие. Внутри отверстия Жискар заметил множество разноцветных проводков, причем часть из них была перерезана, а также ряд помеченных цифрами кнопок, как на обычной панели системы сигнализации.

Они никому не доверяют!

Жискар наивно полагал, что приказ, в особенности отданный человеком, занимающим самую высокую ступень в церковной иерархии, — достаточное основание, чтобы остановить любого. Даже в самые дикие моменты, когда его терзало любопытство, он не смог бы нарушить волю Папы. Впрочем, он уже понял, что таких, как он, осталось совсем немного.

Оказалось, что внутри дверь сделана из металла и дерево только прикрывает его. Иными словами, перед ним была солидная, механизированная система со сложным замком.

Жискар вздрогнул и на мгновение перестал дышать.

Да, очень сложный замок. Но кто мог взломать его? Неужели этот кто-то все еще внутри?

Он едва мог дышать, но старался делать это как можно тише, весь охваченный желанием знать, охваченный любопытством, а ведь именно любопытство и убило кошку².

Жискар тихонько толкнул дверь, и, совершенно беззвучно, она раскрылась еще шире. В полнейшей темноте он шагнул через порог и замер на месте, чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце, как оно толкает его вперед, тогда как здравый смысл удерживает, требует вернуться назад.

Стена справа от двери тянулась примерно на двадцать футов и дальше терялась в темноте, а вот та, что находилась слева, почти сразу же исчезала в таинственном мраке. В этот момент Жискар совершенно сознательно принял решение, которое изменило и его жизнь, и жизнь многих других людей.

Он сделал шаг в глубину комнаты.

Перед ним было помещение примерно двадцать на пятнадцать метров, без единого окна. Рядом с единственным предметом мебели — невысокой стеклянной витриной — здесь горела лишь маленькая лампа, больше похожая на ночной светильник в его ванной комнате. На полу лежали какие-то инструменты, а перед открытой крышкой витрины стоял грабитель.

Подозрения превратились в уверенность, а потом и страх и сожаление, и Жискару страстно захотелось исчезнуть отсюда как можно скорее. Стремясь как можно быстрее уйти, он повернулся слишком быстро, ботинки скользнули по полу, зашуршали брюки.

Вор резко повернулся, будто его голову сильно дернули за веревочку, а кардинал все

смотрел на него, не в силах сдвинуться с места, словно находясь под гипнозом. Ожидая нападения, Жискар собрался уже спастись бегством, но в этот момент грабитель покачнулся, схватился за грудь и беззвучно повалился лицом вниз на мраморный пол.

Прежде чем кардинал осмелился осторожно приблизиться к телу незнакомца, прошло несколько минут. Пульса у грабителя он не обнаружил. Это был далеко не первый труп, который довелось видеть Жискару. Кардинал перевернул тяжелое тело, перед ним был старый уже человек. Жискар понимал, что должен кого-нибудь позвать, но он столкнулся с загадкой, а точнее, сразу с несколькими загадками. Знание и информация уже давно стали его близкими друзьями, но в глубине души он мечтал встретиться лицом к лицу с настоящей тайной. Его охватило почти непристойное удовольствие, и он постарался его прогнать — по его представлениям такая реакция оскорбляла погибшего незнакомца.

Что же хотел украсть этот человек? Жискару очень хотелось знать это. Он подошел к витрине и достал переплетенную в кожу книгу. Книга была в прекрасном состоянии, но кардинал сразу понял, что она древнее самых старых книг, имеющих в библиотеке. Открыв ее, он прочитал название на латинском языке: «Евангелие теней». Сразу было видно, что это латинское название написано значительно позднее, чем сам текст, и стиль показался Жискару современным. Он начал читать, и его охватило незнакомое, невероятно сильное, не поддававшееся контролю чувство, осознать которое он сможет лишь через несколько недель.

Ужас.

Он становился все сильнее, захватывал все его существо одновременно с благоговением и гневом. Шли минуты, и он все больше погружался в текст, содержащий запретное знание. Как мог Папа хранить такую книгу на святой земле? Неужели он верит в то, что здесь написано? Может быть, книга была спрятана именно потому, что Папа Римский считает, что она рассказывает правду? А как насчет него самого, верит ли он в то, о чем повествует книга?

Боже правый, а если все это правда, что он должен делать?

В предрассветной тишине города, хранящего древние тайны, кардинал не услышал божественного ответа. Достаточно. Он принял решение. До восхода солнца оставалось около полутора часов, и он знал, что не имеет права тратить время попусту. Держа книгу в руках, он осторожно прикрыл дверь. Затем спрятал книгу среди своих вещей, с которыми пришел в библиотеку, поднялся по лестнице, миновал двор и, никем не замеченный, вернулся в свои апартаменты. Быстро собрал вещи, взял документы, все деньги, что у него были, и книгу.

Когда он выходил, никто не задал ему ни одного вопроса. Когда кража была обнаружена, кардинал Лири Жискар находился на борту самолета, направлявшегося в Нью-Йорк. Его привычный мир перестал существовать, и сам он безрассудно катился в пропасть.

Неделю спустя он оказался в Бостоне, и сейчас, через три недели, уже инициировал несколько процессов и событий, которые, как он надеялся, позволят ему совершить невозможное. Анри Жискар намеревался уничтожить католическую церковь, хотя бесконечно повторял сам себе, что глупо надеяться, будто один вероотступник сможет нанести столь серьезный урон миру, где люди верят лишь в то, во что хотят верить.

Мимо него, держась за руки, прошли две девушки, и он молча пожелал им счастья. Тучный мужчина с гордостью демонстрировал всем огромный крест, украшавший его грудь, и Анри, жалея его, покачал головой. По улицам тоскующего по солнцу города брели бездомные, которых теперь было слишком много, но только им удалось избежать обмана

церкви и государства. Время от времени навстречу кардиналу попадались люди в деловых костюмах, твердо верившие в свою собственную свободу, однако кардинал был уверен, что ими так же манипулирует правительство, лжет им вот уже многие десятки лет.

Кто бы говорил?

Жискар с радостью принимал обман и веру, точно волшебный эликсир, который в действительности лишь укрепляет болезнь, требуя новых порций зелья.

— И кто же в таком случае глупец? — прошептал он, обращаясь к самому себе.

Самый большой глупец тот, кто видит правду, но все равно верит в то, что обладает свободой воли и возможностью действовать.

Впрочем, он-то как раз действует. Жискар не сомневался, что его деятельность не останется незамеченной. Хранители книги, вероятно, уже бросились в погоню, возможно, сейчас они за ним следят. Время от времени он оглядывался через плечо, но ничего необычного не замечал.

Как будто бы он, старик, видевший так много фильмов Альфреда Хичкока, смог бы понять, что за ним следят. Он улыбнулся собственным мыслям. Все равно необходимо соблюдать осторожность. Анри Жискар прекрасно знал, что щупальца Ватикана опутывают весь мир.

Он миновал еще один квартал отелей и ресторанов, пронзительных гудков автомобилей и кричащих водителей. Тормоза визжали, проклиная обладателей темных костюмов, спешащих на деловые ленчи, до Жискара долетали обрывки ничего не значащих разговоров, когда эти люди проходили мимо него.

В аллеях между домами разгуливал ледяной ветер, сердито толкавший прохожих в спины. Глаза Анри слезились, и он сжал зубы, дрожа от холода, убрал с лица выбившуюся прядь волос. Мрачное, свинцовое небо у него над головой предупреждало о надвигающемся снегопаде.

Он прошел еще один Квартал, повернул за угол и зашагал в сторону «Парк-Плаза». Он сделал громадный круг, направляясь к Бикон-хилл, затем двинулся назад, в неумелой попытке запутать возможных преследователей.

Внутри служащие и клиенты, представители всевозможных конфессий, демонстрировали ему почтение, которое прежде ею завораживало, а теперь казалось отвратительным. Он знал, что дело в его белом воротничке; когда-то сутана имела для него огромное значение, а для этих людей символизировала существование некоей силы или плана, а следовательно, существа или даже существ, его придумавших.

Ну что же, у него для них есть две новости: хорошая и плохая. Хорошая заключается в том, что они правы. Плохая — в том, что они правы. Жискар так много раз слышал, что нельзя слишком сильно чего-то хотеть: может так случиться, что ты это получишь. Только сейчас он понял, иронию этого утверждения.

Он прошел через вестибюль и оказался в ресторане, где подавали морепродукты. Метрдотель провела его по дорожке, извивавшейся среди столиков, за которыми сидели деловые люди за деловыми ленчами, туда, где его ждал Даниэль Бенедикт. Адвокат пришел достаточно рано, чтобы занять столик в популярном ресторане, и Анри с удовольствием опустился на стул. Впрочем, пора заняться делом. На лице Даниэля застыло мрачное выражение.

— Официантка подойдет через пару минут, — прошептала метрдотель и упорхнула.

— Добрый день, ваше преосвященство.

— Прошу тебя, Дэн. Я ценю твое уважение и манеры, но в этом нет необходимости. Называй меня Анри или отец Жискар, если тебе так хочется.

— Конечно, святой отец, извините. Итак, к нашим делам?

— Именно, — не стал спорить Жискар, но осекся, когда заметил, что Бенедикт рассеян. — Что-то случилось, Даниэль? Что-то не так с нашим планом? — спросил он, хотя видел, что тут нечто более серьезное.

— Нет, святой отец, здесь все в порядке.

Он медленно, тяжело вздохнул.

— Моя подруга, вы ее встречали — Дженет Харрис, — она работает со мной, так вот, она пропала. Исчезла. И никто не знает, где ее искать.

— Это ужасно.

— Извините, святой отец, полагаю, ваша сутана заставляет нас, мальчишек из католической школы, открывать свои тайны.

Снова проклятая сутана!

— Мы с ней не то чтобы встречались и все такое, но она мне очень нравится. Извините, мне, пожалуй, лучше помолчать.

— Нет, Даниэль, — искренне перебил его Жискар. — Не стоит из-за меня молчать с своих проблемах. Это действительно ужасно.

— Ладно, давайте займемся делом. Может быть, это поможет мне перестать о ней думать.

Пришла официантка, и у Анри появилась возможность внимательно взглянуть на своего друга. Он явно слишком много работал и был расстроен, но это и мешало ему оставаться хорошим человеком. Неожиданно Жискар подумал, что его проблемы могут доставить Даниэлю массу неприятностей, но он не мог без него обойтись. В конце концов, какой может быть вред в создании церковной организации, не приносящей прибыли? Разумеется, все зависит от того, что она проповедует... или публикует.

— Что вам заказать, святой отец?

— Хм-м-м...

Жискар улыбнулся официантке.

— Принесите мне то же, что и ему.

Метрдотель провела Лиаму Малкеррина к столику, расположенному неподалеку от того, за которым сидели вероотступник Жискар и адвокат Бенедикт. Он сел спиной к ним.

Потягивая вино, он решил, что внешность Бенедикта обманчива — среднего роста, всего лишь пять фунтов восемь или девять дюймов, не больше, приземистый, с хорошо развитой мускулатурой (видимо, занимается в спортивном зале), светлые волосы подстрижены коротко, почти на военный манер. Гладкая кожа делала бы его похожим на мальчишку, если бы не выступающий квадратный подбородок и очень серьезные глаза.

«Похоже, он человек дела», — подумал Малкеррин.

Впрочем, внешность часто бывает обманчивой. Он следит за ним вот уже несколько дней, в суде, в барах, слушает выступления и самые обычные разговоры. У Бенедикта острый ум, его можно назвать генералом среди простых солдат.

А значит, его нужно убить как можно скорее.

С другой стороны, кардинал должен оставаться в живых ровно столько, сколько понадобится, чтобы узнать, где он спрятал книгу. Несмотря на то что Малкеррин поклялся в

верности Ватикану, вовсе не желая начальства питали его стремление добиться успеха. Вперед его толкали собственные планы и сила. Он был единственным существом на земле, которому удалось освоить знания и обрести умения, описываемые в книге. Он запомнил наизусть все, что там говорится. Разумеется, есть и другие, кто приступил к обучению, те, кого он начал тренировать, но им еще нужно пройти длинный путь, а старые мастера мертвы.

Его ученики и последователи (он позволит себе такой небольшой грех) должны закончить эту школу. Он не может в одиночку управлять силами, о которых говорится в книге. Но он поведет за собой своих учеников, а они, в свою очередь, получают власть над тьмой, и он обретет огромное могущество. Истинное могущество.

Священнодействие, организовать которое он так старательно убеждал своего начальника, Гарбарينو, всего лишь первый этап его плана. Прелюдия к нему уже началась в самых разных уголках мира. Но прежде, чем наступит чудесный день, он должен вернуть книгу.

Дождаясь, когда подойдет официантка, чтобы взять заказ, он принялся тихонько постукивать пальцами по столу. Любой из посетителей ресторана, взглянувший на него, решил бы, что видит человека, погрузившегося в размышления. Малкеррин действительно был сосредоточен, но занят он был отнюдь не размышлениями. Он внимательно прислушивался к разговору, который вели мужчины через два столика от него.

Большую часть из того, что он слышал, он уже знал, но по-прежнему с трудом сдерживал гнев. Жискар действовал быстрее, чем предполагал Малкеррин. Частично виновен в этом был Бенедикт, в стране идиотов Жискару удалось найти компетентного юриста. Малкеррин снова напомнил себе, что нужно как можно скорее его убрать.

Возможно, стоит прибегнуть к помощи духов тумана, подумал он и улыбнулся про себя. Прежде это называли колдовством — во времена, когда мир верил в такие вещи.

Когда Малкеррин покончил с ленчем из креветок и салата, разговор за соседним столиком перешел на личные темы. Когда Жискар и Бенедикт принялись обсуждать родных и друзей, а потом политику и погоду, ему стало совсем неинтересно. Порадовало его только то, что Бенедикт живет один.

Малкеррин заметил, что в разговоре они не касались вопросов религии.

Он уже оплатил счет и пил кофе, совсем не чувствуя его вкуса, когда Жискар и Бенедикт встали и надели пальто. Когда они направились к выходу, он поставил чашку и поспешил за ними.

За одним из столиков мать ругала сына за то, что он не доел омара, мальчишка ей улыбнулся, и она тут же успокоилась и замолчала. Симпатичная официантка мило улыбалась паре, которая жаловалась, что их слишком долго не обслуживают, а когда он проходил мимо, она довольно грубо посоветовала им заткнуться.

Едва обратив на нее внимание, он вышел и, стоя в фойе, наблюдал, как Жискар и Бенедикт попрощались, кардинал направился к лифту, а Бенедикт — к выходу из отеля. Лиам пошел за ним.

Оказавшись на улице, он обнаружил, что ветер немного стих, и снег, медленно кружа, падает на землю. За час его набралось совсем немного, но небо посветлело и стало почти белым, значит, скоро начнется настоящий снегопад. Бенедикт направлялся в сторону правительственных зданий, в свою фирму «Клермонт, Миллер и Мур», и святой отец Лиам Малкеррин последовал за ним, не привлекая к себе внимания.

Снег пошел сильнее, и огромные снежинки устремились к земле В двух кварталах от здания, где находилась юридическая контора Бенедикта, Малкеррин начал творить заклинание. Его руки тихонько подрагивали, пальцы сгибались и разгибались, рисуя в воздухе круги. Едва слышно он пробормотал несколько гортанных звуков. Несмотря на сложность заклинания, он легко с ним справлялся, и в квартале от нужного здания оно было завершено; когда Даниэль Бенедикт вошел внутрь, Малкеррин был уже там Часть его сознания по-прежнему оставалась с телом, замершим с закрытыми глазами на углу улицы, на случай, если кто-нибудь потревожит его телесную оболочку. Другая же часть поднималась вместе с Бенедиктом в лифте, предельно сосредоточившись на том, что ему предстояло сделать.

Глядя, на мир глазами Даниэля Бенедикта, Лиам Малкеррин увидел, что к нему направляется симпатичная женщина, услышал, как она поздоровалась. Больше всего в этом заклинании Малкеррину нравилось то, что человек, в которого он вселялся, не подозревал о его присутствии. Он мог разделять его жизнь на протяжении нескольких часов, но только тот, кто обладал высшей духовной организацией, мог его почувствовать. Огорчало только, что он не мог читать мысли человека, в чье сознание проник.

Проникнув в сознание Бенедикта, Малкеррин наконец расслабился. Он искал какую-нибудь информацию, пусть даже неполную и обрывочную, которая поможет ему отыскать книгу.

Женщине было лет тридцать или чуть больше, черные волосы и серые глаза.

— Мартина.

Бенедикт помахал рукой.

— Что случилось?

— Я тебя ищу, Дэнни.

— Если у нас проблемы, я не хочу о них слышать. Я решил сегодня уйти пораньше. Хочу немного отдохнуть.

— Это про Дженет, — сказала женщина.

Малкеррин почувствовал, как; вздрогнул Бенедикт.

— Есть новости? — спросил он с надеждой в голосе.

— Ну, все довольно странно. Похоже, ее отец нанял частного детектива, и он обратился к Меган за помощью. Она приходила сегодня, попросила данные о последних делах Дженет. Я кое-что ей дала — записки, файлы, календарь Дженет. Но сказала, что вел большинство этих дел ты, и, если нужны подробности, ей следует поговорить с тобой. Она оставила номер своего рабочего телефона у тебя на столе.

Даниэль несколько минут молчал.

— Надеюсь, я поступила правильно, — добавила Мартина. — Она сказала, что вернет все в понедельник.

— Хм-м-м. Да-да. Все в порядке. Спасибо.

Малкеррин рассердился. Его миссия начала осложняться, а он этого не выносил. Когда Бенедикт направился к своему рабочему столу, священник принялся обдумывать следующий шаг.

На столе Дэн обнаружил номер телефона Меган и, взяв телефонную трубку, опустился на обитый кожей стул. Малкеррин мгновенно запомнил номер. Бенедикт нервничал, слишком быстро нажимал на кнопки, ошибся. Со второй попытки у него получилось.

— Чейкин и О'Нейл.

— Позовите, пожалуйста, Меган Галахер.

— Извините, Меган уже ушла. Да и мы закрываемся из-за снегопада. Может быть, вам сможет помочь кто-нибудь другой?

— Нет-нет, я попытаюсь связаться с ней завтра.

Бенедикт повесил трубку и принялся листать свой ежедневник. Он остановился на записи: Дженет Харрис, 685-2033. Малкеррин запомнил и этот номер, а на лице стоявшего на улице священника, чью голову укрывала шапка снега, появилась насмешливая улыбка.

Бенедикт записал номер на листке бумаги и положил в правый карман. Затем взял портфель и вышел из конторы. Пальто он таки не снял.

Малкеррин покинул сознание Бенедикта и вынужден был несколько раз моргнуть, чтобы сфокусировать глаза. Открыв их, он увидел, что на него смотрит молодой человек с сигаретой во рту. Теперь ему придется избавиться от этого наблюдателя, кем бы он там ни был, а еще от женщины по имени Галахер.

Он проследил за тем, как Бенедикт скрылся за белой пеленой снега, и улыбнулся, подавив раздражение от мысли о том, что ждет юриста сегодня вечером.

Было раннее утро, когда Питер Октавиан вдруг сел на кровати. Он вглядывался в темноту и видел не свою квартиру, а нечто иное. Он еще не до конца проснулся, но уже и не спал.

Сквозь сумрак своей комнаты, за пределами города, океана и половины другого континента его мысленный взор обратился к маленькой комнатке в южной Германии. Там мирно спал его друг и бывший наставник Карл фон Рейнман. На плече у него спала девушка, которую Питер никогда раньше не видел.

Октавиан познакомился с немцем в ночь своей смерти, более пятисот лет назад. По правде говоря, именно Карл убил его, это было нечто вроде контракта между ними. Питер стал одним из клана фон Рейнмана и повсюду следовал за ним вместе другими одиннадцатью его членами. Именно Карл назвал его Октавианом, Питер был восьмым в его списке.

Постепенно отношения между ними изменились. Питер родился воином, но со временем он устал от этой жизни. Он оставил клан в Бостоне на рубеже двадцатого века и решил самостоятельно заняться изучением своих собратьев. Он многое узнал и изменился. Питер попытался убедить Карла, что он и остальные члены их клана уничтожают сами себя, что в них одновременно и больше, и меньше от людей, чем им хочется думать... или они в состоянии увидеть. Но его старый друг был не в состоянии слышать это. Карл смог простить Питера только рассудком, в сердце он по-прежнему считал это предательством.

Сейчас, в своей квартире в Бостоне, Питер сидел совершенно неподвижно, глядя в стену как замороженный. Между ним и Карлом существовала духовная связь, возникшая во время трансформации Питера. Он мог в любой момент увидеть, что делает Карл, стоило только захотеть. Однако в этот раз он не пытался смотреть. Ему показывали происходящее, и Питер не имел ни малейшего понятия почему. Он был всего лишь беспомощным зрителем.

Проснуться было легко. Еще мгновение назад Карл крепко спал, сейчас он просто лежал, широко раскрыв глаза. Он слишком поздно почувствовал чужое присутствие у дверей. Топор ударил в толстое дерево. Очень осторожно Карл попытался разбудить девушку, Уну. Она заменила первую, которую безжалостно убили меньше полугода назад. Новая Уна, прежде ее звали Мария Эрнандес, прошла превращение около недели назад. Она была пьяна от выпитой крови, и, как ни старался Карл, он не мог разбудить ее.

Он оставил ее на кровати.

В спальне не было окон — мера предосторожности. Если за дверью только один незваный гость, Карл может подождать его в темной комнате и убить, когда он войдет. Впрочем, интуитивно Карл понимал, кто пришел за ним, и знал: они не настолько глупы, чтобы посылать к нему одного или двоих.

Он схватил покрывало, валявшееся в ногах Уны, и набросил его на себя, прикрыв лицо, словно капюшоном плаща. На всякий случай. Затем выбежал в прихожую. Топор снова опустился на дверь, и в комнату ворвался дневной свет. На лице Карла мгновенно появился пылающий шрам. Он быстро отскочил в сторону.

Что сказал ему Октавиан примерно полвека назад?

Если ты будешь верить, ты сгоришь.

Карлу было трудно сосредоточиться. В прихожей он уперся рукой и ногой в стены и поднялся на несколько футов вверх, толкнул деревянный прямоугольник — дверцу на чердак — и сдвинул его в сторону. Стараясь не шуметь, он подтянулся и как раз в тот момент, когда от входной двери отлетел большой кусок и внутрь просунулась рука, чтобы открыть замок, вернул дверцу на место.

Бедняжка Уна.

Услышав тяжелые шаги в доме, Карл повернулся к чердачному окну. Решетка с внутренней стороны, потом стекло, снаружи ставни. Он подобрался к окну, стараясь не шуметь, двигаясь так, как сам учил их всех на протяжении стольких лет. Он снова подумал про Октавиана.

«Если ты будешь в это верить, ты сгоришь», — твердил тот.

Карл попытался убедить себя, что не верит христианской легенде, не верит в миф. Но когда ты являешься частью мифа, трудно понять, что правда, а что нет.

Октавиан утверждал, что именно церкви каким-то образом удалось сочинить легенду о физических слабостях бессмертных существ, а после ей удалось убедить его несчастных предков, что эти слабости — не выдумка. Так вот и получилось, что, несмотря на их способность совершать и ужасные, и замечательные вещи, они сами себя и уничтожали. Что-то вроде самоубийства.

Если ты будешь верить, ты сгоришь.

Снизу послышались крики. Они разбудили Уну, и, к несчастью, она верила в легенды. Лампы в спальне, старинное устройство с медленно вращающимся вентилятором были установлены кем-то не слишком умелым, и в потолке остались щели, сквозь которые Карл видел, что происходит в комнате.

Ему совсем не хотелось на это смотреть. На теле Уны, появился ожог — серебряный крест, который держал в руке мужчина с черными волосами, оставил на ней этот след. Девушку удерживали на месте другие кресты в руках его спутников, еще один мучитель прижал христианский символ к ее глазам, и они лопнули, точно пузыри. Затем они сожгли ее грудь, и на месте нежных сосков с розовым ореолом появились уродливые ожоги. Если Октавиан сказал правду, девушка стала жертвой своей веры в силу креста.

«Если ты будешь в это верить, ты сгоришь».

Карлу нестерпимо хотелось спуститься вниз и уничтожить их всех, заставить страдать, как страдала сейчас Уна. Но в комнате их было слишком много, к тому же кто-то остался на улице, и Карл не знал, сколько их там.

— Мы знаем, что ты здесь, вор и убийца. Иди сюда, и мы отпустим твою подружку. Выходи, пока мы не сделали с ней что-нибудь посерьезнее.

Карл с трудом удержался, чтобы не ответить им, контролировать свой гнев было трудно, никогда ранее он не чувствовал такой сильной ярости. Крест коснулся живота и ног девушки. Двое мужчин схватили Уну за лодыжки, раздвинули ноги и бесцеремонно засунули серебряный крест ей между ног. Черноволосый мужчина, видимо главарь, схватил крест обеими руками и принялся его поворачивать, словно взбивал масло. В теле Уны оказалось, наверное, шесть дюймов проклятого металла, который жег и рвал все на своем пути, уничтожая все, с чем соприкасался.

Уна перестала кричать, ее вырвало кровью.

Карл почувствовал запах керосина, вероятно, они собирались поджечь и Уну, и кровать,

и сам дом. Единственный способ положить конец ее мучениям находился у него за спиной.

Он быстро подошел к окну и, стараясь как можно меньше шуметь, вырвал прутья решетки. Они все равно его слышали.

— Чердак! — крикнул один из них.

Можно было подумать, что до сих пор им не приходило в голову, что он может скрываться там.

У Карла фон Рейнмана не было времени, чтобы подумать над словами своего ученика. Если он хочет спастись, если есть способ спасти Уну, ему придется принять на веру все то, что говорил ему Октавиан. Он на мгновение закрыл глаза и сосредоточился на словах Питера. Сделав четыре шага, Карл разбежался и выбросился в окно. Звон разбитого стекла и грохот отвалившихся ставен рассказал его врагам, что он сделал... Такого поступка они от него никак не ожидали.

Карл упал на землю, усыпанную осколками, отчаянно стараясь не растерять своей новой веры. Он жалел, что не может пройти превращения, но знал, что это потребует напряжения и, следовательно, отвлечет от происходящего, а значит, будет для него губительно. Если хотя бы на короткое мгновение он позволит себе испугаться, если потеряет ориентацию на долю секунды, к нему может вернуться заблуждение, которое жило в нем на протяжении многих веков, уверенность в том, что христианский миф говорит правду. И тогда он сгорит.

Поднимаясь на ноги, он улыбался, и если бы мог позволить себе попусту травить силы, то расхохотался бы. Октавиан, его сын, оказался прав.

Карл увидел, как трое мужчин, стоявших во дворе, впереди которых шагал человек с топором в руках, двинулись на него. На них не было ритуальных одежд, но он сразу понял, кто они, — так мышь всегда узнает кошку, не важно, какой она породы. Это представители Ватикана Священники!

Наверное, не следовало удивляться. Он только не ожидал, что возмездие наступит так рано.

Карл принялся к воздуху: еще двое вышли из задней двери и прятались за домом, один сидел на крыше. На крыше! Неужели они думают, что он, как Санта-Клаус, сможет подняться по трубе? Нет, они совершенно точно знают, кто он такой, и явились, чтобы его уничтожить. Страдания Уны ничто по сравнению с тем, что они, вероятно, приготовили для него.

Священники уже почти подошли к нему, и он приготовился к сражению: губы сжаты, чтобы не растерять темноту, заключенную внутри его. Он не сгорел, но солнце причиняло ему страдания. Оно жгло спину, вонзая в тело острые иглы боли, и эта боль медленно поднималась к голове.

Человек, сидевший на крыше, прыгнул, оказался у него за спиной, в руках он держал нечто вроде сети. Другой человек бросился к нему, сжимая в руке серебряный кинжал. Фон Рейнман почувствовал, как уязвимо его сердце, когда-то, много веков назад, когда он еще был человеком, он так же боялся за свои глаза и свое мужское достоинство. Он двигался быстрее, чем они: одним уверенным движением отбросил сеть и оттолкнул нападавшего, одновременно он швырнул на землю человека, державшего кинжал, хотя тот находился в нескольких ярдах. Мужчина с сетью еще только начал подниматься, но фон Рейнман уже с силой ударил его по голове. Череп треснул, и с едва слышным хлюпающим звуком фон Рейнман вытащил ногу.

Его тут же окатила волна запаха, и он вспомнил вчерашний пир и бедняжку Уну. Он ощущал аромат их крови; слышал, как бьются их сердца. И этот запах, и этот звук звали его, требовали утолить жажду, насытить желание и голод.

Подняв голову, Карл увидел, что в нескольких ярдах от него замерли два священника, один из них держал в руках топор. Их товарищ, тот, что держал в руке серебряный кинжал, поднялся с земли и собрался атаковать его сзади. Карла охватила ярость: болван пытался застать его врасплох. В последний момент он развернулся и издал хриплый рык. Только ненависть в прищуренных глазах говорила о его гневе и боли. Эта священники и монахи, жалкие, словно слишком уверенные в себе дети, сами по себе не имели никакого значения. Но они представляли для него опасность. Очень тихо, едва слышно Карл принялся повторять:

— Ты не веришь, не веришь.

И у него получилось. Почта незаметным движением он чуть сдвинулся в сторону, схватил руку с кинжалом и выдернул ее из сустава. Человек дико завопил, а из свежей раны фонтаном брызнула кровь. Карл притянул его к себе и вонзил серебряный кинжал в живот с такой силой, что острие вышло с другой стороны, а рука Карла погрузилась в его живот. Ногтями другой руки он вцепился в лицо врага и сорвал с него кожу, обнажив кости и мышцы.

Фон Рейнман легко поднял тело в воздух и бросил его в двоих священников, что по-прежнему неподвижно стояли в стороне.

В этот момент он понял, что чувствует другой запах, запах огня: он не ощущал его до этого, ведь его перекрывал сильный запах крови.

Горел его дом. Эта уроды у задней двери не атаковали его только потому, что решили поджечь дом. Теперь он не сможет вернуться туда, они уничтожили и все сокровища, которые он собирал целый век, и тело Уны.

Вот теперь Карл разозлился по-настоящему.

Двое мерзавцев, которые подожгли дом, бросились к нему, и ему пришлось повернуться к ним, хотя за спиной у него остался человек с топором. Эти двое показались ему не слишком опасными, и он хотел уже отвернуться, но тут один из них швырнул в Карла серебряный кинжал. Карл не ожидал нападения и едва успел увернуться, — кинжал чудом не попал в сердце... Карл закричал.

Какая страшная боль! Клинок обжег его тело; ругая себя за неосторожность, он с трудом его вытащил.

«Нет никакой боли», — сказал он себе не слишком уверенно.

Октавиан ничего не говорил про серебро. Может быть, это тоже часть обмана, жертвой которого стал его народ, обмана, несущего смерть? Эти мысли смутили его, он начал терять концентрацию. Что — правда, а что — нет?

«Я не верю», — мысленно твердил он.

Боль постепенно отступала, но слишком поздно, потому что нападавшие начали смыкать круг.

В руках одного из них блеснул топор. Опасаясь, что он может быть серебряным, Карл вонзил кинжал в шею священника, державшего топор в руках. Голова священника отделилась от тела, повисла на позвоночнике, и, сделав несколько шагов, он рухнул на землю.

Остальные трое были очень похожи между собой, Карл заметил это даже в пыли

поединка. Вероятно, это братья Монтези, щенки покойного колдуна Винсента Монтези. Карл не отступал, но был смущен, немного рассеян и, возможно, напуган. Совершенно точно, что удар в сердце должен был прикончить такое существо, как он, серебро причинило ему сильную боль. Значит ли это, что легенда говорит правду? Почему солнечные лучи жалят его так сильно? Где же правда?

Священник, стоявший слева от него, положил руку под куртку, Карл не мог позволить ему достать еще один серебряный кинжал. Только в следующее мгновение он понял, что священник просто отвлек его внимание: другой нападавший уже держал в руках огромный серебряный крест. В голове у Карла роилась тысяча вопросов, но он не успел найти ни одного ответа: крест коснулся его лба, и он завыл от боли.

Крест обжег его, он почувствовал запах горячей плоти. Этот запах был сильнее запаха дыма, доносившегося от горевшего дома. Теперь его дом превратился в погребальный костер. Они потащили его к огню. Карл споткнулся, упал, и священники повалились на него. Он собрал воедино всю свою бессмертную силу, кто-то вонзил кинжал ему в спину, но он сумел отшвырнуть их от себя и вскочил на ноги. На одно лишь мгновение он потерял ориентацию и посмотрел вверх, на солнце... И пронзительно закричал: лицо его задымилось, загорелась одежда, глаза почернели в глазницах, а волосы и лицо охватило пламя.

Карл фон Рейнман вспыхнул, словно огненный столб, и сгорел, остались лишь тлеющие обрывки одежды и тонкий черный пепел.

Священники перекрестились и принялись бормотать молитвы. Один из них собрал часть пепла, в который превратился вампир, в маленький пластмассовый флакон, чтобы останки нельзя было собрать воедино. Затем, они подтащили тела своих товарищей к дому и бросили их в огонь. Снова произнесли молитву и отправились восвояси.

— Я и не думал, что с ним будет так трудно, — сказал Томас Монтези.

— Я тоже, — проговорил его брат Исаак. — Он был очень старым. Я был уверен, что он-то все еще верит.

— Да, — сказал Роберт, самый младший Монтези, — но в конце концов он все равно поверил опять. Это самое главное.

— Скорее всего, — возразил Томас, — его святейшество захочет, чтобы мы расследовали это дело.

— Да, — согласился с ним Исаак. — Ему будет интересно, каким образом этому старому вампиру удалось узнать правду. Значит, работы у нас много.

— Это возможно... — проговорил Роберт. — Правда, только если мы ему скажем. Кроме того, когда он вернется из паломничества, нам будет чем заняться.

Все трое улыбнулись и дружно принялись насвистывать песенку, которую слышали в баварской гостинице накануне вечером.

Почувствовав запах горелой плоти, Питер Октавиан пришел в себя. Это произошло не резко, как бывает после кошмара, не медленно и лениво, как после долгого глубокого сна. Он просто очнулся. Еще мгновение назад он был не в силах пошевелиться, а сейчас мог и двигаться, и думать, оглядывая окутанную мраком комнату. Сбитый с толку, он попытался осознать случившееся. Никогда контакт с Карлом, даже если они осуществляли его по собственной воле, не был таким ярким и четким. Питер был не в состоянии проанализировать то, что только что увидел. Думая обо всем этом, он твердо понял только одно: убийцы его друга должны заплатить за содеянное.

Однако подробности начали быстро стираться из его памяти. Он знал, что люди, напавшие на Карла, приехали из Ватикана, но их лица теряли очертания, постепенно расплывались, становились неузнаваемыми. К счастью, при этом стали растворяться и самые отвратительные подробности сражения. Остались лишь голые факты. Карл мертв, возможно, его убили церковники. Ватикан редко устраивал охоту на таких, как он, это случалось, только если кто-нибудь бросал вызов церкви.

Питеру отчаянно хотелось отомстить, он испытывал мучительное чувство вины. Он знал, что ничего не мог сделать, но все равно злился на себя. Может быть, если бы он не оставил Карла, Александру и остальных членов клана накануне Нового года почти сто лет назад, может быть, Карл был бы жив... Впрочем, Питер понимал, что думать об этом глупо. Нужно решить, что делать дальше.

Он встал и принялся расхаживать по комнате, сел на кровать, снова встал, обошел комнату по кругу и неожиданно понял, что сейчас он не должен делать ничего. Питер скорбел о своем давнем друге, но он знал, что другие члены клана географически находятся ближе к Карлу и им придется начать расследование без его участия. Сначала он должен довести до конца свои дела в Бостоне. Питер понимал, что клан не слишком будет рад видеть его, но надеялся, что без него они не станут мстить. Рано или поздно Карл будет отомщен, Питер знал это наверняка.

Зазвонил телефон, и он осознал вдруг, что все еще задыхается от ярости. Он сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и взял трубку после третьего звонка.

— Октавиан.

— Питер, это Тед Гардинер.

— А-а-а Что случилось, Тед?

— Хм. Слушай, если я не вовремя, я позвоню в другой раз.

Питер все же не сумел справиться с яростью, и голос выдал его. Нет смысла рассказывать о том, что случилось.

— Нет, я в порядке. Слушаю тебя.

— Я добыл дело об исчезновении Дженет, так что можешь его забрать, когда тебе будет удобно. Там нет ничего особенного, но я уверен, ты сможешь извлечь из собранных сведений больше, чем удалось нам. И ты просил позвонить по поводу убийства в гараже вчера вечером. Помнишь, тот парень, Роджер Мартин? Он засиделся на работе допоздна, делал что-то срочное по просьбе своей начальницы. Впрочем, она говорит, что он часто оставался после работы.

— А конкретно что он делал? И для кого?

— Знаю только, что для церкви. После работы он отправился в «Открытый дом» пропустить пару кружек пива, но его жена говорит, что это необычно. На него напали, когда он вернулся за машиной. Когда уборщик придет в себя, мы сможем узнать больше. Доктора совершенно уверены, что он выживет.

— Спасибо, Тед. Держи меня в курсе.

— Питер? Ты, правда, в порядке?

— Я отлично, Тед. Устал немного. Извини.

Повесив трубку, Питер почувствовал себя спокойнее, и ему стало стыдно, что он так резко разговаривал с Тедом, но горечь потери не проходила. Неожиданно прозвенел будильник и испугал его. Питер выругался и сбросил его с тумбочки. От удара пластиковое окошко треснуло, и Питер снова выругался.

— Прекрати, — приказал он себе.

Сделав глубокий вдох, Питер задержал дыхание и только через несколько секунд медленно выдохнул. Он изо всех сил пытался справиться с охватившими его чувствами. Гнев, страх, горе охватили его сердце. Стараясь хоть немного успокоиться, он подошел к окну, широко распахнул ставни и вдохнул холодный ночной воздух.

Ночной воздух? Действительно, ведь уже прозвонил будильник! Питер понимал, что видение, или что бы это ни было, посетило его на рассвете, почти сразу после того, как он заснул. Казалось, это случилось пару минут назад. Он не нуждался в сне, точнее, почти не нуждался, но сейчас он чувствовал, что очень устал.

Питер мрачно ухмыльнулся. Грешники не имеют права на отдых.

Отвернувшись от окна, он принялся разглядывать свою коллекцию, он все прекрасно видел в темноте. Картины и статуэтки были самыми разными и по темам, и по стилю. Одни — спокойные и чувственные, другие — свирепые, пронизанные темами насилия. А чуть в стороне, в углу, на мраморной подставке стоял бюст, выполненный в традиционной манере. Когда-то он объяснял их сходство, называя этот бюст портретом своего отца.

«Теперь же, — подумал, он, — придется говорить, что это его пра-пра-прадедушка».

«Открытый дом». Там последний раз видели живым Роджера Мартина, там же видели и Дженет Харрис, тоже последний раз. Совпадение, скорее всего. Однако о нем не следует забывать.

Некоторое время Питер стоял, будто разглядывая свою комнату. Затем, чувствуя, что начал понемногу успокаиваться, хотя на сердце у него по-прежнему было тяжело, он начал готовиться к ночи. Ему предстояло встретиться с Меган в восемь часов, и он уже опаздывал. Питер надеялся, что она сделала то, что обещала.

Стоя у окна, Питер смотрел на падавший снег. Он уже оделся и собрался уходить, но снегопад, пусть и невероятно красивый, остановил его: на дорогах уже полно машин, а значит, могут быть и пробки. Он взглянул на часы, где красовалась новенькая трещина; было уже без четверти восемь. До Меган ехать минут двадцать пять, тем более в такой снегопад да по бостонским дорогам. Даже в самую яростную непогоду многие бостонцы с удовольствием открывали окна своих машин, чтобы сообщить тебе, что ты «вонючий ублюдок».

Жители Бостона реже носили при себе оружие, и время от времени Питер позволял себе послать этих милых людей куда подальше или, если настроение у него было особенно циничным, открывал окно и кричал им в ответ: «Вы это о себе?»

Нет. Сегодня никаких дорог и машин. После того, что случилось, он может потерять контроль над собой. Питер застегнул молнию на куртке и вышел из квартиры, однако не стал спускаться вниз на лифте, а поднялся на три этажа. Он шагнул на продуваемую всеми ветрами крышу и закрыл глаза, когда в лицо полетели крупные хлопья снега. Питер чувствовал холод, но это ощущение не причиняло ему никаких неудобств.

Под завывание вьюги он подошел к краю крыши и посмотрел на город, который называл своим домом. Это была особенная ночь в особенном городе, когда нужно сделать что-нибудь действительно необычное, чтобы привлечь внимание. Впрочем, Питеру внимание было ни к чему, он просто хотел успеть на свидание... деловое свидание с Меган. А еще ему нестерпимо хотелось летать.

Разумеется, это было связано с болью — мучительной болью, — но за пятьсот лет жизни вполне можно научиться не обращать внимания на такие мелочи.

И в этот раз, как обычно, изменения тела причинили ему боль, и Питер старался сосредоточиться на созерцании городских огней и падающего снега. Он с трудом сдерживал стоны, сжал губы изо всех сил, чтобы не выдать своего страдания. Никто — ни Карл, ни сам Питер — не понимал природы того, что с ним сейчас происходило. Он знал только, что это магия, простая и чистая. Вместе с его телом менялась и его одежда, и даже пистолет в кобуре, а когда он возвращался в свое человеческое обличье, вновь пройдя через мучительную боль, он выглядел так же, как выглядел, когда вышел из квартиры.

И снова боль. На протяжении всех прошедших лет Питер ждал, что боль уйдет, что тело его привыкнет к превращению. Этого так и не произошло. Иногда боль бывала сильнее, слабее не бывала никогда.

А потом превращение закончилось, и боль отступила. До следующего раза.

Было уже почти восемь, и Питер помчался к дому Меган, лавируя между воздушными потоками, словно оседлав ветер, чтобы не опоздать к ней. Изменение тела всякий раз вызывало у него ощущение, будто он совершил нечто нечистое. Он прекрасно знал, что это всего лишь миф, в который и сам не верил, но всякий раз ощущение повторялось. А вот полет был для него чем-то удивительным, словно он переживал очищающий восторг, когда ему удавалось оседлать ветер.

Меган ничего не сказала ему ни о том, что он опоздал, ни о том, что он не извинился. Все ее мысли занимала Дженет, а теперь и Питер, она думала о нем все больше и больше. Она видела в нем одновременно и какую-то удивительную силу, и мягкость, в нем было нечто... невероятно человеческое, если только можно так сказать. Она не могла придумать слово, которое охарактеризовало бы его, разве что — «человек». Питер представлялся ей идеальным примером того, чем хотят стать люди, примером человечности. Но с другой стороны, он ее пугал, словно, оказавшись рядом с ним, она каким-то непостижимым образом вынуждена будет сдавать некий экзамен, к которому она не готова.

Проклятье, не в первый раз она так увлечена мужчиной, и вполне возможно, что в конце концов и Питер окажется самой настоящей задницей.

— Итак, что вам удалось обнаружить?

— Ну, я съездила в «Клермонт».

Она тряхнула головой и, посмотрев на него, заметила, что каскад ее роскошных каштановых волос, упавших ей на плечи, отвлек Питера от их разговора.

— Это фирма, где работала Дженет?

— Да, «Клермонт, Миллер и Мур». Мне удалось получить почти все ее дела, но адвокат, с которым я хотела поговорить, Дэн Бенедикт — Дженет с ним много работала, — уехал на какую-то встречу. Я оставила ему записку. Думаю, Дэн сможет сказать нам, могло ли какое-нибудь из их дел угрожать безопасности Дженет. Пожалуй, это все.

— А вы начали просматривать бумаги?

— Нет. Я решила подождать вас. Не хотела лишать удовольствия.

Питер лишь кивнул в ответ, и Меган неожиданно почувствовала себя непрошеной гостьей в собственном доме. Вчера ночью ей было слегка не по себе в его присутствии, и это ощущение заставляло ее нервничать, будто она чувствовала, что ввязывается во что-то, что может привести к печальным последствиям. Чувство это по-прежнему не оставляло ее, правда, сейчас оно изменилось, казалось, лично она сделала какую-то ошибку. Меган понимала, что Питер не хотел ее обидеть, он просто сразу занялся делом.

— Я была сегодня на Бикон-стрит, в маленьком ресторане, они отлично готовят, —

начала она, пытаясь немного снять напряжение, когда они погрузились в изучение бумаг Дженет.

Питер кивнул и пробормотал что-то, показывая, что слушает ее, но Меган видела, что это не так. Наконец, когда ей надоело болтать о своих делах, она попыталась расспросить Питера о его жизни.

— Я не люблю говорить о себе, — холодно ответил он.

Это ее разозлило.

— Питер, я знаю, это меня совершенно не касается... — начала она.

Волнение в ее голосе заставило его наконец посмотреть на нее.

— ...но я открыла вам душу, рассказала все свои секреты. Теперь вам не хочется говорить ни о чем...

Она замолчала.

Питер увидел беспокойство, едва заметное раздражение, смущение у нее на лице.

— Сегодня умер мой очень давний и очень близкий друг, — ответил он.

— Мне очень жаль, — медленно проговорила Меган, чувствуя себя эгоисткой. — Вы не хотите?..

— Нет, — сказал он слишком резко и быстро добавил: — Я в порядке, правда. Извините, что не слишком разговорчив.

Он ласково улыбнулся и похлопал ее по колену, и Меган почувствовала себя немного лучше, хотя ей все равно было не по себе.

— Давайте вернемся к нашим делам, — сказал он, и они снова склонились над бумагами.

— Вы думаете, мы ее найдем? — через некоторое время спросила Меган. — Мне кажется, вы не очень на это надеетесь, верно?

— Я рассчитываю найти ответы. А вот Дженет — нет. Честно говоря, я не надеюсь, что нам удастся ее отыскать.

Они работали молча, внимательно изучая даже самые незначительные бумажки, лежавшие в папках. Словно невзначай Питер спросил Меган, что ей нравится в живописи и в музыке, чем очень удивил ее. Не сговариваясь, они оба старались как можно меньше говорить о Дженет. Они закончили только около полуночи, но ничего не нашли. Меган встала, чтобы приготовить кофе, и только тут Питер заметил еще одну стопку папок.

— А здесь что?

— Некоммерческие предприятия. По большей части «налоговые убежища»: ³.

— Нужно их просмотреть.

— Думаю, в них не так много тайн, которые нужно скрывать от посторонних глаз, — сказала Меган, и на ее лице появилась глупая улыбка, — Или наоборот? Доктор Ватсон с самого начала выдвинул какое-то глупое предположение. Правда, Холмс?

— Ватсон иногда и в конце выдвигал довольно глупые предположения, но он всегда был на месте, если нужно было прикрыть задницу Холмса, — сказал Питер и улыбнулся.

— И какую задницу! — произнесла Меган, прежде чем успела подумать, что она говорит. Однако это было не важно, Питер только рассмеялся в ответ.

— Задело.

На кухне засвистела кофеварка, сообщая, что кофе готов, но Меган, не обратив на нее внимания, снова села рядом с Питером, и они принялись изучать папки из манильской бумаги, лежавшие в хронологическом порядке от последнего к первому. Питер взял третью

сверху. Он увидел там нечто важное, и Меган поняла это по выражению его лица.

— Питер, — громко произнесла она.

Он посмотрел на нее, и в его глазах она увидела гнев. Она отшатнулась от него, но ярость так быстро исчезла, что она подумала, будто это ей привиделось.

— Вы нашли что-то? — тихо спросила она.

— Возможно, — ответил он, но Меган видела, что он что-то от нее скрывает.

— Эти корпорации должны быть признаны и утверждены в офисе государственного секретаря?

— Естественно.

— Дженет сама занималась всем этим? Контрактами, официальными бумагами?

— Да. Почему вы спрашиваете? Вы нашли что-то? Или нет?

Питер посмотрел на папку и покачал головой.

— Я вам скажу, когда будет нужно.

На лице у него появилось напряженное выражение.

— Знаете, давайте закончим Я вспомнил, что мне нужно еще кое-что сделать.

— В двенадцать ночи? — спросила Меган.

— Да. Извините.

Он посмотрел на нее так тепло, что Меган захотелось, чтобы он остался. Он снова был человеком, который любит поговорить о музыке и живописи за чашкой чая. Впрочем, она только что видела другую сторону его натуры, пугающую и таинственную. Он казался ей странным и загадочным: его настроение менялось так часто, будто порывы ветра проносились по комнате. Меган хотелось понять этого человека, а он даже не пытался облегчить ей эту задачу.

Питер попрощался, извинился за грубость и покинул ее квартиру. Меган почувствовала облегчение, но уже через несколько минут пожалела, что он ушел. Общаясь с Питером Октавианом, Меган чувствовала себя очень странно, и это заставляло ее волноваться. Его как будто окутывала возбуждающая атмосфера опасности. Чувствуя, что все равно не сможет заснуть сейчас, она включила телевизор.

Снег прекратился, и на белом покрывале, окутавшем землю, можно было видеть лишь следы Питера, они тянулись на задний двор и резко обрывались там. Высоко в темном небе, вдыхая холодный ночной воздух, парил Питер. Он думал о том, что он обнаружит там, куда сейчас стремился. Только одно он знал наверняка ему придется использовать те навыки, которыми владели и он, и его собратья, способности, позволившие ему стать одним из лучших детективов.

Дэн Бенедикт очень старался расслабиться. Он сидел в любимом кресле, откинувшись на спинку, вытянув ноги и заложив руки за голову. На нем был накинут старый потрепанный халат, туго перевязанный не подходившим к нему поясом.

Расслабиться не получалось.

Он вздохнул и принялся устраиваться поудобнее, стараясь не двигать руками и не ослабить узел на халате. По телевизору показывали раскрашенный старый черно-белый фильм Дэн убрал все цвета, решив, что смотреть Боуги⁴ в цвете просто неприлично. Это как-то не по-американски.

На полу у его ног, свернувшись калачиком, лежал Макс, его овчарка. Громадный пес положил голову на лапы, однако тоже не мог уснуть, как ни старался. Так они и сидели, глядя в телевизор, не в силах расслабиться, все больше и больше поддаваясь чувству необъяснимого ужаса Макс тихонько зарычал, без всякой на то причины, и Дэн безмолвно поддержал его.

— Ты можешь забрать сокола, — произнес с экрана Толстяк Боуги, — но тогда мы схватим тебя.

Дэн нахмурился — это был его любимый эпизод, однако сегодня фильм не доставлял ему никакого удовольствия. Дэн его обожал, и они с Максом смотрели его уже бесчисленное количество раз. Он потянулся к столику, стоявшему рядом с креслом, взял стакан кока-колы, сделал несколько глотков и поставил стакан на место, звякнул лед. Снова принялся устраиваться в кресле. В комнате было тепло, но неожиданно Дэн ощутил ледяное дыхание холода. Посмотри он на Макса, он увидел бы беспокойство, с каким пес возится на своем месте. Впрочем, даже заметив это, Дэн решил бы, что пса заели блохи.

Во время следующей рекламы Дэн сообразил, что, не осознавая того, он сдерживает желание помочиться. Дэн вскочил и бросился в туалет, испытывая невыносимую боль. Он осторожно прошел по коридору, стараясь не беспокоить мочевой пузырь, включил свет и закрыл за собой дверь. Он знал, что нет никакой необходимости запирается, но привычка — дело серьезное. В детстве он отчаянно боялся, что кто-нибудь войдет, когда он сидит на горшке.

Его подсознание решило, что, раз уж он здесь, по-чему бы не сделать что-нибудь посерьезнее, Дэн поудобнее устроился на сиденье из губчатой резины и раскрыл «Бостон глоуб». Мысли у него путались, он читал газету, одновременно размышляя о том, не слишком ли поздно позвонить в квартиру Дженет и спросить Меган, есть ли какие-нибудь новости. Он принялся изучать раздел деловых новостей и вскоре забыл и про удобное кресло, и про Макса и «Мальтийского сокола»⁵.

И тут он услышал звон «Микелоба»⁶, донесшийся из гостиной, этот звук вернул его к реальности. Он бросил газету, привел все в порядок и, натягивая штаны, вернулся к своему креслу. Рекламная пауза закончилась, но оказалось, что он пропустил уже минут пятнадцать фильма с Богартом. Собака не сдвинулась с места: похоже, псу удалось заснуть.

«Ну, — подумал Дэн, — хотя бы один из нас может расслабиться».

Дэн только устроился в кресле, как снова началась реклама, и он разозлился. Похоже, к

концу, когда тебе особенно интересно, рекламы становится больше. Ему было удобно, совсем не хотелось вставать, но желудок напомнил, что пришла пора перекусить, и он выбрался-таки из своего гнездышка. Взяв на кухне из шкафчика пакет печенья, он вернулся в гостиную.

Он открыл пакет с шоколадным печеньем, тотчас проснулся Макс, разбуженный шуршанием пакета. Дэн жевал печенье. Казалось, реклама никогда не закончится. Наконец снова начался фильм, Дэн потянулся за кока-колой — запить сладкое.

Разумеется, Макс тоже хотел печенья.

Дэн поднес к губам стакан, а Макс поставил передние лапы ему на колени и схватил несколько печений.

— Черт! — выругался Дэн.

Он пролил кока-колу себе на грудь и на колени, намочив остатки печенья, не облизанного его лохматым приятелем.

Всю дорогу до ванны Дэн ругался. Там он снял халат, прополоскал его в раковине и бросил в корзину с грязным бельем. Конечно, это было не первое пятно на старом халате и вряд ли последнее, но он все равно разозлился.

— Проклятье.

Вечер быстро превращался в кошмар, словно ставший продолжением тяжелого рабочего дня. Дэн понимал, что собака ни в чем не виновата, но ему отчаянно хотелось как следует врезать псу под зад.

Он пропустил большую часть фильма, и ни о каком удовольствии от него уже не могло быть и речи, однако Дэн дал себе клятву досмотреть фильм до конца, чего бы ему это ни стоило. Он сказал себе, что больше ему ничто не помешает. Что еще может случиться?

Дэн решил, что больше он не сдвинется с места. Даже если Санта-Клаус, черт бы его побрал, вывалится в гостиную из трубы, даже если дом загорится, Дэн не встанет с кресла, пока не прочитает слово «конец». Впрочем, это будет не слишком трудно — до последней реплики оставалось минут пять или десять. Он поспешил по коридору в сторону гостиной, где на мерцавшем экране что-то говорил Богарт.

В этот момент погасло электричество.

Дэн понял, что значит впасть в ярость. ПРОКЛЯТЬЕПРОКЛЯТЬЕПРОКЛЯТИ
Проклятье!

Пару минут Дэну страшно хотелось что-нибудь сломать или разбить.

«Короткое замыкание, черт его подери», — сказал он себе.

Он пошел было в кухню, чтобы взять фонарик, но, сделав пару шагов, налетел на Макса. Пес подскочил и отошел в сторону, чтобы снова не попасть ему под ноги.

Дэн успел только дойти до кухни, когда Макс принялся лаять.

Сначала он зарычал, глухо и сердито, потом рычание превратилось в громкий лай, словно собака видела какие-то тени. Дэна это и пугало, и раздражало одновременно. Как правило, Макс спокойно реагировал на такие мелочи. Присмотревшись, Дэн с трудом различил в лунном свете, заливавшем комнату, очертания пса. Макс стоял в центре комнаты, поворачивал голову то в одну, то в другую сторону и лаял... непонятно на что.

Дэн быстро вернулся в темную кухню. Ему хотелось как можно быстрее починить неисправность, и он принялся шарить в кухонных ящиках и шкафах в поисках фонарика. Глаза у него начали привыкать к темноте, но в подвале ему не удалось бы найти щиток, без фонарика.

Дэн уже подошел к двери в подвал, когда лай сменился воем. Напряженный, пугающий вой наполнил весь дом, и раздражение Дэна переросло в страх.

Вдруг Макс перестал выть и тихонечко заскулил. Дэн в ужасе замер на месте. Медленно, словно против собственной воли, Дэн повернулся и зашагал назад в гостиную.

Каким-то непостижимым образом исчез даже лунный свет.

Дэн пытался разглядеть что-нибудь в темноте, но глаза никак не могли приспособиться. Он направил луч фонарика в комнату, но в крошечном, неестественном мраке фонарик высветил только крошечный круг.

И тут он услышал ужасные, чавкающие, влажные звуки. Он направил фонарик в сторону этих звуков. Свет упал на черную спину грабителя, и сердце у Дэна отчаянно забилось в груди, он судорожно втянул в себя воздух. Он испугался прежде, чем успел разозлиться на непрошеного гостя, и, хотя он любил своего пса, в это мгновение он совсем забыл о нем.

Слова застряли у него в горле, словно вода в запутавшемся шланге, но в конце концов, совсем не подумав о собственной безопасности, он выпалил:

— Что, черт подери, вы делаете в моем доме!

Грабитель, очевидно знавший о его присутствии, даже не вздрогнул, услышав его голос. Он медленно повернулся, и в тусклом свете фонарика Дэн увидел у него за спиной то, о чем совершенно забыл.

Макса.

— Я могу рассказать вам вашу судьбу, я умею читать будущее, — ответил незнакомец.

Пес лежал на спине с распоротым животом, а на полу были разложены его внутренности. Грабитель погрузил пальцы в тело собаки, и на его лице виден был какой-то исследовательский интерес, словно он производил медицинский эксперимент. Дэн осветил фонариком его лицо, и отвратительная улыбка о многом рассказала ему. Только сейчас он осознал, что на грабителе надета сутана с белым воротничком.

— Господи, Макс.

Дэна душили слезы и страх, чувство, совершенно для него новое.

— Да ладно вам, мистер Бенедикт, — сказал священник, вытирая руки о ковер и поворачиваясь к Дэну. — Внутренности животных часто используют для предсказания судьбы.

И Дэн не выдержал.

Он бросился на священника, размахивая фонариком, точно оружием, изо всех сил стараясь треснуть по голове непрошеного гостя... но гость исчез, а Дэн, вытянув вперед руки, упал лицом вниз на теплую, влажную массу, повторяя самому себе, что это совсем не то, что он думает.

Слезы текли по лицу Дэна. Он сел, и его вырвало печеньем и холодным кентуккийским цыпленком, которого он ел на ужин, на ковер рядом с телом несчастного Макса. Прошло несколько мгновений, он смог наконец отдышаться, но слезы по-прежнему катились по щекам. Сердце дико колотилось в груди, оглушая его, во рту остался вкус рвоты, он чувствовал запах Макса. О бедный Макс! Дэн всегда был уверен, что готов к вторжению воров, к нападению на улице, к любой угрозе, он не представлял, что может столкнуться с таким безумием, с такой жестокостью.

— Где вы, черт вас подери? — прорычал он и принялся водить из стороны в сторону фонариком.

— О, я все еще здесь, Даниэль, — услышал он голос, слегка приглушенный, но

звучавший совсем рядом. — Не волнуйся, я ни за какие сокровища не пропущу этого зрелища.

— Какого зрелища, ублюдок? Я убью тебя, будь ты проклят, вонючий безумец.

— Не думаю.

Луч фонарика стал укорачиваться, делался все слабее и вскоре освещал лишь небольшой участок перед Дэном. Правда, свет его не стал менее ярким, Дэну даже показалось, что он усилился, просто не мог разорвать окружавший его мрак.

Дэн заморгал, удушающая, неестественная темнота рассеялась, и в комнату снова пролился лунный свет. Однако страшный мрак не исчез. В углу, прислонившись к стене, замер безумец в черном одеянии священника, а тени, наполнявшие комнату, начали принимать какие-то очертания. Дэн забыл о незваном госте.

Тени двигались по комнате, и из темноты на него уставились студенистые, безжизненные глаза Широко раскрытые беззубые рты растянулись в мерзких ухмылках. С дюжину пугающих существ, менявших очертания, кружили вокруг него по комнате. Одна из теней была огромной, голова ее касалась потолка, внутри переливался мрак, черные щупальца соединяли их между собой, словно ток, бегущий по проводам.

Они парили в комнате одно короткое мгновение, безмолвные, пугающие... и вдруг растаяли.

Мрак окутал Дэна плотным кольцом, разорвать которое он не осмеливался. Черные тени наступали, стягивались вокруг него, и сквозь пелену надвигающегося на него безумия Дэн вдруг подумал, что нужно закричать. Он открыл рот, и в это мгновение в его тело ворвалась темнота.

Задышавшись, он упал на пол, попытался закрыть рот, но понял, что это невозможно: мрак все равно вливался в него, выходил тонкими струйками из ноздрей. Его несчастный мозг балансировал на грани безумия, пытаясь осознать, как эти существа могут уместиться внутри его. Дэну не хватало воздуха, он почти терял сознание.

Внезапно все прекратилось.

Он снова мог дышать, вдыхая воздух большими, быстрыми глотками. Он сел, отвернувшись к изуродованному телу собаки, залитому призрачным лунным светом. Несколько мгновений он не шевелился, пытаясь отдышаться, потом, покачиваясь, встал. Но он тут же почувствовал тошноту, во рту появился отвратительный привкус, мышцы живота сжались.

Вот тут и наступило самое страшное. Боль пронзила его, он чувствовал ее внутри себя, ощущал, как она растет, разливается по его телу. Что-то как будто давило изнутри, голова разрывалась, и Дэн закрыл глаза, пытаясь защититься от мучительной боли.

Он коротко вскрикнул и тут же замолчал: такой боли он не испытывал никогда. Он не мог даже представить себе, что такая боль существует, не мог даже кричать. Мрак все расширял свои владения, и внутри у него все сжалось.

Кровь и тени потекли из его ушей и ноздрей, из анального отверстия и головки члена. Плоть начала раздуваться и пузыриться, затрещали кости, и Дэн завопил, умоляя богов прекратить его мучения.

Где-то вдалеке он слышал смех Лиама Малкеррина. Священник подошел к нему, но Дэн едва различал его очертания.

— Бог вряд ли тебя слышит, Даниэль, — сказал он, — его слуга может стать твоим спасением.

Он поднял руку, и в лунном свете сверкнула серебряная булавка. Он прикоснулся ею к напряженному, раздутому животу юриста.

Внутри у Дэна разорвался мрак.

Тело Даниэля Бенедикта упало на пол, его глаза взорвались, и из пустых глазниц поднялись потоки черного дыма. Тени вновь обрели прежнюю форму, останки Бенедикта были разбросаны по всей комнате вперемешку с останками собаки.

Отец Лиам Малкеррин стоял в дверях кухни, с интересом наблюдая за происходящим. В его глазах горел ослепительный огонь. От разлетевшихся в разные стороны кусков плоти он защитился простым заклинанием, а вот правую руку, в которой он держал булавку, ему пришлось вымыть. Призванные на помощь призраки исчезли.

Лиам понимал, убийство надо было обставить как можно проще, чтобы не привлекать внимания, например выстрелить из пистолета или сделать что-нибудь в этом роде. Однако порученная ему миссия давно уже его раздражала, и он испытывал облегчение и огромное удовольствие от бесконечной боли, которую испытывали его жертвы, и красочной жестокости необычного убийства.

Есть люди, которым нравится играть на пианино или писать картины. Лиам Малкеррин превратил смерть в искусство. Он обладал исключительным талантом, и усомниться в его призвании было нельзя. Предполагать, что он должен пристрелить кого-нибудь из пистолета, — все равно что просить Шопена сыграть на палочках в китайском ресторане.

ПИСЬМО ОТ БРАТА ЛИАМА МАЛКЕРРИНА, представителя Исторического совета Ватикана, его преосвященству кардиналу Джанкарло Гарбарينو, личному помощнику Его Святейшества и председателю Исторического совета Ватикана.

«Ваше преосвященство!

Несмотря на непредвиденные осложнения, я полагаю, что предмет, о котором мы с вами говорили, через неделю будет в моих руках. Если возникнут какие-либо проблемы, я немедленно вас извещу.

Ваш во Христе,»

Лиам.

Трепеща крыльями, летучая мышь замедлила полет и повисла в пяти футах над землей. На другой стороне улицы, скорчившись у двери и дрожа от нестерпимого холода, лежал Фил. Он отключился несколько часов назад и обычно мог спать всю ночь напролет.

Но только не сегодня.

Сегодня он почувствовал, как от кончиков пальцев ног поднялся холод, пробежал по телу и коснулся глаз. Фил тут же проснулся. Он сел, дрожа всем телом, обхватил колени.

«Будто дьявол решил немного поплясать на моей могиле», — решил он.

Его вытошнило на тротуар. Фил не мог вспомнить свою фамилию с тех пор, как... — ну, с тех пор, как он мог ее вспомнить, — тряс головой, надеясь, что в мыслях немного прояснится, может быть, удастся хотя бы сфокусировать взгляд. От этих усилий его опять затошнило, и на лице появилось удивленное выражение. У него уже давно выработался иммунитет к спиртному, так; что же, черт подери, происходит?

Он лег на бок и попытался заснуть снова. Вот тогда-то он и увидел птичку. Точнее, ему показалось, что это птичка.

«Нет, это летучая мышь», — сообразил он в следующее мгновение.

Чертовски большая летучая мышь.

И вдруг она стала меняться. — Тело пульсировало, она постепенно расправляла крылья, крылья растягивались...

«Она ведь и на самом деле вся растянулась, так ведь?!»

Фил в ужасе наблюдал за превращением. Глаза диковинного существа изучали окрестности, и, хотя Фил еще не решил, мерещится ему все это или нет, он твердо знал, что не хочет, чтобы чудовище его заметило.

Через мгновение летучая мышь уже обратилась в сурового на вид мужчину. Передвигался он как-то необычно: словно плыл над тротуаром, а не шел. Этот странный человек смотрел прямо на Фила.

— Боже праведный, — пролепетал Фил, ведь когда-то он был религиозен. Это же... это вамп...

Старый пьяница не договорил, он не знал, что ему делать, чего ждать. Он уже почти не сомневался, что сейчас умрет, и в определенном смысле даже хотел этого, впрочем, он ни за что не признался бы в этом и самому себе.

Худое темное существо подняло правую руку — или лапу, или что там еще у него было — и приложило палец к губам.

— Ш-ш-ш-ш...

И вампир скрылся из глаз, обогнув здание, у которого лежал Фил. Несколько мгновений пьяница смотрел ему вслед, затем потянулся к бутылке и принялся бормотать что-то себе под нос, то ли проклятия, то ли молитву. Он никому ничего не скажет, ему ведь никто не поверит. К тому же Фил испытал разочарование. О таких существах рассказывают в страшных сказках, он так боялся их в детстве, а сейчас, поняв, что это не вымысел, рн в каком-то смысле почувствовал себя обманутым, ведь он остался в живых.

Впрочем, ему ни на секунду не пришло в голову последовать за странным существом.

Питер подошел к зданию государственного секретариата. Вздохнув, он подумал о том, как легкомысленно он позволил старому бродяге увидеть себя. Если это случилось однажды,

значит, может и повториться.

— Наверное, я думал о Меган Галахер, — решил он.

Раньше, в далекие теперь уже времена, он бы просто убил старика. Высосал бы его кровь, а на следующий день весело потешался бы над ним. Но все изменилось, изменились люди, и Питер Октавиан тоже стал другим. Он знал, что таких ситуаций не должно возникать, что вести себя так — просто глупо, и его сильно беспокоило, что многие его собратья этого не понимают, не разделяют его доброго отношения к людям.

Непокорные.

Его народ.

Варварство и бесчеловечность, делавшие их похожими на людей, были неистребимы и так же бессмертны, как и их плоть. Они ничему не научились за долгие века своей не-жизни, словно здравый смысл умер вместе с их человечностью. Питер со стыдом вспоминал, что совсем недавно и сам был варваром.

Сейчас в его душу воина вошел свет знания, а вслед за ним и мир, которого он так ждал. Он больше не отнимал жизнь у других людей, если он мог избежать этого и если речь шла не о мести. Желание мстить являлось единственным чувством, с которым он не мог справиться. Да и не хотел.

Нет. Старик смерти не заслуживал.

Питер тряхнул головой, прогоняя эти мысли, и решил, что пришла пора заняться делом. Он внимательно изучил стеклянную дверь и сигнализацию внутри, в главном вестибюле. Поскольку войти в здание так, чтобы не включился сигнал тревоги, он не сможет, придется пробраться под дверью.

По мысленной команде молекулы его тела распались, и под дверь просочилось облако горячего, влажного тумана. Питер часто спрашивал себя, почему при этой трансформации, в отличие от других, он не испытывает никакой боли. Впрочем, его это вполне устраивало.

Питер сердито откинулся на спинку кресла покойного Роджера Мартина и, постукивая пальцами по столу, размышлял, мог ли кто-то опередить его. Он проверил каждый дюйм на столе Мартина, изучил все папки в шкафу и ничего не нашел — даже намек на дело, над которым работала Дженет. В ежедневнике он обнаружил номера телефонов Дженет и адвоката по имени Бенедикт, но эта находка его не удивила.

Питер устал, чувствовал, что ему холодно. Он был голоден! Он едва слышно фыркнул, удивляясь собственной глупости. Он же собирался навестить Марконулоса. Его запас «продуктов» подходил к концу, и он не собирался выходить на солнце. Сейчас он должен находиться в отличной форме, а это требует гораздо больше крови, чем лежит у него в Холодильнике.

Питер взял телефонную трубку, набрал номер городской больницы. Ему сразу ответили.

— Кабинет доктора Маркопулоса, — сказал незнакомый голос.

— Доктор на месте?

— Нет. Мне очень жаль, но он ушел сегодня пораньше.

В голосе звучали сочувствие и забота.

— Я могу оставить ему сообщение?

— Наверное, — ответила девушка со вздохом.

— Пожалуйста, скажите ему, что звонил Питер. Завтра я устраиваю барбекю и прошу его принести напитки.

— Напитки.

— Да.

— Я оставлю записку у него на столе.

Девушка снова вздохнула.

И тут до него дошло.

Куда кладут документы, когда работа закончена? Разумеется, на стол босса! Тед сказал, что Мартин засиделся на службе, чтобы закончить что-то. Оставалось надеяться, что правительственные служащие не изменили своих привычек и не слишком торопятся с делами и что папка по-прежнему лежит на столе у начальника Роджера Мартина.

Питер быстро двигался по кабинету. Даже слишком быстро. Бумаги падали со столов на пол, как только он их просматривал... У противоположной стены стоял стол с серебряной табличкой, на которой было выгравировано: «Шейла Тималти, инспектор». Питер взял стопку бумаг из ящика с надписью «входящие», там-то он и нашел то, что искал.

Некоммерческая церковная организация. Кардинал Анри Жискар. Это имя он увидел в бумагах Дженет. То самое дело. Дженет пропала, возможно, она мертва. Роджер Мартин погиб. Даже учитывая все эти факты, сложить картину целиком не удастся, остается самый главный вопрос: почему?

Какие тайны могут быть у некоммерческой церковной организации, ради которых стоит убивать? Конечно, Питер не считал церковь безгрешной. Ничего подобного. Его собратьям пришлось многое вынести от рук мерзавцев в сутанах. Но что могли знать эти люди? Почему их убили? Кто следующий в списке? Скорее всего, Жискар, если только он не убийца. Но найти кардинала не удастся по крайней мере до утра.

Бенедикт, юрист, о котором говорила Меган?

Не успев до конца осознать свою мысль, Питер уже снова сидел в кабинете Мартина, открыл ежедневник и взял в руки телефонную трубку. Только рабочий номер. Ему пришлось позвонить в справочное. Питер думал, что преуспевающие юристы предпочитают жить в городе, что так полагается, и все такое, поэтому первым делом проверил свою догадку. Оператор оказался настолько любезен, что дал ему и адрес: Брайтон-стрит, 14. В трех милях отсюда и почти что пригород. Питер подошел, открыл окно. Правительство, вероятно, понимало, насколько оно плохой работодатель: окно на семнадцатом этаже открывалось лишь на дюйм. Плоть Питера превратилась в туман, просочилась наружу, в холодный ночной воздух, и там обрела совершенно новое обличье. Питер летел и раздумывал над загадкой, с которой ему пришлось столкнуться: два трупа и сплошные вопросы без ответов. Он, конечно, знал, кто стоит за убийствами, но не имел ни малейшего понятия почему.

— Дерьмо, — проворчал Тед, когда его машина без опознавательных знаков выкатила на Брайтон-стрит.

Он сегодня не работал, и его сестра устроила ему свидание со своей подругой. Подруга оказалась очень хорошенькой, только вот на втором этаже у нее было пустовато. Одним словом, ничего похожего на «Любовные связи». Тед был на той самой улице, когда услышал сигнал по радио, но прибыл на место далеко не первым.

Тед остановился перед домом номер четырнадцать по Брайтон-стрит. Желтая полицейская лента уже перекрывала входную дверь. Два офицера в форме не подпускали к месту происшествия соседей, которые вышли на улицу, увидев синие мигалки полицейских машин.

— Привет, Донни, — крикнул Тед одному из офицеров.

— Привет, Тед. — И после короткой паузы: — Как свидание?

— Как, черт... — начал Тед и-замолчал, решив, что не доставит Уоллесу такого удовольствия. — Было просто потрясающе.

— Правда, Тони Тигр? Тогда что ты здесь делаешь?

— Твоя жена послала меня спросить, что ты хочешь на завтрак, тупица.

И он прошел мимо Дона Уоллеса. Тот никак не мог придумать подходящего ответа, наверное, не сможет спать теперь до утра, придумывая что-нибудь стоящее.

У себя за спиной Тед услышал шум мотора и, обернувшись, увидел машину скорой помощи. Они не спешили. Из дверей плыли волны омерзительного запаха, и это удивило Теда. Такой запах появляется, если несчастный умер уже достаточно давно... к тому же сейчас холодно...

— Лучше не ходите туда, там какой-то кошмар, — проговорил немолодой голос, в дверях Тед увидел Джорджа Маркопулоса.

Густое облако пара окружало его лицо, а с губ Теда срывался легкий туман, украсивший его голову нимбом.

— Что? — спросил Тед.

Он не слишком хорошо знал патологоанатома.

— Я не советую вам туда входить. Если только у вас нет выбора. Там царит настоящий хаос.

Выглядел он ужасно, и Тед решил, что стоит послушать его совета.

— А что произошло?

— Ничего подобного я никогда не видел, надеюсь, никогда и не увижу больше, — прошептал Маркопулос так тихо, что Тед засомневался, что слова были обращены к нему. — А, Питер, — сказал старик.

Тед подпрыгнул на месте от неожиданности: он и не слышал, как сзади подошел Питер. Ему стало любопытно, что бы это значило.

— Питер, а ты как тут оказался?

— Приехал с Джорджем, — сказал детектив, улыбнувшись старому греку. — Пойдем внутрь?

— Нет! — почти, прокричал Джордж, к невероятному удивлению Теда. — Не думаю, что вам следует туда входить. Обоим.

— Я загляну проверить, как там наши ребяташки, постараюсь не смотреть, куда не следует. Ладно, док?

И Тед вошел в дом.

Питер уже собрался объяснить Джорджу, почему ему необходимо собственными глазами посмотреть на место преступления, как почувствовал запах крови, налетевший на него с такой силой, что он чуть не упал на колени. Вероятно, побоище, происшедшее внутри, показалось Джорджу невероятно страшным, если он настаивал на том, чтобы Питер остался на улице. Но даже здесь запах был почти невыносимым. Зайди он в дом, он мог бы не справиться с собой. Лучше не рисковать.

— Спасибо, что прикрыл меня, — сказал Питер Джорджу. — Я сегодня без машины. И за предупреждение тоже спасибо — судя по запаху, который оттуда доносится, я бы не хотел увидеть, что там произошло, даже если бы был самым обычным человеком.

Питер улыбнулся другу, прежде чем продолжать. Он был так рад, что есть человек, который знает его тайну и правду о нем. Он помнил ночь, когда Джордж открыл его секрет и как он боялся его реакции.

— Его разорвали на части, Питер. Изнутри. Будто кто-то засунул в него бомбу и взорвал ее. И с собакой то же. Но это же невозможно!.. Понимаешь, мы не нашли никаких следов взрывчатки.

В глазах грека не было ни тени улыбки.

— Что бы здесь ни случилось, ясно, что ты разберешься с этим быстрее меня. Я был дома, когда они мне позвонили.

— Я так и понял. Я звонил тебе на работу.

— Меня вызвали, потому что они никогда не видели ничего подобного.

— А кто его нашел? — спросил Питер.

— Вот в этом-то и зацепка, — сказал Джордж и посмотрел Питеру в глаза. — Тип, который живет на противоположной стороне улицы. Зовут Уильямс Когда он сидит у себя дома на горшке, из его окна отлично просматривается дом Бенедикта. Он увидел, что в доме погас свет, и, боясь, что свет может погаснуть во всем квартале, смотрел на дом не отрываясь. Но темно было только в доме Бенедикта.

— Он кого-нибудь видел? — перебил его Питер.

— Терпение, друг мой. Да, мистер Уильямс видел, как кто-то вышел из дома через несколько минут после того, как погас свет. И тут начинается самое странное. Подозреваемый был одет как священник. Уильямс видел, как он сел в машину и уехал, номер он не мог рассмотреть отсюда, так что и спрашивать у него нечего.

— Парню стало любопытно, — продолжил за него Питер, — и скоро он пришел сюда.

— Сначала он позвонил, а когда никто не взял трубку, явился в дом, где обнаружил настоящий хаос. На снегу остались не только следы Уильямса, есть и другие, но снег их засыпал, и мы не успели ничего разглядеть.

«Что, черт возьми, происходит?! — в бешенстве подумал Питер. — В этих убийствах замешан Ватикан, какая-то его ветвь... но они почти целый век вели себя тихо. Убийство Карла фон Рейнмана, хотя и не имеющее отношения к этим трем смертям, — тоже дело рук Ватикана. Что они задумали?»

— А почему ты сказал «был одет как священник»? — спросил Питер у Маркопулоса. — Может, он и в самом деле священник?

Дженет Харрис. Роджер Мартин. Дэн Бенедикт. Знает ли убийца, что Питер интересуется этими событиями? Скорее всего. Значит, он может быть следующим в списке жертв. Питер не сомневался, что сумеет себя защитить.

Интересуется.

Меган тоже интересовалась.

За рулем сидел Тед. Снова пошел снег.

Меган не могла уснуть.

— Бессонница, черт подери, — сердито пробормотала она самой себе.

Глядя в потолок, она тщетно пыталась победить бессонницу и разогнать паутину, в которой запутался образ Питера Октавиана, однако ей никак это не удавалось, образ по-прежнему был размытым и нечетким. Чем больше среди суматохи этих двух дней Меган старалась не думать о нем, тем чаще он проникал в ее мысли.

Он вызывал у нее тревогу. Это началось с первой минуты их знакомства, а не сегодня, когда он покинул ее так неожиданно. В нем было нечто такое, от чего Меган чувствовала себя неуютно, словно была для него человеком из другого круга. Или, может быть, это он был из другого круга?

— Ну, в чем же дело? — тихонько спросила она себя по привычке, которая так не нравилась Дженет. — Ты считаешь, что он плохой человек, верно?

Вот в чем главная проблема.

Питер Октавиан не казался ей плохим человеком. Да, она нервничала в его присутствии. Она стремилась к нему, но это желание не имело отношения к тому, что возникает между ног. Это вовсе не означает — Меган фыркнула, — что он не был, по ее мнению, чертовски сексуален (если нравится такой тип), но причиной ее стремления к нему было вовсе не это. Если Меган думала о нем, в животе у нее появлялось непривычное чувство пустоты.

— Боже праведный! — громко сказала она и, тяжело вздохнув, повернулась лицом к стене. — Он всего лишь мужчина. Пусть очень необычный, но просто мужчина!

Решив, что порассуждала достаточно для одной ночи, Меган закрыла глаза и попыталась уснуть. Однако через пару минут снова почувствовала, что в желудке возникает то самое диковинное ощущение, а в уголках глаз собираются слезы. С тех пор, как он ушел, это повторяюсь уже несколько раз.

Меган знала, что хочет его, но эти чувства были для нее необычными. Как правило, ей требовалось много времени, особенно теперь, когда завести любовника или любовницу означало рисковать жизнью.

Да и Питер никак не показал ей заинтересованности, если не считать безобидного заигрывания. Это желание пугало ее, было неразрешимой загадкой.

Видимо, он обладает какими-то особенными качествами, которые тронули ее душу. Только вот какими? Его окружала аура, точно таинственный аромат, привлекавшая Меган, однако название этой ауры она не могла найти.

И вдруг она все поняла.

Наконец-то. Как это здорово!

Теперь она сможет уснуть.

Опасность. Кроме загадочности и животной привлекательности от Питера исходило ощущение приключения, почти осязаемое чувство опасности. Да, осязаемое, и Меган поняла, что именно оно ее возбуждает. Примерно то же самое она испытала, когда однажды заснула за рулем, а открыв глаза, обнаружила, что практически выехала на встречную полосу и навстречу ей мчится поток машин. Тогда она мгновенно проснулась, внутри все сжималось от ужаса... казалось, она может потрогать его руками.

Рядом с Питером Октавианом она чувствовала себя точно так же. Нет, она его не боялась, хотя, конечно, страх присутствовал. Но атмосфера вокруг него, сама комната, когда он по ней ходил, наполнялась, нет, ощетинивалась опасностью.

Теперь Меган чувствовала себя гораздо лучше и даже успокоилась, радуясь, что ей удалось дать имя тому, что она испытывала рядом с Питером. Теперь можно подумать, каково это — быть с ним. Наконец она смогла расслабиться и уснуть и, точно капризный ребенок, заказала себе... сон про Питера.

Только когда настойчиво зазвонил звонок, Меган поняла, что действительно уснула. Она посмотрела на будильник, стоявший на тумбочке у кровати, цифры светились в темноте: два тридцать пять. Она проспала всего пятнадцать минут, но в голове у нее царил полная неразбериха. В дверь опять позвонили, кто-то хотел вытащить ее из постели в половине третьего ночи. Даже в обычных обстоятельствах Меган стало бы не по себе, сейчас же, когда пропала Дженет, она перепугалась по-настоящему.

Она встала и набросила халат. Она спала в старой мужской рубашке и носках, но, даже надев халат, мгновенно замерзла. Не успела она дойти до прихожей, в дверь опять позвонили, более настойчиво.

— Привет, — прохрипела Меган, еще не окончательно проснувшись и пытаясь найти кнопки на интеркоме.

Ничего.

— Эй? — повторила она.

Вот теперь она проснулась окончательно. Что происходит? И раньше бывало, что звонили по ошибке или желая пошутить, но сейчас была ночь, ее подруга пропала, и все, у кого есть хоть капля разума, уверены, что она погибла.

— Дерьмо!

Меган бросилась к телефону, решив, что рисковать она не собирается.

Девять-один-один.

И тут в дверь постучали.

— Господи, — прошептала Меган.

Ей уже казалось глупым, как: романтично она только что рассуждала про опасность. Телефон службы спасения — второй гудок.

— Отвечайте, ублюдки, — выругалась Меган.

Она задыхалась от ужаса.

— Вам же за это платят деньги.

Третий гудок телефона и второй стук в дверь раздались одновременно. Теперь стучали дольше, настойчивее, и ей показалось, что гудок в телефоне тоже был длиннее. В дверь уже колотили изо всех сил.

— Полицейский участок, вас записывают, — наконец ответил оператор службы спасения.

— Меган! — послышался крик.

За дверью был Питер.

— Извините, — сказала она полицейскому, не слишком спешившему ответить на ее звонок. — Я ошиблась номером.

Сообразив, что он либо разбудит весь дом (если еще не разбудил), либо выломает дверь, Меган бросилась в прихожую.

Вместе с Питером пришел чернокожий человек, в глазах их обоих она увидела удивление, а у детектива был такой вид, будто он собирался кричать опять.

— А потише нельзя? — возмутилась Меган, по-прежнему дрожа от страха. — У меня ведь есть соседи.

Они вошли.

— Почему ты не отвечала? — с невинным видом спросил Питер.

— Ногти красила, — ядовито ответила она, но тут же пошла на попятную. — Я спала, когда вы позвонили. А почему вы мне не ответили, когда я спрашивала?

— Какой-то тип собрался прогулять собаку, и мы вошли. Глупо, правда?

Невинное выражение на лице, чуть приподнятые брови успокоили ее, и она наконец расслабилась. Меган была только напугана, но не рассержена, а теперь, когда страх отступил, ее развеселило, что Питер явился к ней посреди ночи в сопровождении высокого темнокожего незнакомца. Может быть, он хотел оградить себя от ее заигрываний?

«Это я так шучу», — сказала себе Меган.

— Пойду, поставлю чай, — проговорила она вслух и умчалась на кухню.

«Он не любит кофе».

Она тихонько фыркнула.

«Я меняю привычки ради мужчины, которого знаю всего два дня. Хм-м».

Пока вода нагревалась, Меган вернулась в гостиную.

— Я рад, что с тобой все в порядке, — с самым серьезным видом заявил Питер.

— Ты напугал меня до полусмерти.

Меган рассмеялась, тем самым желая показать, что не ждет от него ответа. Рядом с Питером на диване уже устроился высокий темнокожий парень, они все еще не были знакомы. Он улыбался, будто стараясь успокоить ее, и видно было, что необычная ситуация позабавила его.

— Извини, я не хотел, — немного смущенно проговорил Питер. — Меган, разреши представить тебе Теда Гардинера, одного из лучших парней в Бостоне.

— Питер, это замечательно, но я надеюсь, ты разбудил меня не затем, чтобы представить своему другу.

Она улыбнулась Теду.

— Кстати, приятно познакомиться.

Тед только кивнул, глядя, как Питер подскочил и принялся расхаживать по комнате. Казалось, Теда все это немного забавляло, и сама ситуация, и то, как нервничал Питер. Тед догадывался, что Питер беспокоится больше о Меган Галахер, нежели о прочих жителях города, по которому разгуливают обезумевшие священники.

Удивленно глядя на Питера, Меган выслушала его короткий рассказ про Роджера Мартина и Дэна Бенедикта. Питер сказал, что теперь он почти уверен, что Дженет мертва, и от всего этого Меган даже забыла, что Питер нравится ей. Ей хотелось задать только один вопрос: что, черт подери, происходит?

— Я попросил Теда меня подвезти, когда узнал про Бенедикта. Меган, возможно, нам обоим угрожает опасность. Мне очень жаль, что я впутал тебя в это дело.

Ну вот, это и произошло. Опасность, которую она чувствовала, превратилась в реальность, но ей каким-то непостижимым образом стало хорошо.

— Не говори глупостей. В эту историю втянул меня сам факт исчезновения Джен и убийца, уж не знаю, кто он на самом деле. Ты только пытался помочь.

— Да, но помог ли я тебе? Тоже мне помощь...

— Поживем — увидим, так ведь?

Впервые за этот вечер их взгляды встретились, и в его глазах Меган увидела такую глубину, какой не встречала до сих пор. Она почувствовала, что на душе у него лежит какое-то бремя, что он постоянно борется с чем-то, и это никак не связано с той опасностью, что им угрожает. Значит, и у него есть тайны, какие-то демоны живут в его душе.

«Какая дурацкая мысль», — упрекнула она себя.

Чайник засвистел на кухне. Только сейчас Меган заметила, что Тед смущен и обеспокоен.

«Бедняга», — подумала она.

Когда Меган вернулась с подносом, Тед поблагодарил ее с торжественным видом. Она почувствовала, что он, полицейский, так же, как и она, испытывает неловкость в присутствии Октавиана, хотя оба этого не осознают. Тед смотрел на Питера с огромным уважением на грани благоговения, и Меган видела это.

Питер каким-то образом объединял их с Тедом Гардинером Они как будто были. — слово, пришедшее ей на ум, звучало довольно странно — последователи. Меган не понравился ни образ Питера, возникавший при этом, ни сознание, что эта формулировка давала Питеру некую власть над ними. Она в сотый раз напомнила себе, что он всего лишь мужчина — и все тут.

Тут Меган сообразила, что, затаив дыхание, смотрит на Питера, тряхнула головой и, чтобы нарушить молчание, воцарившееся в комнате, произнесла;

— Итак. Кто-то хочет нас убить. И что же, черт подери, мы будем делать?

Питер взглянул на нее, и в его лице Меган не увидела и тени тревоги.

— Сегодня — ничего, — ответил он. — Завтра найдем человека, который всю эту кашу заварил, и зададим ему пару вопросов. А сегодня, если ты не возражаешь, я посплю у тебя на диване, на всякий случай.

Меган хотела было испугаться. Если все настолько серьезно, что Питер решил остаться, чтобы защитить ее, значит, ей действительно угрожает опасность. Но он был спокоен и уверен в себе, и она просто кивнула в ответ.

— Питер... — проговорил Тед.

Только сейчас Меган сообразила, что он почти все это время молчал.

— Ты уверен, что сможешь завтра выйти на улицу? Если хочешь, я сам попытаюсь найти этого типа, — продолжил полицейский, и в его голосе было слышно беспокойство.

— Спасибо, Тед. Я справлюсь. К тому же, если ты займешься этим делом, нам не избежать вмешательства управления, а их участие нам сейчас ни к чему.

— Ладно, если ты так уверен. Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

Меган ничего не могла понять, это было написано у нее на лице. Питер ответил на ее вопрос прежде, чем она успела спросить.

— Это из-за солнца, — с мрачным видом сказал он. — Я не могу долго находиться под прямыми солнечными лучами. Поэтому, как правило, я и работаю по ночам. Понимаю, это звучит как дурацкая шутка, но я страдаю редкой болезнью кожи, это похоже на альбинизм. Солнечные лучи не причиняют мне вреда, но вызывают сильную боль. Я бы с радостью объяснил тебе, в чем причина моей болезни, но я и сам толком не понимаю. К счастью, врачи в этом разбираются, так что у меня есть средство, уменьшающее боль. Поэтому завтра мы первым делом отправимся в Бостонскую городскую больницу.

— Господи, — проговорила Меган. — Наверное, это ужасно.

— Ну, я живу с этим, сколько я себя помню, так что все не так плохо, как может показаться. О моей болезни знают всего несколько человек, потому что, честно говоря, я не люблю привлекать к себе внимание и не переношу жалости. И тебе рассказал только потому, что утром ты все равно узнала бы об этом.

Меган хотела знать больше, но Питер заговорил с Тедом. Очевидно, он предпочитал больше это не обсуждать.

— Я сразу позвоню тебе, — сказал он Теду, и они направились в прихожую.

— И еще, Тед, — проговорил Питер, закрывая дверь, — знаешь, не стоит привлекать к этому делу управление, во всяком случае пока. Это только повлечет за собой еще большие жертвы.

Тед кивнул и собрался уже уходить, но остановился, будто вспомнил что-то.

— Я болван.

Питер устало улыбнулся.

— Не стану спорить.

— Я забыл сказать тебе, что уборщик, тот, что видел убийцу Мартина, пришел в себя. Думаю, ты захочешь с ним поговорить. Я все устрою.

Меган лежала в кровати, слушая, как Питер устраивается в соседней комнате. Она и раньше была озадачена, а сейчас и вовсе не понимала, что происходит. Питер производил на нее необычное впечатление. Ей казалось, что опасность, которая сейчас его... нет, их обоих окружает, можно потрогать руками, что она осязаема. Она осознавала, что боится. И не только того, кто хотел причинить ей вред, убить ее, но и Питера, пусть немного, Она не смогла бы объяснить почему. Он ей очень нравился и одновременно пугал, но, несмотря на это, она чувствовала себя спокойнее рядом с ним. Меган замерзла. Она включила, отопление посильнее. Казалось, с тех пор, как Питер перешагнул порог ее квартиры, в комнате стало холоднее.

Меган замерзла, ей было страшно, мысли путались, и ей никак не удавалось заснуть. И, прежде чем сообразила, что делает, она встала с кровати, открыла дверь спальни и остановилась на пороге в ночной сорочке и в носках. Питер смотрел на нее. Меган отчаянно захотелось убежать, спрятаться под одеялом, но тут Питер заговорил, и она замерла на месте.

Он лежал на диване, положив голову на руку.

— Что случилось?

Его тихий голос, прозвучавший совершенно спокойно, заморозил Меган. Она подошла и опустилась на колени.

— Наверное, я немного напугана, — услышала она собственный голос, а ведь ей хотелось сказать, что с ней все в порядке.

Впрочем, она знала, что он поймет, а быть может, уже понял, что с ней происходит.

Питер улыбнулся ей, словно маленькой девочке, которая хочет укрыться в постели родителей от страшной грозы.

Он все понял.

— Бояться нечего.

Меган была уверена: он догадался о том, что ее пугают не только убийцы, понял, что она чувствует и как сильно страшится именно этого чувства. Это было невероятно, но она не могла, справиться с собой: ее нестерпимо влекло к человеку, которого она шала не больше тридцати часов.

— Верь мне, — сказал Питер. — Здесь, даже в темноте, тебе нечего бояться. Не стоит пугаться теней. Ужас живет при дневном свете.

Питер погладил ее по волосам, и она уже не вслушивалась в то, что он говорит: тихий, ласковый голос успокаивал, приносил в душу умиротворение. Он поцеловал Меган в лоб, и ей стало невыносимо хорошо, когда она ощутила его губы на своей щеке. Потом, когда его губы коснулись ее щеки, ее губ, ее охватило желание. Меган чувствовала вкус его губ, удивительно холодных, прикосновение его языка... Никогда раньше, после той первой ночи с Дженет, она не хотела никого так сильно и так быстро. Питер целовал ее, его губы ласкали ее шею.

И вдруг все кончилось. Питер остановился.

Сделал глубокий вдох, медленно выдохнул. Не открывая глаз, он поднял голову, а Меган отчаянно хотелось, чтобы он продолжал.

— Думаю, — сказал он и открыл глаза, — тебе нужно отдохнуть. Уже почти утро,

впереди нас ждет трудный день.

Меган улыбнулась, чтобы скрыть разочарование, как будто это было возможно. Он одумался. Он был с ней добр и пытался успокоить, ведь, в конце концов, он пришел, чтобы защитить ее от опасности. Но он от нее отказался, по крайней мере сегодня, и ей стало обидно. Меган чувствовала себя глупо, но все еще хотела его. И она дала себе слово, что следующий раз обязательно будет.

Когда Меган ушла в спальню, Питер глубоко вздохнул.

— Если бы еще немного... — прошептал он еле слышно.

Питер пообещал себе первым делом утром встретиться с Джорджем Маркопулосом. Он больше не может откладывать прием своего «лекарства».

Венеция... Несколькоими часами раньше.

Они называли Венецию *La Serenissima* — Безмятежнейшая. Особенно спокойным этот город становился в зимние месяцы. Призрачный свет луны, звезды, лившие свое сияние на город в дымке, поднимавшейся над каналами. Даже голуби, что собираются обычно на площадях, сейчас улетели: холодный ночной воздух прогнал их оттуда, и они сидят на фасадах роскошных когда-то дворцов вместе с горгульями, вззирающими на город.

Впрочем, до карнавала осталось совсем немного, и она чувствовала его приближение. Сердце города бьется чаще в ожидании праздника, будто кровь быстрее бежит по венам — аллеям, окутанным глубокими тенями нарастающей страсти, с ней даже холод справиться не в силах. Свет и шум вырываются из дверей бара, будто кто-то пытается разбудить город от зимней спячки. Однако по-настоящему он проснется лишь на несколько дней, когда начнется карнавал.

Александра Нуэва сидела верхом на позолоченной бронзовой лошади, одной из четырех, украшавших крышу базилики Святого Марка. Как и в день своей смерти, она была обнажена, и кожа ее сияла в призрачном свете. Александра смотрела на пару внизу, на площади Святого Марка. Они танцевали вальс в клубах струившегося тумана. Ни оркестра, ни воплей радио не было слышно, лишь ритмичный шорох воды, облизывавшей камни, и гондол, стоявших у причала.

Алекс решила, что они танцевали именно под музыку воды, Впрочем, вероятно, они и сами этого не сознавали. Они просто двигались под тот же мотив без слов, что вел ее собратьев сквозь ночь, указывал путь в темноте, и потому они ей понравились. Она закрыла глаза, прислушиваясь к тихой мелодии, прерываемой время от времени воплями веселящейся молодежи, но все равно поглощавшей все звуки, наделяя их ритмом и гармонией.

Она превратилась в туман и под звуки музыки поплыла вслед за молодой американской парой. Покинув площадь, они направились на север, и она потекла за ними, и ее, как морской туман, пронизывал свет. Она была всего лишь частью музыки. Александра любила базилику за историю, распутство и смерть, окутывавшие ее. Здесь в пятнадцатом веке священники подвергали людей страшному наказанию: заключали их в подвешенные над землей деревянные клетки и оставляли умирать от голода и непогоды, поддерживая их жизнь лишь для того, чтобы мучения продолжались несколько месяцев. Сейчас Александра без сожалений покинула базилику, оставив позади и ее, и лошадей, и дворец дождей, полный чудесных произведений искусства, созданных величайшими мастерами, оставив позади и подземелья, и пыточные камеры..

Красота, боль и жизнь, словно обоюдоострый меч, приведший Александру Нуэва к смерти и управлявший теперь ее не-жизнью, не отвлекали сейчас ее от сладостного ощущения полета.

Они остановились на мостике и смотрели на юг, туда, где за домами над узким каналом повис мост Вздохов. Они целовались. Поцелуй все длился к длился, и кровь застучала у них в сердцах, забурлила и наконец превратилась в желание...

И музыка теней прервалась, заглушенная новой мелодией, что пульсировала в жилах влюбленных... В глазах у них уже клубился тот же призрачный свет, что кружился над городом. Алекс по-прежнему была туманной дымкой, но вместе со стоящими на мосту

влюбленными она почувствовала плотское желание, пусть и не такое сильное, как у них.

Она и прошлой ночью смотрела на них, но ничего не произошло. Глядя на них сейчас, слыша и чувствуя их, она знала, что сегодня все будет иначе. Они миновали мост и вошли в отель «Атлантико». Алекс знала, где находится их комната: первый этаж, окно в шести футах над водой канала. Проплывавшие мимо гондольеры могли в него заглянуть и, громко распевая песни, отправиться дальше, чтобы, заслышав их, все знали об их приближении. Их фонари ритмично стучали в темноте.

В это время года гондольеров было мало, ведь если кто отваживался садиться в гондолу, ему приходилось одеваться потеплее. Никого не было сейчас вокруг, и никто не мог видеть, как Алекс, почувствовав желание, вновь обрела форму и устроилась на уступе под окном влюбленных. Стоя в тени, она наблюдала, как они...

Негромко смеясь, вошли в номер. Алекс их слышала. Они улыбались друг другу, в глазах читалась страсть, и веселье готово было вот-вот сорваться с их плотно сжатых губ. Потом стали слышны стоны, влюбленные упали на постель, неясные прикосновения и объятия не прекращались, пока каким-то чудесным образом одежда не оказалась на полу возле кровати. Окно было чуть приоткрыто, занавески раздвинуты, а включить свет они не поспешили. Их могла видеть половина Венеции, но они то ли ничего не заметили, то ли их это не волновало. Он наклонился, его голова была между ее ног, и она громко вскрикнула. Потом она встала на колени, а он — за ней. Алекс увидела, как молодой человек...

Вошел в девушку, медленно и ритмично двигался. Алекс чувствовала, как в безумном танце мчится по их жилам кровь, слышала, как бьются их сердца, слышала их тяжелое дыхание. Ей казалось, она ощущает аромат крови, пульсирующей в их чреслах. Она чувствовала, как кровь прилила и к ее чреслам, по ногам потекла влага, и, глядя на молодую пару, наслаждавшуюся друг другом, Алекс не удержалась и принялась ласкать себя рукой. Она вся горела и не замечала ни холода, ни того, что лунный свет отражается от ее темно-бордовых сосков. Раскачиваясь, влюбленные вскрикивали под музыку ночи, и Алекс была уже не в состоянии сдерживаться. Одной рукой она распахнула окно, другой быстро довела себя до оргазма и громко застонала вместе с женщиной. Все еще дрожа, она глубоко вздохнула и...

Вошла в комнату, точнее, поплыла к полу. Мужчина увидел ее первым и замер от изумления. Женщина открыла глаза и хотела было сказать что-то, но Алекс поднесла палец к губам.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептала она.

Да и что они могли сказать прекрасной обнаженной африканке, появившейся перед ними из холодной итальянской ночи?

— Позвольте мне любить вас обоих, — тихо сказала она.

Они не ответили ей, понимая, что выбора у них нет.

В конце концов, они сами хотели этого.

Венеция похожа на многие европейские города. Туристы, приезжающие сюда, движимы жадной исследовательской. И магазины, и история так же им интересны, но сильнее всего их тянет в этот город приключение.

В холодное время гостей в Венеции, в этом городе лабиринтов, значительно меньше. Лишь накануне карнавала туристы приезжают сюда, с нетерпением ожидая начала одного из самых великолепных праздников в мире. Он мог бы поспорить с великолепием Марди-Гра⁷ в

Орлеане, с карнавалом в Рио и со многими другими по всему свету. Каждый год, с пятницы и до раннего утра Пепельной среды⁸, горожане и приезжие веселятся, будто став частью традиции и легенды, они словно теряют на время сами себя, надевая маски и костюмы.

В этом году они были не одни. За масками и костюмами, за праздничным весельем, за традициями и легендами прятались и другие гости карнавала. Одни из них были людьми, другие — нет. Люди выдавали себя за туристов, останавливались в гостиницах, ходили днем по магазинам, пока их хозяева спали в подвалах и подземельях, в затемненных гостиничных апартаментах или в роскошных частных домах. Они приехали вовсе не на карнавал. Люди прибыли на другой праздник, спрятанный за венецианским фестивалем, на встречу своих темных хозяев — Непокорных.

Как часто бывает во время таких грандиозных событий, должен был состояться пир.

Однако, если бы все Непокорные, собравшиеся на этот праздник, принялись бы лакомиться людьми, результаты немедленно привлекли бы внимание международных средств информации, пролив тем самым на них неприятный, болезненный свет, погасить который невозможно даже при помощи политических интриг.

Чтобы избежать ненужного внимания, жители тени создали систему жесткого международного контроля и разработали план, в соответствии с которым они привозили с собой под видом туристов людей, принимавших участие в их встречах.

Эти люди добровольно следовали за своими хозяевами и богами, стремясь только к одному — служить им. Можете ли вы представить себе договор, заключенный совершенно сознательно между человеком и животным? Идея одновременно и нелепая, и возвышенная. Но такова природа добровольцев. Более преданные, чем последователи любого культа, они не доживали иногда и до конца года. А те счастливицы, кому удалось выжить, обращали в свою веру новых сторонников. И цикл начинался заново.

Казалось бы, скрыть это невозможно. Вернее, было бы невозможно, не будь одного «но»...

Люди никогда не видят того, чего видеть не хотят.

Коррупцию, заговоры, смерть.

Под прикрытием царящего на карнавале веселья, в тени, рожденной слишком ярким светом, пряталась смерть, на которую никто не обращал внимания. Горожане и гости чувствовали ее присутствие и были осторожны, как никогда в остальное время года. Они не выходили на улицу по ночам, тем более в одиночку. Пытаясь быть выше той опасности, что поджидала их среди теней, они отворачивались или закрывали глаза, даже если тень вдруг освещал луч солнца. Они отказывались видеть. Венеция была в этом году. В году минувшем — Новый Орлеан. До этого — Милан, Рио и множество других городов.

Власти Венеции, как всякие другие власти, пережившие встречу Непокорных, были вынуждены подчиниться обстоятельствам и закрывали глаза на массовые исчезновения людей. Они с облегчением обнаруживали, что на эти исчезновения обращали внимание лишь владельцы отелей, чьи постояльцы так и не покинули номера. Запросы от представителей правительств или членов семей приходили лишь в исключительных случаях.

Для добровольцев, мечтавших умереть в Венеции, карнавал стал религиозным событием, временем поклонения, своего рода паломничеством в Мекку. Ах, как это прекрасно стать избранным, войти в число немногих, кому выпала честь служить Непокорным... Впрочем, конечно, далеко не все из исчезнувших людей были добровольцами...

— Я проделал долгий путь в эту проклятую Италию вовсе не за тем, чтобы у меня под ногами путались вонючие косоглазые, — слишком громко заявил дородный мужчина.

В клубе было очень шумно, вопила европейская танцевальная музыка, американские блюзы, здесь была целая толпа молодых венецианцев и гостей со всех концов света. Было очень шумно.

Однако этот придурок говорил слишком громко, так что Ши-эр Жи-Шенг его все равно слышал.

— А я говорю тебе, Марко, — настаивал он, обращаясь к своему собеседнику, парню из местных, — разница есть. Сейчас столько самых разных видов. Таитяне всякие, вьетнамцы... еще из Камбоджи... корейцы, филиппинцы. Эскимосы. Или Гавайи — все, кто там живет, считаются американцами, представляешь? Ну еще есть настоящие японцы и китайцы. Короче, вонючие косоглазые. Вся эта ложь про экономический террор... их главная цель — уничтожение Америки. Господи, а я ведь думал когда-то, что хуже черный и латиноамериканцев нет никого. Штаты были бы райским уголком, если бы нам приходилось беспокоиться только из-за них! Так что забудь о том, чтобы перебраться в Америку, приятель. Знаешь, меня не удивит, если в конце концов вся твоя семья вернется обратно.

Поборник чистоты Америки замолчал, чтобы перевести дух, и посмотрел на Шенга, которому, собственно, и предназначалась эта речь.

— Ясное дело, если вы будете совершать те же ошибки, что и мы, скоро Италия будет кишеть желтыми ублюдками. Тогда нам всем будет некуда деваться.

Да. Ши-эр Жи-Шенг слышал каждое слово, произнесенное болваном по имени Ричи. Для Ричи это было огромной ошибкой. Вернее, самой серьезной ошибкой за всю его жизнь.

Ричи не нужна была даже фамилия: он был ростом больше шести футов (Шенг не был уверен, поскольку придурок сидел) и весил около двухсот семидесяти фунтов. Наверное, он когда-то занимался тяжелой атлетикой, и, хотя не был толстым, его мускулы сейчас могли только напугать, не более.

Шенг не мог похвастаться высоким ростом, всего около пяти футов пяти дюймов, и могучим телосложением, к тому же у него давно поседели виски. Однако сейчас ему с трудом удавалось усидеть на месте, так отчаянно хотелось подскочить и оторвать придурку голову.

Дело было не только в невежестве и нетерпимости Ричи: Шенгу было тяжело сейчас — недавно погиб его наставник и отец по крови. Так что сдерживали Шенга не люди, сидевшие в этом зале. Он понимал, что следует думать об остальных. Через несколько дней сюда приедут тысячи Непокорных, он не может и не желает становиться причиной их гибели.

С другой стороны, Шенг не мог просто сидеть и ничего не делать. Ему нужно поесть. Услышав рассуждения американского быка, он решил, что Ричи станет его ужином сегодня. Ему не нужно было утолять голод, он сделает это ради удовольствия. Шенг решил сделать это, чтобы испытать радость, которую испытает, убив его.

Проклятье! Даже итальянцы видели фильмы с хромым Брюсом Ли в «Театре кун-фу», или как они там еще называют их. Или дурацкие телепрограммы Дэвида Каррадайна. Он мог получить массу удовольствия, а учитывая, что он «косоглазый», это никого не удивит. Пусть Александра скорбит по Карлу так, как ей хочется, Шенг придумал свой способ.

— Эй, приятель! — крикнул Шенг, без намека на акцент.

Ричи повернулся к нему, вылупив от удивления глаза, его поразило, что к нему обратился тот, над кем он только что издевался.

— Ричи, правильно? — спросил Шенг, глупо улыбаясь и протягивая руку.

Ричи пожал руку, он был слишком удивлен, чтобы что-нибудь ответить.

— Поскольку ты знаешь все, что полагается знать про нас, косоглазых... — он помолчал немного, — я позволю тебе покинуть это заведение в целостности и сохранности.

Ричи еще не совсем пришел в себя, ухмыльнулся и ответ. Эта была отвратительная улыбка человека, получающего удовольствие от насилия.

— Ты должен с трех раз угадать, что я за «желтый ублюдок». Если не угадаешь... по правилам, с которыми ты прекрасно знаком, в этом я не сомневаюсь, я сделаю из тебя отбивную.

Танцевавшие рядом с ними пары замерли, вокруг начала собираться толпа Ричи не мог поверить, что хилый азиат бросил ему вызов. Он не любил начинать драк, но, если этот тощий ублюдок хочет умереть, он с удовольствием ему поможет. Он почувствовал, как закипел в крови адреналин в предчувствии насилия — мышцы на спине напряглись, он встал, выпрямившись в полный рост. Он весь дрожал от приятного предчувствия.

— Вонючий япошка, — тихо проговорил он.

На лице у него гуляла плотоядная улыбка.

Кулак Ричи пронесся по воздуху со скоростью молнии. Он уже не раз проделывал это и был уверен в успехе... Кулак угодил в... пивную кружку.

Она разбилась. Впрочем, если бы она не разбилась от этого, она разлетелась бы вдребезги от его дикого крика.

Его противник выставил кружку навстречу кулаку таким коротким движением, что Ричи не заметил этого. Он метал в лицо японцу, а тот очень быстро сделал шаг в сторону.

— Ошибочка, — тихо проговорил Шенг.

Вокруг собирались зрители.

Большинство из них не говорили по-английски, но жалобные стоны Ричи, принявшегося трясти окровавленной рукой, в переводе не нуждались.

— Я не япошка У тебя осталось две попытки.

И он улыбнулся. Именно его улыбка доконала Ричи.

— Китаёза! — завопил Ричи.

Пролетев несколько футов, отделявших его от жертвы, он рухнул на живот на деревянный пол клуба, задыхаясь от ярости.

— Нет, — ответил Шенг, спокойно усевшись на табуретку у стойки бара. — Я не китаёза Осталась одна попытка.

Ричи встал, пытаясь набрать побольше воздуха в легкие. Больше, чем скорость и реакция, его потрясло спокойствие и уверенность азиата. Нужно быть очень смелым человеком, чтобы повернуться спиной к такому громиле, как он.

Это было унижительно. Не только то, что подонок с ним сделал, но и то, что он посмел повернуться к нему спиной! Такого, черт подери, просто не бывает. Это не могло случиться дома, потому что дома ни у кого нет такой выдержки.

Громко топая, он подошел к козявке сзади, ожидая, что тот обернется. Но он не пошевелился! Он все так же не обращал на Ричи никакого внимания, словно его там и не было. Словно он умер.

— Вьетнамский вонючий член! — выкрикнул Ричи.

Он потянулся к голове Шенга... только в следующее мгновение он понял, что его собственный лоб ритмично бодает деревянный пол.

Ричи распластался на полу и несколько минут лежал, не шевелясь. В глазах у него плясали черные точки, и он ничего не видел перед собой. Он оглядел толпу: красотки, танцоры, Эм-ти-ви на экранах, окутанных дымом, спиртное на столах. Над всем этим ему виделся, будто дурной сон, самый худший в его жизни, этот проклятый азиат, тот, кому не составило труда надрать ему задницу.

Ши-эр Жи-Шенг наклонился над лежащим на полу задирой и прошептал ему на ухо:
— Ты снова ошибся, дружок Ричард.

Длинным ногтем он провел по его щеке, оставив на ней глубокую царапину. Потекла кровь.

У Ричи снова все поплыло перед глазами, он видел только, как толпа расступилась перед Шенгом, как мужчины держались от него подальше. Парочки снова танцевали, и Ричи охватила дикая ненависть, но его враг исчез в толпе. Ему хотелось встать, позвать назад этого ублюдка и разорвать его на куски.

Конечно, он не осмелился.

Примерно через час кровь запеклась на голове у Ричи, толпа к тому времени разошлась. Ричи выпил последний, шестой по счету, стакан, как поднялся с пола. Рассвет был не за горами, и единственный ночной клуб в Венеции закрывался. Этот клуб работал только одну неделю в году — во время праздников.

Ричи соскользнул с табурета, постоял несколько мгновений и, натягивая на ходу пальто, направился к двери.

На улице было холодно. Говорят, в Италии тепло всегда, но это все чушь собачья, ее придумали специально, чтобы привлекать туристов. Зимой в Венеции так же холодно, как в Нью-Йорке. Да еще и темно, хоть глаз выколи, а ведь скоро должно выйти солнце. Темно... как бы там ни было. Он ничего не видел, едва различал названия улочек, шел, с трудом переставляя ноги. На город опустился туман. Он клубился в темноте, окутывая редкие фонари, скрывая ближайшие углы и повороты.

— На самом-то деле это был не очень честный-честный поединок-поединок, — услышал он голос из тумана.

Казалось, он звучал ниоткуда и отовсюду одновременно.

— Разве мог болван вроде тебя-тебя отличить ян-линг-линг, который стоит между Тибет-бет и же-чуэн?

Ричи завертелся, глядя по сторонам, словно собака, гоняющаяся за своим хвостом. Он не прислушивался к словам, только к голосу. Особого ума у него никогда не было.

— Впрочем-впрочем, — послышался голос снова, — ты и не должен-жен был угадать-гадать правильно-льно.

И сырой туман за клубился около его головы.

Туман с зубами.

— В этом году здесь собрались все, — сказала Алекс.

В ее глазах Шенг заметил удивление.

— Дерьмо, я видела даже Генгиса, а он самый старый из всех, кого я встречала.

— Есть и постарше, — тихо проговорил Шенг, отворачиваясь от любовницы, чтобы она не заметила на его лице беспокойства.

— Я знаю, я же не ребенок.

— А я и не говорю, что ты ребенок. Я хотел только сказать, что здесь, в Венеции, сейчас

есть и более старые представители нашего рода.

Шенг посмотрел на нее, он пытался скрыть свои чувства, но все равно она увидела, как сильно он обеспокоен.

Алекс подвинулась к нему поближе. Высокая, изящная обнаженная женщина с точеной фигурой успокаивала тощего стареющего азиата-коротышку — необычное зрелище. Впрочем, ни одному смертному не дано было увидеть то темное подземелье, в котором им было светло, как днем. Они лежали на мягком матрасе у каменной стены. За стеной нес свои воды канал. Им нечего было бояться сейчас, но близость воды заставляла их дрожать и мерзнуть сильнее, чем пронзительный ветер.

— Почему?.. — спросила Алекс в надежде, что у него есть ответ. — Почему в этом году приехали все?

— Из-за Карла.

— Карл был не настолько стар, они не могли все его знать!

— Нет, конечно, — сказал Шенг и наконец посмотрел на нее, высказав вслух то, что беспокоило обоих. — Они здесь, потому что они боятся, как и мы с тобой. Меня не удивит, если появится Аурелиус и, возможно, парочка — или даже полдюжины — тех, о ком мы никогда не слышали. Смерть фон Рейнмана, Барбаросса и Франко напугала всех.

— Ну, насчет Франко ясности нет, — возразила Алекс.

— Да, тут ты права.

Они снова замолчали, лежа рядом, они безмолвно оплакивали гибель своего отца, наставника и друга, Карла фон Рейнмана, чью смерть они видели мысленным взором, а убийц могли назвать без колебаний.

Наконец Шенг нарушил молчание.

— Какое сильное влияние оказал предатель Октавиан на Карла, это из-за него Карл думал, что сможет остаться в живых под прямыми лучами солнца.

— Но ведь он продержался некоторое время, — напомнила ему Алекс.

— Благодаря своей силе и возрасту, но ему следовало остаться в доме.

Шенг покачал головой.

— Оставшись, он бы просто погиб вместе с Уной, — печально сказала Александра — Какой смысл?

— Он все равно умер!

— Но хотя бы попытался спастись, — возразила Алекс.

— Чушь, — сердито заявил Шенг. — Он умер по глупости, потому что Октавиан заморочил ему голову болтовней про «моральный кодекс наших соплеменников» и прочей ерундой. Останься Карл в доме, у него, может быть, был бы шанс. Это Октавиан убедил его, что он сможет выжить на солнце. Проклятье! Нам следовало убить Питера еще тогда. Прошло почти сто лет, а у нас все еще столько проблем по его милости.

— Питер тут ни при чем, и ты это прекрасно знаешь, — сказала Алекс раздраженно. — Свою ярость из-за смерти Карла ты переносишь на него. Если тебе так хочется обвинить кого-нибудь из наших, — заявила она, окончательно разозлившись, — вини Коди. Бьюсь об заклад, именно его предательство вновь привлекло к нам внимание Ватикана. Если бы не он, фон Рейнман был бы сегодня жив, и Барбаросса тоже.

Она заплакала. Шенг стер кроваво-красные слезы с ее щек, убрал волосы с лица и поцеловал в лоб. Алекс положила голову ему на грудь.

— Я впервые плачу с тех пор...

Она всхлипнула.

— С тех пор, как Карл дал мне эту жизнь. Не думала, что я могу плакать... не думала, что мы можем плакать.

— Я тоже, — задумчиво проговорил Шенг. — Слушай, я не знаю, жив ли еще Коди, но, если жив, поверь мне, мы его найдем и заставим ответить на парочку вопросов... и не только мы это сделаем. Однако сейчас нам нужно позаботиться о другом. Произошло уже несколько убийств. Не знаю, каким образом церковь находит нас. В эти дни нам надо постараться хорошенько развлечься, мы встретимся со старейшинами, посмотрим, кто сюда приехал. Пусть все веселятся, развлекаются в свое удовольствие, а когда праздник Вторника подойдет к концу, соберем всех вместе. Нам нужно либо понадежнее спрятаться, либо начать войну. Впрочем, похоже, что прятаться бесполезно.

— Значит, война, — покачав головой, задумчиво произнесла Алекс. — Вот уж не думала, что доведется увидеть это. Трудно представить, что церковь готова пойти на такой риск. Знаешь, я вдруг поняла: мне хотелось бы, чтобы Питер был здесь. Кто бы мог подумать, что я когда-нибудь это скажу. Он был лучшим из нас. Он рожден принцем-воином. Кажется, он оставил прежнюю жизнь, но я сомневаюсь, что он в состоянии отказаться от своей крови и наследия так же легко, как отказался от клана.

— Ты права, — кивнул Шенг. — Несмотря на то что мне очень не хочется это признавать. Если Карл поверил ему не зря и в его словах есть хотя бы доля истины, он очень нужен нам.

— Он даже не связался с нами, когда умер Карл, — сказала Алекс.

— Ублюдох.

Мэнни Сорес понимал, что только через несколько дней он сможет щипать Медсестер за попки. Пока же он решил полностью насладиться приятным зрелищем. Несколько часов назад он пришел в себя и сейчас парил в счастливом царстве, навеянном наркотиками, время от времени возвращаясь в страну невероятной боли. Эта боль не занималась ерундой, она наваливалась на него и говорила:

— Эй, придурок. Ты ведь не отсюда, верно?

Мэнни снова уткнулся в экран телевизора К сожалению, ранение мешало ему настроить звук или переключиться на другой канал. Медсестры делали это за него, как, впрочем, и многое другое. Впрочем, не так уж много они с ним занимались, поскольку он по большей части спал. В такое раннее время телевизор в палате еще не должны были включать, но Мэнни нравился Кармеле, ночной сиделке. Вероятно, она это сделала, заметив, что в течение ночи он то приходит в себя, то снова проваливается в забытие. Мэнни не знал, сколько времени, показывали Кэри Гранта, игравшего щеголеватого бизнесмена в знаменитом черно-белом фильме тридцать восьмого года. Мэнни не нравилось, что в палате слишком темно: когда гас свет, Мэнни вспоминал про убийство Роджера и про того типа, которого он видел, того самого, что стрелял и в него тоже. Мерцание телевизионного экрана пронизывало темноту, отнимало у мрака силы и прогоняло неприятные мысли. Пусть и на короткое время.

Мэнни удалось удержать внимание примерно полторы минуты, потом он снова начал куда-то проваливаться. Он падал в пропитанную влагой страну, в которой плавал его мозг и тонули глаза. Он уже собирался бросить якорь в этом мягко покачивающемся океане, когда услышал звук.

Сначала он не обратил внимания на тихое позвякивание в коридоре, приняв его за журчание воды. Вскоре звук послышался снова, и Мэнни насторожился. Щелкнула и повернулась ручка двери.

В этот раз не звонок в дверь разбудил ее: в дверь постучали. Сейчас она не выплыла из сна медленно и неохотно, а проснулась резко и сразу. Ведь это не мог быть Питер: он спал на диване (отвергнув тебя). Меган не испугалась, она лишь испытала беспокойство. Питер не принял ее притязаний, но само его присутствие в квартире давало ей спокойствие, столь необходимое ей сейчас.

Меган уже не сомневалась, что полиция нашла тело Дженет. Другой причины, по которой кто-то станет стучать к ней в дверь в пять часов утра, она не видела. Впрочем, когда Дженет исчезла, Меган сразу подумала: подруга погибла.

Дженет — единственный человек в мире, которого она любила. И вот она бесследно пропала. Конечно, полиция может заявиться среди ночи, чтобы сообщить Меган, что они нашли тело, ведь иначе Меган узнает об этом из утренних новостей.

По крайней мере, она не одна, с ней Питер. Он отказался от нее, но в глубине души Меган знала, что он тоже испытал желание. Она чувствовала: что-то удерживало его. Стоит ей понять, что это, и она разрушит его тайну, сделает его беззащитным перед лицом опасности, скрытой за их стремлением друг к другу.

Меган понимала, что за дверью ее ждет страшное известие, и она сильнее чем когда-

либо нуждалась сейчас в Питере, ведь он умел успокоить ее.

Входя в гостиную, Меган терла глаза, стараясь прогнать сон. Питер уже проснулся, в руках у него была кобура, только что висевшая на спинке кресла под пиджаком. Он посмотрел на нее, и в его глазах она увидела беспокойство. Казалось, он не разделял ее уверенности в том, что за дверью полиция. Было что-то еще... она с удивлением обнаружила в них любопытство. Впрочем, ей не следовало удивляться: ночь выдалась не простая, особенно для Питера Похоже, их ждут новые сюрпризы.

Меган не осознавала, как сказывался на ней недостаток сна она находилась в состоянии, близком к трансу. Подойдя к дверям, она уже собралась снять засов, но Питер оттолкнул ее руку. Она посмотрела на него с удивлением: что, черт возьми, он себе позволяет?

Ее остановил его взгляд. Она вернулась в реальность.

— Звонка не было, — прошептал он.

Точно, подумала Меган, какая же я дура Звонка не было, а я собираюсь открыть дверь неизвестно кому.

Кто угодно мог прийти сейчас, включая того типа, от которого Питер пытается меня защитить.

Она глубоко вздохнула, В дверь снова постучали. Питер снял пистолет с предохранителя и наставил его в потолок. Меган множество раз видела такой жест в фильмах про полицейских. Вот еще одно подтверждение телевизионного мифа. Она осознала вдруг, что тянет время. Только когда Питер знаком показал ей, что пора, она спросила:

— Кто там?

Голос Меган прозвучал громче и настойчивее, чем ей хотелось. Стук прекратился.

— Меган? — послышался тихий женский голос, почти шепот.

Питер вопросительно посмотрел на нее.

— Меган,пусти меня. — Голос прозвучал очень тихо и жалобно. — Тут холодно.

— Боже праведный, это же Дженет.

Они с Питером обменялись удивленными взглядами, Меган отодвинула засов, успев заметить только, что Питер все еще сжимает в руке пистолет.

Она распахнула дверь и увидела в тени стройную фигуру подруги.

— Дженет?

В то короткое мгновение, когда Мэнни едва осознал происходящее, а затем дверь в его палату открылась, он испытал ужас. Ему стало холодно, холоднее, чем после приема успокоительных лекарств, холоднее, чем ноги его Аниты в зимний день.

Однако в дверях появилась Кармела, освещенная резким сиянием ламп в коридоре, и холод сменился темным, пульсирующим жаром. Холод при этом не пропал, но Мэнни этого не заметал.

— Мэнни, — услышал он.

То, как она произносила слова, ее роскошный, будто шелковистый, голос сам по себе мог согреть любого мужчину.

В руках у нее был кувшин с водой и поднос, на котором стояли пластмассовая тарелка и лекарства, вероятно, для нескольких пациентов.

— Извини, что нашумела, так, уронила кое-что. Я подумала, что могла разбудить тебя, вот и зашла, чтобы поздороваться.

Кармела наклонилась, чтобы взбить его подушку, тем самым дав ему возможность увидеть, что скрывалось под ее униформой.

— Привет, — едва слышно пролепетал Мэнни.

Нравится? — спросила она и хитро улыбнулась. — Вижу, что нравится.

Она громко рассмеялась, показав на его оживший под простыней член.

— Если будешь хорошим мальчиком, я дам тебе хорошенько все рассмотреть.

Мэнни онемел от изумления.

— Как только я поправлюсь, я тебе напомню о твоём предложении, — сказал он, хотя и сам не слишком верил, что это возможно.

Кармела взяла в руки пульт от телевизора и выключила фильм с Кэри Грантом. Теперь жуткую темноту нарушал лишь бледный лунный свет, пробивавшийся сквозь окна, и Мэнни видел только Кармелу.

— А зачем ждать? — спросила она его.

Кармела расстегнула несколько пуговиц на халате, и Мэнни, раскрыв рот от удивления, обнаружил, что на ней нет нижнего белья.

— Дженет! — завопила Меган.

Мисс Харрис бросилась в объятия Меган с радостью человека, который долго пропадал и вдруг нашелся.

«Какая поразительная грация», — подумал Питер.

Он снова поставил пистолет на предохранитель, спрятал его и закрыл дверь, вернув на место засов.

— Господи, я думала, что ты умерла! — всхлипывая, проговорила Меган, пряча лицо на груди подруги. — Боже мой, как мерзко пахнет. Где, черт подери, ты была?

— Твой отец с ума сошел от волнения, — сказал Октавиан, нахмутив брови разглядывая Дженет.

— Питер, какой ты глупый, — не оборачиваясь, заявила Дженет.

Она захихикала, но смешок получился неприятным, будто бульканье. Меган засмеялась вслед за ней и взглянула на Питера. Было видно, как она счастлива, что Дженет вернулась. Он понял, как сильно она любит подругу, и это его обеспокоило. Как он ни старался, головоломка не складывалась. Все, что происходило в этой комнате, было неправильно.

— Где ты была? — спросил Питер.

На этот раз она к нему повернулась.

Даже в тусклом свете, падающем из коридора и комнаты Меган, Питер видел пустое выражение ее глаз. Видимо, ей очень несладко пришлось, если у нее такой измученный, несчастный взгляд. Но даже это показалось Питеру странным. Дженет оглянулась на него так, как это делают слепые люди: она повернула голову к тому, кто сказал ей несколько слов, но в глазах у нее ничего не отразилось. И от нее действительно отвратительно пахло.

— Я заблудилась.

— Заблудилась?

— Да, просто заблудилась. Больше я ничего не могу сказать.

«В грузовике с мусором», — решил Питер.

Пятна на темном пиджаке служили тому подтверждением. Ее объяснения трудно было назвать правдоподобными. Он видит перед собой женщину. Из плоти и крови. С ней, без сомнения, что-то произошло, вполне возможно, она не хочет при нем говорить, что именно... но в этом-то и загвоздка.

Именно поэтому Питер считал, что здесь что-то не так. Несколько сотен лет общения с людьми наделяют редкой наблюдательностью, что по-прежнему позволяет видеть и простые

вещи.

Войдя в квартиру, Дженет даже не посмотрела в его сторону.

Однако она сразу же поняла, кто он такой, узнала его, увидев лишь краем глаза. Она чувствовала себя при нем совершенно спокойно, так, словно его и не было вовсе, настолько спокойно, что назвала по имени. Ее даже не удивило, что он находится в их квартире в пять часов утра.

Сразу его узнала Друг ее отца, детектив. Никаких проблем. Все понятно, верно?

Неверно.

Питер редко фотографировался и совершенно точно знал, что у Фрэнка Харриса нет его фотографии.

И они никогда не встречались с его дочерью.

Мэнни Софес никак не мог прийти в себя, он весь трепетал от восторга, глядя на обнаженную Кармелу. Она подошла к двери и закрыла ее на замок. Мэнни казалось, что ее улыбке как будто мало места на лице, такая она была широкая. Кармела медленно провела руками по своему телу и подошла к его кровати.

— Детка, посмотри, что у меня есть.

Она с удовольствием разглядывала его готовый к действию член, от чего он становился еще нетерпеливее (если такое возможно).

Затем Кармела сдернула больничную простыню и сладострастно посмотрела на Мэнни.

— Не думаю, что я на что-то способен, — сказал он, сам удивившись искренности своих слов.

Он знал, что еще не в том состоянии, чтобы хорошо сделать свое дело. Легкий перепахон — да, но ничего серьезного.

— Я буду очень нежной, Мэнни. Очень, очень нежной.

Кармела ласкала его одной рукой, медленно и осторожно, словно получала невероятное удовольствие, прикасаясь к нему. Другую руку она засунула себе между ног, и Мэнни услышал влажные чавкающие звуки.

«Господи, — подумал он, — а ведь она уже готова!»

Делая все медленно и осторожно, как и обещала, Кармела забралась на него верхом. Кровать едва заметно раскачивалась, и Мэнни было больно, но лекарства притупляли боль, а Кармела двигалась очень-очень медленно. Наконец она опустилась на него, и Мэнни охватило невероятное возбуждение.

Кармела оперлась на его руки, и ему опять стало немного больно, но он быстро обо всем забыл. Оказавшись внутри нее, он чувствовал себя восхитительно, жаль только, что она держит его руки и он не может прикоснуться к ее роскошной груди. Впрочем, вряд ли у него хватило бы на это сил. Она поднималась и опускалась на нем очень нежно и осторожно, и Мэнни едва сдерживался.

Кармела потянула на себя его простую больничную рубашку, рубашка только запахивалась на спине, и задрать ее вверх было легко. Мэнни взглянул на свою рану: доктора зашили ее и перевязали бинтами. На минуту ему стало страшно, что рана откроется... но беспокойство тут же прошло.

Кармела засунула подол сорочки ему в рот. Он попытался высвободиться, но она только сильнее прижала его слабую левую руку. Какого хрена? Они так не договаривались. Его приглушенные крики были и без того слабыми, а с засунутой в рот рубашкой стали и вовсе неразличимы. Кармела все так же двигалась на нем, все так же медленно и осторожно.

Однако Мэнни решил, что с него хватит. Он испугался, и ему снова стало очень больно.

И тут он увидел, что из теней у окна, где пару минут назад никого не было — а в этом Мэнни не сомневался, — выступил священник.

Священник улыбался такой широкой и радостной улыбкой, какой Мэнни никогда в жизни не видел.

При обычных обстоятельствах Питер попытался бы отыскать логичное объяснение появлению Дженет, ее странному поведению, даже тому, что она узнала человека, которого никогда раньше не встречала. Сейчас все обстояло иначе. Он ощущал странный запах, чувствовал: здесь что-то не так. Его уверенность росла с каждой минутой. Он пригляделся к пятнам на ее пиджаке, особенно к огромному, постепенно увеличивавшемуся пятну на спине.

Питер подошел к выключателю. Дженет что-то тихонько прошептала Меган, и они рассмеялись, как смеются влюбленные. Меган была счастлива, что подруга вернулась, хотя неприятный запах заставил ее отодвинуться, когда они уселись на диван.

— Дженет? — позвал он.

— Питер, в чем дело? — ворчливо спросила она, повернувшись к нему и взяв Меган за руку.

Он включил свет, Меган закричала, а Питер выхватил пистолет. Стало понятно, откуда взялись пятна и запах.

— Зря ты это сделал, — сказала существо, которое прежде было Дженет Харрис.

Меган снова закричала, оттого что существо поднялось и с силой потянуло ее за собой.

Питер направил пистолет в голову бывшей Дженет. Он никогда не убивал таких, как она, прежде, но знал по рассказам своих братьев, что фильмы не врут. Знал, что существует лишь одна проблема.

— Пистолет не причинит мне вреда, но, если ты его не опустишь, я оторву ей голову, — сказала существо.

Питер понимал теперь, какова природа этого существа, и слышал, какой у него пустой, неживой голос.

Мерзкий запах стал сильнее, Питер вообразил, что действия и слова мнимой Дженет не были ее собственными: восставшие из мертвых не могут быть похожими на живых без посторонней помощи. Вот почему Питеру показалось, будто «Дженет» похожа на слепую. Кто-то другой контролировал их ночную гостью, и Питер отлично понимал кто, хотя и не знал имени священника.

Больше Питер не размышлял, делая только то, что было необходимо. Он уронил пистолет.

В тот момент, когда пистолет коснулся пола, мерзкое существо потянулось к шее Меган, девушка с криком вырвалась.

— Этого не может быть! — закричала она, подумав в ту же минуту, что эти четыре слова — не самая лучшая эпитафия.

Она снова закричала. Никаких слов уже не срывалось с ее губ, она могла только громко выть от ужаса. Увидев глубокие кровоточащие царапины у себя на руке, Меган тряхнула головой, пытаясь разогнать туман, воцарившийся в ее сознании. Она наконец поняла, что больше ее никто не держит. Вцепившись в свою раненую руку, она оглянулась вокруг себя и увидела, как на полу Питер сражается с ее безумной подругой. Разум отказывался принимать то, что она увидела, происходившее было слишком неправдоподобным.

Она видела, как кулак Питера погрузился в живот страшного существа, а через мгновение вновь появился, весь покрытый сгнившей слизью... Чудовище расплосовало рубашку Питера, и Меган чуть не потеряла сознание, увидев, что ему удалось вырвать кусок спины Питера. Она отвернулась.

— Нет, нет, нет.

«НЕТ-НЕТ-НЕТ-НЕТ-НЕТ!»

Она не могла на это смотреть.

И вдруг Меган услышала рычание. В первый момент она решила, что эти звуки издает страшное чудовище, это подобие женщины, барахтавшейся на полу.

Но она ошиблась.

Шум драки стал тише, а рычание громче, и Меган пришлось посмотреть, что происходит.

Нет, ей захотелось посмотреть на это. Истерика прошла. Всю свою жизнь она ждала, когда с ней произойдет что-нибудь необычное. Если ей суждено умереть, она должна увидеть и понять, что это за существо.

Если останется жить, тем более.

Меган повернулась.

Перед ней был волк, огромный, каких она еще никогда в жизни не видела. Впрочем, волков она видела только в зоопарке. Мощным телом он прижал сражающегося зомби и, стоя над поверженным существом, вгрызался в кость.

Меган услышала, как что-то треснуло, словно сломалось что-то сухое, покрытое вязкой влагой. В еле-дующее мгновение чудовище в лапах волка перестало шевелиться. Огромный серый зверь повернул голову, и на ковер изверглось то, что он успел проглотить, — сделал ли он это сознательно или нет, Меган не знала.

Она не сводила с волка глаз, совершенно лишившись способности думать.

Наконец волк отошел от тела Дженет Харрис, ее подруги, пытавшейся ее убить. Он посмотрел на Меган, и в этот момент она наконец поняла, что произошло и кто на нее смотрит.

Она смогла только повернуться и молча уйти в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Обернув кровоточащую руку мокрым полотенцем, висевшим у зеркала в углу, она вытащила корзину для мусора с красивыми желто-красными цветами, нарисованными внутри, но она на них не смотрела — ее стошнило в корзину.

«Как?» — это была ее единственная мысль.

Кроме того, она понимала, что рано или поздно ей придется открыть дверь спальни и выйти в гостиную.

Мэнни отчаянно вопил, но крики поглощала рубашка, закрывавшая рот. Он пытался высвободиться, но тело не слушалось.

«Будь проклята эта рана!» — храбрая мысль, посетившая его голову.

Через пару минут Мэнни уже перестал вырываться, потому что его оставили силы. Священник не шевелился, только улыбался, сидя в углу. Кармела тоже улыбалась, продолжая двигаться на нем в прежнем ровном ритме.

— То, что другие называют жестокостью, — тихо проговорил священник, — я определяю как высшую и самую чистую форму искусства.

На Мэнни навалилась такая боль, что он уже не мог кричать.

Кармела перестала улыбаться, а ее лицо напряглось от боли. У нее начал расти живот,

великолепные груди затряслись, покрывшись липким потом. У Мэнни глаза вылезли из орбит.

Мэнни осознал, что кричит и плачет.

Живот Кармелы все увеличивался, уже казалось, что она на последнем месяце беременности. В следующую минуту Мэнни услышал треск и, посмотрев вниз, увидел, что живот девушки разорвался, выпустив на свет страшное новорожденное существо. Существо это было темно-зеленым, почти черным, с головы до ног перемазанное гноем. Маленькое тельце — кусок гниющей плоти с двумя кривыми конечностями. Мэнни увидел огромную голову, намного больше остального тела, с двумя светло-зелеными выступами, похожими на рога, и рот, наполненный острыми как бритва зубами. Этими зубами уродец вцепился в пенис Мэнни, словно в нелепую пуповину.

Тело Кармелы свалилось на пол, она умерла еще до того, как произвела на свет маленькое чудовище, проглотившее член Мэнни. Мэнни понимал, что священник никуда не делся, но не мог отвести глаз от мерзкой твари и от раны, оставшейся внизу живота. Страшная боль, какой он никогда не испытывал до сих пор, пронзила его. Если бы его не накачали лекарствами, он давно потерял бы сознание. Но ему не повезло. Демон, цепляясь маленькими ручками, вскарабкался вверх по его телу, сорвал бинты с раны и остановился, разглядывая открывшееся пулевое отверстие. Мэнни ничего не почувствовал, и это заставило его завопить с новой силой, хотя ему мешал кляп во рту, приглушавший его голос, делая едва слышным.

Демон опустил голову. Щупальца, которые Мэнни принял первоначально за рога, на одно короткое мгновение вонзились в рану, Мэнни сквозь собственные вопли и плач услышал чавкающие звуки: один доносился из его собственной груди, а другой издавали рога демона.

Уродец снова пополз по телу Мэнни. Мэнни с ужасом понял, что теперь чудовище устремилось к его лицу.

Мэнни попытался подвигать совершенно бесполезной рукой, он смог только чуть пошевелить ею. Мэнни знал, что должен сбросить с себя чудовище, прежде чем оно доползет до его лица. Не важно, что еще ему суждено вытерпеть, но подпускать страшное существо к глазам он не хотел.

Щупальца нежно погладили губы и нос Мэнни. Они не ранили его, но каким-то невероятным образом он знал, что они очень острые. Мэнни постарался собрать все свои силы, которых у него не было, но которые дала ему вера, схватил чудовище за один из отростков, чтобы не подпустить его к глазам.

В этот момент к нему подскочил священник. Мэнни ничего не смог сделать, когда патер с укоризненным шипением оторвал его руку от существа Мэнни понял, что ему конец. Он больше не мог сопротивляться, не мог кричать, не мог себя защитить.

Рога демона вонзились в его глаза, разорвали их и нырнули в мозг. На мгновение демон напрягся, но тут же расслабился и, усевшись на грудь своей жертвы, принялся с удовольствием чавкать.

Отец Лиам Малкеррин стоял рядом с кроватью и улыбался. Потом он взмахнул рукой, и демон, вспыхнув синим пламенем, которое тут же само собой погасло, исчез, будто его и не было в комнате.

«Всего лишь незначительный представитель мира теней», — подумал Малкеррин.

Его удивляло, что малазийцы когда-то считали этих существ сродни Непокорным —

единственным жителям потустороннего мира, которым удалось устоять перед Римом.

Он испытывал легкие приступы вины из-за того, что переборщил с юристом.

Зато какое удовольствие он получил. А теперь... ему было все равно. Пусть обнаружат медсестру и мертвого уборщика.

Малкеррин посмотрел на тело и улыбнулся.

— Настоящий художник никогда не оставляет работу незавершенной, — сказал он.

— Никогда... никогда не желай чего-то слишком сильно, — шептала Меган.

Она лежала на кровати, свернувшись клубочком.

Первые десять минут она сидела, уставившись в стену и раскачиваясь из стороны в сторону. Когда Питер перестал стучать, прося открыть ему, она легла. Она то молчала, то начинала разговаривать сама с собой, прислушиваясь к тому, как он куда-то звонил, потом отправился в душ...

«Он в моем душе!»

Сейчас он делал что-то на кухне.

— Проклятье! — проворчала Меган.

Вскочив на ноги, она расхаживала по комнате из угла в угол.

Всю жизнь Меган ждала, что с ней что-нибудь произойдет, что-нибудь захватывающее и опасное. Она мечтала встретить необыкновенного парня и сбежать с ним в Европу.

О, она встретила необыкновенного парня! Очень необыкновенного. Красивого и невероятно привлекательного, мысли о нем лишают тебя сна. А думаешь о нем ты постоянно, даже когда моешься в душе. Он просто восхитительный парень.

Но он оказался поганим оборотнем!

Меган слышала, как засвистел чайник. Это ее доконало. «Лон Чейни готовит чай в моем доме!» Она открыла дверь, не имея понятия, что сейчас будет и что сама она скажет.

Она увидела в гостиной картину, которую меньше всего ожидала. Пожилой седобородый мужчина с добрым выражением лица спокойно ел венские сосиски и листал ее «Космо».

Заметив застегнутый на молнию мешок с телом, она замерла на месте. В этот момент Питер вошел в комнату, неся в руках поднос с тремя чайными чашками на нем.

Меган потеряла дар речи, она могла только смотреть, как Питер, не глядя на нее, поставил поднос на стол. Он хотел было сказать что-то, но старик покачал головой.

— Меган, — обратился он к ней.

Она вздохнула, только сейчас сообразив, что затаила дыхание.

В ней рухнул какой-то барьер, Меган чувствовала, что сейчас расплечется.

Однако она постаралась сдержаться.

— Боюсь, я сейчас не в самой лучшей форме, сэр.

— Прошу меня простить. Я — Джордж Маркопулос. Рад с вами познакомиться.

Он протянул ей руку.

Меган этот простой жест показался каким-то фантастическим: в ее комнате все еще пребывало чудовище. Чисто инстинктивно она ответила на рукопожатие. Он мягко задержал ее в своей.

— Я доктор и друг Питера.

Услышав эти слова, Меган отняла руку.

— Значит, вы... вы... о дерьмо, — едва слышно пролепетала она.

Меган была больше не в силах сдерживаться. Она отвернулась и тихонько всхлипнула.

«Прекрати, Галахер!»

Она взяла себя в руки и снова повернулась к доктору. Она изо всех сил старалась не

смотреть на Питера, потому что, мимолетно взглянув на него, она увидела в его глазах страх и боль, которые тронули ее и на мгновение заставили забыть о том, что произошло.

— Нет, — ответил Джордж. — Я не принадлежу к числу собратьев Питера. Я такой же человек, как и вы. Поверьте, в тот день, когда он спас мне жизнь, так же как сегодня вам, я был напуган не меньше вашего.

— Но... — Меган всхлипнула, — он же оборотень или еще кто-то там. Господи, что я вообще здесь делаю?

Ей хотелось сказать себе, что происходящее нереально, но она уже понимала, что это не так.

— Нет, он не оборотень. И не чудовище. Просто он не человек.

— Ну, тогда мне понятно. Все встало на свои места, док! Спасибо, что просветили меня...

— Меган! — заговорил наконец Питер.

Ей захотелось закрыть уши руками, но она сдержалась.

— Нет! — выкрикнула она и впервые за все время посмотрела ему в глаза. — Ты просто заткнись на некоторое время, приятель. Я не идиотка и не глупая красотка из фильмов про ужасы. Клянусь Богом, я не думала, что существа вроде тебя действительно живут на нашей земле. Сидя в кино, я всегда обещала себе, что, если встречу когда-нибудь марсианина, оборотня или, будь он проклят, снежного человека, я поведу себя как разумный человек. Именно так я и собираюсь себя вести!.. Как только успокоюсь, перестану бояться и забуду, что я страшно на тебя разозлилась.

Повторяю, я — не дура. Если бы ты хотел причинить мне вред, сожрать меня или выпить мою кровь, у тебя была для этого куча времени. Боже праведный, я сама предложила тебе себя несколько часов назад, но ты отправил меня спать. А я все не могла понять, почему ты меня прогнал.

Еще интереснее стало, когда появилась моя подруга, с которой я жила в одной квартире и которую любила, наверное, больше всех на свете. Она сначала куда-то пропала, ее не было целую неделю. И за это время она превратилась в зомби! Мало того что она собиралась сожрать меня, она хотела сделать это каким-то извращенным способом. Да! Тут на сцене появился ты.

— Мисс Галахер... — начал Джордж.

— Не думайте, что я про вас забыла, доктор Ван Хелсинг, или как там вас зовут. Я оказалась в самом сердце «Сумеречной зоны», одетая в ночную рубашку и нижнее белье, а вы имеете неосторожность утверждать, что ваш «друг» Питер — хорошее чудовище. Катитесь вы ко всем чертям с вашими объяснениями. Поскольку сегодня выдался такой день, когда реальность решила взять выходной, я могу сказать это вам, доброму и симпатичному пожилому джентльмену. Я могу признаться, что хотела переспать с вашим клыкастым дружкой, что любила и спала с женщиной. Могу сказать это мужчине, которого никогда прежде не встречала и который, пожалуй, годится мне в дедушки. Я могу сказать все, что взбредет мне в голову, потому что ставки сделаны.

К концу своей речи Меган уже улыбалась, а Питер и Джордж не сводили с нее глаз, раскрыв рты от удивления. Меган видела, что они ожидали от нее совершенно иной реакции. Она улыбнулась еще лучезарнее и несколько раз вздохнула и выдохнула, чтобы успокоиться, — адреналин ревел в ее крови.

— Итак, — наконец спокойно проговорила она. — Вы сказали...

Тед Гардинер шагал мимо врачей и медсестер к палате Мэнни Сореса. Он был немного сердит и немного обеспокоен. Немного сердит, потому что не успел выспаться, потому что в который раз прибыл последним на место преступления. Немного обеспокоен, потому что расследовал дело, объяснить которое был не в состоянии. Серия странных убийств и никакой связи между жертвами, только несколько совпадений. Капитан скоро примется чистить всем морды, если в ближайшее время они не продвинулись в расследовании.

Тед поравнялся с семьями погибших. Парни в синей форме с трудом сдерживали их, не допуская на место преступления. Увидев их, Тед перестал жалеть себя, забыл и о том, что не выспался, и о гневе капитана.

«Что все-таки происходит, черт побери, и что я могу сделать?»

Он и сам удивился, когда частично смог ответить на свой вопрос. Он не имел представления о том, что происходит, зато знал человека, который, возможно, сумеет ему это объяснить... Октавиан! Подобные шулки как раз по его части. Он уважал Питера и девять раз из десяти мог бы сказать, что симпатизирует ему, то есть достаточно часто, чтобы называть его другом. Одновременно Тед был вынужден признаться самому себе, что частный детектив иногда его пугал.

Кроме того, он знал о происходившем больше, чем рассказывал.

Сорес, видевший убийцу Роджера Мартина, сказал, что тот был одет как священник. Сосед Даниэля Бенедикта говорил то же самое про убийцу адвоката. Не нужно быть гением, чтобы увидеть связь между двумя убийствами. Дженет Харрис работала с Бенедиктом, и ее исчезновение, по всей вероятности, имеет отношение к его смерти. Тед был уверен, что ее труп могут найти в любой момент.

Одна проблема Октавиан, будучи значительно умнее среднего полицейского, постоянно опережал его на шаг. Теду следовало сообщить об этом капитану, но, будь он проклят, он обещал Питеру, а к своим обещаниям Тед относился очень серьезно. Кроме того, возможно, он быстрее найдет преступника с помощью Питера, чем заручившись поддержкой придурков в такой же форме, как и он сам.

В конце концов Тед посмотрел на тело Сореса. Пожалуй, это было ошибкой. Он тут же бросился в ближайший туалет, но оказалось, что он там уже не первый.

Джордж улыбнулся. Да, Питер говорил ему, что у этой девушки сильный характер, говорил, что она умна и хороша собой, но тогда он не слишком задумывался над этими словами. Но это уже не просто характер — тут нечто большее.

Она не впала в истерику, она была в ярости — необычное поведение для человека, охваченного страхом и недоверием. Еще интереснее ему показалось, что по ее лицу он видел, как возбуждающе действует на нее ситуация.

— Так вот, я сказал, — продолжал Джордж, и они улыбнулись друг другу, словно вспомнили известную только им обоим, шутку, — что несколько лет назад я бы погиб, если бы не вмешался Питер. Практически он почти бессмертен, но той ночью, спасая меня, он чуть не умер. Он — мой лучший друг, и, будучи доктором, я снабжаю его необходимым ему питанием, чтобы он не отнимал его насильно у несклонных к этому доноров. У нас всех есть свои тайны, и своими секретами нужно делиться с друзьями. Иначе для чего же они нужны?

Глядя, как Меган пытается осознать значение его слов, Джордж решил, что она держится молодцом. Словно найдя в себе силы принять ситуацию как реальность, она посчитала логичным увидеть здравый смысл и в остальном.

— И он действительно детектив? — спросила она.

— Да, конечно, — ответил Джордж.

— Исследователь, — добавил Питер.

Это было первое слово, которое он произнес, поскольку Меган велела ему помолчать.

На этот раз она ничего ему не сказала. Джордж открыл свой чемоданчик и занялся ее рукой, и она улыбнулась Питеру. Джорджу показалось, что он увидел в ее глазах новое выражение и силу, которой у него никогда не было. Похоже, ему пора помолчать.

— Итак, кто же ты на самом деле? — спросила Меган у Питера.

Сначала показалось, что он не понял ее вопроса.

Он выпрямился и как-то весь сосредоточился, прежде чем ответить ей. Глаза его были очень серьезными.

— Думаю, после случившегося ты согласишься во все, что угодно. Поэтому я скажу правду. Я родился двадцать девятого мая 1420 года в Константинополе, столице Византийской империи, бывшей когда-то центром мира. При рождении меня назвали Никифор Драгазес, я внебрачный сын Константина Одиннадцатого Палеолога, последнего императора Византии. Так что технически я последний принц Византии. Но только технически.

Наконец он улыбнулся. Тогда как на лице Джорджа не было и тени улыбки.

— Ты мне этого никогда не рассказывал.

Он знал о прошлом Питера, знал даже его настоящее имя, но понятия не имел о его происхождении.

— А ты не спрашивал, — все так же улыбаясь, ответил Питер.

Джордж взглянул на Меган. Казалось, ее заорожило происходящее. Он видел это в ее глазах: она смогла признать существование живых мертвецов, чудовища и смерть ее больше не беспокоили, а вот живой принц из древней страны, сидевший на диване в ее доме... Джордж прекрасно понимал, что она чувствует. Его предки преклоняли колени перед Питером, поскольку они были византийцами.

— Ах, — с деланным отвращением заявил Джордж, — маленькая деталь, которую он припас, чтобы произвести впечатление на симпатичную девушку.

Кровавая бойня!

Малкеррин это обожал, он наслаждался полным уничтожением человеческой жизни. Его страсть к кровопролитию не могла сравниться ни с каким другим переживанием. В определенном смысле она компенсировала ему обет безбрачия.

Да, он обладал даром. К несчастью, те, кто стоял над ним, требовали, чтобы он отделял искусство от работы. Единственным критерием его деятельности был результат, их не интересовало качество. Но он не хотел быть низкопробным художником, малюющим дешевенькие пейзажи, Малкеррин мечтал стать настоящим мастером.

И у него действительно был талант.

Впрочем, иногда он ему мешал. Порой он слишком долго ждал, прежде чем нанести последний удар, ждал, когда свет упадет под нужным ему углом и пронзит тьму, которую он вынужден изображать. Порой он совершал ошибки.

Уборщик остался в живых после первого нападения. Юрист, девушка и детектив оказались втянутыми в это дело. Впрочем, он знал, что сможет все исправить. Может, он слишком тянет, откладывая высший момент наслаждения, теряет время, а давно пора заставить Жискара сказать, где книга. Но никто еще не высказывал ему своего возмущения. Сначала он подвяжет все концы, а Малкеррин не сомневался, что так и будет, а потом найдет книгу и вернется в Рим, чтобы подготовиться к Священнодействию.

Нет. Ничего из этого не выйдет. Гарбарينو в очередной раз скажет ему, что он прекрасно выполнил работу.

Это было бы слишком просто. Детектив принадлежит к числу Непокорных, а женщина, скорее всего, лишь телец, приготовленный им на заклятие. Если бы он знал заранее, он бы легко уничтожил его, но даже сейчас, когда Непокорный уже знает об опасности, Малкеррин почти наверняка с ним справится. Однако время истекает. Гораздо важнее, чтобы он не добрался до книги.

Это приведет к катастрофе.

Впрочем, Малкеррин успокаивал себя тем, что уже начал расчищать себе дорогу. Выйдя из здания больницы, он понял, что произошло в квартире Галахер. С трупом у него была энергетическая связь, а потому он испытал сильную физическую боль во время ее вторичной гибели. После этого он сразу же принялся за дело. Лиам Малкеррин решил, что тянуть больше нельзя.

Побывав в офисе Даниэля Бенедикта, он обнаружил, что здесь уже побывала полиция. Ничего интересного они не нашли, поскольку, вероятно, просто не знали, что искать. Они оставили все, как было. Даже ежедневник по-прежнему лежал на столе. Малкеррина такое легкомыслие поражало и одновременно возмущало. Его подчиненные никогда не позволили бы себе ничего подобного, но теперь он уже почти не удивлялся, когда сталкивался с неспособностью других людей хорошо выполнять свою работу. Коррупция, глупость и самая обычная лень стали привычным явлением. Улики, которые они могли бы обнаружить в офисе Венедикта, обнаружить было трудно, а полиция и не старалась.

Однако Непокорный Октавиан будет искать как следует, и Малкеррин не мог этого допустить.

«Сверкающий жук», которого он сотворил, прекрасно справился с задачей. Самый обычный демон, простое заклинание, но такое эффективное. Пошевелив пальцами и прошептав несколько слов, он заставил его появиться в офисе Бенедикта. Еще одно слово, и существо исчезло, вместе с ним взорвался и офис, и целая половина здания. Полиции понадобится несколько дней, чтобы разобраться в причинах пожара, а Малкеррин к тому времени будет уже далеко. Впрочем, они никогда не сообразят, что это дело его рук. Впрочем, даже если сообразят, им его не поймать.

Никогда Однако Малкеррин все равно заметал следы. Он с удовольствием расправится с Октавианом и Галахер, но для этого ему нужно вернуться. Сейчас главное — книга. Если он еще немного протянет, он может поставить под удар Священнодействие, а это уже серьезное преступление.

Он должен вернуть книгу в Рим в течение сорока восьми часов, значит, у него есть всего один день и одна ночь, чтобы справиться со своей задачей.

А Жискар должен умереть.

Тед Гардинер медленно погружался в сон, отчаянно надеясь, что ему не приснится то, что он видел в больнице. Он был доволен собой. Всего несколько минут назад он позвонил в контору и узнал о взрыве в офисе Дэна Бенедикта. Он в последний раз открыл глаза и сонно ухмыльнулся, взглянув на квадратный кусок картона на тумбочке у кровати.

Вот Питер удивится. В Шерлока Холмса могут играть двое, сообщит он своему другу, когда они встретятся в полдень, чтобы приступить к охоте.

«Игра началась», — скажет он и помашет карточкой перед носом Питера.

Его короткий визит в офис Бенедикта, может быть, позволит им избежать многих часов

метания по городу.

Его коллеги ничего не тронули в офисе, но Тед успел незаметно положить в карман этот самый кусочек картона. После разговора с Питером ему все стало ясно. Взрыв в офисе показал Теду, что они, возможно, ближе к развязке, чем предполагали.

Это была карточка из ежедневника Бенедикта. С именем, номером и названием отеля. Сюрприз ждет не только Октавиана.

— А как все началось? — спросила Меган, в ее голосе было и напряжение, и удивление, — Как ты впервые встретился с фон Рейнманом?

Джордж посмотрел на Питера, потом на Меган. Она не переставала удивлять его: за столь короткое время она сумела принять такие необыкновенные вещи.

— Память для моих собратьев — штука странная, — сказал Питер и сделал глоток чая. — Люди многое теряют в дымке времени, мы же забываем недели, месяцы, даже годы. Возвращение воспоминаний происходит активно, это своего рода упражнение. Но то, что я помню, осталось со мной так, словно все произошло несколько мгновений назад. К счастью, я не забыл о своей первой встрече с Карлом.

— Вроде как на видео, — сказала Меган, вызвав у Джорджа улыбку.

— Не совсем, — тоже улыбнувшись, ответил Питер, — но если тебе так легче представить, это довольно близко.

На несколько мгновений он замолчал, расслабился, и на его губах заиграла улыбка, он заглянул в очень далекое прошлое.

— Расскажи, — попросил Джордж.

Только сейчас он понял, как мало знает про Питера.

— Был четверг, двадцать четвертое мая тысяча четыреста пятьдесят третьего года от Рождества Христова. Турки подошли к самым стенам. Нам казалось, что они уже очень давно там стоят. Нам — это мне, Грегори, юному Андронику и итальянскому моряку по имени Карло.

— Это твои друзья? — спросил Джордж.

— Да, — ответил Питер и сделал еще один глоток чая. — Мои старые друзья.

Видно было, что их ему очень не хватало.

— Мы сражались под началом Лукаса Нотараса, нам приказали помогать немцу Йоханнесу Гранту. В нашу задачу входило помешать туркам прорыть тоннели под городскими стенами. Мы прикрывали стену, которую должны были охранять отряды венецианца Минотто Боккиарди. В городе было много итальянцев, в основном моряков, были и другие христиане. Мы и сами рыли тоннели около Калигарианских ворот, нападая на турок и сербов — добытчиков серебра, — которых они заставили служить себе.

Армия султана окружила городские стены, а ведь их длина была четырнадцать миль. Его армия насчитывала восемьдесят тысяч человек, а нас, внутри крепости, было меньше семи тысяч. Наши потери нельзя было назвать серьезными, но раненых было много, а запасы продовольствия и оружия подходили к концу. Мы могли бы продержаться только до прихода подкрепления. Венецианский капитан Тревисано удерживал турок в Босфорском проливе и на Мраморном море. Мы построили бон, закрывший наш залив Золотой Рог. Они не должны были его миновать. Но турки совершили невозможное: они провели свои корабли к Золотому Рогу по суше.

Нам приходилось рыть все новые и новые тоннели и защищать осаждаемую стену, борясь за каждую пядь земли. Впрочем, мы знали, что судьба города решена. Тот день, двадцать четвертое, выдался очень необычным. Мимо нас прошла процессия, они несли самую главную нашу святыню — статую Богородицы, ей был посвящен город. Все, кто мог,

если только не были заняты работой на стенах, все мужчины, женщины, дети шли в этой процессии.

— И они ее уронили, — сказала Меган. — Я про это читала, но поверить не могу, что ты там был.

Джордж молчал.

— О, я там был, — продолжал Питер. — Они ее не только уронили, они не могли ее потом поднять. Не могли, и все. И точка. Восемь человек старались сделать это. Вокруг заговорили о том, что Богоматерь нас оставила. Статуя упала на ногу одного из тех, кто ее нес. Ногу ему раздробило. Вытащить его тоже долго не получалось. Несколько минут никто вообще не мог сдвинуть статую с места, а потом она вдруг вновь обрела прежний вес, и носилки легко водрузили на плечи четырех мужчин.

Думаю, не стоит говорить, что процессия дальше не пошла. Когда все разбежались, стало еще хуже. Небо в буквальном смысле разверзлось, и с него полились могучие потоки воды, я таких никогда ни до, ни после не видел. Вода пронеслась по городу и убила несколько человек. Нас спасло то, что дождь лил и на турок тоже. Иначе все закончилось бы прямо тогда.

Ночью нас распустили отдохнуть, мы с друзьями сидели в роще, пили и разговаривали, делились своими страхами. Странности продолжались... той ночью я встретил Карла фон Рейнмана.

Было тепло, и горькое вино на вкус было словно бычья моча, во всяком случае так думал Никифор. Но другого не было. Четверо мужчин сидели, погружившись в свои мысли, и молча передавали вино друг другу. И мужчины, и женщины, и дети восстанавливали то, что разрушил пушечный обстрел в течение дня, Свет полной луны пробивался сквозь ветви деревьев, слышно было пение соловьев.

— Странно, правда? — послышался незнакомый голос.

Все четверо дружно повернулись к подошедшему незнакомцу.

— Что странно, если не считать вас? — спросил Никифор.

Незнакомец приподнял бровь и как будто фыркнул, словно ему вдруг стало весело. Он прислонился к стволу дерева. Он снова заговорил, и на этот раз они сообразили, что у него немецкий акцент. Это был о несложно, ведь, они уже много дней работали с Йоханнесом.

— Соловьи. Если подумать, что здесь должно произойти, им следовало бы улететь вместе с остальными птицами. Однако они остались. И все еще поют.

— А почему бы им не петь? — спросил Грегори. — Может, вы думаете, они остались, потому что считают себя, обязанными перед императором? Они остались, потому что захотели... кто знает, что у птицы в голове? А поют они, потому что птицы, должны петь.

— Возможно, — сказал незнакомец.

На его лице появилась грустная улыбка.

— Кроме того, — проговорил Андроник, — почему вы так уверены, что город падет?

Все четверо посмотрели на него усталыми глазами. Андроник знал достаточно, чтобы не говорить этого.

— Знаете, что еще? — продолжал незнакомец так, словно не слышал этих слов. — Розы. Я удивлен: они цветут.

— Розы? — переспросил Никифор.

— Да, розы, разве вы не чувствуете запаха?

— Я чувствую только запах скота и дерьма, — ответил Карло.

— Тем хуже для тебя, — сказал незнакомец и впервые посмотрел на них. Остановил взгляд на Никифоре.

— Могу я к вам присоединиться?

— Вино почти кончилось, — заявил Андроник.

Все знали, что это не так.

— Я не пью вина, — сказал незнакомец.

Наступило неловкое молчание, и особенно не по себе стало Никифору: незнакомец бросал на него пристальные, изучающие взгляды.

— Ну, хорошо, — проговорил наконец Грегори, — садитесь и назовите свое имя.

Незнакомец принял его приглашение.

— Я Карл из Баварии, — представился он.

Остальные по очереди назвали свои имена.

— А как вы оказались приговоренным умереть вместе с Константинополем? — спросил Нгасифор.

— Не по собственной воле, уверяю вас. Я был пассажиром на венецианском корабле, направлявшемся из Черного моря в Эгейское. Это было в ноябре, тогда султан впервые сказал, что будет топить все корабли в проливе. Разумеется, ему никто не поверил.

— Корабль Риццо? — спросил Карло.

— Совершенно верно. Корабль потопили. Всех, кто остался в живых, но не смог добраться до города, обезглавили. Капитана, естественно, зарубили саблями.

— Да, самая тяжелая судьба в этой осаде выпала простым матросам, — произнес Карло.

— Может, и так... — выпалил Андроник, — но мы им отплатили. Авести шестьдесят турок были казнены за сорок членов команды, за христиан, служивших на корабле Риццо. В любом сражении такая расстановка считается честной.

— Нет, Аронкус.

Грегори покачал головой.

— Это не торговля. Триста жизней отданы за жадность и жажду власти.

— За жизнь! За свободу! За Бога!

Никифор разозлился.

— Я не желаю слышать ни слова, Грегори. Ты мой друг, Грегори, но мы сражаемся во славу Божью, мы отдаем свои жизни, и я надеюсь, мы уничтожим этих дьяволов, отказавшихся от небес. Всех до одного. Мы сражаемся за самих себя. Если так суждено, я с радостью приму свою судьбу! Пусть придут, пусть увидят, что сделали с нами их дьявольские желания.

Все замолчали. Несколько минут они сидели молча, глядя в землю, мрачные, злые и немного напуганные. Все, кроме одного. Карл смотрел на Никифора и широко улыбался. В его глазах горело восхищение.

— Хорошо сказано.

Никифор решил, что незнакомец ему нравится, не важно, правду он рассказал о себе или нет.

— Только вера может спасти нас, — настаивал на своем Грегори, — сила Христа и Святой Матери. И добрая воля Константина Великого.

— В таком случае мы мертвецы, — сказал Никифор.

И прошлую ночь, и весь день он был в мрачном настроении.

— Само Небо отвернулось от Константинополя. Грег, ты помнишь пророчества?

Андроник, а ты?

— Последний христианский император Византии будет носить то же имя, что и первый, Константин, сын Елены, — ответил Андроник, опустив глаза.

Он был самым молодым из четверых, и ему не было стыдно показать свой страх.

— Там еще было что-то про луну, — напомнил Карло с надеждой в голосе.

— Город не падет при ущербной луне, — сказал Андроник, поддавшись его настроению.

— Луна прошлой ночью была полная сердито возразил ему Никифор. — Нам больше не на что надеяться.

Они все разговаривали. Необычный для этого времени года, очень густой туман прокатился над городом и также быстро исчез. Никифор и его приятели слышали вопли горожан у стены. Они кричали, что в тумане скрывается Святой дух, покинувший Константинополь.

— Чушь, — сказал он друзьям.

— Но они в это верят, — возразил ему Андроник.

— Они много во что верят, — заявил Никифор. — В основном в разные глупости. Я устал от предрассудков.

— Бог — это не предрассудок! — резко сказал Грегори.

— Ты же знаешь, что я совсем не это имел в виду, Грег.

— Ну, туман рассеялся, на небе полная и ясная луна, — проговорил Карло.

Все подняли головы.

— Смотрите! Там, наверху, — услышали они громкий крик часового.

— Что случилось, Георг? — крикнул Андроник.

— Огни! — услышали они в ответ.

Они бросились к лестнице.

Как только они взобрались наверх, необходимость в словах отпала. Часовой просто показал на восток, за Золотой Рог, где на равнине, далеко за лагерем турок, в нескольких местах горел странный зеленый свет.

— Как вы думаете, — сказал Георг, — может, к нам на помощь пришел принц Хуньяди из Трансильвании?

В его словах прозвучала такая надежда, что Никифор неохотно ответил:

— Может быть.

— Только я почему-то думаю, что это не он, — сказал из-за его спины Карло.

Они стояли на стене и смотрели на странные огни. Никифор отошел в сторону.

— Друг мой, — услышал он шепот Карла. — Мне кажется, нам нужно поговорить.

— О чем?

— О мести. И о будущем.

— Здесь у нас нет будущего, — без колебаний сказал Никифор.

— Я тоже так считаю, — проговорил Карл.

Заглянув ему в глаза, Никифор увидел боль и ненависть, увидел ум, который заметил и раньше.

— Идемте.

Они вместе спустились по лестнице и все полмили до Петры, где тогда жил Никифор, молчали. За зданием раскинулась маленькая рощица, в ней они и разговаривали в первый раз по-настоящему.

— Ты хочешь умереть? — начал Карл.

— Никто не хочет.

— Ты хочешь убивать?

— Турок. Султана.

— Ты хочешь покинуть эти места?

— Если я не встречу смерть и не отличусь на войне, я так и поступлю. Да, я бы хотел посмотреть мир, — ответил Никифор.

Он посмотрел на своего собеседника повнимательнее, его вопросы начали беспокоить.

— Если я пообещаю тебе что ты не умрешь, что убьешь множество турок и увидишь весь мир... Если я пообещаю тебе все, что пожелаешь? Уедешь ли ты со мной отсюда завтра?

— Как вы можете пообещать мне все это?

— Отвечай на мои вопросы, — сказал Карл весело.

В его голосе не было ни капли раздражения.

Карл не мог знать, что Никифор Драгазес много раз покидал Константинополь. Он побывал в Сербии, Валахии, Венеции, Риме и даже в России. У него не было правильного образования, но он обладал острым умом. Ему не трудно было понять, кто перед ним.

— Вриколак, — уверенно сказал Никифор.

— Да ладно тебе, — успокоительно проговорил Карл. — Я слышал, как ты сказал, что устал от предрассудков.

— Я не для вас говорил.

— Нет, конечно. Однако я знаю разницу между предрассудком и легендой, знаю, что легенды существуют не просто так, а с определенной целью, они о чем-то рассказывают нам. Вот и все, — с хитрым видом ответил Карл.

— Ты вриколак, — совершенно уверенно повторил Никифор.

— Следуя твоей логике, я один из тех, кто послужил рождению легенды.

— Ну, мы знаем, кто ты такой и что мне предлагаешь. Почему ты заговорил именно со мной и какую цену мне придется заплатить?

— Ты и сам знаешь цену. Ты умрешь, не умирая. Солнце станет твоим врагом. Католическая церковь тоже. Тебе будет трудно есть, но турок много, и ты получишь их кровь. И ты лишишься своего имени.

— Я не понимаю, что значит «умрешь, не умирая», — ответил Никифор. — Я и без того предпочитаю ночь, а церковь уже стала моим врагом. Я не могу себе представить, что когда-нибудь не буду нуждаться в пище, но мысль о возможности пролить кровь турок мне нравится. А мое имя... оно — ничто. Но я хочу знать, почему ты обратился именно ко мне? Здесь полно солдат, которые с радостью согласятся убивать турок вместе с тобой, вриколак.

— Да, но сколько среди них сыновей Константина? Сколько родилось воинами, как ты? Многие ли осмелятся добровольно умереть, чтобы вернуться на поле боя в обличье самой смерти?

Оба молчали, свет полной луны пробивался сквозь ветви деревьев. Они стояли, глядя друг другу в глаза. Всю жизнь Никифор лелеял гнев, скрывая его от друзей. Всякий раз, возвращаясь в Константинополь, он хотел тут же его покинуть. Он искал нечто, чего нигде в мире не мог найти, нечто, чему не знал имени. Храбрость, знание, власть, ответы на вопросы, роившиеся у него в голове, цель и возможность освободиться от кипевшего в нем гнева... Он уже решил, что скажет Карлу.

— Многие ли на такое осмелятся? — снова спросил Карл.

— Только один.

— Вот так все началось, — сказал Питер, допивая чай. Джордж и Меган расслабились и дружно вздохнули.

— Но ведь случилось еще очень многое... — начала Меган.

— Это подождет, — ответил Питер. — Сейчас у нас масса забот. В другой раз я расскажу тебе, что произошло потом, расскажу про клан.

— А как же солнце? И чай, и крест, вся эта чушь? — спросила Меган.

— Ну, насколько мне известно...

— Ха, вот мы и вернулись к тому, с чего начали. Это в каком же смысле «насколько мне известно»?

— Если ты позволишь... — Питер приподнял одну бровь, — я тебе объясню.

Меган смущенно извинилась и добродушно пожала плечами.

— Я не ем. Я могу, но потом меня всегда тошнит. Какой-то сложный метаболизм. Могу пить почти все, но только если жидкость не слишком крепкая или густая. Джордж уже сказал, что он снабжает меня...

— Как вам это удастся? Разве сейчас запасы не контролируются строжайшим образом? «Она безоговорочно приняла ситуацию», — удивленно улыбнувшись, подумал Джордж. Девушка вызывала у него восхищение.

— Это проще, чем вы думаете. Питер может... вы уверены, что хотите знать?

Она кивнула. Джордж посмотрел на Питера, тот не был против.

— Если человек умер не слишком давно, я всегда могу взять часть крови. Особенно если несчастный потерял крови много, недостатка никто не заметит. Я держу ее в холодильнике. Если мои помощники спрашивают, я говорю, что она нужна мне для сравнительного анализа. К тому же Питер может использовать и зараженную кровь. Алкоголь и наркотики не годятся, а вот инфекционные болезни ему не страшны. Когда доноры оказываются ВИЧ-инфицированными, кровь уничтожается, а я прибираю ее к рукам.

Было похоже, что Меган слегка запуталась, а Питер как будто смутился.

— Но я думала, она должна быть, ну... понимаете... свежая.

— Не должна, — быстро ответил Питер. — Свежая значительно лучше и... скажем, вкус у нее более изысканный. Но то, что дает мне Джордж, вполне подходит. Не нужно обманываться, Меган. Во многих отношениях я действительно чудовище из легенды. Я родился воином, и умер воином. Первые четыреста пятьдесят лет я питался так, как принято у большинства моих собратьев. Отнимал кровь у людей. Некоторые из них отдавали ее добровольно, другие — нет. Мне это напоминало охоту на диких животных и одно время очень нравилось.

— Почему ты перестал это делать?

И снова Джордж удивился. Казалось, Меган не была потрясена ни откровениями Питера, ни тоном, каким он рассказывал о себе. Его слова лишь подогрели ее любопытство.

— Я несколько десятилетий размышлял над природой охоты и вдруг начал испытывать внутреннюю боль. Это была боль духа, возможно, души. Даже когда я жил в той стране, которую принято считать центром христианской веры вот уже в течение тысячелетия, я не знал, есть ли у людей душа. Но однажды меня снова стали посещать те же вопросы. Что такое душа? Может ли ее иметь существо вроде меня? Существо, подвергшееся темному превращению...

Они помолчали. Питер смотрел в окно, Меган — на него, а Джордж изучал свои

ботинки.

— Но это уже другая история. Давай не будем больше об этом говорить.

Он взглянул на Меган.

— Я очень хочу, чтобы ты мне доверяла, хочу тебе нравиться. Но пойми меня, сейчас я больше не в состоянии говорить об этом.

Джордж все изучал ботинки, но краем глаза видел, что Меган взяла Питера за руку. Мгновение все длилось и длилось, увеличилось до невероятных размеров, но в конце концов его разорвал телефонный звонок.

Джордж посмотрел на часы — половина седьмого утра. Питер взял трубку после второго звонка. Чтобы подойти к телефону, ему пришлось миновать то место, где лежало тело Дженет. Меган видела это и молча подобрала под себя ноги. Питер выслушал человека на другом конце провода и что-то бормотал в ответ. Джордж подвинулся поближе к Меган, взял ее руку, ту же, которой она держала руку Питера.

— Мне очень жаль, что все так получилось. Скоро мы уберем ее отсюда, — сказал он.

Она посмотрела на него с благодарностью.

— Спасибо. Если бы вас не было здесь, я наверняка решила бы, что спятила Или убедила бы себя в этом.

— Питер мне позвонил. Разве я мог ему отказать?

Он знал, что я единственный человек, который сможет все объяснить вам. Кроме того, он...

Джордж не договорил, но по ее глазам он понял, что она догадалась, что он хотел сказать.

Проголодался.

Питер положил трубку. Новости были очень плохими, но они подтвердили его предположения.

— Меган, ты держись гораздо лучше, чем могла бы. Во всяком случае, мы с Джорджем думали, что будет хуже... учитывая все обстоятельства И я рад. Но это еще не все. Человек, убивший Дженет, в городе, он использовал ее, чтобы попытаться расправиться с нами обоими. Сейчас ясно, что он не знал о моей природе, но неожиданность помогает только один раз. Он прикончил Роджера Мартина и Дэна Бенедикта Мне звонил Тед, сказал, что тот уборщик тоже мертв. И еще медсестра. Тед говорит, это было ужасно.

Мы больше не можем терять время. Если ты заметила, скоро выйдет солнце, а нам нужно найти нашего врага прежде, чем он найдет нас. Нам троим следует выспаться, мы отдохнем до одиннадцати, а потом отправимся на охоту.

Человек, которого мы ищем, — священник. В прямом смысле. Он самый настоящий представитель церкви. Обстоятельства смерти Бенедикта и уборщика указывают, что он член Ватиканского общества Вот уже много лет они никак себя не проявляли, не афишировали свое существование. Человек этот — колдун.

Оба собеседника Питера одновременно открыли рты, собираясь спросить его о чем-то.

— Да, магия существует, демоны тоже, но мы поговорим о них позже. Наш враг очень силен и опасен. Нет, я не знаю, известно ли о нем Папе Римскому.

Он понимал, что голова у Меган идет кругом, но уже не мог остановиться.

— Сейчас речь идет не о мести, не о разгадке преступления или тайны. Это требует терпения. Наша задача найти его раньше, чем он найдет нас. Ты меня поняла?

— Да.

Питер видел, что Меган действительно все поняла. Не осознала, что происходит, но услышала его слова.

— Вопросы есть?

— Миллион, но они подождут до утра, то есть до одиннадцати. Несмотря ни на что, мне кажется, что у меня не будет проблем, чтобы заснуть. Так или иначе, я привыкла спать по ночам. А эта ночь вышла очень длинной.

— Иногда это бывает, — не стал спорить Питер.

— А как насчет... — начала было Меган.

Она посмотрела на тело Дженет и замолчала, отвернувшись.

— Иди спать, — сказал Питер, — Джордж потом расскажет тебе, что мы будем сегодня делать.

Меган встала и подошла к черному мешку. Она не стала наклоняться, чтобы дотронуться, и не смотрела на него. Она взглянула на мужчин. Один из них был очень стар, другой — бесконечно стар.

— Я ее любила, — сказала Она.

И они отвернулись. Она наконец ушла в свою спальню. Когда дверь за ней закрылась, они занялись делами, хотя слышали, как она заплакала. Прошло несколько минут, и в квартире воцарилась тишина.

ПИСЬМО ОТ БРАТА ЛИАМА МАЛКЕРРИНА, представителя Исторического совета Ватикана, его преосвященству кардиналу Джанкарло Гарбарينو, личному помощнику Его Святейшества и председателю Исторического совета Ватикана.

«Ваше преосвященство!

Дела обстоят не слишком хорошо. Стоит мне подвязать один свободный конец, как тут же высвобождается два других. Прошлой ночью я обнаружил еще один из таких концов — Непокорного. Не знаю, как вышло, что он связался с кардиналом-вероотступником, но он самым дурацким, образом занимается расследованием. Судя по всему, он прятался под личиной детектива почти десять лет.

Я не сомневаюсь, что его и женщину, оказавшуюся под его защитой, необходимо убрать. Однако сейчас, зная, что Священнодействие, которое мы стараемся приблизить и которому немец из числа Непокорных и кардинал-вероотступник пусть и невольно, но пытались помешать, зная, что это великое событие приближается, я должен принять самые жесткие меры.

Ваше преосвященство предпочло бы, чтобы я дождался указаний, я понимаю это, но я не могу ждать. Я обращаюсь к Нашему Богу и всем, кто Ему служит, чтобы они помогли вам меня понять. Я должен действовать.

Сегодня, пока Непокорный будет спать, я отправлюсь в отель, где прячется вероотступник. Я заставлю его открыть мне местонахождение книги, и, когда получу самую священную из книг, я у бью его. Я покину Бостон, оставив там тех двоих, о которых, писал ранее — “детектива” и его подругу — и которым что-то известно об этих событиях. После Священнодействия я вернусь в Бостон и разберусь с ними, как и со всеми прочими свидетелями.

Я понимаю, что мои действия противоречат вашим приказам, и я готов с радостью принять любое наказание за свое непослушание ради того, чтобы Священнодействие состоялось так, как мы планировали.»

Ваш брат во Христе Лиам.

Джо Будро собирал книги еще с тех пор, как был подростком. Начал он с Яна Флеминга, а теперь, в тридцать два года, стал обладателем целой библиотеки, включавшей даже произведения Эндрю Вакса и Уолтера Мосли, пройдя таким образом длинный путь от Джеймса Бонда. Он всегда хотел стать писателем, даже продал короткий рассказ, когда учился в колледже, но ему не хватало терпения.

Вот почему он продавал книги. Конечно, он закончил Бостонский университет с отличием по специальности «английский язык». А потом занялся тем, чем всегда хотел заниматься (с тех пор, как отказался от мысли стать писателем). Он стал преподавать литературу в средней школе.

Правда, это занятие он бросил.

Джо Будро имел репутацию человека, который постоянно что-нибудь бросает. В детстве брал уроки игры на гитаре. Бросил. Играл в футбол у «Папы» Уорнера⁹. И это тоже бросил. Когда учился в школе, нанялся на работу в «Баскин Робинс». Вы уже знаете, что было дальше. Потом взялся писать. Его родные не сомневались, чем закончится его писательская карьера. По правде говоря, Джо уже ничего другого и не оставалось, потому что его бабушки и дедушки, дяди и тети, его родители и даже троюродные братья и сестры — все знали, что он ничего не доводит до конца.

Разумеется, это было чистой правдой.

Когда он начал преподавать в средней школе, все ждали, что со дня на день он бросит и это занятие. Первый год был просто замечательным. Ему попалась парочка трудных подростков, но по большей части все шло прекрасно. Джо обладал уверенностью и страстностью натуры, и у него имелась подруга Марта. На первом свидании Марта сказала ему, что еще маленькой девочкой она говорила, что, когда вырастет, станет учительницей и выйдет замуж за учителя. Они были созданы друг для друга. Марта тоже интересовалась не только классикой, как большинство книжных червей, но и современными писателями.

Правда, скоро с детьми стало невозможно иметь дело. То ли Джо устал от их равнодушия, то ли от них самих, то ли от всего сразу. Марта решила получить степень магистра, она хотела преподавать в колледже.

Джо бросил школу, а Марта бросила Джо. Их разговоры при луне про Филиппа Рота и Роберта Б. Паркера, Майкла Херра и Уильяма Гибсона, их любовь к Гарвардской площади и телевизионным шоу, мечты о собаке, которую они так и не купили (пса звали Рыжик), обожаемое мороженое, когда им становилось невмоготу, они ели одно на двоих, — все это больше не имело значения. Казалось, Марта с легкостью отказалась от всего, что их объединяло, так пьяница забывает, что делал вчера вечером. И все только потому, что Джо ушел из школы.

Не говоря уже о том, что она тут же влюбилась в Поля Уилсона, преподавателя английского.

Джо по-прежнему оставался рабски предан своей семье, хотя они потешались над его неумением объяснить причины своих поступков, над его единственной привязанностью и даже страстью. Однако с этих пор его самыми верными друзьями стали книги. Он открыл свое дело на Гарвардской площади. Именно там, где он и его бывшая подружка выпили

бессчетное количество бутылок итальянского вина и пересмотрели много чудесных французских фильмов, а позже столько же ужасных американских... да, именно там он открыл собственное дело. Книжный магазин.

Джо торговал и новыми, и старыми, прочитанными и непрочитанными книгами, книгами в твердой и в мягкой обложке, торговал ужасами, рыцарскими романами, научной фантастикой и даже сомнительными произведениями, которые специалисты окрестили «мейнстрим». Но это была только художественная литература. Его занимали человеческие истории, и если что-то было ему неинтересно, он не мог это продать. Вы им за что не нашли бы у него книг про Мадонну, фотографий обнаженных красоток, альбомов по искусству или брошюр «Сделай сам». Ничего подобного.

Дело Джо процветало. Меньше чем за два года его магазин стал самым популярным на Гарвардской площади, где большим успехом, чем книжные магазины, пользовались лишь лавки, торговавшие мороженым. Кстати сказать, Джо больше не ел мороженого. Вот уже пять лет, как он открыл свое дело. Джо стал легендой в своем районе. Он был самым счастливым человеком в мире, и ему ни разу не пришлось в голову все бросить.

До сегодняшнего дня.

Он даже не открывал книгу, лежавшую в запертом ящике за кассой. Но он видел обложку и видел выражение лица своего кузена. И ему сразу расхотелось заглядывать в книгу. Он всегда говорил, что не желает иметь в своем магазине ничего, кроме художественной литературы, и очень неохотно сделал исключение. Этот тип был его кузеном по матери, и он не мог ему отказать. Нет, он не хотел открывать эту книгу. Впервые за эти годы Джо подумал, что стоит бросить книготорговлю.

Благодарение Богу, что есть дети. Именно они его спасли. Самое большое удовольствие Джо получал, когда продавал книги детям, видимо, он испытывал чувство вины из-за того, что ушел из школы. Особенно ему нравилось продавать книги подросткам, ведь с ними бывает так трудно. Им Джо с огромным наслаждением рекомендовал что-нибудь, помогал отыскать то, что требовалось, оформлял заказы, если у него не было необходимого.

Сегодня в магазин зашел мальчик. Прежде Джо никогда его не видел. Ребенок лет двенадцати, у него были светлые, песочного цвета волосы и голубые глаза. Он был похож на американского мальчишку прошлых лет, этакий герой легенд. Впрочем, на самом деле он был американским подростком большого города в рваных голубых джинсах, в высоких ботинках, в черной футболке. В носу у него было маленькое колечко, а под мышкой он держал скейтборд.

Впрочем, для Джо было не важно, как он одет.

Важно было, что он сказал.

— У вас есть книги про Джеймса Бонда?

Джо всегда был циником, он одним взглядом рассмотрел мальчишку: ни тебе «извините», ни даже «эй, мистер». Просто вопрос.

— Конечно, — ответил Джо. — Последний Джон Гарднер стоит на полке про шпионаж. Мальчик нахмурился, словно Джо был полным идиотом, ну или вроде того.

— Нет, не то. Я хочу старые книги. Те, по которым сделаны фильмы с Коннери. Все остальное — чушь. У вас есть «Золотой палец»?

Теперь Джо улыбался. И уже ругал себя, что собирался бросить магазин.

«Одиннадцать часов, и все в порядке!»

Именно это захотелось выкрикнуть Меган, когда она вскочила с кровати. Она пережила

самую длинную в жизни ночь, и за окном наступил еще один холодный, сумрачный зимний день.

«Возможно, Питеру будет от этого немного легче», — подумала Меган.

«Бедный Питер».

Она понимала, что думать так — чистое безумие, но ничего не могла с собой поделать. Она думала и думала об этом и не могла остановиться. Проснувшись, она лежала в постели, размышляя о том, что с ней произошло. Он — не человек. Он — существо из легенды. Но он здесь, и он реален... он спит у нее на диване.

И ей это нравилось.

Ей было больно, и вряд ли она смогла бы объяснить почему. Пройдет мною времени, прежде чем она сможет смириться со смертью Дженет, и не только с самой смертью, а с тем, как она умерла, Вокруг нее происходили необычные, противоестественные вещи, но от этого Меган чувствовала себя свободнее, чем когда-либо, и могла принять любую правду.

Правда. Правда состояла в том, что она любила Дженет больше, чем кого-либо, и ей было наплевать, кто про это знает. Они занимались любовью и были друг для друга чем-то большим, чем просто любовницами. И Питер помог ей осознать это. Она поняла сегодня, что всю жизнь, сколько себя подшила, ждала, что с ней случится нечто особенное, яростное и невероятное и она сможет отдаться этому всей страстностью своей натуры, которую берегла, как девственность для брачного ложа. И теперь, когда ей представилась такая возможность, Меган испытывала настоящий восторг.

В этом тоже повинен Питер.

Правда состояла в том, что она и Питер, и ее новые друзья — полицейский Тед и доктор Маркопулос — оказались в опасности и могут погибнуть. По приказу католической церкви за ними гоняется безумец. А ведь она выросла в католической семье. Наверное, они близки к каким-то тайнам церкви, могут открыть какие-то ее секреты. Только вот святым отцам, вероятно, не нравится, что правда может выплыть наружу... тогда как Меган просто наслаждалась открытиями, которые сделала сегодня.

Правда состояла в том, что в страшилках, которые она читала, есть доля истины, что все ее знания про церковь — ложь. Впрочем, уже в школе Меган поняла, что церковь пропитана лицемерием и притворством. Это произошло тогда, когда она случайно застала свою исключительно правильную и набожную мать с вибратором между ног. Это произошло всего лишь за год до того, как ее родителей убили. Впрочем., сейчас с ней произошло нечто совершенно другое. Питер не сказал, что Бога нет.

— Я совершенно точно могу сказать, — произнес он, — я могу гарантировать его существование.

И Меган отправилась спать.

Меган много думала над этими словами. Где бы Он ни был, Он был не в церкви. Да, конечно, Питер сказал, что они столкнулись всего лишь с сектой, но тут же добавил, что она существует с тех пор, как родилось христианство. Следовательно, вполне может быть, что и Папа, и все остальные священники, которые тут ни при чем, верны постулатам церкви. С другой стороны, вполне возможно, что эти-то ребята, эта секта имеет огромное влияние в вопросах символов веры. Это может многое объяснить. Например, почему церковь до сих пор ведет себя так же, как и в Средние века.

Разумеется, мелкое лицемерие, неприятие произведений искусства, музыки, фильмов — все это ничто по сравнению с настоящим злом. С настоящим злом с большой буквы. На

протяжении стольких веков они твердят об опасности, предупреждают, стараются оградить, учат нас, как избежать зла и как с ним справиться. Они делают это так, будто хорошо с ним знакомы, с настоящим злом. Выходит, они действительно с ним знакомы.

Одиннадцать часов, и все плохо. Происходит столько событий, а она бессильна воздействовать на них. Впрочем, смешно было бы думать, что все будет иначе. Столько людей уже погибло.

Меган вздрогнула. Она еще не до конца осознала, что случилось с Дженет. Она все видела, видела слишком близко. Однако здравый смысл все подсказывал ей, что это всего лишь страшный сон. Не получалось. Она постоянно возвращалась к мысли о том, как именно Джордж «позаботится» о теле Дженет, устроив дело так, чтобы ее можно было похоронить. Вероятно, он справится, он же патологоанатом.

Она достала свою одежду: джинсы, мужскую рубашку и хлопчатобумажный джемпер. Посмотрев на часы, она поняла, что снова ошиблась.

Одиннадцати еще не было.

Она взяла одежду и на цыпочках прошла в душ милую спавшего Питера. Оделась и вернулась в гостиную. Питер все еще спал. Меган решила, что его пора будить.

Она несколько минут стояла и просто смотрела на него.

Его лицо было таким спокойным, что трудно было вообразить, какой могучей силой он располагает. Она поверила каждому его слову и чувствовала, что их влечет друг к другу. Смешно. Меган твердила себе, что должна испытывать страх или отвращение, но этих чувств у нее не было. Она была очарована.

Меган взглянула на часы. Теперь действительно пора его будить. Она наклонилась, думая тронуть за плечо. Но прежде чем она к нему прикоснулась, он так резко сел на диване, что они чуть не ударились лбами.

— Одиннадцать, — совершенно проснувшись, ровным голосом заявил он.

— Ты меня испугал!

— Извини. У меня хорошо развито чувство времени.

— Это называется хорошо? Хотела бы я, чтобы мои часы шли так же точно.

— Пора за работу.

Меган хотела было открыть занавески.

— Эй, подожди, Дай мне пару минут, ладно?

И все стало ясно. Все, о чем он рассказывал. Страдание, попытки привыкнуть к новой жизни и, наконец, победа над веками слепой веры. Поняла боль победы, смелость, необходимую, чтобы сделать первый шаг и проверить свои теории. Для таких экспериментов морских свинок использовать было невозможно.

— Скажи, когда будешь готов, — проговорила наконец Меган.

Ей бы так хотелось, чтобы в этом коротком предложении Питер услышал все, что она собиралась ему сказать.

Она не хотела заглядывать в холодильник, зная, что Маркопулос положил туда для Питера. Впрочем, она ни секунды не сомневалась, что, если потребуется, пойдет туда и своими руками даст Питеру то, что там лежит.

Неожиданно Меган поняла, что ее привлекают не опасность, не сила его личности, не истории, в которых он участвовал и о которых никогда никому не рассказывал. Она восхищалась этим существом... нет, мужчиной. Меган восхищалась Питером Октавианом. Он уже преодолел множество непреодолимых или почти непреодолимых препятствий. Она

надеялась, что удача и настойчивость его не оставят.

Зазвонил телефон. Она не могла больше смотреть на него и потому взяла трубку. Звонил Тед, с хорошими новостями.

Отец Лиам Малкеррин не слишком любил день. Солнце не вызывало у него улыбки, а от одной мысли о лете он приходил в ярость: бесконечные дни и лишь подобие ночей, жара, которая обжигает даже самую холодную душу... В общем, он ненавидел лето.

Даже сейчас, зимой, в Новой Англии, где небо затянуто тучами, обещающими снег, где приятно пронзительный ветер свободно разгуливал по пустынным улицам — до ленча еще оставалось время, — он не был доволен, ведь все еще был день. Завтра он вернется в Рим, там будет намного теплее, и сейчас он на мгновение пожалел, что не может остаться в Бостоне и завершить свою работу. Впрочем, он знал, что это невозможно. В конце концов, здесь он родился. Конечно, с тех пор прошло гораздо больше времени, чем могло показаться, взгляни кто-нибудь на его лицо. Он знал, что появился на свет ночью. Холодной зимней ночью, в канун Нового года.

Лиам Малкеррин никогда не любил день. Никогда.

Он вошел в отель «Парк-Плаза». Казалось, этому молодому человеку чуть больше двадцати. Разумеется, он был похож на Лиаму, но на того Лиаму, которому было двадцать три года: типичный ирландец, в глазах которого всегда светится улыбка. Он подошел к конторке, девушка, которая за ней сидела, посмотрела на него. Она улыбнулась и чуть приподняла голову, приветствуя его, затем заметила его воротничок и немного смутилась. Он читал ее, как открытую книгу. Ему было легко выглядеть на этот возраст.

— Прошу прощения, мисс, — сказал он с ирландским акцентом, — вы не подскажете, в каком номере остановился мой друг? Его преосвященство кардинал Анри Жискара?

— Конечно, святой отец.

Девушка улыбнулась, произнося слова «святой отец» немного кокетливо: все смотрели по телевизору «Поющие в терновнике».

— Комната номер шестьсот двадцать четыре, — ответила девушка, заглянув в компьютер.

— Большое вам спасибо. А как вас зовут, милая?

— Кэнди¹⁰.

— Ясно. Как же иначе?

Малкеррин кивнул и отвернулся.

«Пора убирать акцент», — решил он.

Внешность менять он не стал.

У двери в номер шестьсот двадцать четыре он на мгновение задержался, пробормотал короткое заклинание и уверенно повернул ручку по часовой стрелке. Он произнес последнее слово заклинания и толкнул дверь, улыбаясь от предвкушения удовольствия, которое получит, заставив вероотступника открыть ему местонахождение книги. Это займет много времени, потому что этого ему очень хочется.

Малкеррин закрыл за собой дверь. Но ни вопросов, ни беспокойства, ни страха, которые он так ждал, не последовало. Отца Жискара в номере не было.

Он ушел.

— Нет... — пробормотал Малкеррин.

Он сбросил лампу с комода, ее керамическая подставка разбилась вдребезги, и осколки разлетелись по ковру. Это в его планы не входило. Он не рассчитывал на осложнения.

Впрочем, дураком Малкеррин не был. Он понял сейчас, что предвкушение удовольствия затуманило его сознание, и он не удосужился проверить, на месте ли Жискар.

И вот его нет.

Впрочем, может быть, еще не поздно.

Малкеррин взял телефонную трубку и набрал номер.

— Алло, — сказал он. — Кэнди?

— Нет, извините. Кто это?

— А, здравствуйте. Отец Флэнэган. Я должен встретиться с отцом Жискаром Кэнди мне очень помогла, и я подумал, что это она, но...

— Извините, святой отец. Кэнди обслуживает номера. Она заменяла меня, у меня был перерыв. Меня зовут Лайза. Чем могу вам помочь?

Лиама охватило раздражение. Он не сомневался, что от Кэнди он мог узнать все, что ему требовалось. Эту девушку он не знал. Впрочем, это не важно: там, где человек был бы бессилен, ему поможет колдовство. Он сказал Лайзе, что кардинал лег вздремнуть и что ему нужно забрать почту кардинала и узнать, были ли какие-нибудь звонки.

— Извините, святой отец, но я действительно не могу...

Малкеррин тихо произнес несколько слов на каком-то языке, Лайза их не поняла.

— Все, что передавали кардиналу, у меня здесь, — проговорила она.

И тут Лиам вспомнил, что ему сказала Лайза пару минут назад.

«Обслуживание номеров».

— Спасибо, милая. Я знал, что вы поймете меня правильно. Кардинал просил меня заказать в номер бутылку вина, мы ее выпьем, когда он проснется. Пожалуйста, пришлите письма вместе с вином. Мне не придется их переписывать, и я буду очень вам признателен. И еще, пусть их принесет Кэнди, ладно?

— Конечно, святой отец, — ответила Лайза.

Выдав указания соответствующим службам, она забыла, что вообще когда-либо разговаривала с отцом Флэнаганом.

Когда Кэнди постучала в дверь, Малкеррин уже обыскал комнату несколько раз, он хотел убедиться, что ничего не упустил, например вырванные страницы книги. Он должен был обеспечить себе безопасность. Однако он ничего не нашел. Он закрыл дверь в спальню, чтобы девушка подумала, будто кардинал действительно спит, подобрал осколки лампы, принес два стакана из ванной комнаты и поставил их на телевизор.

— Кэнди?

— Да, святой отец.

Такая скромная. Такая покорная. Она вручила ему письма, и он поблагодарил ее.

— Не за что, — ответила она, улыбнувшись. — Обычно мы не приносим письма в номер, но управляющий хочет, чтобы кардинал остался доволен нашим обслуживанием.

Она волновалась, слишком радуясь его присутствию, что было несколько даже неуместно, скорее всего, она не отдавала себе в этом отчета. Девчонки из католических школ, они готовы без разговоров прыгнуть в постель симпатичного священника. С начальной школы они мечтают о порке и палке для телесных наказаний. Только вот палка эта, к несчастью для Кэнди, отправилась на покой.

Кэнди показала ему этикетку на бутылке с вином.

— Спасибо, — снова поблагодарил ее Малкеррин. — Ты не разольешь? — Он показал на стаканы.

Девушка сначала смутилась: она должна была уйти и заняться своей работой. Ей хотелось оказать ему любезность. Она улыбнулась и взяла в руки штопор.

Так, письма. От «Клермонта», фирмы, в которой работал Бенедикт, когда так не вовремя ушел из жизни. От «Нью-эйдж пресс» — ага, Жискар времени даром не терял. От кого-то по имени Джо Будро, с номером телефона.

Малкеррин взял трубку и набрал номер, Кэнди у него за спиной разливала вино. Он взглянул на нее, когда прозвучал первый гудок, и увидел, что она на него смотрит. Кэнди покраснела и отвернулась. Малкеррин понял, что он ей нравится, впрочем, она это не особенно скрывала.

— Книжный магазин, — ответил ему голос на другом конце.

— Что? — переспросил Малкеррин, в последний момент вспомнив про свой акцент.

— Книжный магазин, чего проще? Чем я могу вам помочь?

И тут Малкеррин все понял.

— А где вы находитесь?

— В самом центре Гарвардской площади, приятель. Рядом с «Клубникой» и по диагонали от магазина Гренделя.

— Спасибо.

Малкеррин повесил трубку и повернулся взглянуть на Кэнди. Она стояла почти по стойке «смирно», дожидаясь, как благовоспитанная католичка, когда ей позволят уйти.

Малкеррин подошел к ней и взял с комода один из стаканов. У него появился повод для торжества. То, что всего пару минут назад казалось ему тупиком, оказалось так просто. Там он сможет продемонстрировать — причем публично — свое искусство.

— Прошу тебя, выпей со мной.

Кэнди заметно удивилась.

— Понимаете, святой отец, я не могу. Извините. Мне нельзя пить на работе. И, вообще, пора заняться делами.

— Но я настаиваю. Пожалуйста.

Ему нужно было лишь едва слышно произнести слова и посмотреть ей в глаза. В конце концов, она именно этого и хотела. Все они этого Хотели — в глубине души.

— Раздевайся.

Прежде чем отец Лиам Малкеррин покинул отель, он изнасиловал Кэндейс Дэннигэн много раз. Винной бутылкой. Сначала целой, а потом разбитой, с острыми концами.

Но он не нарушил свою клятву хранить целомудрие.

Джо больше не мог этого выносить. День выдался скучный. Больше чем на двадцать минут никто не заходил в магазин, чтобы просто побродить среди полок. Пока его отвлекали покупатели, он мог не думать про ту книгу. Когда же они уходили, она захватывала все его мысли. Она странным образом влекла его, словно его звал какой-то голос. Джо никогда раньше не страдал от любопытства, и сейчас что-то в глубине души подсказывало ему, что беспокойство, которое вызывает у него книга, рождено не только пустым интересом.

Джо не мог заставить себя взять ее в руки. Он только выдвинул ящик и немного приоткрыл книгу. Чувшь какая-то. Ну, может, и не совсем чувшь... но он все равно испытывал разочарование. Книга была написана на совершенно для него непере译имой латыни, на мертвом языке. Да, латынь — основа английского и романских языков, но Джо был знаком с ней лишь мельком.

Он смотрел на страницу целых полторы минуты, начал читать вслух то, что там было написано. Когда он добрался до третьего предложения, он почувствовал что-то странное.

По магазину пробежал легкий ветерок. Дверь по-прежнему была закрыта, а окна у него и вовсе не открывались. Ветерок принес какой-то диковинный запах, и запах этот ему совсем не понравился. Почему-то он напоминал Джо о его неудачах, о том, как в шесть лет он серьезно заболел. Вот о чем напомнил ему этот ветер.

Через несколько минут ветер улегся, и на мгновение в магазине стало тихо. Затем книга — это была «Девушки Буффало» Ларри Макмарти — соскочила с полки и со стуком упала на пол. Вслед за ней зашевелилось сразу несколько других книг, но они остались на своих местах.

И вдруг задвигались все книги в магазине.

Толкиен и Кинг столкнулись друг с другом и свалились на пол. Ладлум и Хайнлайн медленно проплыли по проходу и поменялись местами. Все произведения Агаты Кристи соскочили с полки, повернулись корешками и вернулись на свои места Даниэла Стил, Джеки Коллинз, Сидни Шелдон и многие другие кружили по проходу, перебрались в другой, потом снова вернулись в первый... они двигались все быстрее и быстрее.

Заложив пальцем страницу и раскрыв от изумления рот, Джо замер на месте. На щеке у него красовалась свежая царапина.

Звякнул колокольчик — покупатель. Джо на мгновение отвернулся от книг и, увидев, кто пришел, тут же захлопнул рот. Его кузен кардинал Анри Жискар. У него от изумления тоже отвисла челюсть.

В этот момент полное издание о Шерлоке Холмсе треснуло Джо по голове, и он упал за прилавок. Он с трудом поднялся, потирая окровавленный висок, услышал громкий голос Анри, в голосе его звучала то ли ярость, то ли истерический страх.

— Именем Иисуса Христа я приказываю тебе. Уходи отсюда.

Джо встал. Вокруг ничего не изменилось.

— Именем Господа нашего, в которого я все еще верю, я тебе приказываю.

Книги замерли в воздухе, где в дюймах, а где и в нескольких футах от пола.

— Уходи отсюда!

Книги рухнули на пол, теперь они все были на полу.

Громко топая, кардинал подошел к Джо, и книготорговец снова испугался. На лице у Анри Жискара читались отвращение и гнев. В следующую минуту их сменили страх и печаль, такая сильная, что она заслуживала собственного имени, однако имени у этого чувства нет. Анри захлопнул книгу. Стиснув зубы, он произнес несколько слов, и в его голосе было больше боли, нежели гнева:

— Мне казалось. Я сказал. Тебе. Не открывать. Эту книгу!

Он хлопнул книгой по прилавку.

Джо не знал, что сказать. Сложите вместе чувство вины по отношению к члену твоей семьи с чувством, что ты испытываешь, когда тобой недоволен священник. Джо затошнило.

— Я не... хм, я подумал, может, в ней есть что-нибудь такое, что помогло бы расставить все по местам?

Глаза Анри снова вспыхнули гневом. Джо хотел разрядить обстановку: не важно, что сама по себе ситуация была совершенно нереальной, а значит, ничего не произошло. Он чувствовал себя дерьмово, и только потому, что согласился оказать услугу родственнику.

— Неужели ты настолько... — начал было Анри.

Однако не закончил, закатил глаза, развернулся и пошел к книгам, разбросанным на полу.

— Идем. Четыре руки лучше справятся с любой работой, чем две.

Они занялись делом, старательно разбирая книги по алфавиту и по сериям. Это было непросто даже с двумя парами рук. Джо Будро знал, что, как бы они ни старались, для одной из книг они не найдут места ни на одной из этих полок. Не важно, о чем эта книга, ей не найдется места здесь, на этих прилавках, в этом магазине.

Ей нигде не найдется места.

В отеле было не так светло, как на улице, и, войдя внутрь, Питер почувствовал облегчение. Впрочем, он все равно не снял темных очков, скрывавших от Меган и Теда, как он постоянно шурился. Джордж отправился на работу в больницу и, возможно, спит сейчас за своим рабочим столом. Питер именно так и поступил бы, будь у него рабочий стол.

Он же вместо этого среди белого дня разгуливал по городу. Да, было холодно, а небо затянуто тучами, но дневной свет оставался дневным светом. Впрочем, надо признать, что Тед позвонил очень кстати. Благодаря ему путешествие стало намного короче, чем могло быть, поскольку теперь они знали, что им следует отправиться в отель «Парк-Плаза».

— Однако день еще не закончился, — пробормотал Питер.

Меган и Тед посмотрели на него удивленно.

Меган вела себя замечательно. Она просто шагала рядом, время от времени прикасаясь к его локтю и утешая взглядом. После прошедшей ночи Питер не мог до конца поверить в происходившее. Либо она великолепно держала себя в руках и была потрясающей Женщиной, либо окончательно спятила. В любом случае Питер считал, что таких, как она, немного.

В отличие от Меган Тед болтал без умолку, словно забыв всю серьезность ситуации. Он не замолкал вот уже три четверти часа, то рассказывал анекдоты, иногда даже смешные, то с самым серьезным видом спрашивал Питера, как он себя чувствует... Иными словами, постоянно напоминал Питеру о воздействии дневного света. К счастью, ответы Теду были не нужны, хватало невразумительных звуков. В противном случае Питеру пришлось бы его слушать. Да, он сумел победить заблуждение своих братьев, которого они придерживались на протяжении многих веков. Однако это было нелегко, ему приходилось концентрироваться

каждую минуту, а в голове у него звучал мерзкий голос: «Ты давно должен был сгореть, тупица».

И, конечно, он испытывал боль. Да, ему было больно, но он знал, что так будет. Пока он окончательно не избавится от вложенного в его голову суеверия, боль никуда не денется. Питер не сомневался, что рано или поздно этот день настанет, день, когда он больше не будет чувствовать, как солнечные лучи отнимают у него силы. Боль отступит. Или почти отступит. Просто останется рядом.

Сейчас он мог передохнуть, он даже сумел внятно ответить Теду.

— Твой выход, Питер. Что будем делать?

— Мы всего лишь пришли в гости, дружище. Если только тут не будет непредвиденных проблем, — ответил он.

Они подошли к толстому азиату, устроившемуся за конторкой, табличка на конторке сообщала, что он консьерж.

— А потом? — поинтересовалась Меган.

— Займемся делом.

Питер сразу понял, что их троица произвела на консьержа сильное впечатление. Высокий, тощий белый парень с собранными в хвост волосами да еще и в темных очках, красивый, прекрасно сложенный черный и симпатичная белая девушка, каждое движение которой указывало, что она привыкла получать ответы на свои вопросы в силу своей профессии. Консьерж был озадачен.

Они назвали цель своего визита, и, увидев изумление на лице консьержа, Питер еще больше развеселился.

— Скажите, пожалуйста, в какой комнате остановился кардинал Жискар? — спросила Меган.

Она произнесла эти слова уверенно, требовательно и одновременно доброжелательно и холодно улыбнулась консьержу. Карточка на лацкане пиджака утверждала, что парня звали Джим Ли.

— Извините, — ответил мистер Ли невероятно вежливо, — но кардинал просил его не беспокоить до конца дня. Похоже, он не слишком хорошо себя чувствует.

— Понятно, — снова улыбнувшись, сказала Меган. — Пожалуй, мы не станем беспокоить его прямо сейчас, но я все равно хочу знать, в каком он номере — на будущее.

— Надеюсь, вы понимаете, мы не называем номера комнат наших гостей. Мы звоним им по телефону, и, если они считают нужным, они сами сообщают своим гостям, как их найти.

— Но вы же сами сказали, что не можете беспокоить кардинала. Насколько я понимаю, вы не будете и звонить ему, верно?

— Именно, — сказал мистер Ли.

— Хм-м-м, — протянула Меган.

Приподняв одну бровь, она посмотрела на Теда.

— Теодор...

Тед достал свой значок, и они получили номер комнаты кардинала. Меган взглянула на Питера и улыбнулась.

— Мне все это ужасно нравится.

Он видел, что она говорит правду. Впрочем, он понимал, что новизна ситуации скоро будет не такой яркой.

— Извините, если я... э-э-э... вел себя несколько грубо. Такое впечатление, что одна из наших служащих ушла с работы прямо посреди дня. Кардинал остановился в номере шестьсот двадцать четыре.

Они поднялись на лифте, молча размышляя, что может быть общего между серийным убийцей и кардиналом. Двери медленно открылись, Тед и Питер вышли из лифта прежде Меган, не успев подумать, почему они это делают: сработал инстинкт, появившийся у них в течение жизни, полной опасностей (правда, Питер прожил намного дольше). Они зашагали к номеру шестьсот двадцать четыре, а за ними, словно в фарватере главного судна, шла Меган.

Питер трижды постучал, но не получил ответа. Он предложил Теду вернуться в вестибюль и попытаться убедить мистера Ли открыть им комнату кардинала без ордера на обыск. Сердито нахмурившись, Меган опять постучала в комнату, когда Тед уже повернулся было в сторону лифта. Она сделала это, охваченная нетерпением человека, не желающего признать, что свет погас, телефон не отвечает, а дверь не открывается. Она дернула ручку.

Нетерпеливые обычно не рассчитывают, что свет загорится, кто-то возьмет телефонную трубку, а дверь откроется... однако сейчас Меган удивленно смотрела на дверь: оказалось, что она не заперта. Тед замер на месте.

— Мы не можем войти? — спросила у него Меган.

— Без ордера не можем, — ответил он, подтвердив ее мысль.

— Что... — начал Питер.

— Не мешает нам туда проникнуть, — договорила за него Меган.

Она улыбнулась и сделала шаг, собираясь войти.

Левой рукой Питер с невероятной силой схватил Меган за плечо, она тут же остановилась. В правой руке у него уже был пистолет. Он обошел ее.

— Я первый, — сказал он. — Что-то мне все это не нравится, и, если я прав, мы в тупике.

Когда Меган увидела изуродованное тело Кэнди Дэннигэн, ей и в самом деле перестало нравиться их приключение.

— Дерьмо, — выдохнула она, прикрыв рукой рот, чтобы не закричать.

Ей так много довелось увидеть в последнее время и обыкновенных, и невероятных вещей, что вид тела несчастной девушки вызвал у нее чувство, которого она не испытывала прежде и о существовании которого в себе даже не подозревала, — ярость.

Впервые в жизни, не думая ни о каких моральных нормах, она поняла, что готова убить мерзавца Легко, как сделать новый вдох, она могла бы прикончить существо, виновное в чудовищном преступлении. Дело тут было не только в самом факте убийства, не в том, что он отнял жизнь у молодой, красивой девушки. Даже не в том, что он изуродовал тело, движимый какой-то противоестественной похотью.

Меган привело в ярость удовольствие, которое испытал убийца, Она не просто пришла в ярость, его жестокость вызвала в ее душе желание отомстить.

— А ведь он священник, — прошептала она.

Питер опустился на колени рядом с телом девушки, прикоснулся к одному из немногих чистых участков кожи, чтобы определить, когда она умерла, принялся к запаху крови.

— Тед, — тихо позвал Питер.

Тед мгновенно влетел в номер, увидел, что здесь произошло, и схватил телефонную трубку.

Тед и Питер были знакомы много лет и понимали друг друга без слов.

— Меньше двадцати минут, возможно, минут пятнадцать, — сказал Питер.

Тед вызвал службу перевозки трупов, затем позвонил в вестибюль и попросил позвать мистера Аи.

— Это Тед Гардинер, бостонская полиция. Я пришел поговорить с кардиналом. Думаю, вам следует немедленно прислать сюда менеджера. И вы окажете своим постояльцам любезность, если придете тихо и незаметно.

— Тед.

— Подождите, мистер Ли.

Тед повернулся к Питеру.

— Телефон.

— Мистер Ли, пожалуйста, проверьте по компьютеру все телефонные звонки, сделанные из номера шестьсот двадцать четыре... нет, у меня нет ордера, но, если вы не сделаете этого, я упрячу вас за решетку за сопротивление правосудию. Убийца гуляет на свободе, а вы болтаете глупости. Делайте, что вам велено. Немедленно!

Книги вернулись на свои места гораздо быстрее, чем думал Джо, им с Анри понадобилось всего полчаса.

Когда, они заканчивали работу, в магазин зашел священник, и Джо увидел, что его кузен весь как-то напрягся. Джо удивила такая реакция, он попытался понять, в чем может быть причина, впрочем, конечно, дело было в книге.

Молодой священник кивком поздоровался с ними и принялся рассматривать книги. Прошло уже минут десять. Было видно, что он никак не был связан с кардиналом, кузеном Джо, но с той минуты, как он вошел в магазин, более пожилой священник ни на минуту не мог расслабиться.

Посетитель подошел к прилавку, но в руках у него ничего не было.

— Не нашли то, что искали, святой отец? — обычным вежливым тоном поинтересовался Джо.

— По правде говоря, да, — ответил священник.

— Ну, если вы знаете имя автора, я, вероятно, смогу вам помочь.

— Там много авторов.

Священник улыбнулся, но смотрел он не на Джо. Обернувшись через плечо, он глядел куда-то в сторону. Джо проследил за его взглядом и увидел, что его кузен кардинал во все глаза смотрит на молодого человека.

«Все страныде и страныне»¹¹, — подумал он.

— Ну... — нарушил Джо тишину, неожиданно воцарившуюся в магазине, — если вы мне скажете, в каком жанре вы ищете роман, я посмотрю по названиям.

— Ну, это совсем не роман, — не поворачиваясь, ответил священник.

— Не роман? Значит, это не художественная литература?

— О... — Священник помолчал и наконец посмотрел на Джо. — Нет. Вне всякого сомнения.

— В таком случае, загадка решена, — вздохнув с облегчением, проговорил Джо: теперь он может избавиться от странного клиента, пусть и священнослужителя.

— Я продаю только романы, святой отец. И ничего больше.

На лице священника появилось выражение фальшивого изумления.

— Я уверен, что вы ошибаетесь, — ответил он. — Я совершенно точно знаю, что у вас есть книга, и она здесь, которая не является художественным произведением. Это очень

старая книга, написанная разными авторами. Впрочем, А уже это говорил. Конечно, требуется немало времени, чтобы отыскать иголку в стогу сена, даже если она там есть. Однако мне доподлинно известно, что эта «иголка» спрятана именно в этом стоге, то есть там, где ее никто не должен искать.

Не зная, как реагировать на слова священника, Джо решил, что пришла пора попросить его покинуть магазин. Джо открыл уже было рот, но тот перебил его.

— Блестяще придумано! — сказал он, сделал шаг назад и коротко поклонился Анри. — Великолепный гамбит!.. Если бы вы играли с тем, кто следует правилам. Боюсь, вы зря старались.

Джо уставился на кузена, он был абсолютно уверен в том, что книга, которую ищет молодой священник, лежит в верхнем ящике под прилавком. У Анри на лице появилось изумление, и в другое время это показалось бы Джо забавным. Пожилой священник вышел из-за прилавка, встал перед незнакомцем, потрясение у него на лице сменилось гневом и отвращением.

— Как вас зовут? — спросил кардинал.

— Лиам Малкеррин. Счастлив с вами познакомиться.

— Джозеф, — обратился к нему Анри. — Оставь нас. Немедленно.

Джо не был дураком, то есть соображал он совсем не плохо и понял, что сейчас самое время все бросить, как он это умеет. Он вышел из-за прилавка.

Левой рукой Малкеррин нарисовал в воздухе несколько фигур, а затем указал на дверь. Анри и Джо услышали, как щелкнул замок.

— Не думаю, что ему нужно оставлять нас, — тихо проговорил Малкеррин.

— Кто вы? — прорычал Жискар и с отвращением покачал головой.

— Верный слуга Господа. В отличие от вас.

Малкеррин улыбнулся. Он наверняка видел, что Жискар собирался дать ему пощечину, но даже не попытался ему помешать. Шлепок разорвал тишину, а он только улыбнулся.

— Вин сидхе.

Наверное, Малкеррин произнес больше двух слов, но Джо ничего не слышал. Как только они прозвучали, его оглушило пронзительное, жалобное завывание ветра, ворвавшегося в магазин. Он закрыл уши руками, ветер и вопли прижимали его к полу.

Книжные полки сначала закачались, потом с них стали падать книги — снова! Малкеррин просто стоял на месте, словно на него происходившее никак не действовало. Джо видел, как в первую секунду Анри упал на колени, но тут же поднялся на ноги, прижимая руки к ушам.

Анри сумел сделать всего один шаг к Малкеррину, из носа у него шла кровь.

— Именем Господа нашего, — начал он, но тут книга ударила его в лоб.

На лестнице Питер побежал, Тед и Меган не отставали.

Дверь в магазин была закрыта, Питер принялся дергать за ручку, а Тед и Меган закрыли уши руками. Тед попробовал выбить дверь плечом.

— Что это за шум, черт подери? — спросил он у Питера.

— Нечто, чего я уже давно не слышал! — крикнул в ответ тот. — Отойди от двери.

Тед послушно отошел и, глядя, что собирается делать Питер, произнес:

— Послушай, я уже пробовал.

Но дверь поддалась. Точнее, развалилась на куски. Один из них угодил Теду в левую руку и чудом не задел Меган, она едва успела пригнуться и поспешила за Питером в магазин.

— Куда ты, черт тебя дери?..

Он повернулся к Меган, та уже была внутри.

— Правда, что это такое? — спросила она у Питера.

Замерев на месте, Меган прижала руки к ушам и с удивлением глядела на странную сцену, представшую ее глазам.

На полу, засыпанные книгами, лежали два человека, а куча книг все увеличивалась. В стороне, в нескольких футах, стоял молодой священник, было похоже, что ни шум, ни ветер на него не действовали. У него за спиной, около окна, парила прозрачная, мерцающая тень, ее лицо было едва различимо, видно было только, что ее рот, издававший пронзительные звуки, был широко открыт.

— Боже праведный, — завопил Тед, влетевший в магазин последним.

Священник посмотрел на Питера, и в его взгляде все трое увидели выражение глубочайшего потрясения.

— Но... но ведь сейчас день?

— И тем лучше. Я смогу тебя рассмотреть, дружище, — ответил Питер.

Радуюсь, что удалось застать убийцу врасплох, он улыбнулся, несмотря на боль, которую причиняли его чувствительным ушам пронзительные вопли.

— Не важно, — заявил Малкеррин.

Было видно, что он сильно обеспокоен.

— Питер, — выкрикнул Тед. — Может, ты скажешь мне наконец, что здесь происходит?

Питер повернулся к своим друзьям.

— Вин сидхе, — сказал он. — Баньши.

— Баньши?

Уже через секунду им пришлось уворачиваться от книг, и делали они это не слишком успешно. Одна из книг угодила Питеру в грудь. Он крикнул:

— На пол! Оба!

Меган почти ничего не слышала, но здравый смысл заставил ее броситься на пол и прикрыть руками голову. Теда природа наградила отвагой, но почти не дала здравого смысла. Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы не дрогнуть перед диким воем и ветром, от которого перехватывало дыхание.

Скорее всего, только здравый смысл и мог спасти Теда от романа в твердой обложке, ударившего его в висок, отчего он упал на колени, а из носа у него шла кровь. Тед вытащил пистолет. Локоть у него все еще ныл от удара, ветер мешал как следует прицелиться, но он справился. Он нажал на курок, Малкеррин посмотрел в сторону баньши, и Тед увидел, что у него шевелятся губы.

Тед выстрелил.

Словно ураган промчался по магазину. На глазах у Теда пуля замедлила движение, ее стало прекрасно видно, и через мгновение она вновь полетела в ту сторону, откуда вылетела. Тед успел осознать, что Питер почему-то не вытащил свое оружие. Пуля угодила Теду в живот.

Тед лежал на полу, прижав к ране руки, и видел, как Питер направился к священнику, легко справляясь с редевшим вокруг него ветром.

— Вы правы, мистер Октавиан, — высокомерно заявил Малкеррин, к которому уже вернулось самообладание. — Это баньши. Однако они предпочитают, чтобы к ним

обращались на их родном языке. Вин сидхе.

Тед попытался встать, за плечом у него появился второй баньши. Тед повернулся к нему, увидел его в нескольких дюймах от себя, отшатнулся, и в этот момент пронзительный вой наполнил его голову. Кровь потекла из носа, и он поднял руки, чтобы прикрыть голову. С громким треском, словно лопнул водяной пузырь, из глаз Теда полилась кровь. Тед упал и на этот раз не смог подняться.

Несмотря на пронзительные вопли баньши, Питер слышал, как тело Теда ударилось об пол, увидел на лице Малкеррина довольную улыбку. Только сейчас Питер понял, кто перед ним: не просто колдун, а католический колдун этого века. Его самого так часто называли злом, что он сумел распознать истинное зло.

На мгновение Питер испугался. Он слишком долго жил и многое понимал. Он посмотрел на тело Теда, его медленно засыпали книги.

Достаточно!

Слишком часто он становится причиной смерти своих друзей.

Питер отвернулся всего на мгновение, но, вновь посмотрев на колдуна, увидел, что тот даже не обращает на него внимания. Какое высокомерие! За Фрэнка и Дженет, за Меган, за всех остальных, за себя и своих братьев, за Карла... Питер твердо решил прикончить этого человека. Ведь, несмотря на магию, колдун все еще оставался человеком.

Для начала необходимо убрать отсюда Меган. Он поднял ее с пола, сбросил в сторону упавшие книги и увидел кровь на лице девушки. Он не мог понять, насколько тяжело она была ранена. Семь бесконечных шагов под порывами толкавшего в спину ветра и он бесцеремонно выбросил ее за дверь. Внизу у лестницы собрались какие-то люди, но никто не осмеливался подняться вверх.

Питер снова вошел в магазин и прикрыл уши руками, чувствуя, как боль острыми иглами вгрызается в череп. Рядом с ним, словно парус на ветру, трепетал второй баньши, их вопли уже превратились в какофонию. Стекла в окнах лопнули и посыпались на улицу.

Даже напрягая до предела все свои невероятные силы, Питер с трудом держался на ногах и потому не мог поверить своим глазам, когда одна из куч пошевелилась, посыпались книги в мягких обложках, и из-под горы художественной литературы выбрался другой священник. Это мог быть только Анри Жискар. Из ушей, из носа и глаз у него шла кровь. Правой рукой он прижимал к себе левую — вероятно, она была сломана. Он все еще стоял на коленях, пытаясь закрыть живот. Малкеррин открывал ящики под прилавком, по-прежнему не обращая ни малейшего внимания на Питера, что дало ему возможность прийти на помощь кардиналу. Питер бросился к Анри.

— Жискар?

Старик кивнул. Питер попытался его поднять, но тот знаком показал, чтобы он его не трогал. Питер посмотрел на него, пытаясь понять, почему он отказывается от помощи, и они с кардиналом встретились глазами. Питер прочитал в его взгляде страх и решимость.

— Не... дайте... ему... взять... книгу!

— Какую книгу?

— Эту! — с ликованием крикнул Малкеррин и поднял вверх огромный, обтянутый кожей том. — «Евангелие теней».

Глаза у него сияли от радости, зубы обнажились в хищной ухмылке.

Он смотрел на Питера. Точнее, сквозь Питера, детектив увидел вызов в его взгляде.

«У тебя не было ни одного шанса, Непокорный», — говорила Питеру его ухмылка.

Глядя на Малкеррина, Питер дал себе слово, что должен разобраться с этой книгой. Что в ней такого, что она стала причиной стольких смертей. Колдун убивал невинных людей, убил даже Теда. Питер был уверен, что его можно назвать воплощением зла Колдун и так заслужил смерть. Но книга — лишнее тому доказательство. Питер решил, что просто обязан ее заполучить.

Малкеррин вытащил серебряный крест и, выйдя из-за прилавка, выставил его перед собой. Он зашагал к двери, уверенный в том, что Питер не примет вызов, что он испытывает слишком сильные боль и страх, что он не станет атаковать. Он ошибся.

Восемь футов, отделявших его от священника, Питер преодолел, забыв о боли в ушах и о могуществе колдуна Крест его не пугал, не обращать внимания на него было гораздо легче, чем на дневной свет, ведь серебро становилось ядом, только проникая в его тело.

Не останавливаясь ни на мгновение, он начал менять форму с такой скоростью, что уследить за его преобразованием простым глазом было невозможно. И вот уже он превратился в огромного волка, и волк; поднялся на задние лапы. Огромными лапами волк дотянулся до священника-убийцы, оставил у него на щеке глубокие царапины. Малкеррин завопил от ярости и удивления, но книгу из рук не выпустил. Питер попытался вырвать ее, и они вступили в схватку. Малкеррин был сильнее обычного человека, Питер понимал, что причиной тому было только колдовство, такую силу он встречал лишь у своих братьев. Впрочем, Питер был сильнее Малкеррина, и священник не был к этому готов.

Два могучих существа швыряли друг друга об стены и полки, Питер пытался когтями вцепиться в колдуна, но у него ничего не получалось. Малкеррин что-то громко выкрикивал., Питер прекрасно слышал слова, но смысла их не понимал. Малкеррин сжал левый кулак, и его окружил черный сияющий ореол, пульсирующий свет, означавший смерть и боль, а значит, схватка эта — не на жизнь, а на смерть. Может быть, им всем суждено умереть.

И тут Питера осенило.

Баньши за это время даже не сдвинулись с места. Пронзительные вопли, ветер и метавшиеся по магазину книги окружали их. Один баньши по-прежнему стоял возле разбитого окна и, широко раскрыв рот, дико выл. Питер и священник были от него всего в нескольких футах. Питер поднял левую руку, оттолкнул священника, и Малкеррин шагнул назад, все так же крепко сжимая книгу в правой руке. Его левая рука прошла сквозь тело духа, и Малкеррин взревел от боли. За несколько секунд на ней образовалась корка льда, и яркое сияние превратилось в светло-голубой туман.

С громкими криками Малкеррин метнулся к Питеру, тот увернулся и схватил его. В результате оба вывалились из окна. Перед ними была улица, залитая тусклым светом.

Они падали вниз, на усыпанный осколками тротуар Гарвардской площади — бессмертный детектив, священник-колдун и книга Внизу, пропуская полицию, расступились прохожие. Питер подумал, что никогда полицейские не бывают на месте вовремя, и единственный настоящий служитель порядка уже убит и лежит погребенный книгами. Питер изо всех сил вцепился когтями в священника, и книга, которую тот все так же сжимал в руках, оказалась между ними.

Питер смотрел на нее и ждал. Уже через долю секунды, покинув обличье человека-волка, он превратился в легкий туман. Никогда раньше он не делал этого среди бела дня, и оттого ему было немного не по себе, впрочем., выбора у него не было. С другой стороны, он в очередной раз убедился, что адекватно может переносить солнце, и почувствовал себя

увереннее. Став туманом, Питер ждал, когда Малкеррин рухнет на асфальт, а значит, книга останется у него, и он сможет сбежать с места преступления до того, как появится полиция. Он надеялся, что никто не успеет разглядеть «исчезнувшего человека».

Однако что-то было не так.

Малкеррин не кричал. На его лице не было ни страха, ни осознания своей уязвимости. На нем читалось лишь легкое раздражение. Малкеррин улыбался.

Из окна книжного магазина с воем выплыли две едва различимые тени. Баньши бросились на помощь своему господину с такой скоростью, что человеческий глаз не смог бы уловить их движение. Прошло еще одно короткое мгновение, и они умчали Малкеррина прочь. От их пронзительных воплей разлетелись вдребезги окна в целом квартале, а осколки, точно злобные насекомые, принялись жалить туристов и студентов, наблюдавших за происходившим.

На следующий день у каждого была собственная версия увиденного, а некоторые и вовсе отрицали, что были там. Никто не хотел обсуждать случай массовой галлюцинации — так они это называли. Люди, выпавшие из окна, не исчезают бесследно.

«Очень даже исчезают», — подумал Питер.

Он вернулся в магазин через окно и успел улечься на пол среди мусора как раз в тот момент, когда прибыли полицейские.

Меган склонилась над телом Теда, пытаясь вытащить его из-под книг. Она не плакала, но в глазах у нее застыло жесткое выражение. Жискар склонился над грудой книг, вероятно, разбирал завал над хозяином магазина. Книги зашевелились — молодой человек был жив. Кардинал взглянул на Питера, и тот увидел в его глазах страх.

— Пирамида из книг, — тихо, словно самому себе, сказал он. — Книги чуть не стали его могилой. Не знаю, что бы я сказал его матери.

— Мне не удалось отобрать книгу, — проговорил Питер.

— Пирамиду из книг следовало бы поставить на моей могиле. Он забрал книгу? Ну, сс мной все ясно. Что же до вас — уж не знаю, как вы себя называете... книга вернулась к своему хозяину, а значит, ваши неприятности только начинаются.

— О, ты классный, верно?

Коди посмотрел на рыжеволосую женщину, говорившую с британским акцентом, и остался доволен. Ему удалось обойтись без крепкого спиртного и ловко обойти крупье в игре в очко, женщина была очень хорошенькой, а фигура у нее — просто прекрасной. Однако Коди был доволен не только поэтому: его обрадовал ее взгляд, он отлично научился распознавать этот взгляд за полтора века своей жизни.

Она приняла решение.

Как правило, так вели себя мужчины. В тот момент, когда мужчина бросал первый взгляд на женщину, он решал, хочет он с ней переспать или нет. Любой, кто знал, на что смотреть, и хоть что-то понимал в жизни, без проблем все видел. Мужская черта. Однако некоторые женщины, вроде этой рыженькой, тоже умели смотреть так.

И не только. Еще голос. Не то, как она сказала: «ты классный», — и все такое, а то, какой она сделала акцент на коротеньком словечке «о!», словно он только что снял штаны, чтобы дать ей насладиться великолепным зрелищем.

Одного взгляда хватило, чтобы он принял решение. Ему надоело выигрывать в карты.

— На самом деле это совсем не трудно, — сказал он.

Он улыбнулся и подвинулся на один стул, чтобы она могла сесть рядом. Затем посмотрел на крупье.

— Ну, сделай меня.

Крупье положил шестерку бубен на его восьмерку пик.

— Совсем не трудно? — Она рассмеялась с деланным, но исполненным значения удовольствием. — Это же Монте-Карло, сэръ.

— Да, мэ. Очко — это для маленьких детишек. Настоящие мужчины играют в покер. К сожалению, в вашем Монте-Карло почти невозможно победить казино в покер.

Он снова повернулся к крупье.

— Валяй.

— Это не мой Монте-Карло.

Крупье достал тройку червей, у него вышло семнадцать очков.

— Извините, мне показалось, что вам нравится этот город. Вы же англичанка, верно, мисс?..

— Томас. Ванесса Томас. Надеюсь, вы не попытаетесь перебить семнадцать.

— Давай, — сказал он крупье и получил тройку треф.

У крупье вышел перебор, и Коди снова выиграл.

— Отлично сработано. Итак, я назвала вам свое имя. А вы?

— Я устал играть в очко. Могу я вас чем-нибудь угостить и поставить свой выигрыш на ваше любимое число в рулетку?

— Ну... — протянула она, и в ее голосе появилось то самое выражение. — Что-нибудь выпить — просто замечательная идея. Но рулетке я предпочитаю другие игры.

Они обошлись без рулетки. Ванесса потягивала белое вино, Коди заказал себе сельтерскую воду. Они разговаривали, потом ходили от стола к столу, наблюдая, как люди проигрывали, остановись они вовремя, могли бы остаться в выигрыше. Ванессе нравились

длинные растрепанные волосы ее нового знакомого и борода, совершенно не гармонизировавшие с белым смокингом и розой в петлице, словно ковбоя попросили сыграть Джеймса Бонда У него были...

— ...Прекрасные глаза.

— Спасибо, Ванесса. Большое спасибо. Такие слова от женщины вашего класса — потрясающий комплимент.

Она покраснела, услышав эти слова.

— Знаете, а вы ведь так и не сказали мне, как вас зовут, — проговорила она, медленно поглаживая ножку бокала пальцами левой руки.

— Коди. Коди Октябрь. Прошу вас, называйте меня просто Коди.

— О-о-о! Чудесное имя. Такое американское. Совсем как из Джона...

— Фильма Джона Уэйна. Я знаю. Мне уже говорили.

— На самом деле, мистер Октябрь, я хотела сказать из фильма Джона Форда.

— Благодарение Богу, вот женщина, которая знает вестерны! С тех пор как я был мальчишкой, все так сильно изменилось.

— Да, ладно вам, Коди, вы совсем не так давно были мальчишкой. На вид вам не больше тридцати пяти.

— Вы очень любезны, Ванесса. Думаю, вы сильно удивились бы, скажи я вам, сколько мне лет.

Конечно, она была бы удивлена. Честно говоря, Коди и сам удивлялся. Он не старел с тех пор, как умер в тысяча девятьсот семнадцатом году. Однако это не все: Коди становился моложе. Никто, даже фон Рейнман не мог найти объяснение этому феномену. Коди умер за месяц до своего семьдесят первого дня рождения, а сейчас выглядел лет на сорок. Кстати, у него же день рождения через пару недель.

Черт подери, он и не собирался жаловаться на судьбу!

— Вы преувеличиваете, — сказала она ему.

— Скоро вы узнаете, что я к этому склонен.

Глядя на него с любопытством, чуть приподняв бровь, Ванесса совершенно серьезно спросила:

— И как же я это узнаю?

Только сейчас Коди уловил едва заметный ирландский акцент.

— Ну, милая, — проговорил он, всплеснув руками, как плохой актер. — Есть несколько способов узнать обо мне получше. Первое: меня уже тошнит от этого казино, от этой одежды, от сельтерской воды и людей, посещающих эти гнусные заведения с дурной репутацией. Я не говорю о вас, конечно. Беззаконие царит здесь... ну и так далее, и тому подобное. Иными словами, мне пора отсюда убираться, иначе мне захочется устроить старомодную драку, чтобы немного развлечь посетителей.

Все это он произнес с легким ирландским акцентом, желая, чтобы, услышав его, она почувствовала себя лучше.

— Вопрос в том, будет ли мне позволено спросить вас, так сказать, выложить карты на стол:.. Одним словом, один ли я уйду отсюда? Прошу вас, только не думайте, что я позволяю себе слишком много. Я точно знаю, что прямо сейчас я с удовольствием прогулялся бы по берегу под луной, и это было бы гораздо лучше делать не в одиночестве. Отправимся ли мы на мою яхту, к вам домой или просто погуляем — не важно. Важно, что вы составите мне компанию и тишина будет вокруг нас.

Пока Коди говорил, Ванесса улыбалась, и улыбка ее становилась все приветливее. В конце концов она покачала головой, тихонько фыркнула и, когда он наконец замолчал, посмотрела на него и произнесла:

— Да, мистер Коди Октябрь, как большинство американцев, вы говорите слишком много. Вы произнесли так много слов, хотя мне хватило бы нескольких. Если я правильно поняла вас, вы хотели бы прогуляться. Вот что я могу вам сказать в ответ. Я устала, и мне следовало бы вернуться в отель. Если вы готовы проводить меня, пожалуй, о лучшем завершении вечера я не могла бы и мечтать.

— О, — пробормотал Коди и протянул ей руку. — Американцы действительно говорят слишком много.

— Именно!

Она рассмеялась, и они направились к выходу.

— А где вы родились, Коди?

— Где я родился? В Айове. Но жил в самых разных местах. Можно сказать, моя душа появилась на свет на Американском Западе. На Старом Западе.

— О, ковбой, да?

— Нет. Все, что угодно, но не ковбой. Я люблю развлекать людей, рассказывать им истории.

— Отлично. Это мне нравится. Я обожаю разные истории. Расскажите мне что-нибудь, Коди, — попросила Ванесса.

Они вышли из казино в залитую лунным светом ночь и повернули к морю.

— Осторожно, Ванесса Может так выйти, что моя история не даст вам уснуть до утра.

— Надеюсь, — промурлыкала она и взяла его под руку.

«Прямо история из книжки, — подумала Ванесса — Он выиграл кучу денег, а она просто проходила мимо и улыбнулась ему... И вот, быстрее, чем она успела понять, что происходит, они оказываются на его яхте. Конечно, сначала она думает, что он какой-нибудь извращенец. Однако в глазах у него пылает честная похоть, совсем не как в тех случаях, когда парень говорит красиво, а на самом деле все врет».

Он совсем не такой. Ванесса разбиралась в мужчинах и сразу поняла, что Коди настоящий. Врал он только по-крупному, рассказывал ей сказки только для того, чтобы доставить удовольствие и ей, и себе, и она много смеялась. Она уже давно так не смеялась.

Нет, этот Коди не станет тебе врать, просто сменит тему. И сделает это очень ловко и совсем не грубо. Разговор просто, словно так и должно быть, перейдет от тех тем, на которые он не хочет распространяться, на другие, и, если не обращать внимания — а она обращала, — то и не заметишь, как мастерски он контролирует ситуацию.

Да, парень что надо. Пусть и на одну ночь.

Во-первых, и это очень важно, он забавный. Во-вторых, он умен и у него явно водятся денежки. У них было много общего: оба они не хотели говорить, откуда они, куда направлялись, и обоим было что скрывать. Не говоря уже об акценте и сильном желании, которое они не боялись показать друг другу.

И, наконец, самое главное о мистере, назвавшемся Коди Октябрь (Ванесса не сомневалась, что это имя было таким же фальшивым, как ее зубы), — он ее возбуждал. Дело было вовсе не в деньгах и уме, не в том, что он помешан на карточной игре. Даже не в том, что он был чертовски красив, ведь Ванессе никогда не нравились мужчины с длинными волосами, но Коди они шли, у него был какой-то старомодный, необычный стиль. Ей

нравилась даже его борода. И еще глаза... Она не могла подобрать слово, они были... как будто не совсем серые, в них было нечто, что сразу привлекло ее. Он был высокий, худой, крепко сложенный, но без дурацких мышц (а она ненавидела мускулистых красавчиков, которых вечно показывают по телевизору). Короче говоря, невероятно привлекательный парень, но не кинозвезда, это уж точно.

Она подошла к столу, за которым он играл в очко, вовсе не потому, что ее привлекла его внешность. В нем было нечто неуловимое, но невероятно притягательное. Ему было не больше сорока, но возле глаз залегли морщины, в которых прятался свет, озарявший лицо отцовским весельем и мудростью. Совсем пожилого человека, внимательную и одновременно беззаботную, словно ему не нужно было беспокоиться о том, какое впечатление он производит, но он это делал по каким-то своим, только ему понятным соображениям.

Все это и заставило Ванессу подойти к столу. Однако она не могла понять, почему это возбуждало ее так сильно? Что заставило ее уйти с ним вместе и практически предложить заняться любовью?

Так было со всеми мужчинами, которые ей нравились. Обаяние и тепло улыбки, беспечная естественность. Казалось, будто кто-то шептал ей: «Ты хочешь сказать, что он особенный?» Но ведь жизнь полна радости, не важно, что вечно твердят люди. Не важно, выигрываешь ты или нет, прелесть в том, как ты играешь.

Неожиданно она все поняла. Он же сам сказал, что развлекает людей. Он был артист и рассказчик, британцы редко бывают такими, пожалуй, они даже не всегда в состоянии понять этот стиль. С этой точки зрения, Коди был абсолютным американцем. Впервые за свою недолгую жизнь Ванесса позавидовала тем, кто родился в Америке, то есть людям, для кого хорошее настроение и легкий смех не были чем-то необыкновенным, они вписывались в течение обычной жизни. Коди делился с ней своим настроением и смехом, рассказывая веселые истории, для него это было так же естественно, как дышать.

Они шли рядом к пристани по залитой цементом дорожке на скалистом берегу. Он все рассказывал ей какие-то истории еще с того момента, как они вышли из казино. За все это время он прервался лишь однажды, когда она спросила у него, правда ли у него есть яхта и можно ли на нее взглянуть. Классный парень, он не стал насмешливо ухмыляться, лишь улыбнулся ей. Она подумала, что такой улыбке мужчина может научиться, лишь несколько лет прожив с одной женщиной.

Ванессе казалось, что никого на свете она так не хотела, как его, а он все трепался о том, как трахал принцессу Уэльскую.

— Ты спал с принцессой Дианой? — недоверчиво спросила она.

Он с деланным удивлением посмотрел на нее, на его лице появилось совершенно невинное выражение.

— Черт подери. По-моему, все с ней спали...

Они уже подходили к пристани, цемент уступил место дереву, и Ванесса, сжав руку в кулак, стукнула его по плечу.

— Я не спала, — сказала она.

— Какая жалость, — ответил Коди. — Я бы хотел на это посмотреть.

Она снова его ударила.

— Ну, а теперь, — продолжал он, — расскажи мне о себе. Мои истории становятся все невероятнее, и мне хочется попридержать напоследок самые лучшие и самые грязные.

— Ну, ты знаешь почти все, что я хотела бы тебе рассказать, поэтому, пожалуй, я могу рассказать тебе то, о чем умалчивает большинство женщин. Мне тридцать один год, вес пятьдесят с небольшим. У меня фальшивые зубы, но грудь — моя собственная. Я знаю, о груди в Штатах много говорят. Я не из Лондона, но всем говорю, что именно оттуда, потому что вряд ли ты слышал название городка, из которого я родом.

— А ты рискни.

— Ну, может, ты и сумеешь удивить меня, ты полон сюрпризов, но я все равно скажу, что я из Лондона. У меня никого нет — ни семьи, ни родителей. Я дважды была замужем, но никогда йе страдала верностью своим мужьям и не намерена менять привычки. У меня полно разных увлечений, главное из них ты скоро узнаешь. Остальные, скорее всего, так и останутся для тебя тайной. Ну вот, на этом практически все.

— А что ты делала в казино? Люди не отправляются в одиночестве на пару дней в Монте-Карло просто потому, что им так вдруг захотелось.

— Ну, я думала, это очевидно. Коди, дружок, я охотилась.

Он вскинул голову, и его лицо вдруг потемнело. Весельчак никуда не делся, но теперь от него исходила опасность. Ванесса не знала, как к этому относиться, а он произнес лишь одно слово. Не утверждение. Не вопрос. Это слово даже не было направлено к ней.

— Охотилась.

— Послушай. Я вижу по твоему лицу, я сразу все поняла, когда взглянула на тебя. Ты тоже охотишься, ты — хищник. Мы все что-то ищем, но только самые агрессивные, только хищники получают то, что хотят получить.

Он снова ей улыбнулся, и Ванесса улыбнулась в ответ. Она знала, о чем он подумал: они оба получают то, что хотят получить.

Коди все рассматривал девушку. Он был уверен, что она хотела с ним переспать. Он только не мог понять, согласится ли она на способ, который он предпочитает. Он знал женщин, которые были не способны пойти ему в этом навстречу, но многие, очень многие соглашались на все. В прежние времена он иногда убивал их, но постепенно научился держать себя в руках. Всю жизнь, даже до того, как майор Норт указал на него Неду Бантлайну, писателишке, давшему ему это дурацкое прозвище, впрочем, даже до этого, он почти всегда мог уговорить кого угодно на что угодно. Он предпочитал, чтобы ему предложили желаемое, и никогда не любил брать это силой. Впрочем, даже сейчас он был не против мелкой ночной кражи, если в том была необходимость, но теперь обходился без убийства. Хотя, конечно, если кто-то оскорблял его... это совсем другое дело.

Нет, Коди не любил убивать, даже ради пропитания. Он многому научился с тех пор, как снял скальп с Желтой Руки в память знаменитого маньяка Кастера, он понял, что убивать людей плохо не только для души, убийство неизбежно влечет за собой массу неприятностей.

Коди считал, что он слишком прост для всего этого. Он всегда говорил о себе, что он всего лишь рассказывает истории. Даже пятьдесят лет назад, когда он рассказывал истории, правдивые и не слишком, ему верили, а ведь никто не должен был знать, что он все еще жив. Впрочем, и сейчас он болтал без конца, и никто не принимал его всерьез.

Разговаривая с Ванессой, он все больше убеждался, что, возможно, она согласится на «самые диковинные штучки». Его жизнь стала намного легче с тех пор, как американские «доктора» стали издавать книги про людей, пьющих кровь по разным причинам — по необходимости поправить здоровье, по причине безумия или еще почему... Проклятье, даже

если он решит, так сказать, не трогать горло... похоже, он может получить массу удовольствия с этой рыженькой красоткой. Она ему очень нравилась: и умная, и хорошенькая. Коди просто обожал рыжих женщин, особенно тех, кого ему удавалось затащить в свою постель.

Так что он получит то, чего хочет. Может быть, даже выпьет ее крови. Но убивать не станет. В конце концов, она очень славная девушка.

— Ну, вот мы и пришли! — сказал он и указал на прекрасную яхту.

Здесь на рейде стояло множество роскошных кораблей. Его яхта не была ни огромной, ни вычурной, но отражала и его индивидуальность, и положение в обществе.

Они свернули на дорожку между причалами, отсюда уже было видно название судна — «Израненное колено», — странное имя для корабля. Впрочем, Коди и сам был очень странным человеком.

Ванесса только сейчас осознала, что они с Коди держатся за руки. Она и не заметила, как это произошло, так естественно, так безотчетно они это сделали. Она ему улыбнулась. Его улыбка в ответ была и грустной, и теплой, так улыбаются люди, совершающие поступки, которые им не надо было бы совершать, а поступив так, не могут забыть своего промаха.

Так улыбаются люди, во всем живущие на пределе: каждый день, каждый разговор, каждая минута — это игра, в которой нужно одержать победу. Так играют в блэк-джек.

Сама она жила совсем по-другому. Казалось, каждая мысль, приходившая ей в голову, — это воплощение сдержанности и расчета. Только не сегодня. Может быть, Коди был немного странным, он не вписывался в общепринятые рамки, но он совершенно точно имел свой собственный стиль. Он напоминал ей персонаж романа. Она на секунду сжала его руку и прошла на корабль впереди него.

— Коди!

Кто-то прокричал его имя с палубы. В этом глубоком голосе она услышала угрозу. Она хорошо знала эти интонации, так же когда-то разговаривал ее первый муж Ян. Она ненавидела этот тон.

Звук, последовавший сразу вслед за окриком, был совсем ей незнаком, но понять его смысл было совсем несложно. Этот новый звук она возненавидела еще сильнее.

Это кричал ее новый друг.

«Проклятье, как больно!»

В первый момент Коди не смог сдержать крика, он вырвался из горла, точно лишнее виски, вышитое на пустой желудок. Он медленно выдохнул, словно вытер этот самый виски с губ, взял себя в руки.

— Коди! — снова проревел голос, и все вокруг как будто замедлило свое движение. — Я не буду повторять по нескольку раз. Отойди от женщины, и мы не причиним ей вреда.

Они не причинят ей вреда? Но это из его спины торчит серебряный кинжал, а они говорят, что не причинят вреда ей? Что за дерьмо?

Коди отскочил в сторону.

Он не видел, кому принадлежал голос, но, повернувшись, разглядел троицу на пристани и человека, стоявшего в дюжине шагов от него — видимо, отошел назад, сообразив, что серебряный кинжал не попал в сердце Коди.

— Вытащи его, — сказал он потрясенной Ванессе.

— Что? Но я...

— Делай, что говорят!

Коди обрадовался, что не ошибся в ней: Ванессе хватило присутствия духа выполнить его приказ, одной рукой она уперлась ему в спину, а другой выдернула кинжал из раны. Коди не издал ни звука, только впился клыками в нижнюю губу. Губа-то заживет почти сразу, а вот из раны на спине льется кровь, и она закроется не так быстро, ведь она отравлена серебром.

— Забирайся на яхту, — прорычал он.

Все четверо уже двинулись к нему.

— Но... — снова проговорила она.

Он понял, что она напугана, что на его лице она видит ярость, боль и упрямство.

— Забирайся, черт тебя подери. Они собираются меня прикончить, так что будешь свидетельницей. Думаешь, они оставят тебя в живых?

Он хотел спасти девушку и надеялся, что ей хватит ума помочь ему в этом.

Коди сразу понял, кто эти люди. Странно только, что они так долго его искали. Смерть фон Рейнмана стала для него ударом. Сначала он хотел отомстить убийцам своего наставника, но до него дошли Слухи о других казнях, и он понял что они задумали. Он решил ждать. Гибель Карла стала последней в ряду трагедий, доказавших Коди, что его дружба с другими членами братства стала для них проклятьем Сначала его отец, Исаак Коди, затем брат, Сэм, люди, которых он любил, как братьев, — Дейв Харрингтон, Джеймс Батлер Хикок, Сидящий Бык. Расправа над Карлом все еще причиняла ему боль, но безвременная кончина близких только разожгла в Коди ярость, придала старому болтуну больше храбрости и силы, чем подарила кровь фон Рейнмана почти восемьдесят лет назад.

Прежде чем остальные успели поднять оружие, он бросился на того парня, что нанес ему удар серебряным кинжалом. Они напали на него ночью, это было очень глупо с их стороны, но он не сомневался, они будут использовать все, что только смогут. Может быть, даже серебряные пули. Рана на спине уже начала затягиваться, но серебро причиняло ему страшную боль, он мог умереть от этого. Нет, он не допустит этого.

Коди слышал, что Ванесса вскрикнула: для человека, которому всего несколько мгновений назад в спину воткнули клинок, он двигался слишком быстро. Его несостоявшийся убийца взвыл от страха, хотя его всю жизнь учили не делать этого. Коди повернулся к его братьям по церкви. Они сделали первые выстрелы, но серебряные пули угодили в яхту, в пристань и в их замолчавшего товарища. Однако Коди по-прежнему легко удерживал тело, используя его как щит, вытащил оружие.

— Боже праведный! — выкрикнул один из его врагов. — Он вооружен.

Коди действительно был вооружен. Очень хорошо вооружен. Он держал в руках девятимиллиметровую «беретту». Полуавтоматическую, заряженную, пятнадцать пуль в магазине и одна в стволе. Они не серебряные. В этом нет необходимости. Из ружья Коди стрелял лучше, но носить с собой ружье не слишком удобно, трудно прятать под пиджаком. Впрочем, он знал, что неплохо может справиться и с пистолетом. Типы, напавшие на него, вовсе не ожидали, что он будет вооружен.

— Дерьмо.

Пуля угодила ему в живот. Она прошла сквозь импровизированный щит и потому проникла в тело медленно, причиняя страшную боль. Нужно будет ее вытащить.

Пуля мешала ему, Коди в два прыжка оказался на палубе, свободной левой рукой по-прежнему прижимая к себе труп священника.

— Спускайся вниз! — приказал он Ванессе.

Однако, похоже, она его не слышала.

Спрятавшись за кабиной, он увидел своих врагов, бегущих вдоль пристани. Видимо, они решили, он взял пистолет, чтобы испугать их. Кто, черт подери, послал этих парней? Они ведь не слишком заботятся о подготовке своих операций. Коди выстрелил, и у того парня, что бежал первым, на лбу появилась аккуратная черная дырочка, пуля снесла ему половину черепа.

Двое оставшихся перепрыгнули через тело и помчались к яхте, надеясь спрятаться около нее от пуль. Коди слышал, что они прижимались к деревянной обшивке. Вероятно, они попытаются забраться на борт. Идиоты, самоубийцы и фанатики.

— Коди! — снова услышал он голос.

На этот раз он увидел, кто к нему обращался. На соседней яхте, высоко подняв в левой руке крест, от которого отражался слабый свет фонарей, стоял священник. В правой он сжимал пистолет.

— Сопротивление бесполезно. Твоя смерть — воля Господа нашего.

Коди было больно смотреть на крест, но он прицелился, две пули угодили священнику в грудь, третья отскочила от креста. Коди удалось увернуться от выпущенных пуль, но все равно он двигался слишком медленно. Может быть, дело в возрасте?

В три секунды он повернул ключ в зажигании, завел мотор, развернул яхту. Коди задом выходил со стоянки, когда слышал вой полицейских сирен. Служители порядка наконец отреагировали на сладостную песнь пистолетных выстрелов. Монте-Карло, Нью-Йорк, Канзас, как много лет назад, песнь пистолета остается здесь прежней песнью смерти, прикончившей для него больше четырех тысяч быков.

Оставшийся в живых священник бежал по пристани к яхте, не обращая ни малейшего внимания на то, что Коди по-прежнему держит в руке пистолет, а ведь он — отличный стрелок. Наконец этот идиот сообразил, что Коди не собирается сбрасывать скорость, тогда он остановился и начал стрелять. Коди просто спрятался, не обращая на него ни малейшего внимания. Не эти типы убили Карла, но Коди знал, где искать тех, кто отдает приказы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Дело не только в смерти Карла. Дело в нем самом. Они не просто пытались его убить, они нанесли ему оскорбление. Они не слишком серьезно подошли к делу и совсем не подготовились, не постарались даже выяснить, кем он был при Жизни, решили, что он не представляет никакой угрозы для смертного, да еще такого молодого. Это было неприятно.

О, а вот и последний. Пытается забраться на корабль. Коди оставил в живых одного из нападавших, ему очень хотелось поговорить с ним. Его мучило любопытство. Оглянувшись через плечо, он убедился, что, выходя из дока, яхта не налетит ни на каюте препятствие, и поспешил к священнику. Тот в этот момент взбирался на яхту, подтягивал ноги. Убийца не успел прицелиться, Коди молниеносно выбил у него из рук пистолет и поставил парня на ноги. Он увидел отражение своих безумных глаз в испуганных глазах фанатика.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он сурово.

— Восставший из мертвых, Непокорный, ты несешь в себе зло. Ты грязь...

— Нет! Идиот. Кем я был, кем я был! Кем был! Ты знаешь, кем я был, прежде чем стал «грязью»?

Священник посмотрел на него в ужасе, он явно не понимал, чего Коди добивается.

— Нет, — ответил он.

— Болван! — сказал Коди.

Он с такой силой ударил парня по лицу, что сломал ему челюсть.

— Вонючая задница!

И ударил по другой щеке.

— Это же смешно. Ты пришел меня убить» и совершенно, не подготовился. Неужели мое имя ничего для тебя не значит? Коди. Коди. Коди?! Уильям Ф. Коди. Буффало Уилл, Господи Боже! Я — американская легенда, придурок. Ты никогда обо мне не слышал?

— Нет, — честно ответил священник.

Яхта наконец покинула Монте-Карло, Коди взял курс на Италию, это всего в нескольких милях отсюда. Только тут Коди вспомнил про девушку. Оглянувшись, он увидел, что она мертва: она лежала на палубе, из раны на шее шла кровь. И он проклял себя за свою гордость. Всю жизнь, даже когда он был еще жив, гордость и алкоголь были его проклятием. И еще это легкомысленное отношение к деньгам, его слепая щедрость — он помогал всем, кроме себя самого.

Сегодня он не смог спасти девушку именно из-за своей гордости. Он подошел к телу, проверил пульс, хотя знал, что она мертва, знал это прежде, чем, прикоснулся к ней. Не в первый раз он был причиной смерти близких ему людей, вольно или невольно. Он снова подумал, что во всем виновата его гордость, и его передернуло. Он по-прежнему чувствовал себя оскорбленным и ничего не мог с этим поделать, как не мог справиться с болью от серебряной пули, засевшей в животе. Он постарался не думать о ней, постарался сосредоточиться на женщине.

Он хотел ее спасти, но эгоизм напитал его гнев, а гнев ослепил.

Коди решил отправиться в Рим. Вокруг него происходило нечто более сложное, чем кажется на первый взгляд, он должен был разобраться. Ему совсем этого не хотелось. Он привык быть мятежником, вечно попадал в разные передраги, действовал в одиночку и никогда не был разведчиком, другом и боссом, Не был он и отцом, а ему этого так хотелось.

Однако смерть этой женщины причинила ему боль, заставила ныть сердце, словно оно было разбито. Какая разница? Она всего лишь еще одна девушка. Нет, неправда, это не так... он не смог спасти ее. Не важно, кем Коди стал и что делал, в глубине души он продолжал считать себя героем.

Он очень хотел, нет, он должен был утолить свой голод, но не смог себя заставить прикоснуться к ней. Он завернул в одеяло ее тело и бросил его в воду в открытом море. Она скрылась из вида, и он спросил себя: отдалась бы она ему добровольно и какие тайны хранила. Как хранят многие люди. И многие существа.

Так они и плыли вместе с ней в открытом море.

Было три часа утра, Коди сидел на крыше здания напротив Ватикана. Он знал миллион мест более привлекательных, чем эта римская крыша, однако его переполняли гнев и любопытство.

Смерть Карла была последней в череде убийств, теперь об этом говорили все, и все знали, кто стоит за убийствами. Однако обсуждались не планы мести, а необходимость защищаться. Все были напуганы. Все, кроме самых старых, а ведь охотились именно за ними.

Во всяком случае, такие настроения царили до смерти Карла. Карл, конечно, был старым. Коди не мог сказать, сколько Карлу лет, но в любом случае немногим больше тысячи. Остальные погибшие Непокорные были старше, более молодые жертвы охотников из Ватикана, как правило, принадлежали к кланам древних и оказывались случайными свидетелями. Почему же убили Карла?

Книга.

Коди не смог бы объяснить, откуда он это знал. Вот уже пару лет Карл говорил о книге, которую Ватикан спрятал еще в те времена, когда Иисус был в пленках. Прошел слух, что Карлу удалось ее похитить.

Неудивительно, что его убили.

Но что было в той книге? А самое главное: где она сейчас? Выходит, они преследовали Карла именно из-за нее... действительно, зачем он им понадобился? Несомненно, он раздражал их также, как раздражал своих братьев, совершенно не заботясь о соблюдении тайны и выставляя напоказ свои многочисленные любовные приключения с самыми знаменитыми женщинами мира, разрешая фотографировать себя с ними. И все же в свете последних событий возникало множество вопросов.

Однако с этим он разберется позже.

Коди прятался в темноте, словно горгулья, наблюдая за ночной жизнью в доме своего величайшего врага. Наверное, он спятил! Почему-то Коди совсем не боялся. Быть может, это безумие вонзило когти в его разум, но ему не было страшно. Проклятье, большинство священников и монашек не поймут, что перед ними вампир, если он укусит их за нос. Даже если он сядет верхом на Папу, тот не сообразит, что его оседлал Непокорный.

Но другие.

Их ему следует остерегаться. Именно они торопливо сновали сейчас по коридорам, лестницам и садовым дорожкам. В окнах до сих пор горел свет. Коди понимал, что так бывает далеко не каждую ночь. Подъезжали автомобили, из них выходили священники, монахини и монахи, пустые машины тут же уезжали прочь. Куда, черт возьми, все они направляются? Хороший вопрос. Однако есть вопрос получше. Зачем?

Зачем они, зачем эти духовные лица собираются здесь под утро? Будто готовятся устроить религиозную версию его старого шоу в стиле Дикого Запада. Проклятье, его совсем не удивило бы появление Анни Оукли¹², если бы она не была мертва вот уже несколько десятилетий. Кто бы говорил, конечно.

Однако эта беготня была какой-то странной. Нельзя сказать, чтобы Коди болтался возле Ватикана каждую ночь, но несложно было понять, что там происходило нечто необычное. У него возникало множество вопросов каждую минуту, и в свете последних событий

возможные ответы выглядели малопривлекательными. Вопросы множились с каждой минутой, и он решил подобраться поближе, чтобы продолжить расследование, в конце концов, он пришел сюда за этим. Однако его удерживало одно важное соображение.

Никто из его соплеменников не мог войти в храм.

Что же делать? Не сидеть же на крыше до восхода солнца, надеясь, что кто-нибудь объяснит ему все. Нет. План очевиден. Как только он увидит какого-нибудь священника, который покажется ему компетентным, нужно будет его схватить, прежде чем тот успеет скрыться за спасительной стеной.

Не успел Коди прийти к такому решению, как к северным воротам Ватикана, неподалеку от его укрытия, медленно подкатил черный лимузин. Лимузин ничем не отличался от всех прочих. Но в три часа утра., нет, в нем должен находиться тот, кто знает ответы на вопросы, мучившие Коди. Он всегда был игроком и сейчас, увидев легкую добычу, решил рискнуть.

Дверь лимузина распахнулась, вышел шофер — крупный мужчина в длинном плаще и красном галстуке, на руках у него были надеты шоферские перчатки. Обойдя машину, он распахнул заднюю дверь лимузина затянутой в перчатку рукой. Коди придвинулся к самому краю крыши, приготовился спускаться, он думал даже напасть на обоих, если водитель решит проводить священника до дверей. Однако это ему не потребовалось. Священник, держа в руках тяжелый кожаный портфель, вышел из машины. Водитель захлопнул дверцу и, не глядя на него, вернулся на свое место.

Коди приготовился к прыжку, намереваясь в воз духе изменить форму, но в самый последний момент заметил еще одного человека: на нем был надет длинный черный плащ («какая-то пыльная тряпка», — подумал Коди), а волосы стянуты в «конский хвост». Пригнувшись, человек стремительно подбежал к лимузину и остановился, дожидаясь, когда машина уедет. Не зная, как поведет себя новый игрок, Коди решил подождать и разобраться. Может, кто-нибудь расскажет об их планах еще до наступления восхода? Лимузин поехал прочь. Конский Хвост, все так же пригибаясь, побежал было за ним, но, когда священник открыл ворота, вошел и захлопнул их за собой, Конский Хвост метнулся обратно к стене и оказался в фуге от ворот.

«Ну, что теперь, партнер? — подумал Коди. — Ты прокололся, он вошел, а ты остался снаружи».

Через минуту Коди уже не видел Конского Хвоста, он исчез: превратился в облачко тумана с такой быстротой, которая даже Коди показалась удивительной. Конский Хвост втянулся в ворота.

В ВОРОТА ГРЕБАНОГО ВАТИКАНА!

Коди потрясенно разинул рот. Он вновь и вновь повторял себе, что это невозможно. Однако выбора у него не оставалось. Он должен был проверить все сам. С открытым от удивления ртом он и впрямь стал похож на горгулью. Сидя на крыше здания, выходящего фасадом на площадь Ватикана, Коди пытался найти ответы на множество удивительных вопросов.

— Джанкарло, брат, как я рад вас видеть, — сказал Лиам Малкеррин.

Священник вошел в кабинет своего начальника, кардинала Гарбарино.

Они презирали друг друга, как все мужчины, мечтающие о могуществе, однако сдерживали злобу и улыбались холодными улыбками, тем самым демонстрируя редкую мудрость для людей, наделенных такой огромной властью.

— Лиам, присаживайтесь, пожалуйста. Я давно вас жду, я надеялся услышать более приятные новости.

Малкеррин закончил в Бостоне не все дела, и Джанкарло был недоволен.

— Вам не следует тревожиться, ваше преосвященство.

Улыбка Малкеррина превратилась в кривую усмешку.

— В Бостоне все под контролем, я вернусь туда сразу после Священнодействия. Я привез с собой то, ради чего отправлялся за океан.

Малкеррин указал на кожаную сумку, стоявшую на полу возле кресла.

— А как протекает процесс комплектования Исторического совета Ватикана? — спросил Малкеррин.

Это был первый вопрос по существу.

Их взаимная ненависть может подождать, пока не будет завершен процесс очищения, сейчас они нуждались друг в друге.

— Исторический совет Ватикана, друг мой, живет и работает, он насчитывает уже сотню членов и увеличивается с каждым днем. Почти все духовные лица, к которым мы обратились, с радостью приняли наш план, остальные же присоединятся, как только поймут, что у них нет выбора.

Никто из них не заметил, как под дверь кабинета Гарбарино просочилось прозрачное облачко тумана.

— Замечательно, — сказал Малкеррин.

У него загорелись глаза.

— А как мои ученики?

— Все, что можно было изучить без книги, которую вы привезли, они изучили. Они, несомненно, усвоили то, чему вы их успели научить перед тем, как ваши занятия так грубо прервал старый глупец Жискар, однако без книги завершить обучение невозможно.

— Ну, я вернулся вместе с книгой. Дайте мне неделю на подготовку.

— К сожалению, вы потеряли счет времени. У нас нет недели. Лучше всего начать послезавтра. Мы не можем ждать дольше трех дней: придет пора Священнодействия.

— Будет исполнено, — сказал Малкеррин.

Глаза у него загорелись при мысли о славе, об Очищении, и он невольно сглотнул, сдерживая крик маниакальной радости. Бросив взгляд на Гарбарино, Малкеррин понял, что еще немного и сам кардинал захихикает, как безумец, при мысли о неизбежном триумфе. Они были сейчас так близки к осуществлению планов церкви, две тысячи лет церковь стремилась к этому, а они вдвоем достигнут цели.

Гарбарино повернулся к шкафчику, вытащил бутылку красного вина и два бокала, а Малкеррин постарался взять себя в руки. Это далось ему нелегко. Гарбарино налил каждому по половине бокала, и, держа в руке свой бокал, поднял руку, собираясь произнести тост.

У правой ноги Малкеррина щупальце султана превратилось в руку, ее пальцы сжались на ручке его портфеля.

— За Венецию, — произнес тост Гарбарино.

Малкеррин торопливо кивнул, чувствуя, что его вновь переполняет безумный восторг.

В этот момент перед столом возник человек, в руках он держал портфель Малкеррина. Оба бокала со звоном упали на стол, красное вино залило бумаги. Увидев нежданного гостя, Гарбарино в ужасе отпрянул, а Малкеррин быстро вскочил на ноги, опрокинув стул.

— Октавиан! — взревел он.

В этом слове слились и боль, и ненависть, и удивление, и презрение к самому себе. Следующее слово он произнес трясущимися губами:

— Как?

— Кретины, — сказал Питер.

Двое священников, считавших, что они готовы к любой неожиданности, были так ошеломлены появлением в их святилище Непокорного, что ни один из них не сумел хоть что-нибудь сделать, когда Питер мгновенно превратился из человека в огромную летучую мышь и полетел в сторону окна.

Крепко сжимая когтями ручку портфеля, Октавиан мощным ударом разбил стекло и вырвался в ночь. Осколки с грохотом посыпались вниз. Никогда прежде он не летал так быстро с таким тяжелым грузом.

Октавиан очень злился, но впервые за долгое время он сейчас испытывал страх. Не за себя.

За свой народ.

Питеру незачем было торопиться, он уже опоздал. Поезд отъехал от станции на пять миль на восток, когда Октавиан наконец догнал его.

«Меган, должно быть, ужасно встревожена», — подумал он. Они вылетели в Рим уже после того, как позаботились о Жискаре и его племяннике, теперь они получили надлежащий уход, но ждать похорон Теда у Меган и Питера не было времени. Питера это сильно огорчило, однако они с Меган должны были торопиться, Они не могли медлить и часа, не говоря уже о целом дне. Питер только что убедился, что они поступили правильно.

Он до сих пор не мог понять, почему он позволил Меган отправиться вместе с ним. Конечно, он понимал, в чем истинная причина этого, но все же был обескуражен. Он чувствовал себя как учитель, безумно влюбившийся в свою ученицу, то есть удовольствие перемешалось с чувством вины: старый скучный профессор изменил своим привычкам, чтобы провести несколько минут наедине с девушкой. Питер чувствовал себя именно так. Он не знал, влюблен ли он в Меган. После столетий, проведенных с разными женщинами, было странно так увлечься после нескольких дней знакомства.

«Нет, это — не любовь», — сказал себе Питер.

И все же он сильно увлекся.

Он не слишком мягко приземлился на крышу поезда, на него навалилась усталость — он уже несколько раз менял форму и долго летел, держа в когтях тяжелую ношу. Он медленно, будто лениво вернулся в человеческую форму и прежде всего попытался найти удобный спуск.

«Проклятье! Если бы Уайл Е. Койот научил его всему, что необходимо!»

Нужно было понять, на каком по счету вагоне он приземлился.

Оказалось, это третий вагон от локомотива: что ж, может быть, он не так сильно устал. Свесившись с края крыши, он посмотрел вниз, сосчитал окна. Вот оно, третье от конца. Теперь нужно вспомнить, с какой стороны находится Меган. Ни к чему беспокоить незнакомых людей, постучав в окно купе в три часа ночи, к тому же поезд мчится со скоростью сто миль в час... Третий вагон от головы поезда, третье окно слева от конца вагона — так они договорились.

Но что считать левой стороной поезда? По ходу или наоборот? Пожалуй, разумно предположить, что по ходу.

С логикой оказалось все в порядке. Крепко вцепившись за выступ крыши, Питер

постучал в окно, и за стеклом появилось лицо Меган, она радостно ему улыбнулась. Вероятно, сейчас у Питера не хватило бы сил трансформироваться еще раз, но, к счастью, окна в европейских поездах открывались почти на два фута.

Он забрался в купе.

— Ну, наконец-то, — произнесла Меган.

Октавиан видел, как сильно она волновалась.

Впрочем, у нее были на то все основания: оба видели, как силен Малкеррин, и оба они не могли сказать, сколько в Риме развелось таких колдунов.

— Все прошло без проблем, — сказал он, приподняв бровь. — Нет, я не преувеличиваю. Их потрясло, что я сумел проникнуть в их проклятый Ватикан. Они даже слова вымолвить не могли, не то что попытаться остановить меня.

— Благодарение Богу, — сказала Меган, уже не пытаясь скрыть тревогу.

И в который раз Питер подумал, что они очень хорошо понимают друг друга.

— Но теперь все, ты ведь понимаешь? — добавила она.

— О чем ты? — удивился он.

— Все, Питер. У нас больше не будет шанса застать их врасплох.

Она вновь нахмурилась.

— Ну, это мы еще посмотрим, — попытался утешить ее Питер.

Меган сурово посмотрела на него, но не выдержала и захихикала. Неожиданный, чудесный звук, словно стук ее сердца, который Питер почувствовал, когда она обняла его.

— Ты наглый тип. Неужели за пять веков ты так ничему и не научился!

Она вздохнула, делая вид, что возмущена, но только прижалась к нему еще сильнее.

Питер пожалел, что на самом деле не был уверен в исходе дела. Честно признаться, он даже не мог представить себе, чем все это может закончиться. Много будет зависеть от...

— Значит, ты сумел добыть эту штуку? — сказала Меган, высвобождаясь из его объятий, чтобы взглянуть на кожаный портфель. — Кардинал как-то невнятно говорил о ее содержании, однако одна мысль о существовании такого артефакта меня пугает. И еще... может так получиться, все, во что я верила, оказалось лживым... я в ужасе от этого.

— Ты преувеличиваешь. Речь идет только о церкви, — возразил Питер, снимая куртку.

— О той церкви, в уважительном отношении к которой меня вырастили, — вздохнула Меган.

— Пожалуй, тебе стоит взглянуть на эту штуку, — заметил Питер.

Он взял портфель и уже протянул руку, чтобы включить свет, но Меган жестом остановила его. Она взяла у него из рук портфель и поставила его на верхнюю полку, указала Питеру место рядом с собой.

— Мы займемся этим завтра утром, обещаю, — сказала она.

— Меган... — начал было Питер.

В конце концов, он так устал.

— Я не знаю, как...

— Ты голоден?

— Нет.

— Тогда заткнись и поцелуй меня, болван.

От такого предложения он не сумел отказаться. Как только их губы соприкоснулись, его усталость отступила, Нет, она не исчезла, лишь ушла в тень, чтобы понаблюдать за дальнейшим развитием событий. Первый поцелуй был нежным, у Октавиана вдруг возникло

ощущение, что энергия покидает его тело, но вскоре он почувствовал себя великолепно.

Потом его язык прикоснулся к ее языку, и Меган ощутила остроту зубов Питера. По ее телу прошла едва заметная дрожь, и она плотно сдвинула колени. Меган была одета лишь в ночную рубашку и трусики, сверху она накинула халатик. Халат слегка распахнулся, открыв повязку на руке, скрывавшую следы зубов Дженет. Питер нежно провел ладонью по груди Меган, а она принялась быстро расстегивать его рубашку.

В этот момент в купе постучали. Не в дверь.

Питером и Меган овладел ужас, смешанный с яростным гневом, а ведь еще мгновение назад им казалось, что они навсегда забыли эти чувства. Оба вскочили и выглянули в окно, Меган окала маленькие кулачки, готовясь к схватке, Питер загородил ее собой.

Ни Питер, ни Меган никогда прежде не видели человека за окном, но он показался им знакомым.

Они все смотрели на незваного гостя, а тот смущенно улыбнулся и медленно, настойчиво постучал еще раз. В конце концов он махнул рукой и приподнял брови, словно хотел сказать: «Ну, чего вы ждете?»

Питер осторожно подошел к окну.

— Я собираюсь впустить его, — сказал он.

— А у нас есть варианты? — проворчала Меган. — Не думаю, что колдуны стучат перед тем, как войти.

Незванный гость легко проник в открытое окно: Питер и Меган отошли назад, встав так, что портфель оказался у них за спиной. На лице у гостя появилась такая улыбка, будто он только что узнал Питера.

— Никифор Драгазес! — воскликнул гость. — Рад с вами познакомиться.

Венецианский отель «Атлантике» находится всего в нескольких кварталах от площади Сан-Марко, площади Святого Марка. Из окон отеля открывается завораживающий вид на мост Вздохов. По ночам, занимаясь любовью в свете луны, струящемся сквозь окна, постояльцы слышат голоса гондольеров, предупреждающих о приближении лодки. Конечно, гондольеры поют, и легкий бриз разносит над водой их голоса. Это не ложь. Это так романтично.

Гостям отеля, занимающим комнаты в нижних этажах, приходится переодеваться в темноте, а днем задвигать шторы. Гондольеры и их пассажиры так любопытны. А кто лишен этого порока? Если вам интересно, вы смотрите. Такова природа человека.

Трейси Сакко и Линда Меткалф приехали сюда вовсе не из-за романтики. Они служили своим хозяевам. Непокорные могли использовать их так, как посчитают нужным.

Трейси и Линда были добровольцами.

Их номер в отеле «Атлантико» выходил на канал. Они не знали, что несколько дней назад именно здесь молодые люди предложили себя Александре Нуэва. Из окна этой комнаты виден мост Вздохов, надо только посмотреть налево. Линда и Трейси считались подругами, но были очень разными. Линда настолько увлеклась Непокорными, что даже не замечала очарования города. Трейси, хотя и не решалась говорить об этом с «подругой», не могла не видеть романтического ореола Венеции. Ей было одиноко и страшно.

Линда пережила Венецию, Новый Орлеан и Венесуэлу, она всякий раз платила по счету за номер, с кем бы ни делила его, и всякий раз возвращалась домой одна. Она не сомневалась, что на этот раз ей будет оказана честь и она станет избранной. Она была совсем не глупой женщиной. Нужно очень хорошо соображать, чтобы так далеко продвинуться среди добровольцев. Впрочем, долгая история человечества доказала, что разум не имеет никакого отношения к поклонению.

Она и сама признавала, что это и было поклонением с ее стороны. Мученичество, жертвоприношение, очищение. Вера. Таковы принципы религии. Линда не была уверена, что она когда-либо на самом деле видела кого-нибудь из Непокорных. Она не знала, обращают ли Непокорные внимание на предложенные им жертвы.

Однако она верила.

Трейси верила только в себя. Так было всегда. Трейси тоже никогда не видела Непокорных. Только это и связывало их с Линдой. Впрочем, Трейси тоже была умной девушкой. Больше их ничто не объединяло. Трейси стала добровольной жертвой только в этом году, хотя у нее ушло три года, чтобы попасть в их круг, и еще год, чтобы убедить Линду, что она будет для нее идеальной соседкой по номеру. Они были слишком разными, так что будь Трейси именно такой девушкой, за какую она себя выдавала, разница между ними все равно была бы виднее невооруженным глазом.

На самом деле она была очень далека от созданного ею образа.

Ей не хватало не только веры, но и религии. О да, она верила. Только это была совсем другая вера. Она верила, потому что многое видела и слышала, верила и оттого была ужасно напугана. Но самое главное — это был интересный материал, а находить интересные материалы было ее профессией.

Трейси Сакко работала на Си-эи-эн.

— Ну, ведь ты все знаешь, красотка, — сказала Трейси дрожащим голосом.

Она очень надеялась, что Линда примет ее страх за возбуждение и нетерпение.

— Так что же нам теперь делать?

Было уже десять часов вечера.

«Кстати, — подумала Трейси, — мама, ты знаешь, где твой ребенок?»

Линда сказала, что они выйдут позже, когда на улицах будет поменьше народу.

«Господи, это же безумие!»

Трейси понимала только, что движется в нужном направлении. В конце концов, они приехали сюда, чтобы принести себя в жертву. Во что она ввязалась?!

Всего лишь лучший репортаж десятилетия. Это будет материал о международном культе неких темных, мрачных личностей, которых последователи обожествляют, перед которыми преклоняются, приписывая им сверхъестественную, магическую силу. Трейси умудрилась попасть в самое пекло.

Когда она впервые услышала об этом от старого друга, чья сестра исчезла год назад в небольшом немецком городке, Трейси не слишком-то поверила ему. Однако, начав собственное расследование, быстро поняла, что здесь не так все просто. Трейси чувствовала, что не она одна идет по следу — слишком много произошло исчезновений и убийств, имевших много общего.

Но почему же все молчат?

Все очень просто. Люди, наделенные властью, не хотят распространения этих сведений. Цензура действовала по всему миру: факты искажались, расследования убийств оставались незаконченными, время и даты смертей изменялись, средства массовой информации находились под тотальным контролем Правительства — особенно правительство США — предпочитали держать людей в неведении.

Да, конечно, Дж. Ф. К¹³ убит просто пулей.

Да, конечно, Джордж Буш ничего не знал об «Иран-контрас»¹⁴.

Это точно!

Как только Трейси сообразила, насколько серьезна история, которую она расследует, — а она очень скоро начала называть ее «своей историей», — то побеседовала со своим боссом Джимом Томасом за закрытыми дверями. Вскоре после этого ее со скандалом выгнали из Си-эн-эн. Однако никому и в голову не пришло поинтересоваться, почему жалованье Джима неожиданно удвоилось. Впрочем, половина этого жалованья поступала на банковский счет некоей Терри Шонесси. Почему так происходит, спросить могла бы только миссис Томас, которой на белом свете не существовало. Само собой разумеется, что у Трейси Сакко был и "паспорт на имя Терри Шонесси, и еще несколько других паспортов — так, на всякий случай. Даже Трейси Сакко не было настоящим именем этой девушки, но ее называли Трейси так долго, что она успела привыкнуть к этому имени, как привыкают к прозвищу. В душе она могла оставаться Эллисон Виджент, поскольку так ее звали на самом деле. В остальном она превратилась в Трейси.

Насколько было известно Трейси и Джиму, ни один журналист прежде не решался на такую глубокую маскировку. Она и раньше каждый день рисковала жизнью, а теперь можно было бы сказать, что она обнажает шею волкам — Непокорным, как их называли. Ей нужно было точно узнать, с кем она имеет дело, и выжить, чтобы рассказать все от начала до конца. Все остальное значения не имело.

— Трейси!

Трейси очнулась от своих мыслей.

— Я с тобой разговариваю! — визгливо крикнула Линда.

Прежде она никогда так себя не вела. Трейси уловила аромат духов — это тоже что-то новенькое, раньше Линда ими не пользовалась, впрочем, приятным этот запах назвать было нельзя.

— Извини, Лин, — с улыбкой сказала Трейси. — Просто я... ужасно волнуюсь. Так что же мы будем делать?

— Ну, я и сама немного нервничаю...

На лице у Линды появилось мечтательное выражение, как у ребенка, перечисляющего подарки, которые он хотел бы получить на Рождество.

— Нас пригласили на вечеринку.

— На вечеринку?! Ты ничего не говорила про...

— Да-да... Дело в том, что это и для меня неожиданность. Наверное, они каждый год устраивают что-нибудь подобное, но приглашают лишь немногих. Для нас большая честь, правда?

— Конечно, — ответила Трейси.

«Могу спорить, это мясной рынок», — подумала она про себя.

— Почему ты обратился к нам? — тревожно нахмутив брови, спросила Александра Нуэва.

Они беседовали в библиотеке, вернее, в хранилище древних книг по оккультизму. И библиотека, и сам дом, в котором она находилась, принадлежали одному из Непокорных. Именно с ним он и беседовал сейчас. Это был истинный старейшина, у него уже было множество имен, последнее из них было известно уже тысячу лет.

— Да, Ганнибал. Что мы должны сделать? — нетерпеливо спросил Шенг.

Высокий мужчина немного помолчал, казалось, хотел что-то спросить, но потом передумал. Склонив голову набок, он изучающе посмотрел на Александру.

— Ну, теперь уже очевидно, что образовалась некая схема.

— Очевидно для всякого, кто интересуется этим, — согласилась Александра. — Церковь охотится на старых ублюдков вроде тебя. Вероятно, со временем они доберутся и до нас, хоть и начали с самых древних.

— Да, до вас они обязательно доберутся, теперь я в этом уверен. Почему убили Карла? Он был совсем не так стар, как их прежние жертвы.

— Ошибка? — предположил Шенг, — Или тренировка?

Ганнибал усмехнулся, обнажив невероятно длинные клыки, резко повернулся к Шенгу, и его тонкие белые волосы на миг прикрыли голубые глаза.

— Только не надо так легкомысленно шутить со мной. Фон Рейнману следовало научить тебя уважению к старшим, Впрочем, он был ничтожеством — едва ли стоит многого ждать от его потомства.

— Надутый самодовольный ублюдок, я разорву тебя... — прорычала Александра, оскалив клыки, и бросилась на Ганнибала.

Однако Шенг молча схватил ее за руку. Сам по себе Ганнибал его не пугал, но он прекрасно знал, на что способно это существо. Сейчас он не может допустить, чтобы враждебность между кланом Ганнибала и его группой перешла в открытую войну. У Шенга, его братьев и сестер не было ни одного шанса. Они молоды, слабы и неопытны. К тому же их

слишком мало.

— А теперь, — раздувая ноздри, продолжал Ганнибал, — я расскажу вам кое-что. Прошлой ночью я был в Монте-Карло. Я не любитель азартных игр, но мой спутник, человек, просто без ума от этого. Эти убийцы из Ватикана вошли в казино, и я их сразу заметил. Они кого-то искали. Пожалуй, я был одним из самых старых, а потому я решил, что они пришли за мной, хотя там были и другие наши соплеменники.

Он немного помолчал, будто политик, пытаясь придать своим словам особую вескость.

— Они искали не меня, их интересовал Коди Октябрь.

— Вы его видели? Он там был? — с гневом воскликнул Шенг, — Не могу поверить! Он осмелился оказаться так близко от карнавала?.. Он что же... Он собирается приехать на карнавал? Но это же безумие.

— Он всегда был безрассудным, — бросила Алекс, потрянув головой.

— Не важно, почему он там был. Важно, что это был Коди Октябрь. Я никогда не понимал, почему он вызывает такую ненависть у вашего клана. Несомненно, он ведет себя не как все, но он никогда не представлял для нас никакой угрозы.

— Ну, вас это не касается, — холодно проговорил Шенг. — Продолжайте.

Ганнибал еще немного помолчал. Как отвратительно грубы эти юнцы, они позволяют себе так разговаривать с ним в его собственном доме! Возможно, ему следует их прикончить... хотя бы в назидание другим.

— Коди играл. И выигрывал. В тот момент я посчитал, что для меня его присутствие очень кстати.

Я без труда убедил своего спутника подойти к нему, притворившись пьяным, похлопать по плечу и громко произнести его имя, словно он нашел давно потерянного брата. Люди из Ватикана тут же обратили внимание на Коди и, конечно, сразу же узнали его. Они ведь не зря проходят специальную подготовку.

Коди был так поглощен игрой и красивой женщиной, присоединившейся к нему, что даже не обратил внимания на приветствие моего друга. Он так и не понял, что никогда прежде его не видел. Естественно, он не заметил убийц, хотя они последовали за ним, когда он вместе с женщиной покинул казино. Ну, а я отправился за ними.

Как я уже говорил, мне показалось, что они пришли за мной, теперь я в этом не уверен.

Ганнибал отвлекся от своих мыслей, от рассказа и увидел, что Александра и Шенг не спускают с него глаз.

— Ну? — вместе сказали они.

— Что «ну»? — с невинным видом спросил Ганнибал.

— Они догнали его, идиот? — почти прокричала Алекс. — Коди убит?

Ганнибал заморгал.

— Коди? Убит? Конечно нет. У них не было ни единого шанса. Вышел превосходный спектакль. Жаль только, что погибла та женщина, с которой он познакомился в казино.

Ганнибал произнес последнюю фразу совершенно спокойно, он будто хотел подчеркнуть, что Александра не поняла нечто важное.

— И какое отношение все это имеет к нам? — наконец спросил Шенг.

Ему совсем не хотелось выглядеть глупо, но и ждать надоело.

— Мы ведь обсуждаем схему, мой юный друг, — снисходительно ответил Ганнибал, отчего Шенг весь как будто ошетинился. — До сих пор убивали лишь самых древних членов нашего ордена, ваш наставник — скорее исключение из правила. Теперь Ватикан попытался

прикончить бывшего члена вашего клана. Возможно, это совпадение, но я очень сомневаюсь, что такое возможно.

— Нет, мне кажется, это случайность, — возразила Алекс.

— До этого утра я думал так же, как вы.

— Что же случилось сегодня утром? — нетерпеливо спросил Шенг.

— Мне позвонил один человек... мой знакомый из Бостона. Складывается впечатление, что наш друг Октавиан расследует серию убийств, в которых замешан кардинал католической церкви.

— О, моя кровь! — прорычала Алекс. — Вы за нами следите? За всеми нами?

Многие существа, наделенные разумом, постарались бы покинуть комнату, увидев холодную улыбку Ганнибала.

— Нет, не за всеми, моя дорогая, — сказал он. — Только... только за теми, кто по-настоящему опасен, Так или иначе, но Октавиан направляется сюда, в Италию. Точнее, в Рим, если верить моим источникам. Возможно, он уже в Риме.

Прежде чем они успели как-то отреагировать, он продолжил:

— И вот что мне очень хотелось бы знать... Почему и Коды, и Октавиан стремятся в Италию? Почему Ватикан преследует именно ваш клан? Что вы скрываете от нас?

Алекс и Шенг переглянулись, пытаясь осмыслить слова Ганнибала, а он продолжал:

— И еще одно. Октавиан купил билет на обычный рейс.

Ганнибал внимательно взгляделся в лица Алекс и Шенга, пытаясь понять, известно ли им что-нибудь.

— Большая часть его полета будет проходить днем.

Любовники не нашли что ответить.

В туристический сезон Джузеппе Чиавони по сотне раз в день проплывал на гондоле вдоль Большого канала. С наступлением холодов туристов становилось меньше, и доходы Джузеппе падали. Летом он откладывал деньги, а зимой устраивал себе каникулы, предоставляя более молодым гондольерам перевозить редких туристов и местных жителей, пожелавших прокатиться по каналу. В начале карнавала Джузеппе возвращался к своей гондоле не только из-за туристов. Дело в том, что Джузеппе любил карнавал. После смерти его жены не так много вещей осталось на белом свете, что приносили ему радость.

Сейчас он гнал гондолу по воде с удовольствием: в ней сидели две красивые американки, и рядом с ними не было мужчин. Повезло, так повезло! Впрочем, сегодня особый день.

— Леди, — обратился он к девушкам, стараясь говорить погромче, потому что ветер относил в сторону его слова — Леди, становится холодно. Скоро стемнеет. Вы уверены, что не хотите вернуться в отель?

— Но, синьор, — ответила Линда Меткалф, — вы же не гондольер, вы — перевозчик. Разве вы можете отвезти на); домой?

— Я заканчиваю работу, — ответил Джованни. — Да и должен признаться, мне не хотелось бы задерживаться сегодня.

— Как же мы вернемся обратно? — с тревогой спросила Трейси Сакко.

— Ну, на канале есть такси, они ходят каждый час. Но все равно...

— Вас что-то беспокоит? — прищурившись, спросила Трейси.

Она посмотрела на Линду, та старательно не обращала внимания на их разговор.

Джузеппе перевел взгляд с одной женщины на другую, открыл было рот, чтобы

ответить, но потом сообразил, что они его не поймут.

— Я уже немолодой человек, — наконец ответил он. — Чем старше становишься, тем больше теней видишь в темноте. Сделайте мне одолжение, будьте осторожны.

Трейси улыбнулась ему.

— Мы постараемся.

— По крайней мере, до тех пор, пока не окажемся на вечеринке! А там уж мы оторвемся, — заявила Линда.

В ее голосе звучали интонации капитана школьной команды болельщиков, и это ужасно действовало Трейси на нервы. Глаза у Линды остекленели, и на ее лице появилась смутная, почти безумная улыбка. Трейси не могла смотреть на нее без содрогания.

Наконец они были на месте.

— Ка-Редзониго! — объявил Джузеппе.

Гондола причалила к пристани. Когда Линда первой вылезала из лодки, Джузеппе прошептал Трейси на ухо:

— Будь осторожна.

Трейси последовала за Линдой. Они зашагали по каменной мостовой, поднимавшейся от канала Редзониго.

— Набережная канала Редзониго, — начала Линда, словно гад, — создана мастером барокко Балдассаром Лонгена. Строительство началось в 1667 году. Закончено восемьдесят пять лет спустя. Потолки расписал Тьеполо.

— Кто такой, черт возьми, этот Тьеполо? — спросила Трейси.

Она изо всех сил делала вид, что ей интересно, но все же не могла оторвать взгляд от Джузеппе, он уже плыл в своей гондоле обратно.

«И ты берега себя», — подумала она, закрывая глаза и мысленно посылая свое пожелание Джузеппе.

Трейси молча прочитала молитву за них за всех.

— Ну, какой-то художник, наверное, — ответила Линда. — Точно не знаю. Я прочитала об этом в путеводителе перед тем, как мы вышли из отеля. Не хочу выглядеть необразованной. Здесь собирается высшее общество, понимаешь?

— Ты способная ученица, — заметила Трейси.

Только теперь она посмотрела на здание.

Огромное сооружение выходило на Большой канал, плеск воды канала и Рио-ди-Сан-Барнаба, идущей вдоль южного фасада, эхом отзывался между стен. Яркое освещение позволяло любоваться великолепным дворцом даже сейчас, и Трейси не сдержала восхищенного восклицания.

— В Ка-Редзониго находится Музей восемнадцатого столетия, — продолжала Линда.

Они шагали по Калле-Бернардо, и Трейси перестала ее слушать, они уже были близки, к цели своего путешествия.

Это здание было не таким огромным, как Ка-Редзониго, оно не светило, как рождественская елка, но почему-то было невозможно оторвать от него взгляд. Простой каменный фасад оживляли растения, тут и там посаженные вокруг здания. Такое редко можно было увидеть в Венеции, пожалуй, ни одно сооружение здесь не могло похвастать густыми зарослями.

Сразу было понятно, что вечеринка давно началась. Из окна доносились музыка и шум веселья, а вот освещение показалось Трейси приглушенным, из окон лилось чуть заметное

мерцание. Впрочем, все вместе выглядело почти обычным, мало чем отличаясь от любой другой вечеринки.

Вот только Трейси прекрасно знала, что вскоре она увидит нечто абсолютно необычное.

— Я не знаю... — начала она.

В этот момент дверь распахнулась.

Обе женщины невольно отступили на шаг, поскольку музыка сразу же стала громче. Они молча смотрели на странную пару, спускавшуюся по ступенькам. Высокая, удивительно красивая чернокожая женщина и невысокий азиат, показавшийся Трейси очень опасным. Они направлялись прямо к двум девушкам. Женщина обернулась, словно хотела убедиться, что дверь за ними закрылась.

— И ты ему веришь? — спросила женщина громко.

— К сожалению, да, — ответил Ши-эр Жи-Шенг. — У меня нет сомнений. Это смущает меня еще сильнее. Впервые за долгое время мне так страшно, что...

Трейси и Линда застыли на месте, по-прежнему не в силах оторвать взгляд от странной пары. Трейси смотрела на азиата, мышцы у нее свело, и она вдруг поняла, что старается не обмочиться. Она смотрела ему в глаза, и на миг ей вдруг показалось, что он сейчас убьет ее.

Даже после того, как лицо азиата смягчилось, Трейси не смогла расслабиться, так напугал ее его ужасающий взгляд.

— Женщины, куда вы направляетесь? — деловито спросил мужчина.

Трейси посмотрела на Линду, та по-прежнему улыбалась все той же смутной улыбкой, глядя на чернокожую спутницу азиата, чье лицо было еще более мрачным.

— На вечеринку, — радостно заявила Линда.

— Возвращайтесь в отель, — сказала высокая женщина.

Тут улыбка исчезла с лица Линды.

— Нет, нет! — заскулила она, точно капризный ребенок.

— Почему все говорят, чтобы мы возвращались домой? — спросила Трейси, глядя на мужчину.

Чем сильнее она втягивалась в эту историю, тем страшнее и страшнее ей становилось, она на каждом шагу убеждалась, что риск того не стоит. Она вдруг поняла, что совсем не хочет знать, каковы истинные цели Непокорных.

— Почему? — повторила она.

Высвободив руку, которой он обнимал за талию свою спутницу, он подошел к Трейси. Взяв ее за плечи, он посмотрел ей в глаза, и она утонула в них, чувствуя, как останавливается время.

«Проклятье, что происходит?!»

В этих глазах таилось нечто сверхъестественное.

Он произнес:

— В этом доме вас ждет смерть.

Он все еще смотрел Трейси в глаза.

— Значит, мы пришли туда, куда нам нужно! — заявила Линда.

Трейси мучительно захотелось ее ударить.

Однако она едва могла пошевелиться и следующие слова произнесла почти шепотом:

— Разве вам не все равно?

Невероятно, но ей ответила женщина, а ведь она не могла слышать их разговор.

— Нам-то все равно. Можешь не сомневаться. Но владелец этого дома...

Она с отвращением показала в сторону дома.

— Хозяин этой вечеринки, — добавил мужчина.

— Он нам не друг. Впрочем, вам он тоже не друг.

Мужчина разжал пальцы и отошел от Трейси. Высокая женщина взяла его под руку, и девушка вновь не смогла удержаться и залюбовалась на ее странную экзотическую красоту.

Они зашагали прочь, словно Трейси и Линды вовсе не существовало на свете. Трейси стало не по себе.

— Ну, пойдее-еем! — заныла Линда.

Трейси смотрела вслед странной паре, спокойно уходившей в ночь, уж они-то знали, что происходит в Венеции. И тут с Трейси что-то произошло. Что-то умерло или родилось в ней, она и сама не знала. Ее вдруг наполнила неколебимая решимость посетить вечеринку. Она должна сделать все, что в ее силах, чтобы найти ответы на мучившие ее вопросы. Ей нужно это не для репортажа, не для карьеры. Все гораздо проще. Она должна все узнать. И она не позволит страху ее остановить.

— Хватит скулить, дуреха! — рявкнула она на Линду, та вздрогнула, как от пощечины, — Заткнись и иди за мной. И постарайся не казаться такой возбужденной. Это просто неприлично.

Трейси решительно поднималась по ступенькам, и Линда смущенно последовала за ней.

Они пробыли в доме менее десяти минут, а Трейси уже поняла, кто такие Непокорные. Она едва не произнесла вслух это слово, однако вовремя опомнилась.

На входе огромный итальянец молча взял у них пальто. Трейси не поняла, почему он молчал: то ли не хотел, то ли не мог говорить, впрочем, она не видела смысла спрашивать. Они прошли дальше, никто не обращал на них внимания. В доме было множество комнат, и в каждой происходило нечто удивительное. В одной танцевали какие-то люди, окруженные толпой наблюдателей, потягивавших коктейли. В другой, освещенной лишь мерцающим пламенем камина, Линда и Трейси, чуть помедлив у входа, увидели переплетенные тела, здесь была настоящая оргия.

В коридорах обнимались экзотические пары, и разных полов, и одного пола, пары всех цветов кожи и национальностей, пары в разных стадиях обнаженности. Трейси загляделась на невероятно огромную грудь какой-то женщины, а когда взгляд ее скользнул вниз, она увидела гигантский пенис, болтавшийся у женщины между ног. Из каких-то комнат наверху доносилось щелканье хлыста, Трейси решила в нее не заглядывать. Однако у Линды предрассудков не было, она сказала Трейси, что зайдет туда позже.

Еще на первом этаже им вручили по бокалу, а сейчас они уже поднимались на третий. Все время чьи-то руки гладили их, шлепали, щипали за грудь, задирали юбки. Трейси уже перестала обращать на это внимание, но сейчас, на ступеньках лестницы, приставать стали сильнее. Им приходилось буквально продирается сквозь тела: и лес жадных рук.

Они все время поднимались вверх по лестнице.

«Мы чего-то ищем», — поняла Трейси.

Она протиснулась мимо светловолосой женщины, их груди соприкоснулись. Трейси старалась не смотреть ей в глаза. Рука блондинки с удивительной ловкостью скользнула Трейси под юбку, потом в трусики, и пальцы женщины вошли в нее.

— Господи, — выдохнула-блондинка, — ты побрилась. Я люблю, когда они бреются.

Трейси отбросила руку и локтем отпихнула блондинку. На лестнице сидело много людей. Оттолкнув женщину, Трейси потеряла равновесие, уронила бокал на ковер и рухнула на колени. Она на мгновение перевела дух, потянулась поднять бокал, пока никто не наступил на него, и хотела подняться.

Посмотрев наверх, она встретила взглядом с мужчиной, губы которого с наслаждением ласкали чей-то пенис. Лица второго мужчины Трейси не видела — людские тела закрывали его, — но, судя по тому, как подгибались колени, ласкавший его партнер знал свое дело. Его губы слегка приоткрылись, обнажив огромный член, и кроваво-красная слюна капнула на ступеньку. Потом еще. С губ мужчины скатилась капля настоящей крови и медленно сползла по пенису стоявшего.

Мужчина на коленях не дал ей упасть. Он даже не открыл глаз, он просто поймал капельку языком. Трейси никогда не думала, что у человека может быть такой длинный язык: мужчина умудрился слизнуть капельку прежде, чем она соскользнула на ступени. Мужчина вынул пенис изо рта, и Трейси увидела, что пенис весь покрыт кровавой слюной, в следующее мгновение огромный член вновь был во рту.

Трейси успела разглядеть зубы мужчины. Именно в это мгновение она поняла, кто

такие Непокорные, поняла, что они и в самом деле существуют, и — самое главное — она поняла, что находится среди них.

Она быстро поднялась на ноги, едва не опрокинув блондинку. Та хотела было совершить вторую попытку, но, заметив, что лицо Трейси исказилось от испуга, сдвинула брови.

— Нечего было приходить сюда, — заявила женщина, неправильно истолковав ее страх.

Трейси нахмурилась и стала решительно пробиваться наверх, подталкивая Линду.

— Трейси, какого черта? — закричала Линда.

Трейси толкала подругу вперед, и они чуть не упали, когда ступени закончились.

— Извини, — пробормотала Трейси. — Мне нужен свежий воздух, Лин, или я упаду в обморок.

Трейси боялась, что ее вытошнит.

— Мне нужно...

— Может быть, я могу вам помочь? — услышали они мягкий ласковый голос, обещавший так много.

Трейси посмотрела на говорившего и сразу поняла, что он один из Непокорных. Теперь, когда Трейси знала, что они существуют, она каким-то непостижимым образом могла отличить ид даже в толпе. Он протянул ей руку. В первый момент Трейси отшатнулась, но, всполнив, где находится, она молча взяла холодную ладонь. Он повел Трейси через толпу. Линда с благоговением последовала за ними. Это благоговение, написанное на ее лице, было Смешано с сексуальным возбуждением и страхом.

Вскоре они втроем оказались в пустой просторной спальне, освещенной лишь свечами. На столике стоял таз для умывания, Трейси плеснула воды себе на лицо, вытерла лицо полотенцем, которое протянуло ей элегантное... существо. Она не сразу смогла посмотреть на него.

— Ну, как вы? — сочувственно спросил он.

В его блестящих глазах промелькнуло то самое выражение, которое она видела в глазах того азиата, что они встретили у входа.

Трейси вдруг осознала, что в этих глазах очень немного человеческого.

— Да, теперь хорошо, — ответила Трейси.

Линда захихикала у нее за спиной.

Трейси повернулась к подруге, намереваясь убить ее взглядом, но та не сводила глаз с высокого красивого существа. Трейси вновь повернулась к нему: в его зеленых глазах было нечто завораживающее.

— Разрешите представиться, — сказало существо — Я хозяин дома.

Он коротко поклонился.

— Вы можете называть меня Ганнибалом.

Вот уже несколько лет Трейси время от времени просыпалась по утрам, не понимая, какой сегодня день и где она находится. Сейчас все было гораздо хуже. Она медленно всплывала на поверхность из глубин бездонного сна и не могла сообразить, кто она такая и, вообще, существует ли она. Ее сознание постепенно освобождалось от мрачной темницы без отчаяния и даже без усилий, ее как будто подтолкнул кто-то, и, пожалуй, теперь ей было трудно вернуться обратно в бессознательное состояние.

Ради того, чтобы осознать себя, стоило и постараться.

Ужас в ней нарастал по мере того, как постепенно включались все ее чувства.

Сначала к ней вернулось осязание, и тут же на Трейси обрушилась боль в руках и

запястьях, запульсировала между ног, казалось, она подверглась чудовищному насилию. Мучительно ныла шея. Прежде чем она успела попробовать понять, что же произошло, она ощутила во рту вкус семени, смешанный с жестким привкусом крови, и поняла, что ее изнасиловали не только традиционным способом.

Это ее кровь? Или чужая?

На нее нахлынули тяжелые ароматы секса и крови. Запах крови перебивал острый аромат недавнего совокупления, и она вновь ощутила боль в горле. Трейси рукой нащупала раны на шее.

Наконец она вспомнила, где находится, и в голове у нее загрохотал колокол тревоги. Ее уже укусили! К ней вернулся слух, она слышала ворчание, стоны мужчины (один из Непокорных?) и характерные звуки совокупления. Было слышно что-то еще, какое-то чавканье... Кто-то вкушал наслаждения.

Последним к Трейси вернулось зрение, вместе с ним вернулась и способность мыслить. Осторожно, чтобы не задеть раны на шее, она повернула голову, к счастью, кровотечение уже прекратилось. Она увидела его.

Это был Ганнибал, хозяин дома, то самое существо, о котором их предупреждали азиат и негритянка. Она видела его спину и несколько мгновений не могла оторвать восхищенного взгляда от его мускулистого тела. Завораживали не только глаза! Она смотрела, как он вновь и вновь входил в кого-то по имени Линда. Однако ее внимание привлекли чавкающие, хлюпающие звуки, и Трейси оторвала взгляд от движущихся тел.

Это были не поцелуи.

Она все уже поняла, но все не могла отвести глаз. Ганнибал рычал над кровавой раной на шее Линды, точно волк над телом жертвы. Трейси пыталась не замечать, что лицо Ганнибала чуть удлинилось, а нос и челюсти выдавались гораздо больше, чем у обычного человека. Он впивался в рану с жадностью зверя.

«Проклятье! Нужно уносить отсюда ноги!»

Судя по звукам, он скоро покончит с Линдой... Трейси вырвало, но Ганнибал не обратил на это ни малейшего внимания.

«О дерьмо!»

Конечно, Линда совершенно свихнулась на боли и жажде смерти, но кто знает, как она стала такой. В конце концов, она-то была человеком.

«Плевать на одежду», — подумала Трейси.

Нельзя было терять ни минуты. Она выбралась из спальни, не думая, насколько шумно она двигается. Вечеринка была в самом разгаре, но сама оргия близилась к завершению. На лестнице, ведущей на второй этаж, людей стало заметно меньше, и теперь многие лежали на полу возле стен, тела были сплетены сексом и насилием. Капли крови покрывали ковер, по ним Трейси и находила путь.

Уворачиваясь от тянувшихся к ней рук, Трейси спускалась все ниже, надеясь без проблем добраться хотя бы до второго этажа. Вдруг чья-то нога, сведенная судорогой оргазма, неожиданно дернулась, Трейси запнулась, потеряла равновесие и упала.

Падая на шевелившуюся плота, Трейси отчаянно закричала, она больше не могла сдерживаться. Линда помогла ей найти материал для грандиозного репортажа. Трейси оказалась среди сверхъестественных бессмертных чудовищ, древние мифы оживали у нее на глазах. Однако Линда мертва, Трейси изнасиловал один из Непокорных, изнасиловал не только в сексуальном смысле, но и...

— НЕ-Е-Е-ЕТ! — снова закричала она.

Она ударилась головой о стену, покатила вниз, цепляясь за руки, ноги, груди, локти и пенисы.

Она почувствовала и клыки, что вновь заставило ее закричать. А если она тоже стала одним из отвратительных существ? Ее укусили... Что это значит?

Трейси ничего не знала.

Она понимала только, что должна выбраться отсюда, должна донести до людей правду.

В трех ступеньках от лестничной площадки ее падение прекратилось. Тотчас какие-то руки начали ласкать ее, губы сомкнулись на ее грудях, зубы впились в тело. Она не могла определить дол лежавших рядом существ, не знала даже, люди это или нет. Невероятно сильные руки раздвинули ей ноги, Трейси посмотрела вниз и увидела красивую рыжую женщину. Она уже лакала ее кровь, девушка осознала, что с ней одна из Непокорных. Трейси «испытала удивительное наслаждение, ей вдруг захотелось понять, как они добиваются этого, на миг она даже забыла о страхе. Сразу два члена уже двигались у нее во рту, это ощущение было приятным, но тут Трейси вновь испытала ужас, она поняла, кому эти пенисы принадлежат.

Она опять двигалась, на этот раз уже це отбиваясь от сжимавших ее рук, а стремясь навстречу губам, языку и зубам рыжеволосой красавицы. Все это было ужасно, из ее глаз полились слезы, но и наслаждение было удивительным.

Руки приподняли ее голову, она почувствовала, как чей-то пенис коснулся ее губ. И это прикосновение разорвало чары, неизбежность проникновения возродила воспоминания, и к Трейси вернулись силы. Она рванулась, несколько тел откатились в сторону, и Трейси оказалась на площадке второго этажа. Вскочив на ноги, она посмотрела вверх. Образовавшуюся пустоту рке заполнили другие тела, о ней забыли.

— Сука, — прорычало существо с огромным пенисом, то есть ее исчезновение все-таки заметили.

Однако никто не собирался преследовать Трейси.

Она еще раз посмотрела вверх, опасаясь, что там в любой момент может появиться Ганнибал. Его там не было. Впрочем, это ничего не меняло, ведь он мог возникнуть в любой момент. Трейси посмотрела вниз, она уже видела первый этаж, но тут мужество покинуло девушку, и она чуть це упала на колени.

Последние три ступеньки лестницы были покрыты телами. Только теперь она заметала, что некоторые из этих тел уже не двигаются. На лестнице лежали трупы! Она не сможет спуститься вниз, не подвергаясь атаке на каждом шагу.

Это было очевидно.

Трейси задержалась на четвертой ступеньке, еще секунда — и они на нее набросятся. Она прыгнула через перила. Лететь было недалеко — около пятнадцати футов. Трейси повезло: она приземлилась на пол. Однако у ее везения был короткий век, она подвернула лодыжку, отчего опять потеряла равновесие и свалилась на троих любовников. К счастью, они не захотели вовлечь ее в свою кровавую любовную игру. Лежа на полу, она увидела танцевальный зал, превратившийся теперь в море волнующейся плота. Трейси нашла в себе силы вскочить на ноги и побежать дальше. На мгновение ей показалось, что она никогда уже не сможет избавиться от преследующего ее запаха крови и секса, возможно, она начинает привыкать к этим ароматам.

Наконец она была у заветной двери. Протянув руку, она схватила первое попавшееся

пальто, надеясь, что оно окажется достаточно длинным, чтобы прикрыть ее наготу.

Ей повезло.

Выскочив на улицу, она запаниковала — на воде не было ни одной гондолы. Сначала она подумала, что найдет первого же прохожего или полицейского, но потом сообразила, насколько трудно будет объяснить им то, что она намеревалась открыть миру. Люди должны узнать, полиции нужно сообщить, что здесь происходит. В любом случае людям следует сидеть дома и не выходить на улицу, чтобы сохранить жизнь. Вот только как теперь ей добраться до своего номера в отеле?

Ей хотелось кричать, но сейчас на улицу осмелятся выйти только те, кто оставался в том доме, что она только что покинула. А это ей было совсем ни к чему. Во всяком случае, до тех пор, пока она не заявит об их существовании при свете дня. Это же будет национальная — нет, мировая — сенсация, она сорвет вуаль с этого безумия, за этими чудовищами начнется охота, и они будут уничтожены!

«Проклятье, где же гондольеры?!»

Трейси оглядела канал, спокойный и холодный. Вода равнодушно плескалась у края тротуара. Она поняла вдруг, что все прячутся по домам, что ей не дожидаться гондолы, что она осталась одна. Девушка вдруг ощутила холод, присосавшийся к телу, точно ледяная пиявка, он проникал даже сквозь длинную меховую шубу. Казалось, холод, словно давний любовник, знает, что под шубой у нее ничего нет.

Она еще несколько мгновений провела, размышляя, в какую сторону бежать, когда у нее над головой послышался звон стекла — разбилось окно третьего этажа, и на мостовую посыпались осколки. Трейси удалось увернуться от них, отскочив в сторону. В окне она увидела обнаженное тело Ганнибала. Превращение произошло на глазах у Трейси: огромная летучая мышь метнулась вниз, промчалась над каналом, 10 — 8352 Голдин вернулась обратно и опустилась рядом с Трейси. Ганнибал вернулся в прежнюю форму.

— Как невежливо, — укоризненно сказал Ганнибал.

Трейси показалось, что с ней разговаривает благородный хозяин дома, оскорбленный в лучших чувствах.

— Не могу поверить — ты ушла, даже не попрощавшись!

Трейси отступила на пару шагов, не в силах отвести взгляда от его гипнотических зеленых глаз. Ветер поднял волосы Ганнибала, словно флаг цвета слоновой кости на высоком обнаженном древке. Ганнибал не чувствовал холода.

Трейси отступила еще на шаг и едва не упала в канал. Только сейчас она сумела отвести взгляд и восстановить равновесие.

— Нет, — неуверенно проговорил Ганнибал, и усмешка исчезла с его лица. — Отойди от края.

Она и сама сомневалась, стоит ли делать это, но так у нее еще оставался хоть какой-то шанс. Трейси прыгнула.

На мгновение она ушла под воду, лишь через несколько секунд она вынырнула и ей удалось сделать вдох. Холод, точно медведь, сжал ее в могучих объятиях, ей было трудно дышать. Все ее мышцы мучительно трепетали, и Трейси осознала, что, если ей придется плыть, она не сможет долго продержаться.

Ганнибал думал точно так же.

— Какая сила духа, — сказал он, присев на корточки у самой воды. — Однако это глупо. Моя милая крошка, ты замерзнешь и умрешь.

— Лучше... — едва слышно пролепетала Трейси.

Больше она не сумела произнести ни слова.

— Ты действительно так думаешь? Знаешь, ты совершенно права, я не смогу последовать за тобой. То, что говорят глупые старухи про бегущую воду, — полнейшая чепуха. Но плавать в воде? Это уже совсем другая история. Одним словом, ты можешь выбирать из двух вариантов — и оба они, с твоей точки зрения, ведут к смерти, не так ли?

Трейси только смотрела на него. Взгляд Ганнибала требовал, чтобы она выбралась из воды, но все ее тело парализовал холод. Нет, он не сможет заставить ее двигаться. Скоро она замерзнет окончательно, не сможет больше шевелиться и, словно камень, уйдет под воду. Конечно, канал был не слишком глубоким, но ей хватит и этого.

— Трейси, дорогая...

Когда она сказала ему свое имя? Честно говоря, Трейси ничего не помнила с того момента, как они вошли в его спальню, помнила только пробуждение.

— Трейси, не уходи, сейчас не время спать. Почему ты все еще жива? Знаешь, я выпил твою кровь. Почему же ты до сих пор не умерла? Ты не задавала себе такой вопрос?

«Нет, мне даже в голову не приходила эта мысль», — подумала Трейси.

— Я избавлю твой замерзающий мозг от тягостных размышлений, дорогая. Я приберегу тебя для карнавала, который начнется завтра ночью. Ты умерла бы на утро следующего дня. Ну, я могу посмотреть, как ты умираешь и сейчас, просто посижу здесь спокойно. Потом вернусь в дом и выберу себе другую женщину на завтра. В конце концов, это моя вечеринка. Хотя я бы предпочел тебя. В тебе так много... страсти, чувств.

Давай заключим сделку? Я дам тебе слово чести, поклянусь тронем моей забытой родины. Если ты сейчас выйдешь на берег, я выпью твою кровь завтра, но не стану тебя убивать. Более того, я буду защищать тебя от моих соплеменников. Ты останешься женщиной до тех пор, пока не умрешь своей смертью или не надоешь мне. Тогда я тебя отпущу.

Но ты будешь жить, и у тебя появится множество шансов для побега. Возможно, это даже будет забавно!

Он улыбнулся ей, до крайности довольный собой. Потом протянул руку над водой. Мгновение Трейси колебалась, ей захотелось дернуть Ганнибала к себе и посмотреть, что с ним произойдет в холодной воде. Однако она понимала, как он силен, она же едва могла пошевелиться.

С огромным трудом Трейси протянула руку и сжала пальцы Ганнибала.

— Полагаю, Октавиану известно о наших планах, — сказал отец Малкеррин, с трудом сдерживая кипевший в нем гнев.

— Я все-таки не понимаю, как он сумел проникнуть на освященную землю, — покачивая головой, сказал кардинал Гарбарино.

Он все еще не мог прийти в себя от потрясения.

— Я же говорил вам, Джанкарло. Это существо сражалось со мной днем. На солнце! Оно из дома-то не должен был выходить, а уж совершать превращения при свете дня!..

— Но как?

— Один только Бог знает. Вы же читали книгу. Похоже, он смог освободиться от уз, которыми наши предшественники связали их много веков назад. Впрочем, мы пытались предотвратить все это, мы убили самых старых из Непокорных. Но Октавиан... да он же щенок, ему едва исполнилось пять веков. Он не должен был...

— Вот что теперь следует сделать, Лиам. Нечего сейчас гадать, как и почему... нужно действовать. Мы не можем ждать. Нам необходимо найти их, чтобы завтра же атаковать, завтра же с рассветом. До этого нужно вернуть книгу.

— Джанкарло, — в голосе Малкеррина была слышна тревога, — я повторяю; думаю, Октавиану известны наши планы, значит, сейчас он на пути в Венецию, вероятно, он предупредит эти порождения дьявола. Мы не можем ждать целый день!

— А что вы предлагаете? Напасть на них ночью? Это самоубийство.

Наступило молчание. Собеседники поняли, что кричат друг на друга. Прошло чуть больше двадцати минут после того, как Питер Октавиан украл самое дорогое их сокровище, их путеводную звезду, их библию, основу их существования — «Евангелие теней».

Нет, они вернут его!

— Нужно их собрать, — тихо сказал Гарбарино. — На рассвете нужно созвать всех. У нас есть время до полудня, не позднее, потом мы отправимся в путь. Будем перемещаться по одному или парами, пешком или на машинах. И скажите им... скажи всем — мы не вернемся.

— Мы?

— Конечно, мы. Я присоединюсь к вам. У меня есть люди, которых я могу здесь оставить, два агента Никто не знает, что мы знакомы. Однако я не хочу, чтобы остальные церковники болтались у нас под ногами, мешали нам.

— А как это предотвратить? — спросил Малкеррин.

Ему было действительно интересно.

— Я намерен нанести визит его святейшеству. К полудню нашим братьям будет о чем тревожиться, они и не вспомнят о нашем исчезновении.

Их было четверо: трое мужчин и одна женщина. Они непосредственно подчинялись Малкеррину, через них он и намеревался командовать силами Ватикана, когда наступит время для решительной схватки с Непокорными.

Трое мужчин — это Исаак, Томас и Роберт, братья Монтези. Их отец был лучшим учеником Малкеррина, могущественным колдуном, но один из старейших Непокорных убил его. Малкеррину до сих пор не удалось выяснить, кто же отнял жизнь у Винсента Монтези, у него было лишь описание этого существа, и он надеялся, что поиски увенчаются успехом.

Только Винсента Монтези Малкеррин мог бы называть своим другом.

Четвертым в отряде Малкеррина была монахиня, сестра Мария Магдалина Малкеррин знал только это ее имя. Несколько лет назад в одной из миссий было изуродовано ее некогда красивое лицо. Враг вырвал из глазницы ее правый глаз, но сестра Мария и после этого продолжала сражаться. Врач зашил ей веки, но все равно было видно, что под ними — пустота. Мария никогда не носила повязку.

Все четверо владели магией, хотя пока что их нельзя было назвать истинными мастерами. Малкеррину необходимо было вернуть книгу, он надеялся завершить их обучение и продолжить работу с другими учениками. Малкеррин объяснил ситуацию. Угрюмое лицо сестры Марии помрачнело еще сильнее, Исаак и Томас расправили плечи, мысленно готовясь к предстоящим сражениям, а Роберт... Роберт Монтези улыбнулся.

«Все-таки он — мощное оружие в моих руках», — подумал Малкеррин.

— Сколько у нас людей? — спросил он.

— Двести двадцать два, — ответил Роберт.

Это число произвело впечатление даже на Малкеррина.

— Более полусотни в Риме и пригородах, — добавила Мария.

Она готовила группу женщин.

— И более ста тридцати человек близ Венеции, — спокойно сказал Исаак.

— Сто пятьдесят, — добавил Томас.

— То есть более четырехсот! Превосходно.

Казалось, подсчитав своих людей, Малкеррин стал чуть выше, глаза у него загорелись.

Он попытался мысленно охватить весь план. Победа вполне им по силам.

— Во имя любви Господа нашего! — нараспев произнесла Мария.

— Во имя любви Господа нашего, — повторили братья Монтези.

Эти слова слегка охладили Малкеррина. Конечно, он делал все это во имя любви к Богу, но и себя он не забывал. Он одержит победу. Он будет управлять темными силами вселенной, командовать могущественной армией колдунов. Сначала придется немного отойти от церкви, но через десять — двадцать лет он вернется и возьмет церковь в свои руки. Возьмет даже силой, возьмет при помощи магии, если понадобится. Он займет место Папы. Постепенно церковь станет магическим продолжением его воли, а его самые темные мечты осуществляться. Гарбарино, да и все остальные, претендующие на первые роли, исчезнут навсегда.

Вокруг него одни враги.

Впрочем, получив власть, он обретет и новых врагов.

— Лиам!

Его звал Роберт Монтези.

— Да, Роберт. Извини, я слишком погрузился в молитву. Просил Господа благословить наши замыслы.

Он немного помолчал.

— Скажите своим людям, что настал долгожданный день. Ваши солдаты должны до полудня покинуть Ватикан, взяв с собой оружие. Но сделать это нужно, не привлекая к себе внимания. По два, по три человека, так, словно не происходит ничего особенного. Скажите им... да, скажите, что обратно они не вернутся, пусть будут к этому готовы. Каким бы ни оказался итог сражения, мы не имеем права подвергнуть опасности церковь, ради блага которой столько трудились.

Он посмотрел на них, казалось, их вполне удовлетворило его объяснение. Они ничего не узнают о действиях Гарбарино.

— Из Рима отправится специальный поезд, мы подготовим его в нашем депо. Вам следует позаботиться, чтобы все о нем знали, он будет формироваться в двух с половиной милях от станции. И вот что, Томас.

— Сэр?

— Предупреди наших людей в Венеции о прибытии поезда Пусть встречают нас ровно в полночь, к северу от станции Санта-Лючия, на складе возле церкви Скальци. К этому времени все должно быть готово, нам нужно будет подъехать к городу, занять позиции, мы выступим на рассвете.

— Ночью, святой отец? Можем ли мы быть уверены, что ночью нас не обнаружат? — спросил Исаак.

— Конечно, противник заметит, возможно, некоторых даже убьет. Однако на рассвете мы должны быть готовы к атаке. Передайте всем нашим людям: ночью никто не должен нападать на Непокорных. Если кого-то из нас атакуют, можно защищаться, это понятно, но если это произойдет, нужно прикончить всех нападавших Непокорных, чтобы они не сумели предупредить своих собратьев.

— А что с обычными людьми? Как быть с ними во время схватки?

— Мы уже говорили об этом раньше, Томас. Мы не должны допустить, чтобы люди увидели чудовищ и нашу схватку с ними. Но если до этого дойдет, вы знаете приказ. Люди могут и погибнуть. Может быть, что чья-то собственность будет уничтожена или повреждена, ведь огонь — наше лучшее оружие. Еще вопросы есть?

— Сейчас нет, святой отец, — мягко ответила Мария.

— Нет, сэр, — в один голос сказали братья Монтези.

— Встретимся здесь же через час. Вы должны быть готовы к полному отчету, а я дам вам дополнительные инструкции.

— Во имя Господа, — сказали все четверо.

— Во имя Господа, — ответил Малкеррин.

Станным было само появление незваного гостя. Они никогда прежде не встречались, но его лицо и Питеру, и Меган показалось знакомым, и это тоже было странным. Он появился как раз тогда, когда Питер и Меган собирались, так сказать, познакомиться поближе, что уж и говорить, как он пришел к ним. Ведь, кроме Питера, никто не мог постучать в окно мчавшегося поезда. Однако это было не все. Войдя в купе, гостя назвал Питера его первым смертным именем — Никифор Драгазес. Когда первый момент удивления прошел, Питер почувствовал раздражение.

— Значит, вы меня знаете, — сказал он.

— Полагаю, да, — ответил незнакомец.

— Не припомню, чтобы мы раньше встречались.

— О да, вы меня не видели, но я с вами, Никифор Драгазес, хорошо знаком. — Он вновь повторил имя Питера, чем немало оскорбил его.

— Черт подери, откуда вы знаете это имя? — прорычал Питер.

Незнакомец отступил на шаг, обезоруживающе подняв руки.

— Пожалуйста, сэр. Я не хотел вас оскорбить. У нас общее горе, мы переживаем смерть нашего друга и отца Карла фон Рейнмана, — заявил гость, опустив и руки, и голову.

Питер не был уверен, что гость говорит правду.

— Как тебя зовут, брат? — спросил он незнакомца.

— Коди Октябрь, — не без гордости ответил тот.

Питер Октавиан рассмеялся и покачал головой, показывая тем самым, что вовсе не хотел оскорбить Коди. Смех только искрился в его глазах.

— О черт, ты нас напугал. Вот почему твое лицо показалось мне знакомым.

На этот раз удивился Коди.

— Но мы уже выяснили, что никогда не встречались.

— Я сожалею об этом, эта встреча для меня — большая честь, — сказал Питер.

Они пожали друг другу руки.

— Я много лет восхищался твоим свободолобием, да и прочими талантами тоже.

Коди покраснел, если можно так сказать о бессмертном, и низко поклонился Питеру и Меган.

— Я польщен.

— Хм-м-м, — откашлялась Меган.

Питер повернулся к ней, он уже немного пришел в себя от удивления.

— Извини. Меган Галахер, разреши представить тебе Уильяма Ф. Коди, — сказал Питер.

Меган с улыбкой кивнула, а Коди снова поклонился ей.

— Впрочем, Коди больше известен как Буффало Уилл¹⁵.

«Буффало Уилл?!»

Меган посмотрела сначала на Коди, потом на Питера, в ее глазах читалось сомнение.

— Да ладно, этого не может быть, — сказала она, имитируя бостонский акцент.

Коди скорчил гримасу.

— Если честно, мне никогда не нравилось это прозвище, я предпочитаю Уилл, или Коди, с другой стороны, именно оно сделало меня знаменитым. Впрочем, известность хороша далеко не всегда.

— Не могу поверить, — пробормотала Меган, качая головой. — Интересно, кто следующий? Сидящий Бык?¹⁶

— К сожалению, нет, — ответил Коди.

Впрочем, Меган и не ждала другого ответа.

— Из-за этого ублюдка Маклолина¹⁷ мой кровный брат давно мертв.

Затем обратился к Октавиану:

— Питер... или ты предпочитаешь свое настоящее имя?

— Не больше, чем ты свое прозвище.

— Неплохо сказано. Простите, что я испортил вам с Меган!., хм-м-м, вечер, но раз уж я здесь, может быть, нам следует заглянуть в книгу?

Слова Коди вернули Питера и Меган к реальности.

— А что тебе известно о книге? И откуда ты знаешь, что она у меня? — спросил Питер, вновь охваченный подозрениями.

— Ну, честно говоря, я не случайно угадал, что вы окажетесь в этом поезде. Я наблюдал за Ватиканом, надеясь, захватить кого-нибудь и задать ему пару вопросов. А вот о книге, как я полагаю, мне стало известно из того же источника, что и тебе.

— И откуда же? — спросила Меган.

Она по-прежнему очень о многом даже и не догадывалась. Ей было страшно, но она

решила никогда не показывать свой страх.

— От Карла, естественно, — разведя руками, ответил Коди.

— От Карла? — удивился Питер.

— Конечно. Он уже много лет пытался отыскать книгу. Мне кажется, из-за этой книги его и убили. Он ведь не был таким старым и могущественным, как остальные жертвы.

— О чем ты? — спросил Питер.

Впрочем, ему совсем не хотелось услышать ответ.

— Проклятье, что здесь происходит? — пробормотала Меган.

И Коди рассказал все, что ему было известно об убийствах, об интересе Карла к книге, о покушении в Монте-Карло и о том, как он наблюдал за Ватиканом. В ответ Питер и Меган поведали ему о кардинале Жискаре, об убийствах, которые привели к схватке с Малкеррином, и о других совпадениях, которые заставили Питера принять участие в сражении.

— Знаешь, — сказал в заключение Питер, — я думал или отложить поиски убийц Карла до тех пор, пока не разберусь с книгой, или предоставить месть клану. Но теперь... все дороги ведут в Рим.

— Ты снова про какой-то клан, — вмешалась Меган, — я так ничего о вас и не знаю. Если вы оба — члены одного клана, как вы могли не знать друг друга?

— Ну, все сложнее, чем кажется, — ответил Коди, опередив Питера. — Я умирал, и Карл фон Рейнман вернул меня к жизни, он не хотел моей смерти. Но членом его клана я стал только через несколько лет, когда Питер клан покинул. Так появилось мое имя. «Октябрь», «Октавиан» — ты видишь сходство?

— Конечно, но...

— Номер восемь, Меган, — продолжал Коди. — Я любил Карла, но должен признаться, он был высокомерным сукиным сыном. Наши новые имена — это всего лишь наши номера. Уна была его любовницей. Жасмин Декард¹⁸, Луис Онз¹⁹, Вероника Сеттимо²⁰, Рольф Зеке²¹. У всех членов нашего клана были номера. Пожалуй, это — одна из причин, по которой я так быстро его покинул. Полагаю, мотивы ухода Питера были схожими. Надеюсь, я не слишком много беру на себя?

— Значит, когда... — начала было Меган, но повернулась к Питеру. — Почему ты ушел? И когда?

— Да, Питер, — добавил Коди, — в целом я знаю, почему ты ушел, но фон Рейнман никогда не рассказывал мне об этом. Что же произошло?

Коди устроился у окна, а Меган уселась на полку. Питер, стоявший возле двери, сделал несколько шагов туда и обратно — больше в купе просто не было места. Наконец он заговорил:

— Это было в Бостоне, в новогоднюю ночь. Заканчивался 1999 год, приближалось новое столетие. В нашем клане было тринадцать членов. Мы редко собирались вместе, но нас очень многое связывало. Отношения у нас сложились непростые, дружба соседствовала с ненавистью. Очень часто только Карл мог удержать нас от смертельной схватки. Если он впадал в гнев, хватало одного слова, произнесенного шепотом, чтобы положить конец любой ссоре. Но та ночь была особенной.

Он представил нам нового члена группы, ирландскую девушку. Мы называли ее Шеннон Близняшка. По традиции каждый должен был рассказать свою историю, чтобы показать, что нам нечего скрывать, что мы — семья. Да вот только новогодняя ночь всегда была ночью

охоты, и, как говорится, туземцы испытывали беспокойство...

— Это хороший рассказ, Джозз, — сказала Уна.

Уна, любовница Карла, уроженка Бразилии, была уже немолодой женщиной. Она поблагодарила Жасмин за историю для новенькой Шеннон.

— Луис?

Она выжидательно посмотрела на француза, Луиса Онза. Тот сидел в кресле, обитом красным бархатом. Гостиная была отделана в европейском, стиле, стены украшали гобелены, и кресло красного бархата было в ней не единственным. Вот уже пять лет в бостонской квартире Карла клан встречался в канун Нового года. Местные жители уже начинали понимать, что под Новый год происходит нечто ужасное, и следующий год клану предстояло встречать на новых охотничьих угодьях. В Бостоне исчезновение иммигрантов, особенно ирландцев и итальянцев, только что сошедших с кораблей, не привлекало особого внимания властей, но и бесконечно это продолжаться не могло.

— Луис, — обратился к парижанину Карл, поскольку тот никак не отреагировал на просьбу Уны.

— Достаточно!

Все повернулись к Ши-эр Жи-Шенг. Свирепый маленький азиат с трудом сдерживал ярость.

— Неужели вам все это не надоело? — спросил он.

Он оглянулся на Александру, Триш и Ксавье, с ними он был наиболее близок.

— Лично я считаю, что второе место можно оставить пустым до начала Нового года. Сейчас нам ни к чему новая девушка в клане, какой бы прелестной она ни была, ведь теперь этот город стал для нас опаснее любого другого.

— Шенг.

Карл немного помолчал.

— Сядь. Сядь на место.

Шенг повиновался.

— Многие из вас не слишком рады появлению нового человека, и я понимаю почему. Конечно, ведь вам хочется поскорее выйти на улицы, оказаться в праздничной толпе. Ладно, на сегодня я прощаю вас. Но через две ночи мы совершим инициацию. Шеннон получит те же права, что и все мы. Я об этом позабочусь. А сейчас...

— Давайте охотиться! — закричал Ксавье.

— Проклятье, давайте есть! — добавил Трини.

Питер обвел взглядом гостиную, пытаясь уловить признаки сомнения на лицах. Нет, сомнений он не нашел. В глазах Трина и Ксавье горела жажда крови, Вероника и Эллен обменялись взглядами, полными ненависти, но обе уже надевали плащи, готовясь к приближению полночи, к моменту наступления Нового года, который для дюжины людей закончится смертью. Обычно их было тринадцать — чертова дюжина, но не сегодня. Сидя в углу гостиной, любовники Джозз и Луис играли, словно злобные котята. Уна утешала Шеннон — ее пугали убийства. Карл помогал женщинам надеть плащи. Вольф, немой немец, вертелся рядом, не зная, чем занять руки.

Александра Нуэва и Ши-эр Жи-Шенг стояли чуть в стороне. Они еще не надели плащ и перешептывались о чем-то, поглядывая на Питера. Пожалуй, они были самыми пронизательными в клане, если не брать во внимание Карла, и уже понимали, что конфликта не миновать.

— Идем, дети мои, — со строгим видом сказал Карл, — вам следует выглядеть как люди, если вы хотите пировать после полуночи.

Взяв плащи, Александра и Шенг смотрели на Питера с гневом и удивлением. Питер отвернулся: он был уверен, что принял правильное решение, но не мог смотреть им в глаза.

«Да, я знаю, что я прав, но почему так больно моему мертвому сердцу?»

— Питер? — обратился к нему Карл.

В том, как он произнес его имя, можно было слышать множество вопросов.

«Почему ты не надеваешь плащ?»

«Почему ты на меня не смотришь?»

«Готов ли говорить о принятом решении?»

О да, Карл давно, вот уже несколько месяцев, видел, что Питера мучают сомнения. Карл чувствовал, что эти сомнения могут стать причиной, из-за которой ему придется отречься от любимого сына. Между ними легла дурная кровь, а значит, рано или поздно все станет известно.

— Я не пойду.

Молчание, взгляды, какими одарили его члены семьи, ранили больше, чем лучи солнца. Ему показалось, что прямо сейчас он может упасть замертво.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Ксавье Пента, глядя на него широко раскрытыми черными глазами.

— Только то, что я не стану охотиться. Ни сегодня, ни когда-нибудь потом.

Он с трудом смог посмотреть в глаза своего наставника, своего отца и лучшего друга — Карла фон Рейнмана. Питер увидел в них не гнев, как у всех остальных, а печаль. Впрочем, он знал, что так будет.

— Ты слишком хорош для нас, Питер? Ты это хочешь сказать? — спросила Эллен.

Сама мысль о том, что мужчина может оставить ее, была для нее невыносима. Так было всегда. В этом они с Вероникой оказались на одной стороне.

— Нет, Элли. Он просто хочет дать пощечину своему отцу.

Это было слишком.

— Я скажу это только один раз, скажу для всего клана. Сделаю это главным образом для тебя, испуганная маленькая Шеннон. — Он кивнул девушке. — Не смейте сомневаться в моем отношении к нашему отцу. Это вас не касается.

Я объясню вам, почему я не стану охотиться с вами сегодня... я не охочусь больше. Если говорить начистоту, луже много месяцев не охотился на людей.

Печаль в глазах Карла сменилась потрясением. Он чувствовал, что Питер собирается юс покинуть, но это... Все были ошеломлены.

— Но сейчас, Питер... — начал Ауис.

Его перебила Уна.

— Как ты будешь жить? — спросила она.

Вероятно, ее действительно тревожила судьба Питера.

— Я справлюсь.

— Трус! — выкрикнул Триш.

Он подошел к Питеру вплотную. Карл не произнес ни слова.

— Слабая, напуганная женщина, — продолжил Триш. — И ты называл себя воином? Ты позор нашей семьи!

— Триш, — наконец произнес Карл.

Но Триш не мог остановиться, он все говорил и говорил, словно выплескивал в лицо Питеру свою ненависть. Октавиан молчал.

— Ты — жалкий мерин, ты плюешь в глаза отцу! Мы должны охотиться на тебя, наглый трус. Предатель! Если я...

И тут Карл его ударил. Питер увидел, как рука Карла метнулась к Триш, и тот упал, не закончив очередного оскорбления.

В следующее мгновение, в то биение сердца между триумфом и разрывавшей сердце болью, Никифор Драгазес, точнее Питер Октавиан, как называл его отец, давший ему новую жизнь, но и принесший столько страданий, в глазах друзей, кого он так любил, увидел презрение. Это мгновение навсегда врезалось в его памяти. Александра Нуэва и Шиэр Жи-Шенг были для него самыми близкими людьми после Карла. Он намеренно отдалялся от них, стараясь освободиться от адских мук совести, что раз и навсегда стала властвовать над ним. Все происходившее было для Питера удивительно, однако и Шенг, и Александра, казалось, ждали от него чего-то подобного. Их молчание да еще молчание Рольфа сделало ситуацию такой мучительной. Они ничего не сказали, но в их глазах он прочитал ненависть еще более непримиримую, чем у всех остальных. Его друзья...

— Почему? — наконец спросил Карл.

Его слова будто завершили это мгновение, навсегда разорвав связь Питера с Алекс и Шенгом.

Теперь пришло время разорвать связь и с Карлом.

— Люди, — сказал Питер.

Он говорил негромко, но был уверен, что все услышат его.

— Когда мы были воинами, все было иначе. Даже если сражение превращалось в бойню, все было иначе. Мы сражались во имя какой-то цели. Сейчас, последние несколько десятков лет, мы просто убиваем.

— Питер...

Карл покачал головой. Он не мог понять.

— Ведь это только животные.

— Ты не понимаешь меня, — сказал Питер, как рассерженные дети обращаются к родителям.

— Так объясни мне.

— Они — это вы! Неужели вы сами не видите?

Обернувшись к остальным, он жестом обвел комнату.

— Они — это вы. Именно поэтому вы убиваете их. Да, конечно, вам нужна кровь, но не ценой их жизнью. Вы не можете брать их кровь, не спрашивая. Вы ненавидите людей и потому убиваете их. Мы говорим о людях так, словно это скот.

— Но они и есть скот! — закричал Карл.

— Нет, друг мой.

Сначала Питер по-прежнему говорил тихо, но не выдержал и тоже перешел на крик.

— Я повторяю еще раз: они — это вы. Не совсем так. Они достойнее нас. Они не могут жить вечно, и мы лишаем их этой жизни. Они обладают могучим духом, они знают о неизбежности смерти, но в их груди бьются горячие сердца. Мы же ненавидим их и убиваем, потому что они — это мы!

Питер чуть успокоился и тихо добавил:

— Я больше не могу это делать.

Питер надел плащ. Кинул взгляд на Шенга и Алекс, изящного маленького азиата и его высокую чернокожую любовницу. Ненависти больше не было в их глазах, и Питеру показалось, что он видит на их лицах странную смесь жалости и удивления. Он повернулся к Карлу, лицо наставника превратилось в скорбную маску.

— Я еще увижу тебя? — спросил Питера Карл, его лучший друг.

— Не слишком скоро.

И он ушел.

Рассказывая все это, Питер не мог смотреть на них, старался чем-нибудь занять руки. Меган сочувствовала ему ужасно. Питер знал, что поступил правильно, но мысли о предательстве все еще преследовали его. Меган взяла Питера за руку, усадила рядом с собой.

— На этом все закончилось? — спросила она.

— Нет. Той же ночью, только чуть позже, я наткнулся на Александру и Шенга. Они напали на беременную женщину, ирландскую проститутку. Женщина шла домой. Я понимал, что не могу помешать им охотиться, но ребенок... ребенок — существо невинное. Я... остановил их и отвел женщину в первый же дом, где нам открыли двери.

После короткого молчания Меган спросила:

— Женщина умерла?

— Да, — сказал Питер. — Да, но ребенок выжил, я приходил на следующую ночь. Этого мальчика взяли в церковный приют для сирот.

— Что ж, — сказал Коди, отвернувшись к окну, — хотел бы я, чтобы меня отпустили с такой же легкостью.

— Они воспротивились твоему уходу? — спросила Меган.

— О, Карл сказал, чтобы они оставили меня в покое, но не все ему подчинились. Наверное, я что-то сделал не так? Ладно, расскайсу в другой раз.

Коди посмотрел на Питера, тот не слушал его.

— Питер?

— Извини, — пробормотал Октавиан, тряхнув головой. — Просто задумался о прошлом, о Карле.

— Это было ужасно, — сказал Коди.

Двое бессмертных посмотрели друг другу в глаза, они оба видели его гибель, как и все существа, которых Карл фон Рейнман наделил сверхъестественной силой.

— Самое страшное, что мы не могли прийти к нему на помощь. Мы отомстим за него или погибнем.

Это был молчаливый договор. Не только Коди чувствовал себя героем, не он один знал, что такое честь.

— Хорошо, вернемся к нашим сегодняшним проблемам, — прервала молчание Меган.

Она понимала скорбь обоих мужчин, но не хотела, чтобы эти чувства мешали им действовать.

— Давайте уточним, правильно ли я все поняла. Фон Рейнман нанял цыгана, чтобы тот украл книгу. Мы знаем, что он вроде бы справился, но умер, когда неожиданно появился Анри Жискара. То есть что же? У мистера вора было слабое сердце?

— Вот уж сомневаюсь, — заявил Коди. — Готов поспорить, что Карл его загипнотизировал, заложил в его разум бомбу, она должна была сработать, если бы вор сумел понять тайну книги.

Меган вздрогнула от ужаса.

— Тебе пора к этому привыкать, Меган. И я, и Коди — вовсе не, невинные овечки, но среди наших соплеменников мы — почти святые. Большинство — настоящие дьяволы. У всего есть причина, к счастью, у любого правила бывают исключения. Однако постарайся не сделать ошибки, когда мы прибудем в Венецию. По большей части Непокорные — злые и порочные существа. Если ты забудешь об этом, можешь умереть.

Меган смотрела на Питера. Она не сомневалась, что он говорит совершенно серьезно, но что-то в его словах показалось ей странным. Глядя на Питера и Коди, она не могла поверить, что подобные им существа могут быть злыми по своей природе.

— Почему фон Рейнман сам не пытался похитить книгу? — спросила она, возвращаясь к тому, с чего они начали разговор.

На этот раз Коди посмотрел на Меган и Питера удивленно.

— Да, Питер, — устало проговорил он, — объясни Меган, почему Карл сам не попытался похитить книгу.

— Он не мог этого сделать, — ответил Октавиан.

Он будто не слышал удивленного тона Коди.

— Легенда гласит, что мы не можем находиться на освященной земле.

— Но, Питер, — возразила Меган, — сегодня ты...

— Там побывав — закончил за нее Коди. — Черт возьми, как тебе это удалось, друг? Я бы никогда в это не поверил, если бы не видел собственными глазами.

Питер покачал головой.

— Я не хочу тебя обидеть, но мне казалось, что ты способен на большее, Уилл. Конечно, у меня ушло более четырехсот лет, чтобы во всем разобраться, так что мне не следует заноситься.

Меган догадывалась, что имел в виду Питер, но он ничего не объяснял ей, и сейчас она слушала с интересом, а уж Коди и вовсе ничего не мог понять, на лице у него появилось недоуменное выражение.

— Все это чепуха, — заявил Питер.

— Что?

— Чепуха, Коди. Все эти глупости. Солнце, кресты, освященная земля и тому подобное. Несусветная чушь, придуманная церковью, чтобы ослабить нас, дать им преимущество в борьбе с нами. Все, кроме серебра, серебро — это яд. Нам просто-напросто промыли мозги. Неужели ты думаешь, что не существовало Непокорных — проще говоря, вампиров — до того, как появилась церковь? Именно церковь стала называть нас «Неpokорными». А ведь когда-то крест ничего не значил, о существовании «освященной земли» никто даже не слыхивал.

— Ну, конечно, но...

— Если религиозные аспекты легенды лживы, то почему не поставить под сомнение и все остальное?

— Да, конечно... если это так, в смысле, как ты об этом узнал?

— Я узнал это в ту ночь, когда я предал свою семью, когда помешал Шенгу и Александре расправиться с проституткой. Я уже говорил вам, что оставил ее в каком-то доме. Я положил ее истерзанное тело на стол и только тогда огляделся. Тут я понял, что нахожусь в церкви.

Коди кивнул.

— В ту ночь я понял, что наши представления о собственной природе неверны, можно

сказать, мы понятия не имеем о своей сущности.

— И в чем же она состоит? — Коди подался вперед.

Питер замолчал, взгляд его, полный Скорби и удивления, встретился со взглядом Коди. Двое мужчин долго смотрели друг другу в глаза.

— Я не знаю, — ответил Питер. — Я выяснил только то, что церкви известно о нас, понял, что они все эти годы манипулировали нашим сознанием.

И тут на лице у Питера появилась улыбка. Умная и тонкая улыбка заставила его собеседников улыбнуться ему в ответ, хотя они не могли понимать ее причины. Питер взял кожаный портфель, в котором лежала книга — источник неприятностей и вопросов.

— Я знаю, что ты игрок, Уилл Коди. И я готов поспорить, что ответы на все твои вопросы можно найти в этой книге.

— Ну, так давайте поищем их! — воскликнула Меган.

— Вам следует еще кое-что знать, — сказал Питер. — Коди, ты не спросил, куда идет этот поезд, но если ты подумаешь хоть немного, то легко сообразишь.

— О дьявол, — пробормотал Коди. — Венеция!

— Ты прав, брат. Мы отправляемся на семейную встречу, похоже, мы оба давно этого не делали. Не думаю, что нас примут с распростертыми объятиями.

— Это точно.

— Однако у нас нет выбора. Мы с Меган отправимся туда в любом случае, может быть, мы сможем найти там убежище. К тому же я хочу знать, что они выяснили об убийстве Карла. Так или иначе', другого пути у нас нет.

Лицо Питера потемнело от гнева, глаза стали холодными, и Меган почувствовала, что никогда не захочет стать причиной его ярости.

— Что произошло? — только и спросила она.

— Покушение на тебя, Коди? Оно часть общего плана. Мне удалось подслушать окончание разговора между Малкеррином и его начальником. Они сказали что-то о Священнодействии. Времени у них мало, им нужно как можно скорее оказаться в Венеции.

— Значит, убийства лишь отвлекающий маневр, — подхватил Коди, — Они стараются скрыть от нас свои истинные планы.

— Или сделать так, чтобы самые могущественные из нас отсутствовали, когда начнется атака, — заметил Питер.

— Неужели они будут действовать при свете дня? — спросила Меган.

— Ну, для них это самое лучшее время, — с грустной улыбкой ответил Питер.

— Пожалуй, нам стоит отложить обсуждение этих проблем на другое время. Рассвет наступит через несколько часов, а я хотел бы хоть немного узнать, что это за книга. Сделать это до того, как мы отыщем место для ночлега.

Питер посмотрел на него круглыми от удивления глазами.

— Что такое? — спросил Коди.

— Я очень уважаю тебя, Уилл, — произнесла Меган, — но не думаю, что ты сумеешь отыскать подходящее место. Питер сказал, что враги намерены атаковать ваш народ, как только смогут собрать свои силы. У вас нет времени сидеть весь день. Ни в темной комнате, ни в норе под землей. Поезд прибудет в Венецию утром, и мы с него сойдем.

— Но я умру!

— Ты слышал рассказ Питера? Все это чепуха. Да к тому же, если я не ошибаюсь, ты уже мертв. Это как раз правда. У нас есть час на изучение книги, потом Питер расскажет

тебе, что из твоих представлений соответствует истине, а что — нет. Ну, а потом ты сам примешь решение!

— Но я...

— Послушай, просто нужно нам поверить! Если я не сошла с ума, выслушав все это, то и тебе не мешало бы проявить немного здравого смысла!

Питер и Коди посмотрели на нее, первый улыбался с нескрываемой гордостью, во взгляде второго сквозило удивление и восхищение, впрочем, был там и страх перед приближавшимся рассветом.

— Вера.. — сказал Питер, обнимая Меган за плечи. — Какое это замечательное понятие.

Они открыли книгу и углубились в чтение.

Мария Магдалина — впрочем, чаще ее звали сестрой Марией — готовилась к предстоящему сражению. Она переделалась в черную уличную одежду: брюки, свитер, зимние сапоги. В Венеции так оденутся все их люди. Она сложила смену одежды и две смены нижнего белья в черную парусиновую сумку, там уже лежал и серебряный кинжал — ее единственное оружие. Есть, конечно, еще оружие ее разума — слова, но кинжал нркен ей, чтобы истощаться, улечувиваться, испаряться для ближнего боя с порождениями дьявола. Они ее изуродовали, и теперь убивать их было для нее наслаждением.

Сестра Мария владела мощными заклинаниями, она могла использовать их в серьезных сражениях, но от непосредственной схватки с врагом, лицом к лицу, она получала огромное удовольствие. Она наслаждалась, когда наносила удары страшным для врага серебром, это была месть за уродство.

Впрочем, сегодня она получила приказ: никакого риска. И все же, если у нее появится шанс...

Братья Монтези тоже заканчивали приготовления. Исаак и Томас собирали вещи, они взяли с собой усиленный сталью серебряный меч, доставшийся им в наследство от отца. Этот меч они приготовили для того, кто убил отца, они надеялись узнать, кто убийца и где он живет. Они не слишком надеялись выяснить имя своего врага, но были уверены, что в ближайшие несколько дней они его встретят. Они только и делали, что оживленно обсуждали Предстоящую битву, решали, куда направятся после ее окончания, говорили о тех существах, имена которых стали им известны, но которых пока еще им не удалось отыскать.

Среди этих существ был и Питер Октавиан, и, конечно, небезызвестный Коди Октябрь. Коди появился в Монте-Карло неожиданно, отвлек отряд, посланный на поиски другого, очень старого существа. Они попытались прикончить Коди, но потерпели неудачу. Только один выжил в этой схватке, он-то и рассказал им о ней. Они не добились ничего: Коди Октябрь не пострадал, а найти и убить Непокорного по имени Ганнибал им не удалось.

— Мне надо было самому возглавить этот отряд в Монте-Карло, — сказал Исаак.

Он обращался только к Томасу: Роберт не общался со старшими братьями.

— Ты не можешь себя винить, — ответил Томас.

— Нет, он прав, — неожиданно вмешался Роберт, отрываясь от карты Венеции.

— Что? — вместе спросили Исаак и Томас.

Странно, брат, оказывается, прислушивался к их беседе.

— Да, один из нас должен был находиться там, — пояснил Роберт. — Это не должно повториться. В конце концов, с фон Рейнманом все прошло гладко только потому, что там были мы. Мы потеряли нескольких хороших людей, но если бы не мы, ему удалось бы уйти. Более того, — продолжал Роберт, — нам надо всегда участвовать в схватках. И мы, и Лиам хотим найти убийцу отца, не так ли? Возможно, это сделал тот, из Монте-Карло — Ганнибал. Да, возможно, он убийца, а мы егопустили.

— Верно, но жажда мести — не главная причина нашей работы, — возразил Томас.

Они замолчали.

Роберт откашлялся, оглядел их небольшую спартанскую комнату. Только сейчас он почувствовал, что в комнате царил застоявшийся, какой-то стерильный запах, тусклый

солнечный свет, сочившийся сквозь окно. Он знал, о чем думают его братья: Малкеррин хотел найти убийцу их отца, но, пожалуй, он был бы недоволен, узнав, что для братьев это стало главной целью жизни. Они ведь охотились на самых древних среди вампиров, чтобы, не зная о готовящемся нападении, они не смогли спастись в Венеции. Фон Рейнмана они наказали: при помощи какого-то человека он украл «Евангелие теней». Одна мысль о том, что книга в руках у Непокорных, вызывала у Роберта дрожь.

— Все прошло бы успешно, если бы не фон Рейнман, — наконец проговорил Роберт. — Лиаму не пришлось бы лететь в Бостон, а мы поехали бы в Монте-Карло. Тогда мы покончили бы и с Ганнибалом, и с Коди.

— Именно поэтому мы вынуждены были убить фон Рейнмана тогда, а не в Венеции, — сказал Исаак. — Если бы мы знали об Октавиане раньше...

— Мы не могли о нем знать, — возразил Роберт. — С чего бы мы могли подумать, что он может быть опасен? Мы были слишком уверены в успехе.

— Ты совершенно прав, — кивнул Томас. — После очищения нам придется быть осторожными, выслеживая тех) кто спасется в Венеции или вовсе не придет туда. Мы знаем теперь, на что способен Октавиан, знаем, насколько ловок ковбой из Монте-Карло, но никто не может предсказать, кто еще встанет у нас на пути. Нам нужно быть очень Осторожными.

— И все равно необходимо найти убийцу отца, — добавил Роберт.

Исаак и Томас переглянулись, ведь они только что говорили об этом. Может быть, именно стремление найти убийцу отца дает Роберту какую-то неиссякаемую энергию?

Инстинкт подсказывал им, что их младший брат не похож на них. Исаак и Томас были солдатами, убийцами и колдунами, они учились мастерству. Роберт был художником. В этом смысле он больше всех походил и на отца, и на их учителя Лиаму Малкеррина. Несомненно, Исаак и Томас Монтези любили свою работу.

Для их брата она стала страстью.

Им не удалось прочитать всю книгу. «Евангелие теней» было написано на древней латыни, трудной даже для Питера, но, кроме того, им не хватило времени. Они сразу поняли, что их главная проблема — это время. Нужно было просмотреть книгу, немного отдохнуть, а Коди — привыкнуть к мысли, что он сможет выйти на солнце, это тоже требовало времени.

Уильям Коди всегда любил приключения. Он был сильным и мужественным человеком, хотя это не мешало ему при жизни слыть симпатичным хвастуном, а во всех его историях всегда присутствовала правда. Прошло немало лет с, тех пор, когда он в последний раз признавался, что ему страшно. А сейчас, когда они прочитали только первые страницы, Коди сказал:

— Господи, мне страшно.

Питер кивнул: в этом Коди был не одинок.

Впрочем, у них не было времени бояться, как и читать всю книгу подряд.

Они только просматривали текст.

Когда последняя страница была перевернута, наступило мрачное молчание.

Наконец Меган встала.

— Рассвет уже близок, примерно через полтора часа мы прибудем в Венецию. Нужно хоть немного отдохнуть.

— Ты права, — ответил Коди. — Однако здесь слишком тесно. Пожалуй, я попытаюсь отыскать свободное местечко. Мне кажется, в вагоне есть парочка незанятых купе.

— А как насчет солнца? — спросил Питер.

Он опередил Меган, она тоже собралась задать этот вопрос.

Коди остановился в дверях. Он не обернулся, лишь опустил голову, вздохнул и, не скрывая тревоги, сказал:

— Все есть в книге, Питер. Я пройду по коридору, держась подальше от окон, опущу шторы в купе. В общем, потренируюсь, прежде чем выходить под прямые лучи солнца. Из поезда ты выйдешь первым.

Я читал книгу — разумом я понимаю, что все это чепуха, но мой желудок пребывает в сомнениях. Когда я увижу, что ты стоишь на солнце, кажется, я сумею себя преодолеть.

— Ты должен, — сказала Меган.

В ее голосе Коди услышал приказ, а не просьбу.

— Ты справишься, — добавил Питер.

Коди искоса посмотрел на них и рассмеялся.

— Знаете, все это невероятно, похоже на выдумку. Проклятая книга просто возмутительна! Я — ночное существо, восставшее из мертвых, я пью человеческую кровь, но я с трудом верю в то, что там написано!

Меган подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Нет, — сказала она, — ложь вложила в твое сознание церковь, вот это возмутительно. Ты сейчас в таком же положении, что и я. Все вещи, в истинности которых ты не сомневался, оказались ерундой, теперь тебе нужно найти в себе мужество и поверить в нечто иное.

— Опять встает вопрос веры, — вмешался Питер, отложив книгу в сторону. — Я никогда не верил в Бога, я не мог верить мошенникам, утверждавшим, что они говорят от Его имени. Но теперь я считаю, что Он вполне может существовать. Он сидит у себя на небесах и наблюдает за земными безобразиями, вероятно, Он недоволен этими кривляками, возможно, ему хочется все начать заново.

— Они не могут быть кривляками все, — сказала Меган.

— Ну, даже в Риме не все так отвратительны, как Малкеррин и его друзья. Из книги ясно, что, по крайней мере, этот Папа ничего не знает. Однако никто не видит полной картины. Если бы это было возможно, зачем был бы нужен Бог?

— Новая Церковь Восставших из Мертвых.

Коди вновь рассмеялся, а потом покачал головой.

— Вера.

— Без нее ты умрешь, — сказал Питер.

На этом они расстались.

Стоит ли удивляться, что никому из них не удалось поспать? Почти все оставшееся время Коди провел в размышлениях о книге и о том, что готовит ему наступающий день, особенно свет.

Коди ушел, а Питер и Меган долго молчали. Тишина не была для них тягостной. Питер улегся на нижнюю полку и положил руки под голову. Глядя в пустоту, он размышлял о том, что им всем предстоит. Потом его мысли обратились к другому предмету, его спутники совсем не думали об этом. Какой прием ждет их в Венеции? Он понимал, что медлить им нельзя. Их всех могли убить: причиной тому станут высокомерие и гнев Непокорных, особенно тех, с кем Питер и Коди прежде были близки.

Меган подошла к окну и выглянула наружу: восходящее солнце осветило итальянский пейзаж. Питер подумал, что она пытается осмыслить прочитанное, осмыслить все новое, что

она узнала от него и от Коди, чтобы подготовиться к предстоящим испытаниям, Он ошибался.

Меган была сильнее, чем думал Питер, сильнее, чем она думала сама. Она приняла факт существования Непокорных, приняла содержание книги, которую Питер украл у ее владельцев. Существование Буффало Уилла Коди, героя американской истории, ехавшего в соседнем купе, принять было гораздо легче. Она поехала с Питером по нескольким причинам, но главное — ей хотелось быть рядом с ним. Она должна была найти Малкеррина — человека, убившего ее лучшую подругу, ведь она так любила Дженет.

С обескураживающей холодной ясностью Меган вдруг поняла, что переступила рамки морали. Она также понимала, что прежняя мораль держалась на религиозных верованиях, а теперь она знала, что они были не более чем дым и система зеркал. Она могла бы без колебаний убить Малкеррина. Наступившая ясность помогла ей принять новый будораживший ее мир, полный опасностей и страха. Она оказалась в мире незнакомом, о существовании которого знали лишь немногие люди. Всю жизнь ей хотелось чего-то большего, и теперь она это получила.

Все это она поняла еще до того, как они доехали до Рима.

И все же Меган была уверена, что Питер привлекает ее по другим причинам. Он был героем Добрым, мужественным существом. Его инстинкты подталкивали его убить ее, выпить жизненную сущность, но он хотел любить Меган, любить так, как любит обычный человек. Она видела, какая борьба идет в нем, и не сомневалась, что Питер сумеет взять под контроль мрак, живущий в его душе.

Книга «Евангелие теней» стала последней каплей, последней деталькой в головоломке, теперь она могла сложить всю картину. Существа ночи, демоны, призраки и им подобные не могли больше сражаться, сохранять свою свободу, только племя Питера было способно оставаться непокорными. Теперь она всем сердцем верила, что причина предельно проста — у них есть душа.

Она — живой, рациональный человек, она не могла найти другого объяснения. Они умели сражаться за свою судьбу, поскольку когда-то были людьми. Такова человеческая натура.

Сначала Меган едва не потеряла себя, едва не перешагнула черту. Позже, глядя на открывшийся перед ней путь, она уже не оглядывалась назад. Она стала частью процесса, какие бы безумные опасности им ни грозили. Оставалось найти ответ только на один вопрос.

Какова ее роль?

В конце концов, она была человеком.

Что ей предстоит совершить в этой истории? Разрешат ли собравшиеся на венецианском карнавале и ей принять участие в схватке? Быть может, они ее просто убьют? Ведь даже Питер и Коди не смогут защитить ее от Непокорных, если их будет много.

Нет, она не останется в стороне. Лучше закончить начатое дело, чем тревожиться о том, чем это может кончиться. Она подошла к Питеру. Все это время он наблюдал за ней, смотрел, как лучи рассветного солнца озаряли ее лицо.

Она села с ним рядом, на самый край полки, положила руку ему на грудь.

— Давай займемся любовью, — сказала она, хотя не было необходимости произносить это вслух.

Питер притянул ее к себе, губы Меган давно тянули его к себе. Поцелуй получился

долгим и страстным. Они знали, что времени мало, но именно оттого им хотелось быть вместе, пока не пришла пора сражений.

Халатик Меган легко соскользнул с плеч, она помогла Питеру снять брюки. Поцелуями они исследовали каждый дюйм обнаженных тел, и это любопытство было больше, чем страсть. Никогда раньше Питер не занимался любовью с женщиной, понимавшей его суть до конца. Меган была охвачена удивлением и страхом.

— Укуси меня, — прошептала она. — Попробуй мою кровь.

Он не нарушил ритма, но нахмурился.

— Нет. В этом нет нужды.

Тогда она оттолкнула его, Питер оказался на полу. Меган села на него и ввела в себя его пенис. Она двигалась ритмично, и теперь они смотрели друг другу в глаза. Меган не отводила взгляд от Питера, она хотела, чтобы он понял, насколько она искренна в своих желаниях.

— Это не жертва с моей стороны. Я этого хочу. Хочу, чтобы ты это сделал. Укуси меня, — продолжала она произносить слова в ритме раскачивавшихся бедер. — Попробуй меня, хотя бы чуть-чуть.

Она поцеловала его, облизнула губы. Питер ответил ей страстным поцелуем, возбужденный ее желанием. Его рот скользнул к ее шее, но Меган его остановила.

— Не здесь, — выдохнула она.

Ее шепот был полон мучительного желания;

Она опустила его голову вниз, откинулась назад, и его губы коснулись ее левой груди. Острыми зубами он провел по соску, чуть повернул голову, его зубы погрузились в мягкую плоть.

Меган глухо застонала, но не от боли, а от облегчения и наслаждения. Его экстаз был ничуть не меньшим, когда ногти Меган оставили кровавые борозды на его спине, исцелившиеся через мгновение. Вновь и вновь она царапала его спину, а он сосал кровь из ее груди, продолжая равномерно двигаться.

Наконец он откинулся назад, оторвав лицо от ее груди, и зарычал, продолжая стремительные движения. Оргазм Питера распалил Меган, и она присоединилась к нему, прижимаясь к его телу.

Питер весь был уже покрыт потом и маленькими капельками крови Меган, но так же продолжал прижиматься к ней. Она вновь поцеловала его и почувствовала, как опадает его член. Как бы ей хотелось, чтобы эти мгновения никогда не закончились.

Тут поезд замедлил ход, и они услышали стук в дверь, затем — голос Коди:

— Венеция.

— Дай нам минуту, — прохрипел Питер.

Впрочем, Коди услышал его. Питер улыбнулся Меган — такой улыбки она еще не видела у него. Наверное, так улыбался молодой Никифор, храбрый и страстный мужчина.

Меган посмотрела на две крохотные ранки на своей груди, перевела взгляд на Питера. Улыбка исчезла с его лица, а глаза на миг стали печальными. Она покачала головой, коснулась груди, провела пальцами по маленьким ранкам, а потом поднесла их ко рту, пробуя на вкус свою кровь и пот. Наклонившись вперед, она снова посмотрела ему в глаза.

— Благодарю тебя, — с улыбкой сказала Меган.

Она еще раз поцеловала Питера и медленно соскользнула с него.

Она уже знала, какой будет ее роль. Вопрос только в том, как объяснить это Питеру.

Эта комната была предназначена для жестоких игр. Повсюду была мягкая черная кожа, наполненная пухом и каким-то другим плотным материалом, что приглушало звуки, не позволяя им проникать наружу. Вероятно, даже когда по стенам стекали уже все возможные жидкости, выделяемые человеческим телом, игры не заканчивались.

Трейси осмотрелась: вокруг были приспособления и инструменты, причинявшие боль и наслаждение. Она немного представляла себе, в чем могут заключаться такие сексуальные игры, однако не смогла бы назвать ни одного предмета мебели в этой комнате. Это были какие-то чудовищные приспособления, и она со вздохом отвернулась, размышляя о своем страшном положении. В сознании тихонько лепетал тоненький голосок: какая из пыточных машин окажется менее ужасной? Ну, как можно получать удовольствие от этого? Неужели ей понравится?

Конечно нет.

Трейси сидела в черном кожаном шезлонге, прикованная к стене изящной цепью. Прежде чем заточить ее в этой комнате, Ганнибал попросил ее одеться, что она и сделала. Трейси и не думала идти навстречу просьбам Ганнибала, но от одежды отказываться не стала. Она едва не замерзла до смерти в ледяной воде и до сих пор не могла согреться. Она заболела, уж в этом она была уверена. Разве у нее есть шанс? В комнате было довольно тепло и пахло как-то слишком сладко, будто булочками с корицей. Все здесь было черного цвета, кроме лампы рядом с ней, она была зеленой, и, вероятно, ее сюда принесли специально для нее.

Черным было все: стены, пол, потолок, машины, дверь и даже цепи. Цепь, которой была прикована Трейси, крепилась к черной металлической пластине на стене, ее правую лодыжку охватывали кандалы, отделанные чем-то мягким изнутри. Звенья цепи покрывал мягкий кожаный чехол. Остальные цепи в комнате были гораздо крепче.

В целом обошлись с ней неплохо, особенно если учесть, что она пыталась сбежать. Трейси накормили, позволили выбрать книгу в библиотеке, а слуги Ганнибала обращались с ней уважительно. Впрочем, никто из них не носил кандалы.

У нее уже болело горло, капельки пота выступили на лбу, из носа отчаянно текло. Да, она сильно простудилась, но с этим ничего нельзя поделать. Конечно, у Ганнибала было два и быстрых, и надежных лекарства от простуды, но ни то, ни другое не казалось ей привлекательным. Трейси поняла, что взошло солнце: они не стали бы приковывать ее, будь Ганнибал рядом, ведь если Трейси выскользнет из дома, он сможет выследить ее. Она делала вид, что читает, придумывая и отвергая один за другим разные планы спасения.

Она должна выбраться отсюда! Ей необходимо рассказать все это миру. В Риме есть представительство Си-эн-эн, но навряд ли они послали команду на венецианский карнавал. Репортеры здесь, конечно, есть, и даже если Си-эн-эн была вынуждена поделиться с кем-нибудь репортажем или записью; все равно ее материал будет самым лучшим, а это — самое главное. Да, мир нужно предупредить, и Трейси так хотелось — больше того, она только об этом и мечтала — сделать это самой.

Терпение!

В конце концов, они ведь будут ее кормить.

— Посмотри на меня, проклятый упрямец! — закричал Питер.

Они с Меган были уже на платформе, а Коди все не решался выйти из стоявшего в тени поезда. Уилл застыл на месте, чуть в стороне от выхода, мимо быстро проходили пассажиры. Меган уже сбегала на вокзал и купила для них обоих темные очки и шляпы. Ее не было совсем недолго, и Коди даже сумел пошутить относительно шляпы. Он всегда носил сомбреро и ковбойские шляпы, и его неприязнь к узким полям была очевидна.

— Ты сможешь защитить от солнца лицо, — сказал Питер. — Вот о чем тебе надо думать.

Терпение Питера истощилось, невдалеке уже маячил проводник, вероятно, ему хотелось знать, почему один из пассажиров не покидает поезд.

— Посмотри на меня, Уилл!

— Я смотрю, — раздраженно ответил Коди. — Разве тебе не больно?

— Да, больно, черт тебя подери! Сначала боль будет жгучей, словно пчелы кусают тебя, каждая клеточка, каждый дюйм твоей кожи будет болеть. Но пойми, это продолжается недолго. Постепенно боль ослабевает, остаются лишь неприятные ощущения, как после легкого солнечного ожога. Ты ведь еще не забыл, как бывает, когда обгоришь на солнце?

— Я ненавижу эти ожоги даже в те времена, когда солнце не могло мне повредить, а уж сейчас... — угрюмо проворчал Коди.

Наступило молчание, проводник был уже совсем близко. Меган подумала, что конфликт между Коди и проводником им сейчас совсем ни к чему. Она повернулась к Уиллу.

— Ты жалкий трус! — прорычала она.

Он посмотрел на нее так, словно получил пощечину, попытался что-то ответить, но она не стала ждать.

— Думаешь, ты — герой! благородный человек, величайший разведчик, лучший в мире лицедей? А по мне, так ты куча бизоньего дерьма! Я считала тебя настоящим мужчиной — игроком, любовником, охотником, наездником, лучшим из лучших, символом Дикого Запада. Все это враки! Уильям Фредерик Коди, герой детей во всем мире, Буффало Уилл боится обгореть на солнце!

Похоже, Питер был ошеломлен, а лицо Коди потемнело от гнева. Проводник подошел к ним и терпеливо дождался, пока Меган закончит, очевидно, он понял, что с ней нужно считаться и лучше ее не прерывать. Наконец она замолчала. Все трое мужчин молчали, пытаясь придумать, что ей можно ответить.

Впрочем, Меган не предоставила им этой роскоши.

— Пойдем, Питер, — сказала она, повернувшись на каблуках, — пусть этот маменькин сынок ездит на поезде взад и вперед до самого заката. К тому времени все уже закончится.

Питер смотрел ей вслед, удивленно приподняв брови. Он открыл было рот, но так и не сумел произнести ни слова. Меган, не оглядываясь, решительно шагала по платформе. Он повернулся к Коди, пожал плечами, изо всех сил пытаясь спрятать виноватую улыбку. Наконец он не выдержал, тряхнул головой, рассмеялся и последовал за Меган. Проводник посмотрел им вслед, потом повернулся к их мрачному собеседнику.

Покрасневший от ярости и унижения Коди больше не колебался. Он решительно шагнул на платформу. Проводник так и не успел ничего сказать. Впрочем, Коди все равно не говорил по-итальянски.

— Я прекрасно понимаю, что ты хотела сделать!

Он уже нагнал Меган и Питера.

— Но у тебя ничего не получилось. Я вышел, потому что захотел выйти, а не из-за твоих детских шуточек. Женщина, да ведь ты просто заноза в заднице!

Коди повернулся к Питеру.

— А ты... не дай Бог, ты ошибаешься!.. У меня горит, словно в аду.

Ему и в самом деле казалось, будто кожа у него на лице горит — оставалось надеяться, что это только иллюзия.

— Не тревожься о своей мордашке, красавчик, — рассмеялся Питер. — У нас есть проблемы посерьезнее!

— Ты прав. Прощу меня извинить, задержек больше не будет.

— Ладно... Слушай, — продолжил Питер, когда Коди пришел в себя, — Сейчас солнце — наше преимущество, оно не даст нашим друзьям напасть на нас. Они ведь не забыли старых обид, а так мы сможем поговорить с ними.

— Вот и отлично, — вмешалась Меган. — Куда мы пойдём сначала?

— Мне кажется, я знаю подходящее место, — сказал Питер.

Как только пробило одиннадцать, Джанкарло Гарбарино явился на аудиенцию к его святейшеству Папе. Папа опаздывал как обычно, и Гарбарино сидел в приемной, дожидаясь его возвращения с мессы. Секретарь принес ему травяной чай, что не сильно обрадовало Джанкарло, он предпочел бы венский шоколадный кофе. К сожалению, таких лакомств в приемной не водилось, ведь Папе это противопоказано — слабое здоровье.

Наконец Папа явился, казалось, он был чем-то встревожен. Гарбарино поприветствовал его, а он едва кивнул в ответ на целование кольца и небрежный поклон, каким более гордый и менее набожный понтифик был бы оскорблен. Они прошли в покои, свернули направо и оказались в маленькой библиотеке, служившей личным кабинетом Папы. Здесь он принимал тех, с кем чувствовал себя комфортно. Гарбарино знал, что святой отец его не любит, но уважает за успехи в академических науках.

Секретарь, тот самый, что принес чай Джанкарло, — кажется, его звали Паоло, — появился в комнате, когда Папа еще только собирался его позвать.

— Чай, ваше святейшество? — спросил Паоло.

— Нет, благодарю, — ответил Папа.

— Кардинал?

— Да, пожалуйста, Паоло. И, хотя его святейшество отказались от чая, мне кажется, вам следует принести чашку и для него.

Он улыбнулся молодому человеку.

Папа посмотрел на Гарбарино, собрался поспорить насчет чая, но потом передумал и уселся в удобное кресло, обитое бордовой кожей.

— Паоло, пожалуйста, принеси чай и больше нас не беспокой, — сказал Папа. — Сегодня у меня отвратительное настроение, надеюсь, кардинал принес хорошие вести.

Он улыбнулся Гарбарино, но улыбка не произвела на него впечатления.

«Нет, дело тут не в плохом настроении», — подумал кардинал.

— А что вас так расстроило сегодня? — спросил Гарбарино.

Он всегда разговаривал с понтификом, не заботясь об условностях.

— Меня беспокоит спина, — пожаловался Папа, — но еще больше меня тревожит, что сегодня на мессе было очень мало народа.

— Ну, об этом не стоит волноваться. Многие мои люди отправились на важное научное

мероприятие, к тому же в городе свирепствует грипп...

— Да, боюсь, я и сам простудился.

Вернулся Паоло, молча поставил поднос перед Гарбарино, взялся уже за чайник, но кардинал жестом показал ему, что справится сам. Паоло вышел, аккуратно закрыв за собой дверь и предоставив Гарбарино разливать чай.

Опуская в чашку понтифика пакетик чая, кардинал уронил в нее маленькую капсулу. Тонкая оболочка капсулы моментально растворилась в воде, и прозрачная жидкость смешалась с чаем. Так Гарбарино покончил с Иоанном Павлом Г.

Папа поднес чашку к губам, сделал первый глоток. Гарбарино улыбнулся и принялся за свой чай. Было бы важно скрыть, что же произошло на самом деле с Иоанном Павлом. Но не в этот раз. Сейчас это не имело значения. Даже если станет известно, что Папа убит, если кому-то удастся выяснить имя убийцы, информация эта будет совершенно бесполезной, поскольку скоро Гарбарино покинет резиденцию Папы, чтобы больше никогда не возвращаться.

О да, он делает это ради славы истинного Бога, чью природу римский католицизм только сейчас начал понимать. Важен контроль над всем происходящим, над всеми живыми существами, естественными и прочими. Вот чего на самом деле хотел Бог, вот чего он ждал от Своей Церкви.

Папа мелкими глотками пил чай, а Гарбарино все ругал себя за легкомыслие. Он не должен отвлекаться, ведь он — солдат армии Бога, набожный человек, а не лицемерный, своекорыстный безумец, вроде Лиамы Малкеррина, Джанкарло Гарбарино был грешен, и одним из его грехов была гордыня. Этот грех по-разному выражался в нем, но самое главное — он считал себя вполне разумным, чего никак не мог сказать о других.

— Знаете, Джанкарло... — сказал Папа, поставив чашку.

Он сделал лишь пару глотков, их достаточно, чтобы он заболел, это точно, но не более того, они его не убьют.

— Я в последнее время много размышлял о кардинале Жискаре.

Гарбарино был весь само внимание.

«А это еще что такое?»

— Анри Жискар был серьезным ученым, думаю, он и сейчас им остается. Я никогда не мог понять, почему вы всегда были против его членства в Историческом совете Ватикана. Может быть, вы боялись конкуренции со стороны другого кардинала?.. Меня тревожит его исчезновение, как и исчезновение дьявольской книги.

— Книги, ваше святейшество?

«Теперь я буду соблюдать все нормы этикета», — подумал Гарбарино.

— Честно говоря, я так и не смог дочитать ее до конца, лишь пробежал глазами некоторые отрывки, ну, и ваш отчет, разумеется. Мы ведь считали, что это всего лишь результат избыточного рвения, к этому была склонна инквизиция. Я имею в виду вампиров. Разве изгнания дьявола не достаточно?

— Совершенно верно, — согласился Гарбарино.

Он был уверен, что Папа читал лишь те отрывки, которые он сам включил в отчет.

— Многие пострадали, ошибочные представления повлекли за собой немало жертв, однако сейчас церкви совершенно ни к чему отрицательные отзывы в прессе. Мы еще не оправились от фиаско отца Портера.

Папа вздрогнул, то ли от яда, который уже начал действовать, то ли от отвращения.

Этого Гарбарино не мог сказать наверняка.

— Но почему Жискар сделал это? — продолжал понтифик. — Не стану утверждать, что я хорошо его знал, но мне казалось, он — человек искренний. Он умнее большинства представителей церкви. Зачем ему брать книгу? Если он хотел причинить вред церкви с ее помощью, что кажется мне абсурдным, почему он до сих пор ничего не предпринял?

— Ничего не могу сказать вам об этом, ваше святейшество.

«Однако мне кажется, что вы можете стать для нас серьезной помехой».

Папа вздохнул.

— Ничего не могу поделать, я вынужден часть вины возложить и на ваши плечи, — сказал он.

— Намой?

— Это вы рекомендовали мне сохранить книгу, если бы не это, я бы ее уничтожил, и у нас не возникло бы проблем. Не так ли? Теперь, пока мы не найдем книгу, я не могу даже сообщить что-либо средствам массовой информации, ведь если я это сделаю, а книга так и не найдется, все наши труды будут напрасны. Я просто в отчаянии.

— Да, — ответил Гарбарино, — я сожалею, что так случилось.

— Что ж, — вздохнул Папа, — теперь с этим уже ничего не поделаешь.

— Выпейте еще чаю, — предложил Гарбарино. — Вы почувствуете себя гораздо лучше.

— Нет, благодарю, Джаякарло, честно говоря, мне его совсем не хотелось. Травяной вкус вызывает у меня отвращение, но я боюсь сказать Паоло, кто-то внушил ему, что это мой любимый сорт. Я позвоню ему, чтобы он забрал поднос, если вы, конечно, не возражаете.

Папа потянулся к кнопке вызова, но Джанкарло взял его за руку.

— Боюсь, я должен вас остановить.

Они покидали Ватикан парами и тройками, некоторые уходили поодиночке. Отцы, братья и сестры следовали друг за другом, но никто бы не догадался, что у них есть общая цель. Полиция Ватикана отметила, что многие духовные лица вдруг устремились в музеи, аэропорты, магазины, больницы и церкви или просто отправились гулять по улицам. Священники, ничего не знавшие об истинных целях своих коллег, заметили необычное оживление в эти утренние часы.

Казалось, не было ничего общего между людьми, покидавшими Ватикан, они уходили в разных направлениях и в разное время. Многим оживление показалось странным, но никто не обсуждал этого.

Место встречи было назначено недалеко от железнодорожного вокзала в Риме, примерно в двух с половиной милях. Кто-то прибывал совсем тихо, приезд других больше напоминал беспорядочное бегство, тем более что к ним присоединилось еще и несколько дюжин священников из римской общины, однако сестра Мария и братья Монтези так тщательно организовали общий сбор, что он ни у кого не вызвал подозрений.

Впрочем, если бы вы оказались неподалеку от железнодорожного депо, куда стекались духовные лица по три или четыре человека и садились в поезд, вы наверняка были бы удивлены. Они были в черных одеждах — и мужчины, и женщины, — без воротников и сутан, а значит, у вас разыгралось бы любопытство. А уж если бы вы увидели, как эти люди вынимают из сумок и портфелей блестящие серебряные кинжалы и прячут их в складках одежды, в сапогах, каких никогда не носили служители церкви, то вам обязательно захотелось бы рассказать об этом первому же встречному.

Во всяком случае, Винченцо Пастиззи так бы и поступил. Он, спотыкаясь, выходил из

депо, где часто проводил ночь, и сейчас ему надо было срочно найти полицейского. И он бы нашел, не заметь его Роберт Монтези. Младший из братьев Монтези призвал нечто невидимое и ужасное, оно проникло в тело Винченцо и пожрало его сердце. Если бы этого не произошло, он бы поднял тревогу. Конечно, никто в Риме не поверил бы Винченцо Пастиззи, но он мог бы рассказать.

К полудню Джанкарло Гарбарино и Лиам Малкеррин вместе покинули Ватикан, последние бойцы уже заканчивали посадку в поезд под присмотром сестры Марии Магдалины и Роберта Монтези, а Исаак и Томас давали последние указания своим ватиканским отрядам, воспользовавшись сотовыми телефонами. Конечно, телефонные линии могли прослушивать, но братья считали, что их враги слишком самонадеянны и ничего не подозревают, а шпионаж никогда не был их козырем.

Когда прибыли Гарбарино и Малкеррин, поезд уже был готов к отправлению. Оба улыбались.

Вот уже несколько лет брат Паоло верно служил Папе, довелось ему работать и у его предшественника. Паоло считал себя простым человеком, он просил у жизни и у Бога совсем немного, как научил его отец. Крышу над головой, пищу, чтобы утолить голод, теплую одежду и возможность Ему служить. Он был доволен жизнью и даже позволил себе немного гордиться своей работой, ведь Паоло заботился о человеке, который ближе всех был к Богу. Паоло заботился, чтобы Папа мог никогда не думать, что надеть на себя и что съесть на ужин, чтобы он не беспокоился о покупке билетов и не планировал время для публичных выступлений. Папа лишь отвечал за благополучие миллионов верующих и души смертных всего мира. Ну, а Паоло заботился о Папе.

Остальное значения не имело. Паоло не раздражало ворчание Папы, в конце концов, Папа был уже старым человеком, это часто бывает с людьми его возраста. Конечно, с тех пор как Паоло стал секретарем, он лишился многих иллюзий, но это также его не волновало. С точки зрения Паоло, Папа слишком много времени уделял проблемам внутренней и внешней политики, пытаясь оказывать влияние на католический мир, но секретарь и не думал порицать Папу. Пути Господни неисповедимы — так было и так будет всегда.

Думая об этом, Паоло вошел в библиотеку-кабинет. Понтифик очень любил эту комнату и часто засыпал в кожаном кресле с книгой в руках или погрузившись в размышления, особенно часто так бывало после чашки чая. В последнее время Папа плохо себя чувствовал, ему было полезно отдыхать. В конце концов, ведь он так же "смертен, как любой другой человек...

— Non e che lui si faceva piu giovane, — пробормотал Паоло себе под нос.

И он не становится моложе.

Паоло тихонько постучал, чтобы убедиться, что его святейшество спит. Как обычно, ответа не последовало. Он осторожно повернул ручку и слегка толкнул дверь, держа в руке одеяло. Паоло всегда накрывал старика, когда тот засыпал. Небольшой сквозняк — и Папа простынет, это ни к чему при его здоровье, а ведь он отказывается надевать носки на ночь. Паоло не знал, что с этим делать.

Секретаря удивила царившая в комнате темнота. Шторы были опущены, свет выключен. Его святейшеству было совершенно все равно, где спать, и он охотнее спал в своем кабинете, чем в спальне.

Паоло улыбнулся и развернул одеяло, тихо подошел к окну и чуть-чуть раздвинул шторы, чтобы впустить в комнату немного света. Он повернулся и увидел Папу, опустившего

голову на письменный стол. Сначала Паоло показалось, что он не видит ничего особенного.

Секретарь остановился, склонил голову набок, пытаясь понять, что же его встревожило. Наконец он сообразил. Папа должен был опустить голову на ело-женные на столе руки, а они висели вдоль тела, голова неловко упиралась в стол.

На столе растекалась лужа крови.

— Матерь Божия! — вскричал секретарь.

Паоло бросился к креслу, едва не поскользнувшись в луже крови, он только сейчас увидел жуткую рану на горле Римского Папы. Да, и Папа был смертен. Кровь была повсюду. Паоло не мог остановить слезы, и крик, едва сдерживаемый, вырвался из его горла через несколько мгновений. Он повернулся, ему хотелось выбежать из комнаты, нужно было вызвать полицию, но он споткнулся и упал на ковер. В темноте он пошарил рукой по полу и наткнулся на ужасный инструмент смерти — кинжал в форме распятия, с фигурой Христа, что дает жизнь, выгравированной на отнявшем ее оружии.

Все еще держа в руках кинжал, Паоло поднялся на ноги. Он был слишком смущен и сбит с толку, чтобы заметить, что в комнату входят люди. Он был слишком испуган, чтобы разобрать слова, которые они произносят, и понять, что они видят. Кто-то включил свет.

Только теперь он заметил записку, приколотую к одеяниям Папы, в ней было только одно слово, но написано оно было кровью. Это был обвинительный акт всему, во что всю свою простую жизнь верил Паоло.

Филистимлянин.

В подвальной комнате, где спали Алекс и Шенг, стаю больше народу. Еще до наступления утра к ним присоединились Жасмин Декард, Рольф Зеке и Эллиен Куотермейн. Грязная вода венецианского канала плескалась о камень над их головами, Алекс и Шенг упорно пытались спать, а Жасмин и Элли тихо занимались любовью с немцем. Они давно не виделись, и потому просто проспять весь день им было трудно. Их скорбь по отцу постепенно сменилась наслаждениями плоти. Впрочем, они вели себя тихо. Раньше этим зданием владел Карл фон Рейнман, а теперь оно перешло к одному из них, однако помещения наверху были арендованы под магазин, и его хозяин, услышав, что кто-то занимается любовью в нижней части дома, мог преодолеть свой страх, нарушить клятву и спуститься в подвал.

До заката еще было далеко. Когда Шенг в последний раз смотрел на часы, стрелки едва перевалили за полдень. Нет, ему совсем не хотелось, чтобы кто-то побеспокоил их.

— Куда вы идете? — донесся до Шенга голос хозяина магазина.

Алекс еще спала, а любовники были слишком заняты друг другом, но Шенг прекрасно все слышал.

— Туда нельзя спускаться!

— Вот что я вам скажу, — прошептал незнакомый женский голос. — Почему бы вам не закрыть магазин и не отправиться перекусить? А через пару часов вы можете вернуться.

— Я вызову полицию! — выкрикнул владелец магазина.

Очевидно, покупателей у него не было.

— Нет, я так не думаю, — раздался мужской голос.

Этот голос Шенг знал. И очень хорошо.

— Вставайте! — прошипел он, услышав шаги на лестнице. — Алекс, просыпайся! Эй, вы трое, надевайте штаны! К нам пришли.

— В чем дело, дорогой, — лениво спросила Жасмин.

Алекс проснулась сразу.

— Сейчас еще светло. Что могло случиться?

— Коди, — сказал Шенг, и все посмотрели на него. — Я не знаю, как это может быть, но это Коди.

Жасмин уже натягивала брюки, а Эллиен слезала с немца. В дверь подвала постучали.

— Тук-тук, — послышался тот же мужской голос.

— Кто там? — спросила Эллиен, произнося слова на английский манер.

Ее раздражало, что пришлось так быстро одеваться, в спешке она натянула на себя, что попало под руку. Коди она толком не знала. Почему Шенг уверен, что это Коди? В конце концов, солнце еще не зашло.

— О, я думаю, вы уже догадались, кто это.

— Черт возьми, ты прав, — проворчал Шенг.

Он подошел к двери, отодвинул засов и решительно ее распахнул.

— Шенг, Подожди! — крикнула Алекс.

Было уже слишком поздно. Сквозь открывшуюся дверь проник слабый солнечный свет и опалил ему волосы.

Шенг отскочил назад, и Алекс тут же кинулась к нему — проверить, все ли в порядке. Он совсем забыл, что на площадке лестницы было небольшое окно.

Свет был слабым, но они не видели солнца уже много лет, так что глаза у них привыкли к свету лишь через несколько минут.

В дверях, озаренный лучами солнца, действительно стоял Коди собственной персоной. Он был не один. За спиной у него маячил Питер Октавиан! Два существа, которых они ненавидели больше всего на свете, появились у них на пороге, что само по себе было удивительным событием. Однако мало этого: их присутствие там, под солнечным светом, нарушало все законы бытия.

Первой пришла в себя Алекс.

— Как? — спросила она.

— Это я его научил, — ответил Питер и спокойно добавил после паузы: — Как научитесь и все вы, мои старые друзья.

— Предатель! — крикнул ему Шенг. — Ты еще хуже, чем этот глупый мятежник, — сказал он, показывая на Коди.

— Будь я на твоём месте, я тоже пряталась бы под лучами солнца! Уж не знаю, какая магия позволяет тебе сохранить жизнь, — проговорила Эллен, и голос ее был полон яда. — Я бы тоже позаботилась о защите, если бы оставила умирать моего отца!

Питер переместился так быстро, что никто не успел его остановить. Он поднял Эллен одной рукой и швырнул на каменную стену с такой силой, что на пол посыпалась штукатурка, там, где она ударилась головой, осталась вмятина. Питер смотрел ей в глаза, и его взгляд был полон ярости, лицо неувольимо изменилось. На мгновение он потерял всю свою красоту.

— Я уже предупреждал вас всех, — прорычал он, — это было почти век назад, и никто не имеет права сомневаться в моей преданности отцу. Похоже, вы забыли об этом!

— А ты стал беспечным, как ковбой, — сказал ему в ответ Шенг.

Они втроем с Рольфом и Алекс повалили Питера на землю.

— Что нам мешает покончить с тобой прямо сейчас?

— А как насчет ковбоя? — поинтересовался Коди, входя в темное помещение.

— Пятеро против двоих, — сказала Эллен. — Мне нравится такое соотношение сил.

Они схватились всерьез. Питер и Александра были самыми сильными, но и она, и Жасмин, казалось, сдерживали себя. Рольф обожал Шенга и любил Элли, и они-то сражались изо всех сил. Кровавые раны появлялись на мертвой плоти и тут же затягивались. Рольф не успел одеться, Коди ударил его сапогом по огромному пенису и яичкам. Питер швырнул Шен-га через всю комнату, и стена затряслась, вновь посыпалась штукатурка. Некоторые начался превращение.

— ПРЕКРАТИТЕ!

Они замерли на месте. Шенг вспомнил, что слышал женский голос еще до того, как заговорил Коди. Все повернулись и увидели силуэт. Меган Галахер, появившейся в дверном проеме.

— Клянусь кровью, — выдохнула Жасмин, — они привели с собой человека.

— Убейте ее! — крикнула Эллен и бросилась к дверям.

— Остановись, — сказал Шенг.

Элли достаточно быстро соображала, она замерла.

— Тебя защищает солнце, — злобно прорычала Эллен, — но рано или поздно солнце

сядет.

— Дело совсем не в солнце, — покачала головой Меган. — Меня защищает ваше невежество.

— Коди! — закричал Шенг. — Это твоих рук дело!

— Боюсь, что нет, — ответил Уилл. — Я сам познакомился с ней только вчера ночью. Но сейчас я начинаю понимать, что Питер в ней находит.

Алекс была шокирована. Она сдерживала себя в схватке, ведь когда-то они с Шенгом любили Питера. Теперь Шенг вдвойне ненавидел старого друга, да и Алекс, так много страдавшая из-за Питера, хотела бы отплатить ему. В начале схватки она не была в этом уверена, но теперь...

— Невероятно.

— Что, Алекс? — спокойно спросил Питер.

— Ты влюблен в человека?

Питер оглянулся, и Меган улыбнулась, словно разделяла с ним удачную шутку.

— Но ведь с нами такое случается, не так ли? — спросил Питер у Александры.

— Да, но для нас это всегда было невозможно. Ты ведь не будешь делать что-либо, если все не может быть по-настоящему!

— Верно, — ответил Питер. — Но мне кажется, вам придется пересмотреть свои взгляды на многие вещи. Для начала следует признать, что мы совсем не так ужасны, как вы думаете... во всяком случае, нам вовсе не обязательно быть такими.

Они все заговорили одновременно, что вывело Коди из равновесия.

— Заткнитесь! Помолчите хоть полминуты. Черт подери, по-вашему, что мы здесь делаем? Думаете, мы соскучились?

— Хороший вопрос, — сказала Жасмин. — Действительно, что вы здесь делаете?

— Сначала главное, — ответил Питер, чувствуя себя чуть скованно под взглядами Шенга и Эллен, — Рольф, надень штаны.

Рольф ухмыльнулся. Питер всегда ему нравился, и Рольф дрался с ним только потому, что все так его ненавидели. А вот чувство юмора у Питера было замечательное. Рольф натянул штаны.

— Ну вот, — продолжил Питер, — вы вините меня в смерти Карла? Но почему вы не вините самих себя? Никого из нас не было с ним тогда, впрочем, окажись мы там, мы бы тоже погибли. Наконец, хочу вас заверить: то, что говорит Меган — кстати, ее зовут именно так, — чистая правда. Мы стремимся разбудить, а не оскорбить вас. Ваше невежество заставляет вас сидеть здесь, а в течение следующих двадцати четырех часов оно может привести вас к гибели.

— Какого дьявола?..

— Шенг, — перебила его Алекс, — дай ему закончить.

Лицо Шенга покраснело от ярости, он не доверял Питеру.

— Вы уже готовы целоваться и мириться с Октавианом, что ж, я не против. Карл мертв, а этот предатель, его любимый сын, все еще жив. Но почему вы относитесь спокойно к присутствию Коди? Ведь он убил наших братьев? Как вы можете?

Питер был ошеломлен.

— Что?

— Значит, он ничего тебе не рассказал? — не унимался Шенг.

— Шенг, — ответил Питер, — Шеннон погибла из-за собственной глупости, а

Вероника совершила самоубийство. Нельзя винить за это Уилла..

— Я говорю не о них. Почему ты не спрашиваешь, где остальные? Где Трини, Ксавье и Луис?

Питер и в самом деле не спросил о них, решив, что они еще не приехали. Коди отступил на несколько шагов. Питер посмотрел на него.

— Я бы это почувствовал, — неуверенно проговорил Питер.

— Нет, — возразила Алекс, — многие из нас научились разрывать связь. Мы не хотели, чтобы ты мог по-прежнему наблюдать за нами.

Октавиан повернулся к Коди.

— Это правда? Ты убил своих братьев?

Коди посмотрел ему в глаза, разочарованно покачал головой.

— Ты знаешь обо мне гораздо больше, чем я о тебе. Я ждал таких вопросов от других, но только не от тебя, Питер. Наш отец приказал им оставить меня в покое, а эти трое напали на меня. Они умерли, пытаясь меня прикончить.

— Ты привлекал слишком много внимания к нашему клану! — крикнул Шенг.

Даже Рольф смотрел на Коди с ненавистью.

— Твои выходки вызывали кучу вопросов, тебя же все знали — ты и сам это прекрасно понимаешь! — а тот тип из ФБР, Лоуренс... Проклятье, он тебе поверил!

— Это мое дело, — сказал Коди, делая шаг к Шенгу. — Я просто привел в порядок дела, которые мне не удалось довести до конца перед смертью. Карл все знал и сказал, чтобы вы не вмешивались. И никто из вас не позволил себе проявить неуважения к Карлу, никто не стал меня преследовать, а эти трое нарушили его волю.

Он повернулся к Питеру.

— Начинай свое представление, как только ты закончишь, я уйду.

— Как хочешь, — не стал спорить Питер и повернулся к остальным.

— Кажется, ты забыл кое-что, — напомнила Меган, все еще стоявшая в дверном проеме.

— Извини, Меган, — сказал Питер, выразительно посмотрев на Шенга — Пожалуйста спустись. Тебе никто не причинит вреда.

— Не слишком ли ты уверен в себе, Октавиан? — спросила Эллен.

Питер даже не взглянул в ее сторону.

— Меган Галахер, — начал он, — Ши-эр Жи-Шенг, Александра Нуэва. Жасмин Декард — прикрой грудь, Жасмин, — Эллен Куотермейн и мой молчаливый друг Рольф Зеке.

— Рада с вами познакомиться, — сказала Меган и шагнула в комнату, словно Даниил в логово льва.

Наступил напряженный момент. Александра подошла к Меган и пожала ей руку.

— Добро пожаловать, — сказала Алекс.

Рука Меган не дрогнула, и Алекс почувствовала к девушке искреннюю симпатию.

— А теперь, — произнес Питер и обвел взглядом присутствующих, — начнем представление. Мне нужен доброволец. Пусть самый смелый выйдет вперед.

Рольф поднял руку, как школьник.

— О да, я так и думал, что это будешь ты, Рольф.

Питер подошел к границе солнечного света возле открытой двери. Он жестом предложил Рольфу встать рядом с ним, и немец повиновался.

Питер вышел на свет. Рольф и остальные молча смотрели на него. Даже Коди, хоть и преодолел свой страх, не мог привыкнуть к этому зрелищу.

— Магия, — с уверенностью в голосе заявил Шенг.

— Вовсе нет, — возразила Меган.

Шенг не обратил внимания на ее слова.

— Питер, — сказала Алекс, — мы знали, что ты считал это возможным Ты не раз говорил об этом Карлу. Люди Ганнибала следили за тобой. Он сказал нам, что ты на это способен, но я не верила Как у тебя такое получается?

— Рольф, — сказал Питер, — дай мне руку.

Рольф посмотрел на него, и улыбка сползла с его лица. Он искал подвох, вглядывался Питеру в лицо, но тот сохранял невозмутимость. Рольф сомневался, его голубые глаза сузились, ему было страшно. И он ненавидел свой страх. Тряхнув головой, он отошел в сторону.

— Все в порядке, Рольф.

— Я готова, — сказала Алекс.

Питер снова улыбнулся.

Когда-то он любил Александру Нуэва, она была самой храброй из них, хотя Рольф и вызвался первым.

Алекс подошла к Питеру и протянула ему руку.

Рука загорелась.

Глядя Питеру в лицо, она не убирала руку, пока кисть не начала чернеть.

— Давай ближе к делу, — прорычала Алекс сквозь стиснутые зубы.

Питер отпустил ее, и Алекс отступила, прижимая руку к груди. Шенг подбежал к ней, бросив угрюмый взгляд на Питера.

— Ну, и что это доказывает? — спросила Эллен.

Питер оставил ее вопрос без ответа, он все так же смотрел на Алекс.

— Почему это произошло? — спросил он.

— Что?

— Почему твоя рука загорелась?

— Потому что на нее попал луч солнца, идиот.

Он улыбнулся ей.

— Неправильный ответ.

— Ну, какой же ответ правильный? — с интересом спросила Жасмин.

— Я пытался научить Карла много веков назад, — печально проговорил Питер. — У меня не получилось. Понимаете, рука у Александры загорелась оттого, что она верила: иначе быть не может.

— Все это глупости... ее рука будет заживать несколько дней! — сказал Шенг.

— Вот тут' ты ошибаешься. Просто поверьте мне.

— Только не тебе, — сказала Эллен.

Однако даже Шенг внимательно слушал Питера.

Октавиан вышел из света в тень, протянул руку под луч солнца.

— Ничего не произойдет до тех пор, пока я не поверю. Но стоит мне поверить...

И в следующее мгновение его рука стала чернеть, как у Алекс. Когда вспыхнуло пламя, он убрал руку в тень.

— Ой, — выдохнул Коди.

Питер поднял руку, чтобы все увидели, как она исцеляется.

— Я не понимаю, — призналась Алекс.

— Все нормально, дорогая, — сказал Коди, — я тоже. Более того, я так не могу.

— Шенг, — попросил Питер, — превратись в туман.

Шенг повиновался.

— Эллен, стань волком.

Эллен превратилась в волка.

— А теперь вновь примите свой обычный облик. И смотрите на меня.

И тут Питер сделал нечто невероятное. Коди даже представить себе не мог, что это возможно. Бессмертные смотрели на Питера, разинув рот, Меган не смогла сдержать крика ужаса.

Питер обратился в пламя. Через несколько мгновений он сгорел, а его тело превратилось в пепел.

— Клянусь кровью, — прошептала Жасмин, — он даже не стоял на солнце.

А потом произошло нечто еще более невероятное. Прямо у них на глазах пепел поднялся в воздух, вновь вспыхнуло пламя, а еще через мгновение возник Питер, лицо его исказила судорога боли. Однако на нем не осталось никаких следов.

— Это., больно.

— Разве вы не видите сами? — заговорила Меган, удивляясь тому, что нашла в себе силы открыть рот. — Разве вы не понимаете, что он хочет сказать? Вы превращаетесь в туман, или в живое существо, но вы постоянно себя контролируете. Да, процесс превращения вызывает неприятные ощущения, но что для вас боль? Если вы способны превращаться в туман, почему нельзя стать огнем или пеплом? Почему нельзя стать водой или землей, если уж на то пошло?

— Хм-м-м... — пробормотал Питер, с интересом глядя на Меган. — Я об этом не подумал.

— Ты не подумал, — прошептала Эллен, с трудом сохранявшая спокойствие. — Это сумасшествие какое-то!

— Пожалуйста, — сказала Меган, и голос ее был полон сарказма, — вы прожили сотни лет, зная все это, и вы по-прежнему удивляетесь? После того, что за последние дни пришлось проглотить мне, я понимаю, что для вас это должно быть сущей безделицей! Стоит ли удивляться, что церковь вас уничтожает с такой легкостью. Бы не хотите видеть правду даже тогда, когда она кусает вас за задницу!

— Подожди минутку, — начала Эллен, но Меган было уже не остановить.

— У вас нет минутки! Уилл и Питер рискнули своей жизнью и приехали сюда именно поэтому. Церковь промывала вам мозги несколько столетий. Они в течение тысячи лет обращались с вами, как с опасным домашним скотом, сокращая поголовье, когда вы были слишком близко к правде. На самом деле они не могут вас контролировать. Вот почему вас называли Непокорными. Осознав это, они решили проблему другим способом. Ваше сознание отравлено суевериями. Вы гораздо могущественнее, чем вам кажется.

— Шенг, — заговорил Питер, — когда я покидал клан, ты назвал меня мерином. Так можно назвать любого из нас Церковь будто отрезала нам яйца много лет назад. На самом деле они не сделали этого, они просто заставили нас забыть, что они у нас есть!

Наступило долгое молчание. Наконец Александра сказала:

— Научи нас.

— Боюсь, сейчас у нас нет времени. Дело в том, что они оказались гораздо более могущественными, чем мы полагали. К тому же они прекрасно организованы. И они

овладели мощной черной магией.

— Магия? — сказала Эллен. — Церковь и магия?

— Не будь идиоткой! — выкрикнул Коди. — Почему они нас называют Непокорными? Ты ведь знаешь, что на свете есть темные вещи, но этим именем их не называют. Все темные силы, кроме нас, контролирует церковь. Как, по-твоему, могли бы они охотиться на нас столь успешно в течение столетий, если бы не заручились поддержкой мрака?

— Значит, мы не принадлежим темной стороне? — спросила Жасмин.

— Если нет, то кто же мы? — спросила Александра, посмотрев на остальных.

Питер оглядел остатки своей прежней семьи, и его лицо стало печальным. Этот вопрос давно мучил его.

— Я бы и сам хотел знать, — едва слышно ответил он.

— С ответом на этот вопрос нам придется подождать, — сказала им Меган. — Церковь скрывала правду в течение многих лет, они ждали момента для решающего удара. Они полагают, что сейчас их время пришло. Они давно знали о карнавале, о ваших ежегодных встречах. Они постарались уничтожить самых древних и самых могущественных из вас, чтобы вы не могли оказать серьезного сопротивления.

— Они не могут устроить в Венеции массовую бойню, — возразил Шенг.

Он не знал уже, чему верить.

— Как к этому отнесутся средства массовой информации?

— Так или иначе, церковь решила выступить против нас, — сказал Коди. — И мы должны быть готовы, когда они за нами придут.

— Откуда вы это знаете? — осведомился Шенг, вновь охваченный подозрениями.

— От самого Ватикана, — сказала Меган, показывая им книгу.

— «Евангелие теней»! — прошептала Алекс.

— Тебе о нем известно? — удивился Питер.

— Карл уже много лет рассказывал нам о нем, — вмешалась Эллен. — Если бы ты не покинул нас, тоже знал бы об этой книге. У него были даже отрывки из нее. Но мы не верили, что она и в самом деле существует.

Алекс рассказал, что Карл собирался украсть книгу, и Коди, получив подтверждение своим подозрениям, кивнул Питеру и Меган. Карл действительно сделал так, что вор должен был умереть, если бы его обнаружили.

— Мы не знали, что с ним произошло, — сказала Алекс.

Питер рассказал им о том, что произошло после кражи, как вора заметили в библиотеке, об участии Анри Жискара, о том, как сам он оказался вовлечен в эту историю после исчезновения Дженет. Питер рассказал им и о Малкеррине, и хотя многие из них знали, что церковь использует магию, их поразило могущество священника.

— А как тебе удалось заполучить книгу? От кардинала? — спросила Алекс.

— Нет, — ответила Меган, — Питер спас Жискара, но Малкеррин сумел сбежать в Рим прихватив с собой и книгу.

— И как она попала к вам снова? — поинтересовался Шенг.

— Довольно просто, — ответил Коди. — Мы проникли в Ватикан и забрали ее.

Ничто не могло порадовать Коди больше, чем выражение лица Шенга. Оставшимся в живых детям фон Рейнмана было над чем поразмыслить, да и серьезных дел им предстояло немало, но они вели себя слишком враждебно, и Коди вряд ли сможет вновь стать одним из них. Впрочем, его ненавидели не только они, большинство бессмертных, приехавших на

карнавал, желали его смерти. Нет, Венеция для него не самое подходящее место. И все же ему еще предстояло завершить здесь кое-какие дела. Он мог оказать им помощь, даже если они этого не хотели.

Поцеловав Меган в лоб, он направился к двери, с его лица не сходила довольная улыбка. В комнате воцарилось молчание.

— Когда ты вернешься? — спросил Питер.

— Когда придет время, — на ходу бросил Коди.

На дверях магазинчика висела табличка «Закрывается». Хозяин не стал вызывать полицию.

Прежде чем сесть в поезд, отец Малкеррин отвел в сторону Роберта Монтези. Проверив на всякий случай, не подслушивает ли их кто-нибудь, он сказал:

— Роберт, ты знаешь, что я полностью тебе доверяю, не так ли?

— Да, святой отец, — с улыбкой ответил Монтези.

— И тебе известно, что из всех сыновей твоего отца, детей моего лучшего друга и самого могущественного союзника, только ты имеешь потенциал, необходимый для величайших деяний во благо Господа.

— Да, святой отец.

— У меня есть для тебя работа, Роберт.

Монтези ничего не сказал.

— Джанкарло Гарбарино не хватает истиной веры, — продолжал Малкеррин. — Он не до конца предан нашему делу. Менее благочестивый человек, чем ты, мог бы простить этот грех, даже я мог бы... Но мы не имеем права допустить проявлений слабости в нашей вере, в нашем могуществе... в любом из нас. Мы вершим дела, угодные Господу, и слабость является для нас препятствием. Ты должен об этом позаботиться.

— Как только представится подходящая возможность, святой отец, — сказал он и улыбнулся.

— Винсент гордился бы тобой.

— Где Ганнибал? — рявкнул Питер, глядя в глаза дворецкому.

— Сэр, пожалуйста, успокойтесь. Я же говорил, что хозяин спит, он не хотел, чтобы его беспокоили.

Слуга был удивлен и смущен появлением шестерых Непокорных, вошедших в дом с холода солнечного февральского дня. Впрочем, эти чувства переживал не только он.

— Клянусь адом, мне больно! — возмутилась Эллен.

— Боль пройдет, — сказала Жасмин, — во всяком случае, так утверждает Питер. Но я не могу поверить своим глазам.

Меган пришла вместе с ними, глядя, как Эллен стряхивает с плеч тепло солнца, точно собака, пытающаяся избавиться от вшей, девушка взяла Жасмин за руку.

— Если ты не поверишь до конца, то умрешь, — заявила она.

Жасмин посмотрела ей в глаза и улыбнулась.

— А ты классная девчонка.

Питер заметался по дому.

— Разбуди его, Дживс. Я хочу его видеть, и не объясняй мне ничего.

— Сэр, — оправдывался дворецкий, — позвольте мне быть откровенным.

— О, пожалуйста, — отозвался Шенг со своей обычной иронией.

— Хозяин не хотел, чтобы его беспокоили, а значит, так и будет. И вы ничего не сможете с этим поделать. Даже если вы перевернете вверх дном весь дом, вам его не найти.

Он так и будет спокойно отдыхать, и вы не сможете его потревожить.

— Рольф, — бросил Шенг. — убей его.

Рольф сделал несколько шагов, но Питер остановил его.

— Нет. Будем убивать только в том случае, если у нас не останется выбора.

Шенг раздраженно фыркнул, но промолчал. Алекс обняла его за плечи.

— Я горжусь тобой. Сейчас на карту поставлено слишком многое.

— Скажи это Октавиану.

— Давайте обобщем дом, — сказал Питер, — но сохраняйте уважение к старейшинам.

Не устраивайте здесь безобразия. Меган, оставайся рядом со мной.

Довольно скоро они по одному вернулись в вестибюль. Им многое удалось найти: Несколько потайных комнат и морозильник со свежими трупами, но спальню Ганнибала они не обнаружили. Наконец появились Алекс и Рольф, на цепи, покрытой кожей, немец тащил за собой молодую красивую женщину. Эту цепь он, вероятно, вырвал из стены, во всяком случае Питер был в этом уверен.

— Кто ты такая? — спросил Октавиан.

— Как, вы меня не узнали? — резко ответила девушка. — Я — завтрак.

— Ее зовут Трейси, — вмешалась Алекс — Она не имеет значения, обычный доброволец.

— Что? — удивленно спросила Меган.

— Они приходят по собственной воле и предлагают себя нам, — не поворачиваясь, сказал Питер.

— Боже мой, какой ужас, — прошептала Меган.

— Да, я Тоже так думаю, — сказала Трейси.

— Ты мужественная девушка, Трейси, — сказал Питер. — Почему тебя посадили на цепь?

— Мне расхотелось быть завтраком.

— Соображает, — ухмыльнулась Эллен.

— Я вас узнала, — сказала Трейси Алекс и, повернувшись к Шенгу, добавила: — И вас Вы такие же, как он, как Ганнибал.

— Да.

— Но ведь сейчас день?

— Мы особенные, — наморщив нос, заявил Шенг.

— Да, теперь я припоминаю, — сказала Алекс Трейси. — Мы еще посоветовали тебе держаться подальше отсюда. Тебе стоило нас послушать.

— Да уж, стоило.

— Александра, почему бы тебе не снять с нее цепь? — спросил Питер.

Алекс разорвала сталь голыми руками, а Питер повернулся к дворецкому:

— Дживс, дай мне ее пальто.

— Хозяин будет недоволен вашим...

Рольф подошел к дворецкому, снял с него куртку и протянул Трейси.

— Уходи, — сказал Питер.

На этом все споры закончились.

Через несколько мгновений Трейси уже исчезла, и все моментально о ней забыли.

— Когда Ганнибал, мой хозяин, проснется, уверяю вас, он будет в гневе, — шмыгнув носом, сказал дворецкий.

— Что ж, — проворчал Питер, входя в гостиную и усаживаясь на удобный зеленый диван, — нам ничего не остается, как подождать этого, не так ли?

Никогда раньше Трейси Сакко не бегала. Даже перебирая детские воспоминания, она не могла припомнить ничего подобного. Впрочем, никогда раньше она не была так напугана, как сейчас. Только одно желание овладело ею — как можно быстрее убежать отсюда.

Ей удалось убедить даже себя саму, что она храбрая, крепкая девушка, но, столкнувшись лицом к лицу с демонами древности, с чудовищами из голливудских фильмов, она поддалась естественным человеческим инстинктам. Каждая молекула ее тела стремилась прочь отсюда.

Существа; отпустившие ее на свободу, были чудовищами, такими же, что напугали ее прошлой ночью, что убили и Линду, и других добровольцев. Солнце не было для них опасно — вот и вся разница Тот невысокий азиат и стройная чернокожая женщина почти приказали им с Линдой не ходить на вечеринку прошлой ночью, но это ничего не значит. Так, случайная прихоть и слепая удача позволили ей вырваться на свободу.

Возможно, все дело в междоусобных войнах между этими существами. Нет никакой гарантии, что ей еще раз так повезет.

Чуть не падая, Трейси бежала вниз по ступенькам, куртка дворецкого не слишком защищала ее от холода. Ничего не видя от ужаса, она мчалась по Калле-Бернардо, мимо Ка-Редзониго. День выдался холодным, ясным и солнечным, но от дневного света ее страх только усиливался, казалось, еще немного и страх можно потрогать руками. Она боялась, что ее будут преследовать. Навряд ли Ганнибал будет этим заниматься сам, но оказывается, некоторые из этих существ могут переносить солнечный свет.

Она остановилась возле канала. Водная гладь серебрилась на солнце. Здесь она чуть насмерть не замерзла прошлой ночью. Сначала она не заметила гондольера Джузеппе, но, посмотрев чуть дальше направо, облегченно вздохнула. Его гондола стояла у причала, он помогал сойти на берег молодой паре с грудными детьми. В ту же минуту ее страх, казавшийся непреодолимым, куда-то улетучился, осталось лишь слабое воспоминание. Она должна побыстрее убраться отсюда.

Трейси подошла к причалу, не в силах сдерживать слезы. Джузеппе Чиавони сразу узнал ее.

— Синьора, — сказал он, перекрестившись, — благодарение Господу, вы живы.

Трейси замерла на месте. Он предупреждал ее, но тогда она не смогла оценить искренности его слов. Он знал. Возможно, совсем немного, но достаточно, чтобы испытывать страх и бояться за нее. Он знал, что сам, скорее всего, не пострадает, а вот для множества туристов посещение венецианского карнавала может быть смертельно опасным.

Все это промелькнуло в сознании Трейси, как только она увидела Джузеппе, ей захотелось поговорить с ним, узнать, что ему известно. Но она не могла. Трейси сумела лишь подбежать к нему, доброму старому итальянцу. Он был ошеломлен ее слезами, ее одеждой, не слишком подходящей для зимы. Она обняла Джузеппе, прижалась к его груди, и он удивился еще сильнее.

Молодые люди, державшие на руках близнецов, с улыбкой посмотрели на Трейси. Джузеппе на миг прижал ее к себе, а потом слегка отодвинулся, чтобы заглянуть в лицо.

— Девочка, — заговорил он, коверкая английские слова, — садись в гондолу, и мы постараемся оставить все неприятности за спиной. И твои слезы, и все то, чего ты так

боишься. Пойдем.

Трейси села в гондолу и съежилась на скамеечке, ветер показался ей особенно холодным. Джузеппе молча снял свою куртку и накинул ей на плечи, как одеяло.

— Спасибо, — пробормотала она.

Это было первое слово, которое ей удалось произнести после того, как мужество ее покинуло.

Конечно, мужество к ней вернется, но она не сразу сможет справиться с охватившим ее нормальным человеческим страхом.

Они молча плыли по Большому каналу. Время от времени он обращал на нее взгляд печальных глаз, а когда гондола приближалась к противоположному берегу, когда стала видна церковь Святого Самуила, он опустил голову и, глядя себе под ноги, спросил ее:

— А где ваша подруга? — спросил он.

Казалось, он надеется получить совсем не тот ответ, который был очевиден.

— Она мертва.

Мне надо было остановить вас, — печально проговорил он.

Трейси пристально посмотрела на него, и взгляд ее постепенно смягчился — он был добрым человеком.

— Вы пытались, — ответила она — Не думаю, что вы могли что-нибудь сделать.

— Но... — начал было он.

Трейси его прервала:

— Тогда вы ничего не могли сделать, но все изменилось.

— Хорошо. Вы только скажите.

— Помогите мне.

Он бросил на нее странный взгляд, словно она чего-то не понимала.

— Что я могу сделать? — спросил Джузеппе.

— Расскажите, почему вы предупредили нас вчера. Что вам известно?

— Я расскажу все, что знаю, — проговорил он, и сам поразился собственным словам..

Джузеппе всегда чувствовал себя в безопасности в этом городе. Людей, которым нравилось приезжать сюда, участвовать в дьявольских играх, происходивших каждые несколько лет, здесь было достаточно. Он редко чувствовал себя виноватым, когда слышал, что люди исчезают во время карнавалов, ведь они сами хотели принимать в этом участие. Все началось так давно, он еще не родился тогда, а потому он был уверен, что это не кончится и после его смерти. Будучи перевозчиком, ему многих пришлось доставлять в своей гондоле на карнавальные вечеринки в Калле-Бернардо, некоторые из его пассажиров были опасными, другие — нет. Ему не часто доводилось увозить гостей обратно. А вот прошлой ночью он почувствовал, что эта девушка, в отличие от многих других, не хочет идти туда, что она не принадлежит к этому миру. Нет, ему следовало остановить ее.

— Зимние дни коротки, — сказал он. — Через два часа станет темно. Где ты остановилась?

— В отеле «Атлантике», — ответила Трейси.

Она понимала его тревогу и оценила предложение, которое он не произнес вслух. Ужас Трейси постепенно превращался в гневный страх и спокойную решимость. Она снова была репортером, и в ее распоряжении был могучий инструмент — средства массовой информации. Она не успокоится, пока мир не узнает обо всем, что происходит на венецианском карнавале.

Они проплыли по Большому каналу до Рио-дель-Сантиссимо, миновали Венецианский театр и по лабиринту каналов, истинных улиц Венеции, подъехали к Рио-Каноника-Палаццо. Джузеппе остановил гондолу у причала отеля «Атлантико», неподалеку от моста Вздохов. Путешествие это, хоть и в компании пожилого гондольера, было бы очень романтичным. Но не сегодня. Сейчас она могла думать только о том, что время уходит — приближались сумерки. Ей необходимо разумно использовать пару часов, оставшихся до захода солнца.

Оказалось, Джузеппе мало что может ей рассказать — мифы, слухи и намеки, услышанные от разных пассажиров. Он ничего не знал об истинной природе Непокорных, скорее всего, Джузеппе не поверил бы ей, расскажи она ему то, что видела.

Она тихо поблагодарила старого гондольера, заверив, что он больше ничего не может для нее сделать, что она немедленно покинет Венецию и больше никогда сюда не приедет во время карнавала. Он извинился, что ничем не может ей помочь, а когда его гондола скрылась за поворотом канала, удивительно, но Трейси пожалела именно Джузеппе, не себя и даже не Линду. В конце концов, Линда получила то, к чему стремилась, хотя и не заслуживала такой смерти.

Оказавшись в своем номере, она приняла горячий душ, оделась потеплее и принялась планировать будущую кампанию. Первым делом она должна связаться со своим другом и боссом Джимом Томасом из Си-эн-эн.

— Черт возьми, что вы здесь делаете?

— Послушай, Ганнибал, — улыбнувшись, заговорил Питер, — разве так хозяин должен принимать гостей?

Они были готовы ждать захода солнца, но хозяин венецианского карнавала Непокорных проснулся, когда сумерки лишь начинали сгущаться. Ганнибал вошел в гостиную и обнаружил там остатки клана, который Карл фон Рейнман когда-то называл своей семьей. Он был очень удивлен, увидев среди них Питера Октавиана, ведь еще вчера двое из сегодняшних посетителей говорили о ненависти к нему. Сегодня они заявили к нему домой вместе.

— Вон отсюда! Все убирайтесь! — спокойно сказал Ганнибал..

Он уже повернулся, намереваясь выйти из гостиной.

— Роберт, — в дверях бросил он дворецкому, — проводи их.

— Он может попытаться, — мрачно произнес Шенг, вставая с дивана.

Ганнибал остановился, покачал головой и вновь повернулся к ним.

— Щенки фон Рейнмана всегда были самыми никудышными среди нас. После его смерти ничего не изменилось.

Он ушел. Роберт попытался проводить их к выходу, однако никто даже не пошевелился. Ждали они недолго.

— Проклятье, Роберт, где девчонка?

Питер с удовольствием разрешил Роберту и другим дневным слугам привести дом в порядок после неудачных поисков Ганнибала, но он прекрасно понимал, что старый Непокорный очень скоро обнаружит пропажу «своей девушки».

— Хозяин, — пролепетал Роберт, — я... я пытался их остановить, я говорил, что вы будете недовольны.

— Недоволен?! — завопил Ганнибал, вбегая в гостиную, — Едва ли «недоволен» — подходящее слово. Ты хочешь сказать, что эти... эти насекомые освободили девушку?

— И отдали ей мою куртку, — тихо пожаловался Роберт.

— Ах, так? — только произнес Ганнибал.

С решительным видом он направился к Питеру, тот перестал улыбаться и серьезно смотрел на старейшего.

— Как ты посмел...

— Заткнись, — перебил его Питер.

Он испытал, огромное удовольствие, увидев на лице Ганнибала гримасу ярости.

— Ты заплатишь...

И вновь Питер прервал его.

— В последнее время мне кажется, что все мы, Непокорные, непроходимо глупы. Неужели так оно и есть? Неужели мы не способны понять даже элементарные вещи? Неужели мы нуждаемся в людях, чтобы они указали нам очевидные истины? Неужели без людей мы не можем узреть то... что... лежит... у нас... под самым носом?

Питер говорил все громче и громче, он все ближе подходил к Ганнибалу, и когда их разделял всего один шаг, Питер уже почти кричал ему в лицо.

— Октавиан... — холодно произнес Ганнибал.

Его спокойствие заставило Питера отступить на пару шагов.

— Значит, ты считаешь меня настолько глупым? Думаешь, я не понял, что вы пришли сюда еще до захода солнца? Уж не знаю, за кого ты меня принимаешь. Позволь тебе сообщить, что ваше вторжение, хоть оно и нарушает правила хорошего тона, не является для меня сюрпризом. Мне уже довольно давно известно, чем ты занимаешься, меня также не удивляет присутствие мисс Галахер, и надо сказать, она кажется мне гораздо привлекательнее, чем мне рассказывали.

Ганнибал сделал многозначительную паузу и улыбнулся. Шенг и Алекс знали, что у старейшего есть целая сеть наблюдателей, следивших за Непокорными, но все же его осведомленность произвела на них впечатление. Питера его слова повергли в шок. Однако он сумел быстро прийти в себя.

— Значит, ты за мной след ил? И что тебе известно? Знаешь ли ты, что мы можем переносить прямые лучи солнца? Знаешь, зачем я пришел сюда?

— Про солнце я ничего не знал. “Но думаю, ты поделишься со мной своим секретом. Ну, а твое появление здесь как-то связано с книгой, не так ли? Книгой, которую так хотел заполучить фон Рейнман у наших церковных друзей?”

Последние слова вызвали взрыв. По просьбе Питера Меган держала язык за зубами, контролируя свой буйный темперамент, но чудовищная наглость Ганнибала вывела ее из себя.

— Меня просили помалкивать, — начала она.

— На то есть причины, — произнес Ганнибал, не сводя взгляд с Питера.

— Вероятно, это была ошибка. У меня такое впечатление, что в вашей компании очень трудно перейти от слов к делу.

— В каком смысле?

— В том смысле, напыщенный осел, что Питер пришел сюда, чтобы спасти твою шкуру. В ближайшие двадцать четыре часа римская католическая церковь намерена устроить в Венеции старую добрую охоту на вампиров, в том числе и на тебя.

В глазах Ганнибала отразилось некоторое удивление, и он приподнял брови.

— Они не посмеют, — заявил он.

— Да они делали уже это не раз, — вмешался Питер. — Ты прекрасно знаешь, что их ничто не остановит. Думаешь, охота как-то связана с нашим кланом? Ты ошибаешься. Это просто совпадение. Они убили фон Рейнмана из-за книги. В Монте-Карло они искали тебя, а не Коди. Просто с ним у них давние счеты, вот они и решили сначала убрать его. Только ничего у них не вышло. Теперь они едут сюда, собираются организовать последнее сражение. Нам необходимо предупредить всех, попытаться объяснить, почему мы можем находиться на солнце. Я пришел сюда, потому что думал, у тебя может возникнуть желание нам помочь. В конце концов, не очень-то будет хорошо для твоей репутации, что все это произойдет на твоей вечеринке.

— Это уж точно, — согласился Ганнибал.

Он уселся на диван между Жасмин и Эллен, к их невероятному удивлению, откинулся на спинку и скрестил руки на груди.

— Едва ли ты согласишься, — с улыбкой проговорил он, — заменить украденную молодую леди на ту, что привел с собой?

В комнате воцарилась тишина. Как всегда беззвучно, Рольф встал между Меган и Ганнибалом.

— Ага, — продолжил Ганнибал, — я так и думал.

Он провел рукой по белым волосам и устроился на диване поудобнее.

— Ладно, Октавиан. Давай поговорим.

Трейси так и не сумела найти Джима. Она оставила для него сообщения на всех номерах, которые смогла вспомнить, и наконец дозвонилась до его сестры. Сестра сказала ей, что Джим уезжал отдохнуть, а сейчас летит домой.

Отпуск! Трейси не могла себе это даже представить сейчас.

Она попросила передать, что ему звонила Терри Шонесси по срочному делу. Трейси оставила свой номер, впрочем, Джим получит ее сообщения прежде, чем позвонит сестре, и сразу поймет, что произошло.

Однако просто так ждать она не могла. Уже спустились сумерки, и они вышли на улицы, в этом Трейси была уверена. Она не знала, будут ли Непокорные искать ее, попытается ли Ганнибал до нее добраться, но ей совсем не хотелось гулять в одиночку по улицам Венеции. Если бы у нее был выбор! Нужно узнать, есть ли в городе команда Си-эн-эн, освещающая карнавал, или любая другая команда, если уж на то пошло. Если репортеры приехали в Венецию, они могли остановиться только в одном месте.

Уже стемнело, но было еще не поздно, а идти здесь всего несколько кварталов. Здание отеля «Венеция», выходящее на площадь Святого Марка, находится на углу Калед-Каноника и Мерсериа-Оролоджио. Движение здесь было самым напряженным в городе, а цены за номера огромными, но содержание отеля нельзя было назвать образцовым. Восемь лет назад Трейси побывала в Венеции, снимала репортаж о кинофестивале. Тогда она остановилась в «Венеции». Тогда там останавливались все журналисты. В этот раз она выбрала другой отель, ведь она не хотела, чтобы кто-нибудь узнал ее.

Хорошо, если журналисты по-прежнему предпочитают «Венецию»: ей нужен оператор. Не важно, работает он на Си-эн-эн или нет, Трейси должна его найти. В современном мире слова ничего не значили, если их не сопровождала картинка.

Ей необходимы кадры. Легенда гласила, что эти существа невозможно сфотографировать, но Трейси показалось, что они вполне реальны. Как только мир увидит их в роскошном цветном изображении... их будут выслеживать, как бешеных собак, — а они

этого заслуживают.

«Однако они тебя отпустили», — подумала было Трейси, но тут же отбросила предательскую мысль.

Эти существа в течение многих веков наводили ужас на человечество, легенды о них пережили все остальные — и не удивительно! Как бы сильно ни боялись их люди, какими бы могущественными ни были их покровители, считавшие, что следует сохранять в секрете от всего человечества факт их существования, все это не будет иметь значения, как только они окажутся на экранах.

Изображение стоит тысячи слов.

Оставалось несколько часов до встречи венецианских отрядов на большом складе, расположенном неподалеку от церкви Скальци. К этому моменту римская группа будет уже вооружена и готова к выступлению. Останется только выдать оружие венецианцам и подключить их к одному из пяти отрядов.

Исаак и Томас Монтези отвечали за приготовления. Роберт, которому не слишком нравились собравшиеся люди, оставался в тени, внимательно наблюдая за происходившим. Они с Малкеррином едва ли обменялись взглядами после разговора перед посадкой в поезд. Роберт постоянно наблюдал за своей будущей жертвой — кардиналом Джанкарло Гарбарино.

Кардинал выскользнул со склада через одну из задних дверей. Никто не видел, как Роберт последовал за ним, — Монтези об этом позаботился. Конечно, Гарбарино кое-что умел, до Роберт знал, что кардинал чувствует себя в безопасности, ведь он считался официальным руководителем миссии и потому не стал активировать магическую защиту.

«Глупец! — подумал Роберт. — Наше дело не терпит глупцов — у Господа нет для них времени».

Роберту было ни к чему, чтобы его заметили, и потому он не хотел использовать магию, но ему и не пришлось. Когда Гарбарино вошел в церковь Скальци, Роберт перестал скрываться и спокойно последовал за ним. Эта была церковь Марии из Назарета, Роберту ужасно нравились барочные конструкции и внутренняя отделка.

Гарбарино подошел к алтарю, преклонил колени, а затем уселся в первом ряду справа. Роберт сел за ним — только тогда Гарбарино его заметил.

— А, Монтези, — сказал кардинал. — Я вижу, ты пришел помолиться за успешный исход нашей святой миссии, а я думал, ты будешь занят последними приготовлениями.

— Занят? Для Бога? Никогда.

Гарбарино посмотрел ему в лицо, пытаясь понять намерения Роберта. Однако ничего, кроме легкого раздражения, он не увидел. Кардинал решил проявить любезность. В конце концов, у молодого Монтези была репутация человека очень странного.

— Брат Роберт, заверяю, я не хотел тебя обидеть. Ты делаешь Божье дело. И Он знает, что такие славные подвиги не позволяют тебе почитать Его обычным образом.

Довольный собой, кардинал, вновь повернулся к алтарю. Теперь Монтези не станет обижаться на него, он будет рад столь изысканной похвале. В конце концов, Гарбарино — кардинал.

Удовлетворенная улыбка пробежала по его губам, и в тот самый момент боковым зрением он увидел какое-то движение. В следующий миг гаррота глубоко вошла в его плоть, рассекая сосуды и ломая кость. В оставшиеся две секунды жизни Гарбарино посмотрел вверх и увидел — или это только показалось ему — ухмыляющееся безумное лицо Монтези. Кровь

фонтаном брызнула из рассеченного горла.

— Божье дело, — сказал Монтези.

Наступила тишина.

Когда голова кардинала покатила по полу и свет в его глазах начал меркнуть, Роберту показалось, что в них промелькнуло понимание. Монтези улыбнулся голове, еще раз подумав, каким напыщенным глупцом был кардинал. Роберту не пришлось творить заклинания, чтобы покончить с ним. Все получилось даже слишком просто.

— Что здесь происходит? Во имя Господа!

Обернувшись, Роберт увидел священника, наверное, это был пастырь церкви Святой Марии из Назарета, он вошел в главный зал с левой стороны и сразу увидел отрезанную голову. Роберт встревожился. Он хотел уйти, ничего не предпринимая больше.

К утру начнется настоящий ад, и полицию не особенно удивит обезглавленный труп; Теперь ему придется немного потрудиться.

— Разве вы слепы, отец? — спросил он у священника.

Пастырь остановился, отступил на два шага в сторону двери.

— Это убийство во имя Господа нашего, такой должна быть и ваша смерть.

Священник повернулся, надеясь убежать, брат Роберт Монтези даже не пытался его преследовать. Он поднял правую руку и направил указательный палец на убегающего человека.

— Dothiell ah-nul spethu, — сказал он.

Он чуть отклонился назад, мощный поток энергии вырвался из его пальца и полетел, невидимый, через церковь, настиг священника и швырнул его лицом вниз прямо на красивый торс Христа, творившего молитву в Гефсиманском саду. Говорят, что Христос плакал в саду кровавыми слезами — Роберт создал прекрасную иллюстрацию этой легенде.

Монтези почувствовал себя виноватым он использовал магию, чтобы сделать простую работу. Малкеррин просил их беречь силы, но он произвольно обратился к своим умениям. В конце концов, Роберт Монтези был магом. Еще не колдуном, как его наставник, но однажды он обязательно им станет. Магия есть сочетание заклинаний, плетущих энергию, и полного контроля над разумом. Только после того, как он научится контролировать порождения мрака, демонов и других сверхъестественных существ, он сможет назвать себя колдуном.

Роберт мечтал об этом дне. Все остальное было лишь прелюдией.

Чувствуя себя немного глупо, Роберт подошел к упавшему священнику, тот не пошевелился. Голова несчастного касалась стены, тело обмякло, шея была вывернута под неестественным углом.

Роберт хотел убедиться, что закончил работу. Правой ногой он наступил на основание шеи, подпрыгнул и опустил все своим весом на затылок священника. Раздался треск, и Роберт с удовлетворением понял, что шея не была сломана и он правильно сделал, что проверил. Конечно, никакие слова священника не могли помешать осуществлению их плана, но Малкеррин хорошо обучил Монтези. Роберт тоже не любил оставлять работу незаконченной.

— Ты что, окончательно спятила?

Питер побагровел.

— Напротив. Никогда в жизни я не вела себя так разумно, — раздраженно отозвалась Меган.

— Меган, ты не понимаешь...

— Нет, я все понимаю, более того, я начинаю думать, что понимаю больше, чем вы все остальные, вместе взятые.

Под «остальными» она подразумевала других членов клана. Они отправились собирать всех Непокорных Венеции на срочную встречу. Ночь понедельника, ночь перед карнавалом. Они остались вдвоем в доме Ганнибала в огромной роскошной спальне, которую тот щедро предоставил в распоряжение Меган. В последние несколько дней ей почти не удавалось отдохнуть.

— Вы точно дети, — продолжала она, — с вашими мелкими спорами, смертельной враждой и напыщенными позами. Господи, даже женщины так себя ведут — сплошное разочарование. Подумать только, что мы прочитали в проклятой книге. Да вы даже представления не имеете о границах своих возможностей, не так ли?

— Меган, я...

— Ну что?

Питер посмотрел на нее, пытаясь выглядеть суровым, однако сумел лишь нахмурить брови. Меган едва не рассмеялась, но ей не хотелось испортить момент. Обычно Питер выглядел как гангстер времен юности Коди, а сейчас был больше похож на обиженного ребенка.

— Да, ты права, — наконец ответил Питер.

Оба немного успокоились.

— Послушай меня, — тихо сказала она — Я знаю, тебе совсем не хочется слушать меня, но я намерена объяснить все с самого начала, так что советую не отвлекаться. Я хочу этого по нескольким причинам, и эгоистическим, и практическим. Начнем с эгоистических причин.

В глубине души я всегда мечтала о такой жизни, но разум постоянно твердил, что все это давно кануло в Лету, если вообще когда-либо существовало в реальном мире. Приключения, опасность, романтика., конечно, мне и в голову не приходило, что все это может быть связано с детскими сказками о целой расе недостойных бессмертных...

— Ну, ты знакома еще далеко не со всеми, — заметил Питер.

— Выборка вполне репрезентативна, — проговорила Меган, лукаво приподняв бровь.

Она похлопала Питера по колену.

— Перестань перебивать. То, что я говорю, звучит довольно глупо, но теперь, попробовав такую... жизнь, жизнь, которая казалась мне невозможной, я не могу от нее отказаться. Вторая эгоистическая причина состоит в том, что я тебя люблю и не могу без тебя.

Они сидели рядом на краю огромной постели, и Меган опустила голову, дожидаясь, пока Питер осмыслит ее слова. Он взял ее руку, поцеловал и задержал в своей ладони.

— Я люблю тебя, уж не знаю, поверишь ты мне или нет, но я понимаю, как ты

относишься к этой жизни, если ее можно так назвать, — заговорил Питер после долгого молчания. — Ты узнала вещи, которые никому не известны, тебе грозила опасность, но ты сумела выжить, ты общалась с людьми невероятного могущества. В некотором смысле ты увидела мир заново. Теперь он совершенно новый, и каждую минуту ты узнаешь о нем все больше и больше. Но самое поразительное то, что тебе известно об этом мире почти столько же, сколько существам, в нем обитающим, и ты учишься вместе с ними.

— Ты все сформулировал гораздо лучше меня, — призналась Меган, сжимая его руку.

— Дело в том, что ты становишься красноречивой, только когда тебя охватывает гнев, — ответил Питер и тихо рассмеялся. — И, хотя все эти вещи понятны, рациональны, я бы даже сказал, восхитительны, нет причин, которые мешали бы тебе жить в новом мире в прежнем состоянии.

— Ты ошибаешься, — решительно возразила Меган, и глаза ее сузились. — Ты знаешь, что я собиралась сказать, и мне не понятно, почему бы тебе не согласиться. Я — человек, поэтому я уязвима, а значит, мое существование ограничивает твои возможности, поскольку я тебе нужна. К тому же твои собратья не в состоянии воспринимать меня всерьез, в лучшем случае они с неохотой проявят некоторое уважение.

Всю жизнь, когда меня хвалили за хорошо сделанную работу, большинство комплиментов имели безмолвное приложение: «для женщины». Ты меня понимаешь, Питер? Я делала превосходную работу, превосходную «для женщины». Теперь эти слова звучат немного иначе: «для человека». И среди Непокорных ко мне всегда будут относиться снисходительно, и они будут правы. Они ничуть не умнее, чем я, хотя способны существовать в сотни раз дольше, однако они проживают свои жизни и играют в игры на плато, которого мне никогда не достичь.

Я не являюсь участником процесса, понимаешь? Я принимала участие в самом грандиозном для вашего народа открытии, я не игрок в истинном смысле слова, я — твоя ахиллесова пята. Я не могу с этим жить.

Она посмотрела на него с таким чувством, что он не выдержал и отвел глаза. Когда Питер снова взглянул на Меган, он принял решение.

— Хорошо, — согласился он.

Они медленно раздели друг друга. Они занимались любовью с особым чувством, наслаждаясь каждым мгновением, каждой лаской, каждым дюймом тела. Меган оказалась сверху, ее волосы падали на лицо Питера. Через несколько минут она посмотрела на него и увидела, что он плачет кровавыми слезами.

— Что? — прошептала она.

— Я никогда не делал этого прежде, — хрипло ответил он, прижимая ее к себе.

Меган улыбнулась, чувствуя, как ее сердце наполняется счастливой легкостью и уверенностью.

— Я рада, — прошептала она. — Я люблю тебя, Питер.

— И я тебя люблю, — ответил он, вонзая зубы в ее тело, впиваясь в грудь.

Меган застонала и опустила на него. Она кормила Питера, полностью отдаваясь ему в этой близости. А когда он оторвался от ее груди, она испытала то же чувство, что и тогда, когда его пенис покидал ее лоно. Он крепко обнял Меган, прижал к себе и наклонил ее лицо к своей шее.

— Укуси меня.

Меган не могла заставить себя разорвать его плоть.

— Трахай меня, — приказал он, — трахай меня сильно.

Они двигались вместе, все быстрее и быстрее. Ее влажная грудь скользила по его прохладному телу, пальцы Меган вцепились в подушку у Питера под головой. Она чувствовала приближение оргазма, пика наслаждения, экстаза.

А потом все прекратилось. Питер с невероятной силой прижал ее к себе, проникнув в нее глубже, чем когда-либо, но не позволяя пошевелиться, достичь вершины. Ей было трудно дышать.

— А теперь, — сказал он, — укуси меня!

Ее голова нырнула к шее Питера, и зубы разорвали плоть, погрузились в нее. Кровь брызнула в лицо Меган прежде, чем попала в рот, — извержение самой жизни. Как только Меган сделала первый глоток, у нее начался оргазм, руки Питера отпустили ее, и они возобновили движения в прежнем бешеном ритме. Оргазмы следовали один за другим, вкус крови Питера вызывал у Меган трепет, растущее возбуждение, совершенно новое — никогда прежде она такого не испытывала. Она сделала несколько глотков, оргазмы стали слабеть. Семя Питера наполнило Меган, и он застонал. Она прижала его сильные руки к бокам и, словно хищник, принялась лизать рану на его шее. Вскоре рана начала затягиваться.

Потом на Меган обрушилась усталость, но она по-прежнему лежала на нем, постепенно погружаясь в пучину столь необходимого ей отдыха. Зубы Питера погрузились в ее шею, и легкая гримаса на миг исказила ее лицо. Потом, когда он пил ее кровь, Меган улыбалась. Это было приятное, сексуальное чувство, словно благодарность после великолепных любовных игр.

Питер пил ее кровь, а Меган, погрузившись в сон, перенеслась в иное место — в место ожидания и принятия решений. Впрочем, решение она уже приняла. Когда она покинула мир живых, улыбка все так же светилась на ее лице.

В отеле «Венеция» она направилась к конторке и представилась как Трейси Сакко из Си-эн-эн. Она спросила, в каких номерах она может найти своих коллег. Если никого из коллег здесь не оказалось бы, она рассчитывала наврать что-нибудь, ну например, что перепутала отель. Точно так же она собиралась найти кого-нибудь из Эй-би-си или Си-би-эс.

Этого не потребовалось. «Команда» Си-эн-эн состояла из одного человека, он жил в номере окнами на канал, и Трейси, скрестив на удачу пальцы, поднялась на четвертый этаж.

Она стучала в двери минут пять, вероятно, в номере никого не было, но она все равно стучала еще целую минуту. Трейси понимала, что она не может рассчитывать на передвижную телевизионную станцию или вертолет, но мечтала именно об этом. Прямой эфир организовать проще всего, и ей не пришлось бы задумываться, как доставить пленки в Рим. Она постучала еще раз, ждать она не могла. Нужно спуститься в вестибюль и спросить насчет Эй-би-си, а если она никого не найдет, то вернется сюда и попытается проникнуть в номер — вдруг там она найдет камеру.

Она уже направилась к лестнице, когда у нее за спиной повернулась дверная ручка и дверь распахнулась. На пороге появился заспанный молодой человек. Он поправлял брючный ремень.

— Извините, я немного... нездоров. Чем могу вам помочь? — спросил он, краснея от смущения.

Трейси хотелось закричать, но ведь он был не в курсе происходящего, а значит, надо вести себя спокойно.

— Трейси Сакко, я работаю на Джима Томаса из Атланты, — сказала она, надеясь, что он ее не узнает. — Вы можете начать с того, что впустите меня в свой номер.

Он так и сделал.

— Меня зовут Сандро Риччи, — сказал он без малейшего итальянского акцента.

Они оказались в небольшом, но симпатичном номере, и он уже вопросительно смотрел на Трейси.

— Что случилось?

— Сандро, — повторила она, — необычное имя.

— Только не здесь, — со смехом ответил он. — Это сокращение от Алессандро.

— Они прислали вас одного, Алессандро?

Он состроил недовольную гримасу и кивнул.

— Вообще-то я оператор, сначала они хотели только кинорепортаж. А теперь предложили мне установить камеру и выступить в качестве репортера.

Он уселся на край кровати, указав Трейси удобное кресло, стоявшее напротив. Трейси пришла в восторг. Парень предоставлен самому себе. Конечно, нужно будет как-то доставить пленку в Рим, но не придется тратить время на объяснения с придурком продюсером.

— Ну вот я приехала, — сказала она.

Сандро вопросительно приподнял бровь.

— Нельзя ли поподробнее?

— Я закончила репортаж в Риме и собиралась возвращаться домой, когда мне предложили приехать сюда и связаться с вами.

Сандро немного помолчал, внимательно разглядывая Трейси.

«Интересно, о чем он думает?»

Потом он улыбнулся.

— Да, кажется, я вас узнаю, — сказал он.

Трейси немного встревожилась: «А вдруг он знает, что ее уволили?»

— Так как вас зовут?

— Трейси, — ответила она и облегченно вздохнула. — Трейси Сакко.

Он протянул руку.

— Рад с вами познакомиться.

Теперь оставалось решить только одну проблему: как уговорить его отправиться туда, куда ей нужно, прихватив при этом камеру с собой. Получалось, это она должна ему помогать, а не он ей.

— Вы не похожи на итальянца, — с дружелюбной улыбкой сказала Трейси.

— Я вырос в пригороде Рима, но наша семья переехала в Штаты, когда я учился в старших классах. Я окончил школу в Балтиморе и колледж в Чикаго, — объяснил он.

Сандро встал и принялся распаковывать камеру.

— Нам пора начинать, — сказал он.

Трейси решила, что больше нет смысла тянуть время, и перешла на ты.

— Послушай, как насчет того, чтобы сделать карьеру? — спросила она — Прямо сегодня. Хочешь стать самым знаменитым оператором в мире?

— Что у тебя? — ответил Сандро вопросом на вопрос.

В его голосе Трейси услышала сомнения, но сарказма не уловила.

«Для сарказма он еще слишком молод», — с радостью подумала она.

— Предлагаю сделку. Мы снимем репортаж о карнавале, как ты захочешь, а потом

отправимся в одно место, где я побывала вчера. Имей в виду, это самая настоящая сенсация.

Трейси улыбнулась, хотя все сжималось у нее внутри, стоило ей подумать о том, чтобы снова оказаться в доме Ганнибала.

Но где еще они могли бы начать?

— Ладно, я не против, если сначала мы сделаем мой репортаж. Надеюсь, ты не собираешься вовлечь меня в неприятности.

— Перестань, разве я похожа на женщину, у которой бывают неприятности?

Трейси улыбнулась, а Сандро, услышав ее слова, посмотрел на нее более внимательно.

— Кстати, — добавила она, — у тебя случайно не найдется распытия?

Через два часа они сняли материал для репортажа о карнавале с яркими вступлениями Трейси и короткими очерками о туристах в самых разнообразных костюмах. Начался легкий снегопад, что было для Венеции большой редкостью. Вечер выдался красивый, полный музыки и ожидания чуда, по улицам бродили возбужденные люди, уже успевшие немного выпить.

Однако Трейси была недовольна. Они не нашли ничего необычного, во всяком случае ничего необычного для карнавала, и от этого она нервничала. До сих пор ей помогал кипевший в крови адреналин, но теперь на нее навалилась усталость, ей вновь стало страшно. Когда они подошли к Большому каналу, Джузеппе Чиавони там не оказалось, его место занял другой гондольер.

— А где Джузеппе? — спросила она, поднявшись на борт гондолы. (Сандро не хотел брать с собой камеру на лодку, но спорить с Трейси было бесполезно.)

— Уехал на Сицилию, — ответил гондольер. — Сказал, что у него сестра заболела.

Они плыли по каналу в молчании, и по мере того, как гондола приближалась к Ка-Редзониго, Трейси нервничала все больше и больше.

Они сошли на берег, расплатились (Трейси даже в голову не пришло сделать это, когда Джузеппе перевез ее на другой конец Венеции сегодня утром) и медленно зашагали по Калле-Бернардо. Трейси ожидала услышать шум музыки, но, к ее удивлению, дом был погружен в темноту. Издалека было видно, что свет горит лишь в одном из окон.

— Мы пришли, — сказала она.

— Куда пришли? — спросил Сандро.

По его тону Трейси поняла, что он устал и ему хочется вернуться домой.

— Ты охвачен любопытством? Начинай снимать, — сказала она.

Заработала камера.

— Меня зовут Трейси Сакко, — начала она, — во всяком случае, так меня звали несколько лет назад. У меня есть и другие имена. Например, Терри Шонесси. Именно так меня называли в последнее время. Мое настоящее имя Эллисон Виджент, возможно, кто-нибудь помнит меня в те времена, когда я не работала еще под прикрытием. Я хочу рассказать вам одну историю, и прикрытия мне больше не нужно. Начну с того, как я оказалась в это вовлечена. Очень скоро оператор Си-эн-эн Сандро Риччи и я покажем вам, какое отношение вся эта история имеет к каждому из вас.

Она все говорила и говорила, рассказала, как начала это расследование, рассказала о своем договоре с Джимом Томасом, а после дала детальный отчет событий последних двадцати четырех часов. У Сандро глаза вылезли на лоб от удивления.

— Сегодня, леди и джентльмены, мифы и легенды обретут реальность. Голливудские ужасы войдут в ваши гостиные. Сегодня вы поставите под сомнения все, что вам было

известно прежде. Среди нас есть вампиры, и дом, который вы видите на заднем плане, принадлежит одному из них. Дикому чудовищу по имени Ганнибал, — сказала она в заключение.

— О дерьмо, — пробормотал Сандро, выключая камеру. — Ну все, меня убьют. Да меня теперь наверняка уволят. Послушайте, леди, что это такое? Мне такие глупости ни к чему!

Он закинул сумку с камерой за спину, отвернулся и собрался уйти.

— Подожди минутку, — сказала Трейси.

Ей нужна была его камера, да и оставаться здесь совсем одной ей абсолютно не хотелось.

Вопреки здравому смыслу Сандро остановился.

— Все, о чем я только что говорила, действительно со мной произошло в этом доме, — сказала она — Я знаю, ты мне не веришь, но взгляни на ситуацию иначе. Ты уже пришел сюда, уже записал мои слова на пленку, я помогла тебе сделать репортаж Я прошу тебя, задержись ненадолго. Даже если я окончательно спятила, я могу доказать, что была в этом доме пленницей. В любом случае это классная история. И если окажется, что ты имеешь дело с сумасшедшей, все лавры достанутся тебе.

Сандро смотрел на нее, прикидывал возможные варианты. Он почти согласился, но...

— Нет, — решительно заявил он.

— Трус, — сказала Трейси.

Это задело его за живое.

Трейси несколько раз нажала кнопку звонка, но никто не открыл. Она принялась стучать, но и это не дало результата.

— Наверное, они отпустили слуг на ночь, — предположил Сандро.

Трейси кивнула. Она была уверена, что вся компания будет праздновать карнавал именно здесь. Но, вероятно, в городе было и другое место встречи. Она задумалась.

«Но зачем нужно два места?»

Трейси знала, что Непокорные меняли место ежегодной... встречи — то один, то другой карнавал. Кто знает, сколько таких существ собралось в Венеции и где они остановились?

Казалось, в доме никого нет. Она постучала в последний раз и повернула ручку. Дверь открылась!

— Даже не думай, — сразу сказал Сандро.

Но она уже перешагнула через порог.

Трейси с самого начала мечтала именно о таком повороте событий, но ей и в голову не могло прийти, что она сумеет легко проникнуть в дом.

— Дверь открыта! — прошептала Трейси. — Мы не взламывали замок, мы только вошли в дом без разрешения. Да и нет здесь никого.

— Только вошли без разрешения... О Господи!

— Включай камеру и заходи, — прошептала Трейси.

Сандро понимал, что может оказаться в тюрьме, но интуиция подсказывала, что, возможно, ему удастся сделать сенсационный репортаж. И он вошел вслед за Трейси.

Они двигались медленно и старались не шуметь. Сандро не верил в восставших из мертвых чудовищ, но решил, что с Трейси здесь что-то произошло. Он не знал, что именно, но то, как она двигалась по дому, оглядываясь на него, чтобы убедиться, что не одна, произвело на него впечатление.

К тому же она явно бывала в этом доме раньше.

Довольно скоро Трейси отыскала комнату, в которой ее держали. Это было подвальное помещение, комната выглядела именно так, как она описывала. Они даже нашли дыру в стене, из которой вырвали цепь. Теперь у Сандро не осталось сомнений, что их ждет сенсационный материал: история женщины, которую держали в заточении настолько жестокие люди, что сумели свести ее с ума и убедить, что они вампиры.

Он даже пожалел Трейси.

Трейси закричала.

— Что? — крикнул он в ответ. — Что такое?

— Господи! — воскликнула она.

Ее вырвало.

Они только что миновали подвал и заглянули во все потайные комнаты, двери которых не были заперты. Сандро подбежал к Трейси: пока он снимал огромный шкаф с множеством костюмов, она успела заглянуть в следующее помещение. Сандро положил ей руку на плечо. Трейси стояла на коленях, пытаясь сдержать рвоту.

— Что здесь? — спросил Сандро.

У него возникло предчувствие, что ему совсем не понравится ответ.

— Помнишь, я рассказывала про Линду? — заговорила после паузы Трейси.

Сандро кивнул.

— Ну, так она здесь. И не одна.

Сандро взялся за дверь.

— Здесь холодно, — пробормотал он.

— Это холодильник, — ответила Трейси.

Ему пришлось отвернуться, чтобы побыстрее прийти в себя. Тяжело дыша, Сандро запустил камеру.

— Трейси... Эллисон, или как там тебя зовут. Говори, — приказал он.

Она встала, вытерла рот рукавом. Сделав несколько шагов внутрь холодильника, она начала рассказывать, показывая на Линду Меткалф, лежавшую среди двух дюжин трупов. У многих было разорвано горло, но на некоторых телах они нашли двойные отметки не только на шее, но и на груди, ягодицах и пенисах. Некоторые трупы были растерзаны, другие сравнительно не пострадали. Трейси увидела пару, которую заметила вчера на вечеринке прошлой ночью.

— Как я уже говорила раньше, — сказала Трейси, — большинство этих людей пришли сюда по своей воле, понимая, что их здесь ждет. Мы видим, что произошло с ними, и то, что они сделали это сознательно, не может разогнать наш ужас.

Сандро уже хотелось уйти, но Трейси не могла остановиться. Теперь он понимал, почему она поверила в существование валширов. Его всегда интересовали преступления, и он знал, какими умными могут быть убийцы. Ему хотелось побыстрее выбраться отсюда, позвонить в полицию, на студию, но она продолжала путешествие по дому.

Спокойствие Трейси было удивительным для Сандро, если не забывать, что она рассказала об оргии на лестнице. Посредине первого пролета она остановилась.

— Ты слышишь? — спросила она.

И он услышал. На третьем этаже шумел душ.

— Я не пойду туда, — твердо заявил Сандро.

— Я тебя понимаю, — ответила Трейси. — Давай только осмотрим этаж, пока душ

работает.

Он не хотел, но Трейси настояла на своем.

— Я не думал, что в доме кто-то есть, — прошептал он.

Он понял, что в доме, возможно, есть и другие существа.

— Может, им хорошо в темноте? — предположила Трейси. — Света от окон хватает, только чтобы передвигаться по дому, но мы ничего не смогли бы снять, если бы на твоей камере не было подсветки. Может, они видят в темноте?

— Ну, хватит, — нахмурился он.

Трейси начала надоедать ему.

Во второй комнате они нашли еще одно тело. Очень хорошенькая молодая женщина, накрытая простыней, лежала в тусклом свете, пробивавшемся из окна, ее обнаженные плечи и лицо казались белыми, точно мрамор. На руке они разглядели три глубокие царапины, напоминающие следы когтей.

Женщина не дышала. Сандро начал снимать, и только тогда он заметил двойные ранки у нее на шее.

Возле окна стояли два кресла, на них была разложена одежда на одном женская, на другом мужская, там же валялась пара поношенных ковбойских сапог. Вероятно, это была одежда человека, который мылся в душе.

У стены стояла открытая корзина. После того, что они видели в подвале, она показалась им странной. В корзине, в упаковке, было сложено автоматическое оружие. Наверное, несколько дюжин пистолетов. На кресле, под небрежно сброшенными синими джинсами, они заметили еще один пистолет в кобуре. Этот пистолет был поменьше.

— Никогда бы не подумал, что восставшие из мертвых пользуются пистолетами, — негромко проговорил Сандро.

— Все это выглядит очень странно, — сердито прошептала Трейси, — но я знаю то, что знаю, и твой сарказм, ничего не изменит.

Она взяла пистолет. Трейси не знала, заряжен он или нет, но была готова поспорить, что заряжен.

— Положи пистолет, пора уносить отсюда ноги, — проворчал Сандро.

Он давно уже миновал все уровни страха.

Трейси не обратила ни малейшего внимания на его слова, она подошла к кровати и присела на краешек. Положив пистолет на колени, словно чашку кофе, она прикоснулась к виску женщины. Сандро поморщился, увидев, как небрежно она обращается с пистолетом. Вероятно, Трейси хотела убедиться в том, что женщина мертва, а вот Сандро в этом не сомневался.

— Интересно, кто она такая, — негромко проговорила Трейси, глядя на мертвую женщину.

Сандро хотел было еще раз предложить ей уйти, и тут из-за спины у него послышался голос.

— Меган Галахер, — спокойно сказал мужчина.

Они быстро обернулись, перед ними был незнакомец, волосы у него были мокрыми, вокруг бедер — повязано полотенце.

— Это ее имя, — спокойно продолжал незнакомец. — А меня зовут Уилл. Уилл Коди.

Трейси подняла пистолет.

— И был изгнан с небес ангел Люцифер за то, что пытался повторить деяния своего Создателя, Господа Бога. Люцифер был низринут в ад, где стал властвовать над темными дьявольскими созданиями и над душами тех, кто отказался от рая, и тех, кто хочет вдохнуть жизнь в иные миры и существа, надеясь соперничать в этом с Божьими творениями.

Вот почему явлен был в мир Иисус Христос. Он призван спасти землю от таких созданий, человеческую расу от соблазнов, открыть врата рая для нас, когда алы умрем, и дать нам, пока мы живем, самый важный дар — знание, подчиняющее себе темные силы и темные творения Люцифера. Христос научил своих апостолов управлять ими, чтобы защитить человеческую расу от истребления.

И мы одержали победу. Он вдохновил апостола Петра построить церковь, и силы тьмы, исчадия Люцифера, бежали и страшились этой церкви все две тысячи лет. Теперь они — лишь миф, легенда, и люди забыли о них. Все реже темные силы нападали на людей, а в последние двадцать лет можно назвать лишь единичные случаи. Многие из вас уже заканчивают обучение, другие лишь начинают, но мы продолжаем дело, порученное нам самим Господом!

Пора рассказать о нашей миссии. Множество чудовищ было рождено адом, но лишь одна раса посмела не подчиниться церкви. Мы называем их Непокорными. Откуда они? Кто они? Это остается тайной даже для нас, ведь упоминания о них в учении Христа давным-давно утеряны, еще во времена апостолов. Много раз пыталась церковь очистить от них мир, и всякий раз это заканчивалось неудачей. Но их нельзя оставлять на свободе! А если Непокорных нельзя подчинить, значит, их необходимо уничтожить. Очень скоро современные технологии сделают невозможным сохранять факт их существования в тайне, а мы не можем допустить, чтобы мир изумился, узнав, что рядом с нами живут бессмертные.

Они и сами стремились сохранить свое существование в тайне. До недавнего времени так и было, но сейчас, как и перед Великим Очищением, их стало слишком много. Они уже не могут следить за своими собратьями. На свет появились существа, которые безрассудно нарушают правила собственного сообщества.

Однако защита, что еще недавно казалась нам незыблемой, охраняя интересы целого мира, стала давать сбои. В этом и состоит главная причина, побудившая нас действовать именно сейчас. Стоит допустить ошибку, и наш мир будет рушиться неостановимо, словно лавина. Непокорные теперь мало боятся церкви, особенно молодые. Мы — небольшой орден, и если они объединятся против нас, нам не устоять. Тем более когда защита ослабеет окончательно.

Пришло время, Священнодействие состоится сегодня, до него остается всего несколько часов. Мир, каким мы его знаем, каким сделали его наши предшественники, застыл в равновесии — все теперь зависит от нас. Каждый из вас знает свое место, знает, что ему нужно делать. Через тридцать минут каждый из нас направится на свой пост, а за полчаса до рассвета мы должны быть готовы.

Я благословляю вас во имя Отца и Сына и Святого Духа. Вы становитесь Мечом Господа — а значит, вы непобедимы. Аминь.

Они были готовы. Во время речи Малкеррина брата Монтези стояли рядом с ним, их

души переполняла греховная гордость. Они считали, что им оказана высокая честь, они играют такую важную роль в Священнодействии, и лишь у самого Малкеррина роль эта значительнее, чем у них. Очень скоро начнется сражение.

В Венецию вся группа прибыла очень быстро, никаких происшествий не было. Каждый получил серебряные мечи и кинжалы. Римская католическая церковь копила сокровища почти две тысячи лет, а за деньги можно купить почти все. Папу не посвящали в некоторые подробности, а потому в последнее время возникали трудности с дополнительными фондами, однако дорогостоящего серебряного оружия в течение столетий было собрано очень много. Приобретением огнеметов занимался Гарбарино, это было совсем недавно, и справился он с этим великолепно. Огнеметами управляли только самые сильные и ловкие — как правило, один такой приходился на каждые пять человек. Теперь и та и другая проблемы были решены.

Не обращая внимания на окружающих, сестра Мария Магдалина разделась до пояса. Никто не осмеливался смотреть на нее, а уж тем более осуждать. Высказать свое сомнение мог бы только отец Малкеррин, но он был уверен в вере сестры. Она обнажила свой кинжал и провела клинком по левой груди. Сама Мария не издала ни звука, но, когда кровь полилась на пояс ее брюк, она услышала, как несколько человек рядом вскрикнули, не в силах сдержаться. Она быстро надела рубашку, свитер и куртку.

Боль поможет ей преодолеть сон, а запах крови будет магнитом притягивать врага именно к ней. Она стремилась прикончить как можно больше порождений мрака. Между ног у сестры Марии стало тепло от этих мыслей, а в пустой глазнице возникло покалывание.

Исаак и Томас в последний раз повторяли указания командирам отрядов. К каждому отряду были прикреплены проводник-венецианец и следопыт-новичок, владеющий только одним видом магии — находить и дифференцировать Непокорных.

— Первый отряд проследует прямо на площадь Святого Марка под командой самого Малкеррина, — начал Томас Монтези. — Второй займется Непокорными в Кастелло, а затем сразу же направится на площадь. Третий отряд пойдет в район Сан-Поло, а четвертый и пятый — в Дорсодуро и Каннареджио, соответственно после выполнения своих задач они также должны прийти на площадь Святого Марка, где нашей главной задачей будет зачистка площади и контроль над толпой.

— Однако, — заметил Томас, — если возникнут какие-либо осложнения, вы получите новые указания от своего командира Пожалуйста, помните, что продолжительность операции должна составить четыре часа, начнется она ровно в полдень. В случае непредвиденных трудностей мы должны закончить уничтожение врага к пяти часам, никак не позже. Причины, полагаю, понятны всем.

Наконец позвольте напомнить вам: возможно, некоторым Непокорным известно о наших намерениях и они приняли меры предосторожности. Будьте особенно бдительны, когда подойдете к их логову, следите за людьми, они могут оказаться их сообщниками.

Старшие братья еще давали какие-то указания, когда на место сбора подошел младший брат. Слушая их, Роберт полировал отцовский меч. Он носил два меча: один из них он собирался использовать в сражении, другой — это был меч их отца — обнажить лишь для того, чтобы прикончить убийцу патриарха семьи Монтези. Роберт улыбался, и многие бойцы невольно поглядывали в его сторону, как не могли оторвать взгляд от сестры Марии, когда она пустила себе кровь. Роберт заметил, что на него смотрят, и, как только замолчал Томас, младший брат произнес:

— Наша миссия проста: найти и уничтожить. Вероятно, что возникнут некоторые осложнения. Это война, а на войне иногда гибнет и мирное население. К этому мы готовы, хотя нужно соблюдать разумные рамки. Вы делаете работу, угодную Богу. Если люди, ничего об этом не знающие, будут мешать вам, сознательно или случайно, не останавливайтесь. Время важнее всего. Нам нужно выполнить свой долг. Во имя Господа!

— Во имя Господа, — ответил хор голосов.

Сестра Мария и отец Малкеррин подошли к братьям Монтези.

— Стройся! — закричала сестра.

Солдаты быстро разошлись по своим отрядам.

— Мы будем выходить группами по десять человек, формировать отряды и двигаться на оговоренные места встречи. Надеюсь, указания, переданные вам братьями Монтези, всем понятны. Когда операция будет закончена, вы должны вернуться сюда парами или по одному. Старайтесь избегать контактов и с представителями закона, и с военными. В любом случае их останется немного. Здесь вы получите новые инструкции.

— А теперь пойдём в мире, во имя любви и служения Господу.

— Господи, Трейси, не стреляй! — закричал Сандро.

— Проклятье. Он один из них, — прорычала она, не сводя глаз с Коди.

— Давай, я позвоню в полицию, — предложил Сандро.

Коди было забавно наблюдать за ними. Он совсем недавно вернулся, принес оружие, и Питер попросил его остаться и охранять Меган. Сам он отправился разговаривать с Непокорными. Питер должен был прислать кого-нибудь, чтобы сменить Коди.

Коди никогда не дорожил своей безопасностью настолько, чтобы оставаться в тени. Впрочем, иногда он руководствовался и старой поговоркой: без осторожности нет и доблести. Он решил следовать этому правилу и в этот раз, да ему уже успела поднадоесть роль разведчика и владельца шоу «Дикий Запад». Он куда с большим удовольствием вспоминал об охоте на бизонов, о пиве, которое они с Джимом Хиккоком, стариной Диким У таллом, перевозили когда-то. Он так часто скучал по своему другу. Нет, если он пытается быть боссом, система наказывала его. Теперь он предпочитал работать в одиночку. Ему нравилось быть мятежником.

Он привез оружие и решил помыться. Будучи в душе, он услышал женский крик, но не стал выключать воду, он только спустился вниз, посмотреть, что происходит. Он всегда питал слабость к женщинам, а эта была так смущена, не могла решить, стрелять в него или нет. Коди не хотел, пускать все на самотек. Он не любил зря расходовать пули, к тому же ему было больно, когда в него попадали, пусть даже боль быстро проходила. Ну, а что касается камеры, то Коди всегда нравилось быть в центре внимания. Конечно, и Питер, и все остальные будут возмущены. Но какого дьявола! Если человеку нельзя немного развлечься...

— Послушайте, мадам, — начал он, и Трейси вздрогнула, услышав его голос. — Почему бы нам не поговорить? Вы только вошли, а я уже почувствовал ваше присутствие. Так что просто скажите, чего вы хотите.

Трейси не знала, что ему ответить. Она никак не ожидала такого поворота событий. Если этот парень — один из них, то он не испугается оружия, тем более своего собственного пистолета. Но...

— Сандро, снимай... ладно, приятель, кто вы такой?

— Полковник Уильям Ф. Коди, к вашим услугам, — сказал он и отдал честь.

Он считал, что иногда очень-полезно потакать капризам женщины. Она была

невероятно хорошенькой, и ему совсем не хотелось причинять ей вред.

— Полковник чего? — осведомилась Трейси.

— Это длинная история.

— А женщина?

— Меган Галахер, мой друг.

— Это вы ее убили?

— Нет, мадам, я ее не убивал. Более того, она не совсем мертва.

— Нам она показалась практически мертвой, — заявила Трейси.

Сандро навел камеру на тело.

Коди включил верхний свет, и Трейси едва не выстрелила в него от неожиданности.

— Извините. Я думал, так будет проще. Вы не возражаете, если я оденусь, дорогая? Я немного смущаюсь, давая интервью в костюме, в котором родился.

— Только двигайтесь очень медленно, — сказала Трейси, отступая на несколько шагов.

Она все еще держала его на мушке, но смогла чуть-чуть расслабиться — он вел себя так свободно.

— Я хотел сказать, что технически эту девушку можно считать мертвой, но она будет оставаться таковой совсем недолго.

— Значит, вы это признаете! — почти закричала Трейси.

— Что признаю? — с невинным видом поинтересовался Коди.

— Что вы вампир?

Сандро весь сжался. Он не хотел слышать ответ.

— О да, мадам. Если вас интересовало только это, вы могли просто спросить меня об этом. А Меган очень скоро станет одной из нас. Она так влюбилась в своего дружка — его зовут Питер, — что попросила его это сделать. Очень романтично, не так ли?

— Докажите! — нервно бросил Сандро.

— Что? — уточнила Трейси.

— Я хочу, чтобы он доказал, — повторил Сандро.

— Что именно я должен доказать, друг мой? — спросил Коди.

И переместился в другой конец комнаты.

Только что он стоял посреди комнаты в носках и джинсах, а уже в следующее мгновение оказался за спиной у Трейси, держа в руках пистолет. Она едва почувствовала, как он вырвал у нее оружие, и повернулась к нему, ожидая выстрела. Однако Коди и не думал стрелять.

— Ну, как вам? — осведомился Коди, но не получил никакого ответа. — Ладно, похоже, вы хотите увидеть чего-нибудь покруче, как насчет...

Его лицо изменилось. Всего за несколько минут оно удлинилось, стремительно стали расти волосы, появились ужасные клыки. Через минуту он снова принял обычный вид.

— Я бы довел дело до конца, но это болезненный процесс, — с улыбкой признался Коди.

— Почему вы это делаете? — спросила Трейси, когда к ней вернулся дар речи.

Сандро, похоже, лишился его, окончательно.

— Что я такого делаю?

— Вы играете с нами, не так ли? Вы намерены нас убить? Очень скоро мы окажемся в подвале вместе с остальными несчастными?

Коди посмотрел на нее так, словно она окончательно спятила. Потом сообразил, что

происходит.

— Проклятье! Нет, я ведь согласился на интервью, не так ли? Я намерен дать вам то, что вы заслужили. Вы проявили такое мужество, проникнув в этот дом. Правда, в результате я окажусь в полном дерьме, но со мной такое не в первый раз. И вообще... забудьте об интервью, я расскажу вам правду.

Питер стоял на сцене Венецианского театра, чувствуя, как от толпы на него накатывают волны удивления и сомнений. Они были рядом с Ганнибалом, а за спиной у них находились Шенг, Алекс, Жасмин, Эллен и Рольф. Знакомые Питера знали, что он разочаровал фон Рейнмана, да и сами относились к нему без восторга, а разбиравшимся в политике было прекрасно известно, какого низкого мнения Ганнибал был и о Карле, и о его клане.

И все же они пришли сюда. Будь Питер один, никто не стал бы его слушать. Но Ганнибал вот уже несколько столетий был хозяином Венецианского карнавала. Они не могли не прийти. Даже великий Чингиз присутствовал на встрече, сидел в первом ряду, рядом с несколькими представителями своего народа, они были даже старше его, многих Питер раньше никогда не встречал. Ганнибал сказал, если он не ошибается, самым старым из присутствовавших здесь Непокорных был некто Лазарь, впрочем, к библейскому Лазарю он не имел никакого отношения.

Ганнибал представил Питера, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь, однако, следовало отдать ему должное, подтвердил истинность слов Питера о вражде Ганнибал был готов забыть. Во всяком случае, пока.

Питер начал свою речь:

— Карл фон Рейнман, мой отец по крови, а также отец по крови тех, кто стоит у меня за спиной, — мертв. Как и Барбаросса. И Катерина. Вот уже несколько десятков старших представителей нашей расы убиты. И все это за последнее время. Каждый из вас наверняка может что-то добавить. На самого Ганнибала не покушались только из-за того, что убийцы отвлеклись на Коди Октября в Монте-Карло.

В зале зашумели. Из сотни Непокорных, собравшихся в театре, лишь немногие сохранили теплые чувства к Коди.

— Коди удалось спастись, и он помог мне осуществить мои планы ради всех нас. Вероятно, большинство из вас не знают, что Марк Аврелий также мертв, он убит в тот же день, когда планировалось покушение на Ганнибала. Мы узнали об этом лишь несколько минут назад.

Поднялся страшный шум. Аврелий был одним из самых грозных и почитаемых Непокорных.

— Почему? Этот вопрос возник у каждого из вас. Однако куда важнее другой вопрос — кто? У меня есть ответы на оба вопроса.

В театре наступила тишина. Питер рассказывал об интересе Карла фон Рейнмана к «Евангелию теней», о котором знали многие присутствовавшие. Он рассказал о том, что произошло в Бостоне, о похищении книги в Риме. Питер рассказал, и о своем вторжении в Ватикан. Зал разразился криками.

— Невозможно! — заорал вскочивший на ноги Чингиз.

Питера поразила его реакция.

Громко возмущались очень многие, и Питер повернулся к Ганнибалу за поддержкой.

— Чингиз! — очень вовремя вмешался Ганнибал. — И остальные. Я уважаю ваше мнение, но должен подтвердить, что Октавиан говорит правду.

Наступила тишина. Они не могли не верить Ганнибалу, все были ошеломлены. Наконец заговорил Непокорный по имени Лазарь.

— Мистер Октавиан, — сказал он, поразив собравшихся еще больше, — почему бы вам не рассказать нам о содержании «Евангелия теней», как вы его называете. Это многое для нас прояснит, ведь так?

Питер посмотрел на него, и на мгновение ему показалось, что он видит тень улыбки и едва заметный кивок, словно Лазарь хотел показать, что ему известно больше, чем другим.

— Продолжайте, — попросил Лазарь. — Если я правильно вас понял, времени у нас совсем немного.

— Это очень большая книга, но видно, что какие-то части из нее изъяты много лет назад. В ней есть и главы, которые полностью недоступны для понимания, хотя кое-что Ганнибал помог нам перевести сегодня вечером.

Книга состоит из трех различных документов. Первый — это отрывки из Евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, их никогда не читали верующие христиане. В них повествуется о разъяснениях Иисуса Христа законов преисподней, реальности демонов и друзьях темных существ. Христос также рассуждает о происхождении этих существ, о природе Люцифера и ангелов гораздо подробнее, чем в современной Библии. Наконец, в отрывках утверждается, что сам он обладал полной властью над темными существами благодаря своему божественному происхождению, но человек также способен обрести аналогичный контроль. Когда Иисус был маленьким мальчиком, он передал все тайны своему отцу, человеку по имени Иосиф, а тот записал их.

Второй документ — это книга, написанная Иосифом, о ней-то и упоминает Иисус. В ней множество заклинаний и инструкций, позволяющих овладеть магией. Эта часть довольно обширна и с трудом поддается расшифровке.

Третий документ — это дневник, который вели ватиканские маги со дня основания римско-католической церкви. В нем излагается история полного покорения церковью всех существ мрака, за исключением Непокорных, отсюда и происходит наше имя. С огромным разочарованием я должен вам сообщить, что те куски, в которых более подробно говорилось о возникновении Непокорных, уничтожены.

Он немного помолчал, чтобы дать возможность обдумать свои слова.

— Покорение созданий мрака было непрерывным процессом. Некоторые из них — это творения самого Люцифера, и контролировать их оказалось труднее, чем остальных. В начале восьмого века церковь подчинила себе большинство темных существ, порождения мрака оказались в рабстве. Кроме нас.

Тогда церковь попыталась полностью нас уничтожить, в результате уцелело немногим больше пятидесяти Непокорных. Однако они так надежно спрятались, что церкви пришлось прибегнуть к использованию самой могущественной и разрушительной магии. Они изменили саму ткань сферы сверхъестественного, существующую параллельно с нашим миром. Эту сферу Иисус и многие другие до него называли адом. Именно это и явилось истинной причиной разлада восточного и западного христианства. Дебаты об иконоборстве стали лишь дымовой завесой для верующих, в то время как колдуны спорили о том, простит ли им Иисус Христос применение таких жестких методов, и одобрит ли их Господь. Ведь, в конце концов, если они смогли изменить границы ада, то почему бы им не замахнуться и на рай?

Некоторые из уцелевших Непокорных были найдены, но когда церковь поняла, что не

может ни уничтожить всех, ни контролировать их размножение, было решено выбрать новый путь. Почти двести лет церковь воздействовала на сознание Непокорных, которых им удавалось захватить. Им удалось заставить представителей нашей расы верить во все, что говорила церковь.

Всех им отыскать не удалось. Оставалась горстка невероятно могущественных Непокорных. Церковь объединилась, чтобы атаковать. По силе их магию можно было сравнить только с магией Иисуса, когда он ходил по земле в обличье человека. Они сумели войти в ад, захватывали и влияли на сознание наших собратьев, что заметно нас ослабляло. Однако они собрались в одном месте и стали слишком самодовольны, а значит, уязвимы. Непокорные сумели убить всех колдунов. Остался только один. Позднее он стал Папой Бенедиктом IV. Фактов об этом периоде мало, но если верить записям, оставленным Бенедиктом, все Непокорные, кроме четверых со свободным разумом, были отпущены на свободу. Следы этой четверки навсегда утеряны.

В 903 году Бенедикта IV убил его ученик, ставший Папой Львом V. Однако Льва поджидала такая же участь, и ему на смену пришел Папа Сергий III. Бенедикт и Лев были последними колдунами, стремившимися воздействовать на преисподнюю, Сергий же был простым кардиналом и понятия не имел о магии. С тех пор истинные правители церкви — колдуны, как правило, они используют Пап как марионеток.

К концу следующего столетия Непокорные уже не были такими дерзкими, а значит, не представляли прежней угрозы. Однако они начали активно плодиться. Теперь их стало гораздо легче убивать, но все же они по-прежнему были опасны. В тринадцатом столетии церковь попыталась «сократить поголовье», если так можно выразиться, при помощи Крестовых походов. Эта практика применялась и в дальнейшем, но она уже не достигала прежних масштабов.

До настоящего момента Лиам Малкеррин, вероятно, — самый опасный колдун церкви со времен Папы Бенедикта IV. У него есть несколько учеников и последователей, находящихся на разных стадиях обучения. Последние записи в книге сделаны кардиналом Джанкарло Гарбарино. Книга была украдена другим кардиналом, ничего не знавшим о церковной магии. Так вот. За несколько дней до этого Гарбарино записал, что современные технологии в сочетании с нашей растущей небрежностью делают наше дальнейшее существование в полной тайне невозможным. Мы и сами стараемся не привлекать к себе внимания, но мне кажется, колдуны боятся, что все узнают о нашем существовании. После этого мир может узнать и о них. Следовательно, они лишатся власти, которой располагали столько столетий.

Приближается очищение. Они называют это окончательное очищение Священнодействием. Они намерены уничтожить всех нас, и мы полагаем, что атака начнется через несколько часов, днем, в самый разгар карнавала.

Наступило долгое молчание.

Как только собрание закончилось, Ганнибал собрал совет старейших Непокорных, а Питер и Александра полетели обратно в дом Ганнибала на Калле-Бернардо. Оказавшись в доме, они вернулись в человеческий облик. Алекс взяла Питера за руку.

— Подожди секунду, — смущенно попросила она. — Конечно, меня это не касается, но мне кажется, ты правильно поступил с Меган. Сделать ее одной из нас гораздо лучше, чем потерять. Она вела себя слишком дерзко для человека, это не могло сойти ей с рук.

— Тут ты совершенно права, — вздохнул он. — Да и она сама этого хотела. Но я все равно не знаю, правильно ли поступил. Я вообще больше ничего не понимаю.

— Добро пожаловать в наш клуб непонимающих.

— Вот еще в чем ты права — это тебя не касается.

Алекс удивленно заморгала, и Питер крепко обнял ее, отчего она смутилась еще больше.

— Но все равно, спасибо, — добавил он.

Он отпустил Алекс, и, посмотрев на Питера, она улыбнулась далекой мечтательной улыбкой.

— Знаешь, — тихо проговорила она, — хотя я ужасно на тебя злилась, да и понять тебя было совсем непросто, я постоянно вспоминала о тебе. Мне тебя не хватало.

— Да. Мы были очень близки. Просто мы выросли и наши пути разошлись. Но я по тебе скучал, старая леди.

— Кто бы говорил!

Она рассмеялась, но через минуту снова стала серьезной. Улыбка исчезла, но взгляд все еще был устремлен куда-то вдаль.

— Мне страшно, Питер, — продолжала она едва слышно. — Мне не было так страшно с тех пор, как я родилась во второй раз. Я вообще не могу избавиться от страха сейчас.

— Да, — кивнул Питер, — мне тоже страшно.

— И Шенг напуган, но он слишком горд, чтобы признаться. И, знаешь, он рад, что мы снова вместе, хотя никогда об этом не скажет.

— И не нужно. Рольф ничего не смог бы сказать, даже если бы захотел, но я знаю. Прошло слишком много времени.

— А теперь мы снова вместе, но это может быстро закончиться, — сказала Алекс и отвернулась.

— Нет, — возразил Питер, и голос его стал жестким. — По человеческим понятиям мы — раса монстров, но с тем же успехом ночной горшок мог бы назвать грязным чайник, эти колдуны — люди, но то, что они делают с другими людьми, с их миром, даже с раем, есть настоящее зло. Мы часто бываем отвратительными и жестокими, но мы — не зло. Меган считает, что мы наделены душами, и я не знаю, могу ли я ей возразить.

— Ты полагаешь, все это правда? Никакой не миф? Ад существует? Я все равно думаю о Люцифере, рае и аде.

— Не нужно следовать христианским верованиям, Я видел «тени», о которых они говорят... дерьмо! Я хотел сказать, мы-то реальные, верно? И мы говорим о вещах, в которых не можем быть уверены, а не о чем-то невозможном. Церковь учит, что ада не существует, а рай есть. Исчез ли ад? Нет. Они прячут его так же, как прячут нас! Подумай сама, Алекс! Они там были! Им удалось разорвать ткань какого-то альтернативного измерения, где полно

существ, о которых даже мы ничего не знаем. Кроме того, им удавалось влиять на наше сознание.

— Такое впечатление, что у нас почти нет шансов на спасение, — сказала Алекс, покачав головой.

— Ты ошибаешься, — возразил Питер. — Так обстояло дело много лет назад, когда они были сильнее нас. Даже два дня назад мы смогли бы оказать серьезное сопротивление. А теперь у нас есть надежда на победу.

— Труднее всего поверить, что на наш разум воздействовали. Как ты думаешь, что случилось с теми четверьмя, которым удалось сбежать?

— Какими четверьмя?

— Из книги. Четверо древних Непокорных, которых не сумели отыскать. Они сохранили свой разум. Интересно, какова их судьба?

Питер ничего не ответил. За последнее время произошло столько событий, что он даже не думал об этом. Умом он поверил книге, но сердце отнесло описанные в ней события к прошлому, имеющему только историческое значение. Ясно, что Ганнибал, Чингиз и даже Аврелий подверглись промыванию мозгов. Они побывали в руках церковников. Но как же остальные?

Они с Алекс молча шли по коридорам дома Ганнибала, а Питер все искал ответы. Наконец они услышали голоса в гостиной, а войдя в нее, увидели, что Коди сидит на диване, в кресле напротив устроилась молодая женщина, и их снимает на камеру незнакомый молодой человек.

— Привет, ребята! — радостно заявил Коди.

— О Господи! — воскликнула женщина — Вы меня до смерти напугали. Я думала, что это Ганнибал.

Питер и Александра застыли на месте, пытаясь понять, что происходит.

— Проклятье, в чем дело? — резко спросила Алекс.

Она успела забыть о своих обидах на Питера, но к Коди относилась по-прежнему.

— А на что это похоже, дорогая?

Коди рассмеялся.

— У меня берут интервью для телевидения! Я снова вышел на сцену. О, сколько лет прошло!

— Проклятье! Ты что, спятил? Питер, мы не можем ему позволить...

Алекс повернулась к Питеру, но тот, казалось, размышлял. Она посмотрела на Уилла, на журналистку и пожалела, что освободила ее. Когда оператор перехватил ее взгляд, он сразу вспомнил, что ему есть чего бояться. Прежде всего Алекс решила избавиться от камеры.

— Подожди минутку, — сказал Питер, останавливая Алекс.

Он подошел к молодой женщине.

— Кто вы такие?

Она ответила не сразу.

— Я Трейси Сакко, — наконец заговорила она, — я пришла сюда добровольно, чтобы предложить себя расе Непокорных. На самом деле я уже давно работала под прикрытием для Си-эн-эн. А это Сандро Риччи.

Трейси показала на оператора.

— Я уговорила его пойти со мной, когда вы меня освободили вчера... Кстати, благодарю вас за это.

— Не стоит, — проворчал Питер.

Он все не мог решить, что с этим делать.

— Коди, а как Меган?

— Ну, она еще мертва, если ты об этом, но я уверен, что очень скоро с ней все будет в порядке.

Питер принялся расхаживать по гостиной. Алекс смотрела на Трейси и Сандро с прежней враждебностью.

— Кто еще знает, что вы здесь? — резко спросила Алекс.

— Александра, — негромко прервал ее Коди. — Я знаю, ты хочешь, как лучше для всех нас, но время пришло. Неужели ты сама не понимаешь? Конечно, решение примет Питер, и я соглашусь с ним, но не допущу, чтобы этим людям причинили вред.

— Если ты думаешь... — начала Алекс.

Питер ее перебил:

— Алекс, вспомни, о чем мы только что говорили. Они хотели держать наше существование в тайне, а мы не возражали. Ведь это же понятно? Я не уверен, что Коди делает правильный ход, но меня никогда не устраивало наше положение. Если мы потерпим поражение, я бы хотел, чтобы весь мир узнал, кто нас уничтожил и как они нами манипулировали в течение многих столетий — и людьми, и бессмертными.

— Питер, о чем ты говоришь? — спросила Алекс, уже понимая, что он имеет в виду.

— Ты должна остаться здесь до тех пор, пока Меган не придет в себя. Потом вы обе будете охранять книгу. Коди и я отнесем оружие в театр и раздадим его тем, кто осмелится выйти на дневной свет. Нужно воспользоваться любыми доступными нам преимуществами, а эти ублюдки не рассчитывают, что у нас могут быть пистолеты. Но минут на двадцать мы можем задержаться, согласна?

Она молча посмотрела на него.

— Продолжай, — сказал Питер, обращаясь к Коди.

Сам он уселся на диван и жестом предложил Алекс устроиться рядом.

— Алекс, присядь. Мы будем в новостях.

Карнавал!

Яркие клоунские или темные элегантные костюмы. Венецианцы и туристы, приехавшие на карнавал, не пожалели денег на плащи и шляпы, перья и вуали, маски всех видов — изящные и симпатичные, жуткие и отвратительные. Тысячи людей заполнили узкие улицы и многочисленные площади города. Темные мрачные костюмы и роскошные одеяния с кружевами были сделаны с любовью, а носили их с гордостью и так искренне радовались им, что при других обстоятельствах это могло бы вызвать опасение за здоровье владельцев костюмов. Некоторые надевали «ходули», и в сочетании с солнечными масками белые плащи и леггинсы на «ногах» выглядели немного жутко. Со всех сторон доносилась музыка, отражавшаяся от водной глади.

Для многих туристов карнавал был чем-то совершенно новым. Они не обзавелись костюмами и разгуливали по Венеции, наслаждались удивительным зрелищем, всеобщим возбуждением и романтикой, царившими в старом городе. Далеко не всегда во время карнавала погода была холодной, но в этом году шел снег. Вот и сейчас он падал на толпу на площади Святого Марка. Здесь, на площади, — центр всего, что происходит в Венеции. Последние годы во время карнавала перейти площадь было задачей почти невыполнимой, но любителей вечеринок это не смущало.

Если бы они только знали, кто идет рядом с ними. Убийцы из Ватикана, вампиры, их добровольные жертвы. Если бы люди догадывались об этом, их настроение было бы не таким беззаботным. Добровольцы, оставшиеся в живых, беспокоились из-за отмены вчерашней вечеринки. Они без особого энтузиазма участвовали в дневных развлечениях, размышляя о том, что ждет их ночью. Некоторые все еще надеялись, что их выберут, но многие испугались и спешно покинули Венецию.

Впрочем, такое бывало и прежде. Вот только в этом году бегство носило массовый характер. Среди добровольцев распространился слух, что ночью должно произойти нечто ужасное, что их вера и стойкость подвергнутся жестокому испытанию. Даже те, кто остался, испытывали страх. Непокорные были их богами, они готовы были свою жизнь принести им в жертву. Разве может что-нибудь быть для них опасным?

За пятнадцать минут до полудня все пять отрядов были на местах. В четырех отрядах насчитывалось по сто человек, и мужчин, и женщин, и только в одном было сто двадцать восемь бойцов. Когда отряд прибывал на условленные места, первыми в работу включались разведчики, разыскивая Непокорных в домах и отелях, в подвалах магазинов и ресторанов. Каждый отряд разбивался на взводы, и бойцы приступали к уничтожению.

Каждый член взвода был связан с командиром двусторонней связью, что позволяло им перемещаться небольшими группами, не привлекая к себе внимания. Без этого они могли легко потерять друг друга в карнавальной толпе, среди людей в костюмах и масках.

Впрочем, карнавальных костюмов они не надели, почти все солдаты Ватикана были в свободных одеяниях, в них они прятали кинжалы или оружие, у некоторых на поясе висели мечи в ножнах, словно это было невинное дополнение к костюму. Самые сильные несли за плечами солидные рюкзаки — в них лежали огнеметы. Лишь потрескивание радиопередатчиков могло привлечь к ним внимание, однако они не очень-то их

использовали.

Помощники Малкеррина предпочитали не рассчитывать на высокие технологии для общения со своим командиром. Они вошли с ним в телепатический контакт еще до выхода в город, через них-то главный колдун и получил первые тревожные новости. Следопыт второго отряда (они работали в районе Кастелло) обнаружил лишь четыре дома Непокорных. В Дорсодуро таких мест оказалось только два, а в Каннареджио — ни одного. Даже в Сан-Поло они нашли гораздо меньше Непокорных, чем ожидали, — всего восемь.

— Господи, да что же это происходит? — вслух произнес Малкеррин.

Услышав эти слова, его охрана обменялась встревоженными взглядами.

«Где они, — думал Малкеррин, — Может, их предупредили? Может, они испугались и покинули город?»

В это поверить он не мог. Непокорные не могли так поступить. Даже если Октавиан смог воспользоваться знаниями из книги, кажется невероятным, что он собрал своих собратьев и объяснил им все, освободил от психических пут за столь короткий срок.

«Нет, — решил Малкеррин, — скорее всею, они собрались где-то вместе, рассчитывая, что так им будет легче защищаться. Они верят, что их сила в численном превосходстве».

— Следопыт, — позвал он.

К нему подбежал следопыт первого отряда.

Он выглядел встревоженным, и Малкеррин сразу понял почему.

— Они здесь, не так ли? — спросил он. — Все собрались здесь? Во всяком случае, большинство находится на площади Святого Марка?

Следопыт был удивлен осведомленностью Малкеррина, но вежливо кивнул.

— Да, святой отец.

— Пятый отряд, — начал Малкеррин.

Он принял решение и обращался сейчас к сестре Марии и братьям Монтези.

— Бросайте Каннареджио и окажите помощь в Сан-Поло. Все отряды должны соблюдать крайнюю осторожность, у меня нет сомнений, что порождения ада предупреждены о нашем наступлении. Как только вы закончите свою работу, немедленно отправляйтесь на площадь Святого Марка и ждите дальнейших указаний. Помните, ни один из них не должен уйти, нам необходимо вернуть книгу. Любой ценой.

— Где? — спросил Малкеррин у следопыта.

— Повсюду вокруг нас, отец. Их сотни, большинство на площади Святого Марка и в Венецианском театре, все собрались на двух кварталах.

Малкеррин улыбнулся.

— Они надеются на численное превосходство, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Но теперь наша работа станет намного легче.

Однако следопыт по-прежнему смотрел на него с заметной тревогой, он переминался с ноги на ногу, потирал лоб рукой. Этот юноша был лучшим следопытом, он мог определить точное число Непокорных, а не только место их расположения. Его тревога вызвала у Лиама раздражение.

— В чем дело? Успокойся.

— Это еще не все, святой отец, — сказал он и прикусил губу.

— О чем ты? — спросил Малкеррин. — Что такое? Говори, не тяни!

— Святой отец, ведь сейчас день, а мне кажется... такое впечатление, что некоторые из них передвигаются!

— Сколько таких? — резко спросил Малкеррин.

Он решил, что речь идет об Октавиане, его-то он уже видел при свете дня. Он один ничего не решит.

— Кажется, почти двадцать, сэр!

Окна комнаты Сандро Риччи выходили на площадь Святого Марка. Именно отсюда Трейси Сакко наконец удаюсь связаться с Джимом Томасом. Он даже не захотел ее слушать, когда Трейси начала излагать невероятную историю о древней войне между церковью и силами тьмы.

— Послушай, Эллисон! — рявкнул Джим, — Уж не знаю, чем ты там занимаешься, но тебе платят деньги за репортаж о культах с человеческими жертвоприношениями, а ты рассказываешь мне сказки про вампиров! Знаешь, будет лучше...

— Джим! — закричала Трейси в телефонную трубку, чем заставила Джима замолчать. — Я могу это доказать.

Он немного помолчал.

— Я сижу в отеле с Сандро Риччи, он из римского бюро. Он здесь делал репортаж с карнавала. У нас все записано на пленку, все, что происходило вчера ночью: факты, тела, дом, даже превращения!

Пока Джим обдумывал ее слова, она смотрела на Сандро. Оператор до сих пор не пришел в себя после шока, который он пережил в течение последних нескольких часов.

— Послушай, — продолжала Трейси, — я знаю, тебе трудно поверить мне на слово. Думаешь, нам было легко? Но тебе не нужно принимать решение прямо сейчас. Мы хотим снять все. Если то, что сказал Коди, правда...

— Кто такой Коди? — спросил Джим.

— Ты же не хочешь знать этого, милый... Если то, что он сказал, правда, в течение ближайших двух часов или около того Ватикан нанесет удар. Мы все снимем и постараемся доставить пленку в Рим. Потом мы покажем тебе все по закрытому каналу, и ты решишь, что делать с нашим материалом. Верь мне, Джим. Я слишком многое пережила, была на волосок от смерти и не стану сдаваться сейчас.

Она уже собралась повесить трубку, когда услышала слова Джима, его благословение:

— Будь осторожна.

— Пойдем, Сандро, — сказала Трейси, положив трубку. — Если что-то здесь действительно произойдет, то это будет в самое ближайшее время.

Отец Лиам Малкеррин беззвучно произнес одно единственное слово. Так он начал операцию, к которой шел всю жизнь.

«Вперед!»

Малкеррин планировал, что все пять отрядов начнут операцию одновременно, но сейчас придержал первый отряд, бросив в атаку остальные. В первые две минуты все шло хорошо, донесения заместителей подняли ему настроение. Бойцы Ватикана встречали слабое сопротивление: как и следовало ожидать, враг не мог показать себя во всей красе в дневное время. Схватка только началась, но Малкеррину уже казалось, что все отряды от второго до пятого быстро закончат, и через час присоединятся к первому.

Он снова был уверен в своих силах и, повернувшись к собравшимся вокруг него людям, отдал приказ:

— В атаку.

Он произнес это спокойно. Помощник передал его приказ по радио.

Малкеррин улыбнулся. Как там говорится? «Будто стреляешь в рыбу в бочке»? Даже если они способны находиться на солнце, это будет легкая добыча.

Снова подошел следопыт, он даже не пытался скрыть тревогу.

— Святой отец, — громко проговорил он. — Они нас окружают!

Сандро Риччи уже взял свою портативную камеру и направился к двери, а Трейси Сакко все не могла оторваться от окна. Она хотела снимать именно из окна. Питер и Коды сказали ей, что все события будут происходить на площади Святого Марка, Трейси решила, что они могут остаться в номере. Правда, Сандро, вопреки своему страху, заявил, что они должны вести съемку на улице. Если они хотят снять настоящий фильм, необходимо все делать как следует. Трейси уже собралась надеть куртку и идти за Сандро, когда заметила на площади группу людей в черном. На фоне тысяч людей в разноцветных карнавальных костюмах эти люди в черных одеждах казались раковой опухолью, выросшей посреди всеобщего веселья. Может быть, дело в том, что она знала о сражении?

Сандро уже распахнул дверь, когда услышал потрясенный голос Трейси:

— Начинается.

— Где? — сердито закричал Малкеррин.

— Со всех сторон, — испуганно ответил следопыт. — Меня смущают все эти люди вокруг, но их это не пугает!

— Разбейтесь на две группы, — резко произнес Малкеррин. — Одна отправляется в театр, другая пусть соберется возле меня! Перемещаемся к центру площади.

«Отряды от второго до пятого, — мысленно обратился он к своим бойцам, — заканчивайте работу как можно быстрее, но будьте осторожны. Похоже, они подготовились лучше, чем мы предполагали.

Солдаты первого отряда были ближе к театру и присоединились к тем, кто готовился к атаке. Все остальные поспешили к Малкеррину, пробиваясь сквозь толпу на площади Святого Марка, не обращая внимания на возмущенные крики. Священник внимательно вглядывался в разноцветную толпу, ища среди людей Непокорных. Это было несложно, они отличались от людей, но толпа была слишком большой, и он увидел только тех, кто был совсем рядом. А ведь многие были в костюмах и масках.

— Да, конечно... — проговорил Малкеррин.

Они теряли время. Он повернулся к своим бойцам, солдатам Бога.

— Начинайте атаку. Сосредоточьтесь на тех, кто в костюмах. Всякий, кто не обратится в бегство, — наш враг.

Они прошли один квартал на север, но потом вернулись по Каледо-Ассенсион к аркаде музея Коррер. На левом плече у Трейси висела большая черная сумка, туда она сложила запасные кассеты с пленкой, в том числе и ту, что они отсняли в доме Ганнибала. Они свернули за угол, и Трейси показала на группу людей в черном, пробивавшихся сквозь толпу к человеку в середине площади.

— Сандро, — прошипела Трейси, — снимай! Могу поспорить, что это и есть Малкеррин.

Они уже звонили в этот проклятый звонок. Александра не могла в это поверить: убийцы из Ватикана пришли в дом Ганнибала, чтобы прикончить всех, кто не принадлежит к человеческому роду, и при этом они звонят в дверь, будто свидетели Иеговы.

Это было уму непостижимо.

«Какого дьявола? Что ж, нужно играть в их игру, верно?»

Алекс распахнула окно и высунулась на улицу. Она не смогла удержаться от гримасы, ей еще не удалось полностью привыкнуть к дневному свету. Небо затянуло тучами, и пошел снег, но неприятное ощущение было сильным.

— Чем могу вам помочь? — спросила она, свесившись из окна.

Алекс была в спальне в верхнем этаже, скоро здесь должна была вернуться к жизни Меган.

Казалось, мужчины и несколько женщин были ошеломлены. Алекс прикинула, что их никак не меньше дюжины. Никто не ожидал, что на звонок кто-то ответит. Они собирались разбить стекла окон нижнего этажа, и тут в окне появилась Алекс.

Прошло не меньше тридцати секунд, но все молчали.

— Так чем я могу вам помочь? — сердито повторила Алекс — Я не могу болтать с вами весь день, друзья. Что вы хотите?

— Простите нас, синьора, — наконец ответил один из них. — Мы ошиблись домом.

Алекс улыбнулась и закрыла окно. Отошла она от него всего на несколько футов, наблюдая за непрошеными гостями.

Один из мужчин вытащил радиопередатчик, и она отчетливо услышала его голос.

— Следопыт, — рявкнул он. — Мы попали не в тот дом.

Алекс не могла слышать ответа по рации, но мужчина повторил:

— Не тот дом!

Он почти кричал, а услышав ответ, покачал головой. Жестом он велел остальным подальше отойти от дома Ганнибала. Они будут ждать.

Значит, ждать. Если у них есть следопыт, то Алекс придется сражаться. Ее очаровательная внешность их не остановит.

Она вернулась к кровати, на которой лежала Меган. Усевшись с краю, Алекс коснулась ее прохладной щеки. Александра осмотрела раны на шее женщины и царапины на руке. Интересно, когда она придет в себя?

«Питер всегда прекрасно разбирался в женщинах», — подумала Алекс.

В этот список она охотно включала и себя, а красивая мисс Галахер не была исключением. Никогда прежде Алекс не встречала такой смелой женщины.

Алекс отвела волосы с лица Меган и услышала стук; разбитого стекла на первом этаже разбили окно, значит, прибыло подкрепление вместе со следопытом. Вздохнув, Алекс наклонилась, чтобы поцеловать мертвую женщину в лоб.

Меган пошевелилась.

Возле театра собралась группа около пятидесяти человек, ее возглавляла сестра Вероника. Она сразу дала понять всем, что не потерпит вмешательства мирного населения. Более того, она отдала прямой приказ уничтожать на месте всякого, кто только подойдет к ним, начнет задавать вопросы во время атаки, и даже тех людей, кто окажется внутри здания.

Они могли просто поджечь театр, но, как и большинство зданий в Венеции, он был почти полностью каменным. Изучив строение и не найдя слабого места, они решили сжечь огромные дубовые двери. По приказу Вероники двое мужчин двинулись к дверям, держа в руках огнеметы.

Не успели они подойти и на двадцать футов, как двойные двери распахнулись и из темноты появились две фигуры. Сестра Вероника едва успела разглядеть тусклое сияние смерти в их руках. Потом началась стрельба.

«Что-то здесь не так».

Алекс не сомневалась в этом.

«Все не так!» — кричал ее внутренний голос.

Меган пришла в себя. Она улыбалась: для нее началась жизнь бессмертной. Казалось, она только что проснулась после долгого, несущего отдохновение сна. Она посмотрела на Алекс, положила руку ей на бедро. Открыла рот, хотела сказать что-то...

Но тут началось превращение.

Алекс услышала звук шагов: солдаты Ватикана ворвались в дом и начали его обыскивать. Она понимала, что должна уйти, должна защищать Меган, сейчас она была уязвима, но не могла оторвать от нее глаз.

Тело Меган начало мерцать, лишь глаза не менялись, они смотрели на Алекс с испугом. Что-то менялось под ее кожей, по ней шли пузыри, появляясь и исчезая то тут, то там.

Плоть Меган меняла цвет. Выросли волосы и мех, им на смену появилась чешуя и когти, части тела исчезали, возникало нечто странное, чуждое человеку. Толстая кожаная шкура и колючие ноги вдруг вспыхнули огнем, но пламя тут же потухло.

Через несколько секунд после пробуждения Меган вошла в состояние постоянного изменения, ничего подобного Алекс прежде не видела. Алекс не была уверена, что Меган выживет, но она понимала, что они должны либо покинуть дом, либо уничтожить врага.

На столике возле кровати лежала книга, невинная, точно Библия короля Якова²². С этой книги все и началось, и ее тоже необходимо спасти. Она взяла книгу как раз в тот момент, когда в спальне выбили дверь, рама оказалась слишком слабой и не выдержала удара. Где-то в доме были тайные покои Ганнибала, но он отказался их показать. Не имеет значения, Александра хотела сражаться.

Перед тем, как повернуться к убийцам., Александра Нуэва бросила последний взгляд на женщину, которую должна была охранять.

Метаморфозы Меган прекратились. На постели сидел огромный волк, в глазах его горел ум и голод. Волк прыгнул навстречу врагу.

— Превосходно, — сказала Александра.

Впервые за десятилетия Рольф Зеке пожалел, что у него нет голоса. Рядом с ним вопил и улюлюкал Коди, стрелявший из пистолета, и Рольфу хотелось показать Уиллу, что и он получает удовольствие от участия в битве. Эти люди пришли, чтобы убить его, его братьев и сестер, уничтожить их, пока они спят.

Когда-то точно так же нацисты поступили с семьей Рольфа, с его внуками и дочерьми. Теперь он встал на пути врага. Он больше не оставит свой народ без защиты, и он был рад пылу схватки.

Церковники не ожидали, что у Непокорных будут пистолеты, а потому были вооружены только клинками, огнём и магией. С этим трудно бороться против пуль. Бойцы Ватикана пытались сотворить заклинания, но Рольф пристрелил их прежде, чем они вызвали хотя бы одного демона. Колдун, вызвавший его, тут же был убит, и это порождение тьмы, лишённое руководства, совершенно обезумело. Демон убил нескольких церковников, а потом умчался прочь по Калед-Верона.

Рольф подсчитал, что они с Коди прикончили по крайней мере половину нападавших, в том числе и женщину, которая ими командовала. К ним несколько раз пытались подойти люди с огнеметами, но Коди стрелял без промаха. Лишь двое или трое отделались ранениями, им удалось вернуться обратно, чтобы передать огнеметы товарищам.

— Рольф, — наконец сказал Коди, — когда они появятся снова, целясь в огнемет.

Большинство врагов уже отступили за угол здания, то есть за линию огня.

Оружие, которое привез им Коди, не слишком подходило для прицельной стрельбы, но Рольф сделал так, как ему велели. Получился такой мощный взрыв, что ударная волна сотрясла все тело Рольфа, и ему пришлось прикрыть глаза рукой, защищаясь от ослепительной вспышки пламени. Рольф отбросил мысли о солнце и открыл глаза: на землю падали обгоревшие куски тел.

«Теперь они побоятся атаковать», — подумал Рольф.

Его народ может спокойно отдыхать, впрочем, навряд ли они будут спать под шум сражения. Питер и Ганнибал предполагали, что полиция не будет вмешиваться в сражение, армия сможет подойти лишь через несколько часов, а к этому времени все будет кончено. Уж они-то с Коди об этом позаботятся.

Для Рольфа не имело значения, что человека, стоявшего рядом с ним, презирал весь его клан. Сегодня Рольф увидел, чего стоит Коди. Уилл Коди был воином, а другого языка Рольф не знал.

Бойцы Малкеррина, стоявшие на площади Святого Марка, хорошо слышали стрельбу, доносившуюся из соседнего квартала. Они обнажили мечи и ринулись в атаку, убили несколько обыкновенных людей, и сейчас, истекая кровью, они лежали на мостовой. На площади было так много народу, что никто ничего не понял. Бойцы Ватикана, пятьдесят с лишним мужчин и женщин, не могли справиться с этой задачей, но, когда послышались выстрелы, ситуация изменилась. Люди замолчали, прислушались, а поняв, что стрельба не прекращается, обратились в бегство. За несколько минут площадь опустела, лишь горстка людей, в основном местных жителей, изумленно бродила по площади. Это дало людям Малкеррина возможность опознать врага.

Они стояли по периметру площади, одетые в маски и костюмы. Их было всего лишь десять. Один из них, одетый в черный длинный плащ и треуголку, но в белой маске, махнул рукой, и они начали медленно приближаться, смыкая круг. В черном были не все, некоторые выбрали более яркие костюмы: арлекины в уродливых обезьяньих масках, шляпах и длинных плащах. Они раскрасили лица во все цвета радуги. Особенно интересно был одет один из них: высокое существо в костюме с красной вуалью, свисавшей над белой маской, и черной шляпе-треуголке, украшенной множеством разноцветных перьев.

— Оставайтесь на местах! — приказал Малкеррин своим бойцам.

Казалось, солдаты Ватикана были готовы обратиться в бегство.

— Октавиан! — крикнул Малкеррин.

Руководивший движением Непокорный в черном плаще, а это был Питер, сделал шаг вперед и произнес:

— Ты не можешь победить, Лиам. Многие из нас разорвали путы, которые твоя церковь когда-то наложила на нас. Ты убил Папу и не можешь теперь вернуться в Рим. Повсюду говорят о том, что многие духовные лица одновременно покинули Ватикан.

— Октавиан, вы — дети самого дьявола. Мы уничтожим вас именем Господа нашего! Ты должен возвратить то, что украл у нас.

— Ты знаешь о дьяволе больше, чем мы, — ответил Питер. — Но так и быть! Если кто-то из вас хочет уйти, мы не будем мстить. Но Малкеррин умрет.

Наступило жуткое молчание. Бойцы Малкеррина переминались с ноги на ногу, словно решали, хватит ли у них мужества покинуть отряд. Наконец один из них сделал шаг в

сторону, но Малкеррин поднял руку и что-то пробормотал.

Огромная тень вылетела из-под камней площади, ее трудно было разглядеть в дневном свете. Туманный призрак метался в воздухе, словно воздушный змей в потоках ветра, и бросился вниз на застывшего в ужасе солдата.

Когда человек закричал, с неба повалил снег, а со стороны театра вновь донеслась стрельба. Раздался взрыв. Тень зачавкала, и этот звук был неприятен всем. Малкеррин вновь посмотрел на Октавиана.

— Пистолеты, Октавиан? Ты меня удивил.

Питер снял шляпу и маску, встряхнул длинными волосами и улыбнулся.

— Таков был замысел Наступила новая эра Многие изменилось.

Малкеррин показал пальцем на Питера и прокричал слово, которого никто не знал. Однако призрак понял его, он оторвался от своей жертвы и темным облаком устремился к Питеру. Казалось, Питер позволит призраку ударить его, черное облако приближалось, и, когда оно было совсем близко, Питер исчез, сам обратившись в туман.

Белая туча, еще недавно бывшая Питером Октавианом, прошла сквозь черное облако, смешалась с ним, вихри закружились в поединке призраков, Питер обратился в пламя. Черный туман стал черным дымом, а когда ноги Октавиана коснулись земли, тень, вызванная отцом Малкеррином, исчезла.

Малкеррин потерял дар речи, но мысли опережали его действия.

«Все отменяется!» — мысленно закричал он.

От его страха братья Монтези и сестра Мария могли испытать острую боль, но ему было все равно.

— Оставьте все и немедленно присоединяйтесь ко мне.

Его ментальный зов не слышали те, кто оставался возле театра, но Малкеррин решил, что их пока лучше не трогать. Он не мог предположить, насколько серьезной была опасность, не понимал, с чем именно они столкнулись. Он огляделся, надеясь отыскать способ покинуть площадь, но снег шел все сильнее, и ему было плохо видно. Порождения дьявола вытащили автоматические пистолеты из-под костюмов.

— Спрашиваю еще раз, — спокойно повторил Октавиан. — Кто из вас хочет мирно уйти?

— Ложись! — крикнул Малкеррин своим солдатам.

Началось настоящее светопреставление.

В тени музея Коррер, сквозь падавший снег, Трейси Сакко и Сандро Риччи снимали эту войну.

Карнавальные костюмы уже превратились в лохмотья, ходули были сломаны, сорваны маски, открывшие испуганные лица Жители Венеции разбежались по домам, а гости города каналов, в том числе и добровольцы, искали укрытия. Они заполнили отели, рестораны и бары. Однако многих разбирало любопытство, побеждавшее страх: неужели началась война? А если началась, то кто воюет? Люди толпились на перекрестках и на набережных, возбужденно обсуждали происходившее, слухи стремительно разносились по городу.

Нашелся смельчак, решивший поговорить с отрядом черных солдат, вооруженных мечами и огнеметами. Он спросил их, что происходит в городе, но через минуту с криками вернулся обратно — черные солдаты молча отогнали его.

«Кто они? — хотели знать люди Венеции. — И где армия, где полиция?»

Небольшие костры, горевшие по всей Венеции, превращались в пожары. Даже когда солдаты Ватикана устремились к своему командиру, огонь продолжал бушевать. Загорелся дом Ганнибала, и нападавшие на Алекс и Меган бежали. Впрочем, далеко не всем удалось унести ноги. Девушки постарались вовсю, и одиннадцать солдат Малкеррина навсегда остались в доме.

— Что теперь? — спросила Алекс.

Сама того не заметив, она стала полагаться на мнение Меган.

Александра не могла забыть серию причудливых превращений, через которую прошла Меган после воскрешения. Алекс многое была не в состоянии понять, но решила подождать с этим.

Малкеррин никак не мог прийти в себя после вынужденного изменения плана атаки. Он отдал приказ залечь и создал магическое поле, чтобы защитить свое войско. Пули уже косили его людей, только пятнадцать бойцов оказались достаточно близко и успели спрятаться за щитом. Остальные падали теперь один за другим, многие побежали, ища укрытия в аркадах и переулках, кто-то решил, что лучше атаковать врага. Малкеррин видел, как тут и там Непокорные преследовали его солдат. Поняв, что им не убежать, солдаты приняли бой, обнажили мечи и приготовили огнеметы.

Лоренца, одна из воинов Ватикана, сражалась особенно смело, словно ускользая от ударов своего противника, одетого в яркий костюм. Ей даже удалось несколько раз полоснуть Непокорного мечом. Магическое поле позволило Малкеррину немного прийти в себя, и он с удивлением понял, что враги не используют превращение, как Октавиан.

И вот один из Непокорных вспыхнул пламенем, однако пламя у него было не таким, как у Октавиана. Только через мгновение Малкеррин понял, что Непокорный охвачен пламенем уничтожения — так горели Непокорные в пламени солнечных лучей. Тысячелетние суеверия, внедренные в сознание Непокорных, делали свое дело. Значит, не все Непокорные были уверены в себе так же, как Октавиан. А следовательно, если Малкеррину удастся заставить их потерять концентрацию, солнце их уничтожит!

Малкеррин поднял руки и начал творить заклинание перехода.

Первой серебристое мерцание воздуха заметила Эллен Куотермейн. Сквозь непрекращавшийся снегопад она видела, как всего в нескольких футах от нее формировалось странное зеркало. Эллен наслаждалась сражением, правда, оно было скорее односторонним, погиб только один Непокорный. Ее это очень опечалило. Он отвлекся и не смог

сконцентрироваться на вере. Ей было очень жаль, а ведь она даже не знала его имени.

Солдаты Ватикана прятались внутри магического круга, сотворенного Малкеррином в последний момент. Эллен разглядывала их, когда ее внимание привлек вертикальный овал зеркала, выросший на высоте двух футов над землей. Его края были размытыми, но оно все росло и поднималось, она не могла оторвать от зеркала взгляд.

Все произошло очень быстро. Эллен огляделась, но никто не обращал на зеркало внимания. Непокорные все так же стреляли в Малкеррина из пистолетов, надеясь разорвать его защитное поле. Бежавших солдат больше не преследовали, с остальными расправились легко и быстро. Питер высказался вполне определенно. Многие из этих людей были обмануты, так что ненависть следовало обратить прежде всего на Малкеррина и его учеников. Только вот ученики пока не появились.

Эллен пришло в голову, что зеркало, наверное, очень тонкое и его просто не видно под другим углом. Эллен подошла к нему, протянула руку, стремясь прикоснуться к его поверхности.

— Дерьмо! — выругалась она, отдернув руку с обожженными пальцами.

По зеркалу пошли волны, словно на поверхности спокойного пруда, в который бросили камушек. Похоже, это был резервуар с какой-то горячей жидкостью. Эллен соображала быстро, без этого она не прожила бы такую долгую жизнь, вот и сейчас она догадалась, что зеркало создано Малкеррином. Не понимала она только, зачем оно ему. Глядя на свое отражение в зеркале-водоеме, она коснулась его поверхности дулом пистолета.

— Эллен! Отойди!

Услышав голос Питера, она обернулась. И почти сразу раздался рев приближавшегося зверя. Она вновь повернулась к зеркалу, его поверхность забурлила. Эллен закричала, кипящая вода выплеснулась наружу и обожгла ее, впрочем, боль была недолгой. Окажись она в такой ситуации несколько часов назад, она сразу же отступила бы, приняв форму, подходящую для сражения, может, стала бы туманом. Но это зеркало произвело на Эллен такое впечатление, что больше было ничего не нужно.

В руках Эллен держала пистолет, и от этого ей казалось, что она неуязвима. Отступив на шаг, она стреляла в зеркало-водоем, не обращая внимания на брызги обжигающей жидкости. Одно чудесное мгновение все смотрели на Эллен.

Из этого зеркала вышло на свет существо. Демон. Тень.

На его огромной голове росли какие-то рога, шишки и наросты, а плоть была покрыта кровоточащими ранами. Страх Эллен смешался с отвращением — эта кровь пахла совсем не так, как человеческая.

Она стреляла в чудовище, слыша, что за ее спиной другие Непокорные делали то же. Несколько пуль попали в Эллен, но она не обратила на них внимания, мысленно поблагодарив тех, кто пришел ей на помощь. Чудовище было около четырнадцати футов высотой, казалось, пули причиняют ему некоторое неудобство, но не слишком существенное. Оно медленно вышло из зеркала в их мир. Оно смотрело вокруг себя, ища глазами, кто же причиняет ему боль, увидело Эллей. Только что им казалось, что тень двигается медленно, но в эту секунду чудовище молниеносным движением когтями схватило Эллен. Его разверстая пасть была очень близко.

Эллен отбросила пистолет, поняв наконец, что он ей не поможет. Размышлять было некогда: стоит ей хоть чуть-чуть засомневаться, и солнце убьет ее. Она отдалась своим инстинктам. Чудовище держало ее в правой лапе, и Эллен ногой ударила его левую,

свободную лапу со всей силой, на какую только были способны бессмертные. Рука сломалась с отвратительным треском, и чудовище отвратительно завывало, как воют только тени преисподней. Однако Эллен оно не выпустило.

Подняв Эллен к своей огромной пасти, оно сомкнуло огромные челюсти на левой ноге девушки. Нога упала на землю. Отчаянию крича, Эллен пыталась оттолкнуть жуткую морду, ей даже удалось сломать несколько пальцев державшей ее лапы и вырваться, но упала она не на землю, а на плечо чудовища.

Теперь Эллен охватила ярость, пальцы левой руки у нее превратились в когти, и Эллен вонзила их в правый глаз чудовища. Рука по локоть погрузилась в горящую плоть, а через секунду Эллен вытащила обгоревшую руку, крича от боли и торжества, не замечая, как ее обугленная плоть падает на землю. Девушка хотела выколоть чудовищу и левый глаз, однако оно дернуло головой, и Эллен угодила рукой прямо ему в пасть. Ее кости снова затрещали.

Эллен упала на землю, и чудовище, склонившись, прокусило ей голову. Во все стороны брызнул мозг, чудовище уселось на задние лапы... и завывало от боли, повалилось на бок и через несколько мгновений растворилось в воздухе.

Стоя над чудовищем, Питер смотрел, как оно исчезает. В руках у него был серебряный меч — он отобрал его у одного из солдат Малкеррина. Этим-то клинком Питер и рассек твари брюхо. Эллен была мертва, но лишь одно мгновение скорби мог позволить себе Питер.

— Питер! — услышал он за спиной.

Это был голос Лазаря.

Повернувшись к зеркалу-порталу, он увидел подтверждение своим опасениям. В портале формировались новые существа, темные туманные призраки — любимые рабы Малкеррина. Еще немного, и огромные демоны тени выйдут наружу. Хуже того — рядом с Питером воздух уже мерцал: скоро возникнет второй портал.

Нет, Малкеррин не смог бы сделать это в одиночку.

На площади появились сотни мужчин и женщин в черном, держа в руках серебряные мечи, они смотрели куда-то вверх. Среди них Питер угадал учеников Малкеррина: поднимая руки, они творили заклинания.

— Проклятье, — пробормотал Питер. — Шенг!

В ту же минуту рядом появился невысокий азиат.

— Отправляйся в театр. Может быть, вам с Коди удастся привести сюда хоть кого-нибудь из этих трусов. Проклятье, ведь даже нет солнца — снег идет! И поскорее возвращайся вместе с Коди.

Воздух наполнился воем баньши. Указывая мечом на демона, Питер закричал:

— Послушайте! Возьмите их серебро, их мечи и кинжалы. От пистолетов больше не будет пользы, теперь вся надежда на вашу силу и на серебро.

Он все думал о Меган, надеялся, что ей не угрожает опасность.

Они были уже окружены. Нужно было убить самого крупного из демонов, и Питер встал рядом с Ганнибалом и Лазарем.

— Ты не сказал, что ученики Малкеррина так сильны, что они в состоянии открыть порталы! — прокричал Ганнибал.

— Я и сам не знал! — крикнул в ответ Питер.

Вой баньши становился все громче.

— План Б? — спросил Лазарь.

— Заткнись и сражайся!

Сандро Риччи метался между аркадами Каледэ-Ассенсион на западной стороне площади, так что когда появилось первое чудовище, камера давно уже была включена.

«Может, подойдем поближе?» — спросила Трейси.

Да, конечно!

— Я вам говорю, — кричал Томас Монтези, — мой следопыт, Пьер, уверен, что видел книгу в доме Ганнибала!

— Почему же ты ушел? — резко спросил Малкеррин.

Обоим немалых усилий стоило удерживать заклинания, и защищающие, и атакующие.

— Но вы приказали нам! — ответил Томас.

Малкеррин поморщился: магия отнимала много сил, но когда братья Монтези и сестра Мария со своими солдатами пришли ему на помощь, стало полегче. К сожалению, тени убивали всех подряд, его люди тоже гибли, хоть и старались держаться от чудовищ подальше. Хорошо, что Непокорные сами атаквали тени, отвлекая тем самым на себя их внимание. Из двенадцати вампиров осталось девять. Малкеррин опять взглянул на Томаса.

— Не беспокойся, — сказал он.

Впервые за несколько часов на его лице появилась улыбка.

— Мы контролируем ситуацию. Все это займет не много времени, мы вернем книгу, уверяю тебя.

Он еще раз окинул взглядом площадь, тут и там вокруг нее горели дома, повсюду на снегу лежали тела погибших людей — мучеников в глазах Господа, их пожирали демоны, выходящие из портала. Снегопад усиливался. Из окон Дворца дождей валил дым, может загореться и базилика.

«Древние здания могут не пережить сегодняшний день, — подумал Малкеррин. — Впрочем, это не важно, победа стоит жертв».

Над городом висел дым пожаров, это его солдаты поджигали дома. В пылу битвы все Непокорные потеряли шляпы и маски. Двое были мертвы, а один, одетый в костюм арлекина, улетел, превратившись в огромную летучую мышь. Оставшиеся были одеты или в черное, или в яркие костюмы арлекинов, и только один из них по-прежнему был в маске, в красном костюме с разноцветными перьями на шляпе.

Малкеррин внимательно следил за ним. Он знал Октавиана, знал Ганнибала, некоторые другие были ему знакомы по донесениям и записям Винсента Монтези. Фигура в красном казалась ему знакомой, но он не мог видеть лица, и это тревожило Малкеррина. Любопытство разбирало его все сильнее, Малкеррин приказал одному из призраков атаковать бессмертного в алых одеждах и сорвать с него маску. Это было несложно, вскоре маска исчезла, и Малкеррин увидел его лицо.

Да, Лиам Малкеррин знал его. Он видел его всего один раз, но облик бессмертного навсегда запечатлелся в памяти священника.

Малкеррин еще сохранял телепатическую связь с учениками.

«Братья Монтези, — подумал он, — Непокорный в алых одеждах — это тот, кого мы так долго искали. Это он убил вашего отца. Я выполнил данное вам обещание, и я уверен, что вы сдержите свою клятву. Однако будьте осторожны. Только один из вас может отвлечься. Мы не имеем права сосредоточить наши усилия только на нем».

Малкеррин не думал, что ему ответят, однако он ошибся.

«Как его имя?» — спросил Роберт Монтези.

Ментальный голос Роберта отчетливо прозвучал в голове Малкеррина.

Отец Малкеррин ничего не ответил. Он не знал имени.

Жасмин погибла. Все случилось так просто. Вой баньши на улице, под снегопадом, не причинял так много вреда, как в кембриджском книжном магазине, но стоило подойти к теням поближе, эти звуки сводили с ума. Жасмин сражалась с демоном, и ему вместе с баньши удалось загнать ее в угол. Перекрыв Жасмин путь к отступлению, баньши сводил ее с ума своим воем, а в это время огромный, покрытый зеленой чешуей зверь одним ударом разорвал ей живот и вгрызся во внутренности. Оторвав ей голову, он поднял в воздух свой трофей. Питер думал было напасть на него, но не решился, ведь баньши мог сделать то же самое и с ним.

Жасмин была не единственной жертвой: погибла Опал из клана Ганнибала. Существо, созданное Малкеррином, похожее на большого светлячка, почти невидимое при свете дня, убило ее. Если бы не снег, Опал его даже не заметила бы, но и это ее не спасло: было уже слишком поздно. «Светлячок» влетел ей в рот и взорвался, словно бомба. Уверенность Питера в победе стремительно угасала. Скорбь в его душе смешалась с ненавистью, он словно забыл все остальные чувства.

С начала битвы силы войск Малкеррина уменьшились почти на четверть, его солдаты гибли под натиском Непокорных и им же порожденных демонов. Малкеррин и ученики могли удерживать под контролем лишь часть чудовищ, демоны, освободившись от власти священников, покинули площадь и носились по Венеции, уничтожая всех подряд. И все же положение Непокорных было очень трудным. Питеру нужно было как-то уравнять силы.

Он закричал от боли и гнева, превращаясь в волка. Встав на задние лапы, он завыл, вызывая на бой адских чудовищ. Он знал, что порождения ада — всего лишь рабы Малкеррина, но ему нужно было спасти свой народ, а значит, он должен их уничтожить. Он наметил себе в противники монстра — пурпурно-черного кентавра с огромным каменным фаллосом. Прежде чем завязать с ним бой, он увидел, что меньший портал исчез. Колдуны отдыхали. Значит, это шанс для них.

Прыгнув кентавру на спину, Питер за несколько секунд расправился с ним, разорвав ему горло. Тот не успел даже пошевелиться, не то что нанес ответный удар. Питер снова вернулся в человеческий облик.

— Колдуны отдыхают. Переходите в атаку. Убейте их, и победа будет за нами.

Питер был рожден воином. Много лет назад он изменил свою жизнь, но сейчас, впервые после того, как воскрес в этом качестве, Питер чувствовал упоение битвы, испытанное им много лет назад у высоких стен Константинополя, где он сражался с турецкими ордами вместе с Карлом, Грегори и Андроником. Они знали тогда, что не смогут одержать победу, и ему пришлось оставить город. Но он отомстил за смерть друзей. Теперь шансы были немногим лучше, но он ощутил вдруг странную уверенность: он покинет поле боя лишь после того, как Малкеррин и его ученики будут мертвы, а пролитую ими кровь покроет свежий снег.

— У них подкрепление! — закричал один из солдат Ватикана, глядя в небо.

Бойцы Ватикана смотрели в небо, а Питер вновь превратился в волка и прыгнул на одного из учеников. Он знал, что видел в небе враг: это Шенг возвращался на поле битвы с бессмертными, набравшимися смелости выйти под свет солнца. Они спешили на помощь своим братьям. Благодаря им Питер выиграл драгоценные мгновения: он уже вскочил на спину врагу.

Исаак Монтези тоже смотрел на небо.

«Их только двое», — подумал он и возблагодарил Бога.

Две огромные летучие мыши летели на помощь своим товарищам. Монтези хотел крикнуть что-то воодушевляющее солдатам и в самый последний момент увидел огромного волка-оборотня. Еще до того, как волк сбил его с ног, Исаак успел выхватить серебряный кинжал. Оборотень вонзился зубами ему в левое предплечье, Монтези едва не потерял сознание от боли, но сумел вонзить кинжал в живот врага.

Питер взвыл и упал, волчьи лапы потянулись к клинку, серебро причиняло ему страшную боль. Исаак поднял над головой тяжелый меч, готовясь нанести смертельный удар.

Меч обрушился на бессмертного...

Питер увернулся, и клинок со звоном ударил о мостовую. Превратившись в туман, Питер обернулся вокруг Монтези, и тот завертелся на месте, отчаянно размахивая мечом. Из тумана возникли руки, одна схватила Монтези за горло, а другая удержала руку с мечом. Еще через мгновение возник Питер, крепко державший Исаака Монтези.

— Я только что понял кое-что, — громко сказал Питер.

Он уже сломал руку ученику Малкеррина и забрал у него меч.

— Мне в голову пришла поразительная мысль, и я знаю, что я не ошибаюсь. Вы придумали для нас имена — Непокорные, вампиры, — вы мешаете нас в одну кучу с этими теньями, но мы не имеем к ним никакого отношения. **ВЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕТЕ О НАШЕЙ ИСТИННОЙ СУЩНОСТИ!** — прокричал он в лицо Исааку.

Он умолк, ощутив, что Монтези пытается войти в его разум.

Лицо Питера застыло, но ярость вернулась через мгновение.

— Вы знаете о нас не больше, чем мы сами о себе знаем. И это пугает вас! — вскричал он.

Питер вонзил острые зубы в шею Исаака, впервые за сто лет он взял человеческую кровь. Это было великолепно.

Обернувшись, Питер увидел Шенга, прибывшего с подкреплением. Две первые летучие мыши были Коди и Чингиз, они уже вооружились серебряными клинками, за ними прилетел Шенг и остальные. Невероятно быстро, так могут двигаться только Непокорные, Питер оказался рядом с Коди.

— Убивать буйволов было гораздо легче! — закричал Коди, как только Питер оказался возле него. — Теперь я даже об этом жалею. Ублюдки не давали мне передохнуть.

— Почему ты оставил театр? — спросил Питер.

— Рольф справится и без меня.

— Как тебе удалось оттуда выбраться?

Коди улыбнулся, но не успел ответить: какой-то демон поцарапал ему лицо. На минуту Уилл Коди был очень занят, он с такой яростью обрушил меч на покрытого черной шерстью демона, что удивил даже Питера. Когда Коди покончил с врагом, он прикоснулся рукой к щеке: рана, нанесенная демоном, уже почти исцелилась.

— Мы вылезли через окно ванны! — наконец ответил Коди и рассмеялся. — Как у вас здесь дела, босс?

— Один ученик убит, осталось трое. Двое, что похожи на братьев, одноглазая ведьма и, конечно, не надо забывать о Малкеррине! Но прежде нужно покончить с баньши. Мы теряем из-за них наших товарищей.

Словно подчеркивая истинность слов Питера, вспыхнул один из Непокорных, недавно

прилетевший к ним, и вслед за ним ещё один — из клана Ганнибала. Их атаковали баньши, пять чудовищ и туманные тени. Вероятно, Малкеррин руководил ими сейчас, и потому они сражались сейчас вместе.

«Потому-то он и закрыл порталы, — сообразил Питер, — теперь он управляет этими тварями».

Это была теперь настоящая «свора», они устремились на Ганнибала, Чингиза и Шенга, сражавшихся с ватиканскими солдатами и демонами, защищавшими Томаса Монтези. Его тоже нужно было уничтожить. Враг получил заметное преимущество, когда Малкеррин сам стал управлять чудовищами.

Нужно было что-то делать, Питер и Коди решили взять ситуацию в свои руки. Они встали на пути у дьявольской своры.

— Знаешь, — сказал Питер, — такой артист, как ты, должен был позаботиться о билетах на роскошное зрелище!

— А я позаботился, — ответил Коди.

Он поднял меч правой рукой, в этот момент в левой у него вспыхнул огонь.

Питер не сразу сообразил, что Коди имеет в виду: ведь они все рассказали Трейси, и теперь она наверняка устроит шоу для всего мира, такое люди никогда не забудут'. Малкеррин и Гарбарино — впрочем, Питер был уверен, что последний уже мертв, — как-то договорились с полицией, и она не вмешивалась.

Но средства массовой информации? Их остановить невозможно.

Питер и Коди навсегда изменили положение вещей.

Они врубались в ряды приближавшихся демонов и тем самым дали возможность товарищам прикончить защитников Томаса Монтези. К ним присоединился Лазарь.

— Мы не можем сражаться с ними бесконечно! — сказал он Питеру.

— Если мы сумеем уничтожить колдунов, нам и не придется, — ответил Питер. — Нам только нужно как-то ослабить их натиск, повернуть ход сражения в свою пользу.

«ПИТЕР!»

Он хотел нанести решающий удар баньши, и тут голос возник у него в голове. От неожиданности Питер отвлекся, и огромная тень врезалась в него, отбросив его на стену. Раздался пронзительный вопль. Питер открыл глаза и с радостью увидел, что Коди уничтожил баньши. Уилл полоснул его огнем, вырывавшимся у него из левой руки, баньши пришлось обрести плоть, чтобы бороться с огнем, меч Коди описал сверкающую дугу и нанес по баньши страшный удар. Из разверстой раны вырвался ветер.

Такой же сильный ветер гулял по книжному магазину в их первую встречу с Малкеррином, наверное, именно такая метель началась именно из-за баньши. Порыв ветра, вырвавшийся от умиравшего баньши, был совсем другим, это был оглушительный шум, словно вопли боли гибнущего существа. Сделав несколько стремительных кругов над полем боя, баньши рухнул в канал и исчез.

«С одним покончено, — подумал Питер. — Теперь мы знаем, как от них избавляться, даже если убить их невозможно».

Но чей же голос отвлек его?

«МОЙ ГЛУПЫШ!»

«Меган?»

«А кто же еще?»

«Ты проснулась?»

«И не только».

Он услышал иронию в ее словах, но не понял ее.

«Мы скоро будем с тобой, Алекс и я».

«Нет, — ответил ей Питер, — ты не готова».

«Я готова, уж поверь мне».

«А как насчет книги?» — спросил Питер, чувствуя, как его охватывает паника.

Он опасался, что Малкеррин вновь сумеет овладеть книгой, но главное — он боялся, что не сможет сражаться, если Меган будет рядом с ним. Она стала теперь Непокорной, но все еще была очень слабой, ей необходима пища. И это солнце...

«Не будь идиотом», — уловил Питер ее мысль.

Он уже понял, что между ними установилась глубокая телепатическая связь.

«Ты создал меня, — продолжала Меган. — И у меня нет ограничений, которые сковывают других. Ты нуждаешься во мне!»

«Ладно, может быть, ты права, но где все-таки проклятая книга?»

«Отправь Шенга ее охранять, ты можешь доверять ему».

Он задумался. На него вновь напали, однако Питер уже принял решение.

«Подожди, Шенг скоро будет у вас!»

Когда Коди покинул театр, Рольфу, пришлось в одиночку охранять вход. Врагов стало заметно меньше — они прикончили больше трех десятков солдат Ватикана, — и он сражался с истинным наслаждением. Рольф чувствовал, что ему оказали доверие, значит, народ уважает его. Церковь хотела уничтожить их, сейчас большая часть Непокорных находилась в затемненном театре, они надеялись, что Рольф сумеет защитить их. Он не подведет.

Рольф легко отбивал все прямые атаки, и солдаты Ватикана решили поменять тактику, иначе все они скоро погибнут. Отвлечь Рольфа не получилось: немота научила его концентрироваться.

К Рольфу близко подошел солдат с огнеметом (Рольф думал, что это один из последних бойцов Ватикана). Вероятно, он надеялся напасть на бессмертного, но у него ничего не вышло, Рольф без усилий прикончил его. На миг он был занят этим, и, воспользовавшись его состоянием, на него одновременно набросились с двух сторон. Противники были вооружены огнеметами и серебряными кинжалами. Рольф понял, что не успеет пристрелить обоих.

Рольф Зеке соображал гораздо быстрее, чем думали многие его собратья по клану. Он умел сохранять хладнокровие перед лицом опасности еще в те времена, когда был человеком.

Он отступил в вестибюль театра, заставив врагов последовать за собой, а значит, оказаться прямо перед ним. Он успел присесть, пламя опалило его волосы, но Рольф уже нажал курок. Оба солдата рухнули на пол. Вероятно, огнеметы были повреждены, поскольку один за другим раздались два взрыва, и Рольфа отбросило к задним дверям.

Он мгновенно вскочил на ноги и вернулся на свой пост. Вокруг летели куски горевшей одежды и части человеческих тел. На некоторое время он обеспечил себе спокойную жизнь, они поостерегутся нападать на него, Рольф посмотрел на низкие тучи. Снегопад продолжался. До наступления сумерек осталось совсем немного. Скоро враг будет вынужден пойти на отчаянный риск.

От созерцания неба Рольфа отвлек рев атакующего демона. На лице у чудовища были видны следы человеческой крови — крови бойцов Ватикана.

Да, эти люди готовы на все.

— Нет, Роберт! — закричал Малкеррин. — Теперь, когда Исаак мертв, мы не можем отвлекаться.

— Я не просил отвлекаться вас, Лиам. Вы можете некоторое время обойтись без меня.

— Не подходи к нему! Пользуйся магией!

— Нет, — ответил Роберт, бросая на землю один и вытаскивая из ножен другой, изысканно украшенный, меч. — Этот меч должен пролить кровь порождения дьявола, убившего моего отца. Так и будет!

С этими словами он устремился к Дворцу дождей. Там сражался Лазарь, его противником был огромный демон, чудовище величиной в двадцать футов, казалось, его тело покрывали многочисленные вагины. Древний Непокорный нанес очередной удар, и меч застрял в одной из тысяч вагин. Лазарь не стал его вытаскивать, наоборот, он воткнул клинок еще дальше — туда, где должно было находиться сердце адской твари.

Роберт видел это, и в его голове прозвучал голос — его собственные мысли: «Как, во имя Господа, он узнал, куда наносить удар?»

Очевидно, в этом Непокорном было нечто, о чем не подозревал даже Малкеррин, но и это не остановило Роберта. Пусть все они погибнут, младшего Монтези интересовал только один враг — убийца его отца.

Он поплатится за свое преступление. Роберт отомстит. Монтези высоко, поднял меч. Лазарь повернулся, чтобы встретить его.

Малкеррин начал особенно беспокоиться после гибели Исаака Монтези, когда Непокорные получили подкрепление, однако поддавшись пылкому настроению Роберта, он осмотрелся вокруг и решил, что напрасно переживает. Подкрепление Непокорных оказалось еще более неуверенным: видно было, что они боятся солнца Да и суеверия делали свое дело, хотя небо закрывали тяжелые тучи, а сильный снегопад превращал день в сумерки. Впрочем, солдаты Ватикана тоже несли тяжелые потери (их осталось чуть больше пятидесяти) как от Непокорных, так и от демонов, а сам он и его ученики чувствовали усталость — трудно было вызывать демонов и манипулировать ими. Однако они все же имели преимущество, а значит, подкрепление, пришедшее к Октавиану, не могло изменить ожидаемого исхода.

На площади Святого Марка осталось лишь пятеро Непокорных: Октавиан, Ганнибал Коди Октябрь, Чингиз и убийца Винсента Монтези, его имени Малкеррин не знал. Еще один, коренастый азиат, который однажды уже отправлялся за помощью, вновь покинул поле битвы.

«Может быть, он приведет подкрепление? — подумал Малкеррин. — А может быть, отправился на подмогу своим собратям в театре».

Следопыты донесли, что в театре было более трехсот Непокорных. Да, еще какие-то две женщины охраняют книгу в доме Ганнибала... но даже ночью двое Непокорных ничего не смогут противопоставить магии, даже если Малкеррин заметно ослабеет, а уж если рядом с ним будут ученики!

У театра тоже было не все гладко, и Малкеррин послал послушниц сестры Марии, чтобы они вызвали демонов и уничтожили Непокорного, охранявшего вход, кажется, он там был один. Уж содним-то они справятся. Они просто должны его прикончить. Менее чем

через час спустятся сумерки, Малкеррин был уверен, что к этому моменту дело будет сделано. Они покончат скоро и с этой пятеркой на площади, затем захватят театр, а после этого останется лишь забрать книгу. Лиам Малкеррин был уверен в победе, а значит, можно было и отдохнуть немного. Он смотрел, как несколько дюжин теней окружили четверых Непокорных, а Роберт с мечом в руках атаковал убийцу Винсента Монтези. Теперь у сестры Марии Магдалины и Томаса Монтези все получится очень легко: если Непокорные расправятся с теньями, Малкеррин всегда может вызвать еще.

«Пожалуй, — подумал он, — стоит направиться в театр, чтобы одержать победу до наступления темноты. Если не уничтожить Непокорных до темноты, то победы нам не видать».

Питер сражался в обличье человека, нанося удары мечом. Он не мог превратиться в другое существо, не желая потерять лучшее оружие — серебряный клинок. Он заметил, что Малкеррин встал, будто принял какое-то решение. Спокойствие врага вызывало у Питера ярость. Непокорным нужно было продержаться до темноты, но Питер начинал сомневаться, что у них хватит сил. Они уже не раз пытались убить и колдуна, и его учеников, но у них на пути все время вставали тени, их было слишком много. Над головами у бессмертных метались гуманные призраки, они не осмеливались приблизиться, боясь серебряного оружия, но мешали сосредоточиться на битве. Питер увидел, как Малкеррин поманил призраков к себе.

«Он уходит!»

— Чингиз! — крикнул Питер, стараясь перекрыть вой чудовищ.

«Как хорошо, что Коди прикончил баньши!»

— Чингиз! Не дай ему уйти!

Непокорные с ног до головы были покрыты запекшейся кровью демонов, и Чингиз не был исключением, но даже в пылу битвы он сразу все понял. Непонятно было, куда собирался колдун — к театру или к дому Ганнибала, но его нужно было остановить в любом случае.

Ганнибал, Коди и Питер стали сражаться с удвоенной силой, тем самым дав Чингизу возможность выйти из схватки. Они едва не поплатились за это: огромная тень сзади схватила Ганнибала за голову, но Коди успел отрубить чудовищу руку.

Сражение продолжалось.

Все они хорошо понимали, что им не продержаться бы так долго, не расскажи им Лазарь, где у демонов слабое место.

«Интересно, — подумал Питер, — откуда он об этом узнал?»

— Меня зовут Роберт Монтези, — сказал молодой ученик. — Я убью тебя, отомщу за смерть моего отца».

Лазарь застыл на месте, равнодушно глядя на противника.

— Мальчик, — сказал он. — Твой отец был фанатиком, он был полон зла, более черного, чем чудовищные порождения его безумного разума. Докажи, что ты умнее, чем он. Уйди.

Он понимал, что мог бы найти более убедительные слова, мог бы доказать юноше, что он ошибается. Мог бы. Но не стал. Лицо Роберта Монтези покраснело, глаза налились яростью. Лазарь покачал головой.

— Что ж, попробуй меня убить, — сказал он. — Я не стану останавливать тебя.

А он мог бы это сделать. Ярость Монтези сделала его неосторожным, он атаковал. Он

не произнес перед этим ни одного заклинания, если не считать слабой магии ядовитого металла своего меча. Он был абсолютно открыт для контратаки. Даже если бы Лазарь был просто человеком, фехтовальщиком средних способностей, он мог бы остановить Монтези, очень опасного противника при других обстоятельствах, но не сейчас. Монтези потерял контроль над собой.

«Яблочко от яблони...» — подумал Лазарь.

Роберт пронзил Лазаря мечом, выбранным им специально для этого поединка. Лазарь вскрикнул, наклонился вперед, принимая отравленное серебро клинка, а Роберт оказался совсем рядом с ним, стараясь вонзить меч по рукоять в живот ненавистного врага. Лазарь обнял Роберта двумя руками, и они застыли, словно, любовники. Держа ладонями голову Роберта, Лазарь притянул ее к себе и прошептал:

— Ну, теперь ты счастлив, мальчик? Какой триумф для тебя.

— За моего отца, дьявол! — крикнул Роберт.

Он хотел вытащить клинок, расширить рану, и лицо его покраснело от усилий. Он попытался отодвинуться, посмотреть, что у него вышло, и отрубить врагу голову, но понял, что не в силах это сделать. Еще мгновение назад ему казалось, что враг слабеет, что в его руках нет силы. Теперь все было не так. Лазарь крепко держал голову Роберта, притягивая его к себе, все ближе и ближе. Монтези отчаянно сопротивлялся, он даже забыл о мече, начал произносить заклинание, призывающее тени на помощь. Но времени не осталось.

— Как и ты, — прошептал Лазарь, — твой отец знал меньше, чем ничего.

Роберт ощутил ледяные губы на своей шее, зубы вонзились в его плоть.

Малкеррин собирался уже покинуть площадь, призраки подняли его в воздух, чтобы отнести к театру. Это было совсем близко, всего несколько кварталов. В последний момент священник заметил бежавшего к нему Чингиза. Малкеррин не слишком встревожился. Непокорный не посмеет изменить форму, он не станет превращаться в летучую мышь, чтобы догнать его.

Но священник ошибся. Чингиз был воином. Да, он боялся дневного света, видел, как погибали его собратья, но он сумел преодолеть свой страх. Бросив меч, чтобы серебро не проникло в его новую форму, он превратился в огромного крылатого хищника, в черную смерть. Чингизу всегда особенно нравилось принимать форму летучей мыши.

Малкеррин был удивлен, но лишь на секунду. Его быстро опустили на землю, и туманные призраки атаковали Чингиза. Бессмертный еще не закончил превращение, но серебряного меча у него уже не было, так что он стал легкой добычей для теней. Через мгновение его уже разорвали на части. Малкеррин услышал крик на другой стороне площади: Октавиан и его союзники были поражены.

«Не стоит удивляться, — подумал Малкеррин. — Очень скоро очередь дойдет и до вас».

Снова собираясь взлететь, Малкеррин повернулся к своим рабам — туманным призракам. Но вспомнил о Роберте. Он оглянулся. Лазарь оторвал окровавленный рот от шеи Роберта, обезглавленный труп его лучшего ученика упал на землю. Малкеррин был ошеломлен. Роберт был его главной надеждой после смерти Винсента. Никто из других учеников не обладал энергией, мужеством и преданностью Роберта Монтези. Малкеррин отдал бы всех, чтобы вернуть Роберта.

Это невозможно! Роберт пронзил дьявольское создание серебряным мечом. На глазах у Малкеррина бессмертный вытащил клинок из живота и высоко поднял его над головой, словно бросая вызов своим врагам. Даже у тех Непокорных, что были свободны от суеверий,

навязанных им церковью, не было полного иммунитета против серебра! А этот знал даже, как победить демонов.

Значит, Малкеррин не мог покинуть площадь. Это было слишком опасно. Он убьет безымянного врага, а потом отправится помогать своим солдатам, сражавшимся у театра.

Малкеррин видел, что Томас, старший брат Монтези, последний оставшийся в живых, бежит к бессмертному, убившему его брата.

«Томас, — позвал священник, — не делай этого. Я убью его сам. А ты и Магдалина продолжайте борьбу с остальными, держите их под контролем. Мы еще можем одержать победу!»

Раздался пронзительный крик сестры Марии Магдалины:

— СМОТРИТЕ!

Даже демоны обратили взгляды к небу.

Малкеррин улыбнулся. Сквозь снегопад были видны лишь две тени. Всего лишь две! Если это все, на что способны Непокорные, то они могут надеяться на победу.

Однако вскоре улыбка исчезла с его лица: Лиам понял, чего так испугалась сестра Мария. Рядом с вампирами приземлилась вовсе не летучая мышь, а огромный сокол, такого большого Малкеррин в жизни не видел.

— Боже мой! — прошептала Трейси. — Сандро, они ведь не сделают этого, как ты думаешь?

Происходило что-то невероятное. Мир мог узнать о существовании таких удивительных существ, узнать о таких ужасных событиях, но может так случиться, что они тут же будут уничтожены. Трейси хотелось помочь им, но она понимала, что ее убьют сразу же. Она могла только надеяться, что с Коди и Питером ничего не случится.

Они с Сандро устроились в тени аркады. Снегопад и потемневшее небо затрудняли съемку. Они видели, как вопреки всем законам природы чудовищные, жуткие существа, будто возникшие из ночных кошмаров, убивали воинов. Мир изменится, когда их репортаж покажет один из телеканалов Рима.

Время от времени, когда снегопад немного слабел, им удавалось увидеть превращения Непокорных, у Трейси от этого дух захватывало.

— Трейси, — быстро проговорил Сандро, — как насчет репортажа?

Она встала перед камерой, и Сандро подправил объектив, чтобы снимать не только сражение, но и Трейси.

— Сражение продолжается, — начала она. — Очень трудно понять, что руководит воюющими сторонами, невозможно решить, кто прав и кто виноват. Они обагрили руки в крови, но кажется, что правы не те, кто должен бы стоять на стороне добра. Однако, чем бы ни закончилось сражение, ясно одно: в результате этих невероятных событий мы будем намного ближе к знанию истины.

— Ладно, — сказала Трейси, перестав быть репортером, — пора менять место.

— Дерьмо, — пробормотал Сандро.

Он взял камеру, и они двинулись.

Он шел вперед, прячась под стенами Музея археологии, с камерой наготове. Трейси не отставала. Камера оттягивала Сандро плечо, но он не замечал этого. Они нырнули в какую-то дверь, чтобы их не заметили, Они были довольно далеко от сражения, но рано или поздно их все равно увидят, если они не будут осторожны.

— Может, не пойдем дальше? — сказала Трейси.

Сандро не остановился, и ей ничего не оставалось, как следовать за ним. Его отношение к происходившему изменилось.

Трейси говорила о репортаже, это они уже сделали. Его карьера обеспечена, но теперь, если он выживет, он будет героем.

Если свернуть направо за зданием музея, окажешься на набережной канала. Отсюда рукой подать до Дворца дождей. Только что там убили одного из учеников Малкеррина, а значит, пунь свободен. Они подойдут к базилике Святого Марка, а это — идеальная точка для съемки. Какая ирония судьбы!

Сандро хотел пройти именно туда, надеясь, что там они будут в относительной безопасности.

Они с Трейси бежали через площадь, и тут Сандро понял, что рисковал зря: один из демонов, сражавшийся с Коди, оторвался от летучий мыши. Он смотрел в их сторону.

— Трейси! — рявкнул Сандро, — убирайся отсюда и побыстрее!

Она не стала спорить. Сандро остановился и на мгновение почувствовал облегчение — существо не обратило внимания на Трейси. Потом Сандро стало страшно. Чудовище приближалось, и бежать ему было некуда. Демон уже открыл пасть, казалось, он ухмыляется: жертве не уйти.

«Мне конец, — подумал Сайдро. — Может быть, Трейси удастся спастись. Она отправит отснятые пленки в Рим, если камеру не разобьют на кусочки. Она сумеет спасти последние кадры...»

Он поднял камеру, словно оружие, снимая мчавшееся на него чудовище. Свое спасение Сандро увидел через глазок камеры. В кадре возник Коди, вскочил на спину демону и, прежде чем чудовище успело что-либо понять, мечом пронзил его череп. Демон рухнул на землю, а Коди ловко спрыгнул с него и оказался возле Сандро. Никогда в жизни Сандро не испытывал такого облегчения.

Коди небрежно стряхнул пыль и улыбнулся в камеру.

— Какой удачный кадр получился, — громко сказал он. — Знаешь, когда-то я и сам снимал фильмы.

Он вновь ослепительно улыбнулся, повернулся к камере в профиль и побежал обратно к своим братьям, сражавшимся с нечистью.

— Благодарю, — едва слышно пробормотал Сандро.

Сказав это, он со всех ног помчался к Трейси, прятавшейся в тени фронтона Дворца дождей. Она обняла его, и оба они опустили на колени, не в силах сдвинуться с места. Впрочем, камера по-прежнему работала.

«Теперь я никуда отсюда не уйду», — решил Сандро.

Лазарь присоединился к братьям, сражавшимся с чудовищами. Они, разинув рты от удивления, глядели на странную парочку — летучую мышь и сокола. Он лишь улыбнулся. Питер и Ганнибал время от времени в пылу сражения кидали на них непонимающие взгляды, а вновь прибывшие меж тем изменяли форму. Летучая мышь превратилась быстро, увидев черную кожу, Питер понял, что это Александра Нуэва. Сокол в человека превратился практически мгновенно, и Питер зажмурился на секунду, узнав свою подругу.

— Меган?

— Питер! — закричала девушка.

Ее ответ прозвучал скорее как предупреждение, чем как приветствие.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы успеть отбить удар маленькой, но злобной тени с

ядовитыми шипами вместо рук и ног.

Через минуту тварь потеряла несколько шипов, а Меган уже сражалась рядом с Питером.

— Как ты это сделала? — спросил он.

— Что? — уточнила она, поднимая с земли меч.

— Ты была коршуном!

— Точнее, соколом.

— Но как?

— Ладно, Питер. Мужчина, которого я люблю, соображает намного быстрее! Я ведь говорила, что знаю больше, чем вы, — во всяком случае, мне так казалось. Я не ошиблась.

Она на минуту замолчала, подпрыгнула высоко в воздух, увернувшись от нападавшей тени-паука, приземлилась на спину врагу и вонзила клинок меж его многочисленных глаз. Тень растворилась в воздухе.

— Грязная работа, — бросила она.

— Значит, ты знаешь нечто большее? — уточнил Питер.

Кажется, он начинал понимать.

— Да! — радостно ответила Меган. — Ты не так глуп, как кажется.

Ганнибал слышал часть их разговора, не понимая, о чем он.

— Что это вы разговариваете, черт подери? — крикнул он. — Не отвлекайтесь, нужно прикончить этих тварей.

Алекс прикрывала Меган со спины.

— Меган говорит, — вмешалась Нуэва, — что Питер многое понял, но не сделал следующий логический шаг. Если мы настолько контролируем ситуацию, как нам доказал Питер...

— Клянусь кровью!

Ганнибал понял, что из этого следует. С этими словами он повернулся, чтобы защититься от очередного отвратительного монстра.

— Мы можем быть кем угодно, — сказал Питер.

И Меган улыбнулась ему.

Коди спас оператора и вернулся обратно. Он остановился в нескольких ярдах от сражения, не веря своим глазам. Меган еще раз изменила форму.

Она превратилась в тигра.

Малкеррин с ужасом наблюдал за ней...

Сандро торопливо поворачивал камеру, стараясь не упустить стремительно перемещавшееся черно-желтое пятно...

Сотни миллионов людей впоследствии будут отрицать реальность того, что показала камера...

Питер только предложил Меган «убить колдунов», а она уже мчалась к Томасу Монтези и сестре Марии Магдалине, с невероятной быстротой и ловкостью уворачиваясь от демонов. Питер рассмеялся: так легко она пробивалась сквозь ряд вооруженных серебряными мечами солдат. Она разделалась с Томасом Монтези прежде, чем тот успел поднять меч.

Огромные блестящие челюсти сомкнулись на черепе Томаса, с хрустом ломая кость. Наблюдавший за Меган Питер был в восторге. Лазарь толчком в бок напомнил ему об опасности. Питер с благодарностью кивнул старейшему и превратился в туман, уронив оружие, чтобы избежать атаки зловещих теней.

Лазарь даже не пошевелился. Оставаясь на прежнем месте, он принял новую форму. Теперь это был гигантский черный медведь, величиной с нескольких демонов. Огромными лапами медведь хватал демонов одного за другим, острыми когтями раздирая их на части и доставая сердца — через мгновение они превращались в куски разлагавшейся плоти.

Лазарь снова обрел человеческий облик, и Питер с сомнением посмотрел на него. Ему хотелось знать, кто же он, этот старейший.

— Ты быстро учишься, — произнес Питер.

— Думаю, да.

Лазарь наклонился к Питеру и прошептал:

— Я закончил здесь все дела, друг мой, — сказал он. — Мы еще встретимся.

— Подожди! — закричал Питер.

Снегопад все усиливался, и Питер слышал вопли баньши. Малкеррин отправил в бой последние резервы.

— Ты один из них, верно? — спросил Питер. — Один из четверых спасшихся? Церковь так и не нашла вас?

Лазарь тепло посмотрел на него.

— Ты близок к истине, Питер. Дай мне знать, когда все поймешь.

— Скажи... — начал Питер.

Лазарь превращался в летучую мышь. Теперь Питер понимал, что старейший мог выбрать любую форму.

— Что? Что я должен понять?

Но Лазаря уже не было.

Все пошло не так, события развивались слишком быстро. Малкеррину казалось, что он взорвется от растущей в нем нервной энергии, но никак не мог принять решения.

Что делать?

Братья Монтези мертвы, эта женщина превратилась в тигра... Никто из Непокорных никогда не мог сделать это. Еще несколько дней назад она была человеком! А сейчас тигр приближался к сестре Марии. Этого он допустить не мог. Октавиан, Коди, Ганнибал и черная женщина с легкостью убивали демонов, многие его чудовища покинули поле битвы. Малкеррин был близок к отчаянию.

— *Un sptha pythfer, dothiende!* — несколько раз выкрикнул он.

Посреди площади снова открылось зеркало, оттуда вылетали новые демоны. Как только он покинет площадь, портал исчезнет, и он не сможет контролировать демонов, им же и вызванных. Но выбора у него не осталось.

Малкеррин повернулся к полю боя: тигр уже терзал сестру Марию. Одно его слово, и ее жизнь была спасена. Повинуясь Малкеррину, могучие существа мрака поднялись из-под земли, подхватили тигра и унесли его вверх, на высоту в сто футов. Там они его отпустили.

Меган успела вновь поменять форму, но туманные призраки уже подняли Малкеррина и сестру Марию и понесли их на запад, к дому Ганнибала, к «Евангелию теней». Малкеррин не сумел уничтожить Непокорных, но если он овладеет книгой, то выиграет время. Тогда он вернется, чтобы завершить свою миссию.

Только оказавшись в воздухе, Малкеррин понял, что уже стужались сумерки. Бессмертные, спавшие сейчас в театре, быстро расправятся с его демонами, когда наступит ночь. С высоты он видел, как горят пожары по всему городу, как демоны рыщут по улицам, убивая людей без всякой пощады. Он беззвучно вознес молитву о душах невинных, которым

сегодня встретятся тени. Он позаботится, чтобы эта жертва была не напрасной. И да поможет ему Бог.

— Проклятье, что происходит? — спросил Сандро у Трейси.

— Откуда мне знать? — ответила она.

— Нам нужно следовать за ними?

— Нет. У нас достаточно материала. Бое практически кончено, мы знаем, кто победил... на улицах сейчас будет еще опаснее.

— Темнеет!

Это был уже третий демон, нападавший на Рольфа. Он был самым крупным, но Рольф все равно надеялся справиться с ним. До захода солнца оставалось совсем немного, тогда его семья присоединится к сражению.

И тут он потерял равновесие и упал.

Демон оторвал Рольфу руку и уже наклонился над ним, чтобы закончить дело. Вот только Рольф не сдался. В сгущавшихся сумерках он ударил демона здоровой рукой и превратился в волка. Он потерял руку, но когда его безмолвная пасть рванулась к горлу демона, он краем глаза увидел, что произошло чудо.

Его рука также изменила форму.

Его народ лишь начал осознавать себя. И он решил воспользоваться представившимся ему шансом.

Рольф разорвал горло демона, кипящая мерзость — кровь чудовища — обожгла ему горло. Язык Рольфа растворился, и, хотя толку от него все равно не было, боль была чудовищной. Солдаты Ватикана уже двигались вперед, и обжигающее пламя огнеметов поглотило и Рольфа, и демона.

— Победа! — закричал ученик, создавший демонов.

Он так был горд собой.

— Быстрее. Внутрь, пока они еще не проснулись.

— Нет! — закричал другой. — Уже слишком поздно, мы должны бежать.

— Трус! — воскликнул третий, обнажая меч.

Никто из них не заметил, как изменилось пламя.

Казалось, его подхватил невидимый ветер, и странный огонь коснулся оторванной мохнатой лапы, лежавшей перед входом в театр. Она вспыхнула, превращаясь в пепел, а потом исчезла.

Солдаты двинулись к дверям театра, но им пришлось отскочить назад. Перед ними вспыхнул огонь, поднявшийся в воздух на несколько футов.

В рост человека.

И они увидели, как пламя постепенно твердеет.

Немой Рольф полностью доверился словам Октавиана. День еще не закончился, но ведь он выжил, остался целым и невредимым.

Он погрозил солдатам, подняв указательный палец, запрещая входить в театр.

Солдаты в ужасе бросились бежать, и тут двери распахнулись, и его братья и сестры выскакивали наружу, разгневанные и голодные, ищущие мести за гибель своих друзей. Когда-то на родине пришел конец Рейху, но Рольф опоздал, не смог спасти своих правнуков и немногих друзей среди обычных людей. Тогда он был бессилен.

Больше это никогда не повторится.

И, когда тьма легла на город, точно безмолвный снег, Рольф повел свою семью в ночь.

А в нескольких милях от Венеции Трейси Сакко и Сандро Риччи мчались по шоссе к Риму.

Ему нужно было только вернуть «Евангелие теней». Отец Лиам Малкеррин потерпел поражение. И принял его. Почти сто лет он поддерживал свою молодость при помощи магии, чтобы выполнить миссию, которую ему поручил сам Господь. Поражение было жестоким, но он сможет все начать сначала, если в руках у него будет книга. Их колдовской орден непосредственно связывал церковь с временами Христа. Быть может, он сумеет убедить нового Папу в важности своей миссии.

Или нет. Так или иначе, он вновь начнет вербовать приверженцев, собирать новые силы истинных христиан. При помощи книги он обучит их, как обучал других, и вместе с ними продолжит путь к цели. Он мог отодвинуть старость при помощи магии, но все же он был человеком, а значит, смерть неизбежна. Он поклялся себе, что выполнит свою божественную миссию.

И смерть, и Непокорные, и все остальное подвластно его магии.

Смерть пришла и за сестрой Марией. Туманные призраки несли их по воздуху к дому Ганнибала и книге, и он решил осмотреть последнюю оставшуюся в живых ученицу. Сестра Мария была тяжело ранена, тигр-Неpokорный жестоко ее потрепал. Ее здоровый глаз был вырван вместе с частью лица, теперь Мария ослепла полностью. Едва ли она могла принести какую-то пользу, но Малкеррину хотелось, чтобы она была рядом с ним. Дело не в ее преданности. Лиам не желал признавать, что потерпел поражение. Если она выживет, значит, все не так уж плохо.

Они летели над Венецией, а чуть ниже за ними следовала пара демонов, уничтожавших все на своем пути, они чуяли туманных призраков. Малкеррин их не заметил.

Отец Малкеррин понимал, что враг будет его преследовать. Они наверняка сообразят, куда он отправился. Однако он намного опередил их, да и навряд ли книгу охраняет кто-то стоящий. Вероятно, все или почил все собрались на площади Святого Марка. Нет, ему хватит времени, чтобы расправиться со стражами и заполучить книгу.

Хватит думать о поражении! Он сделает все, что возможно, чтобы их уничтожить, даже если для этого придется применить заклинания, которые он еще не пробовал и которые, возможно, не сможет контролировать. Он одержит победу, даже если будет вынужден снести врата ада и выпустить на свободу Люцифера!

Солнце село, а через минуту орда Непокорных, спавшая внутри Венецианского театра, уже объявилась на площади Святого Марка. Многие, в том числе и Рольф, были разочарованы тем, что они там увидели. Они прилетели как раз вовремя, чтобы закончить недоделанную работу. Оставшиеся демоны окончательно вышли из-под контроля, но бессмертные легко уничтожали их. Ко всеобщему облегчению, Коди расправился с последним баньши.

Прошло две минуты после бегства Малкеррина.

— Ганнибал, — позвал Питер, — ты сможешь здесь все закончить, а потом разобраться со сбежавшими тенями? Мы пойдем за колдуном.

Питер подозвал Коди, Меган и Алекс, и они собрались улететь. Ганнибал остановил их.

— Зачем? — спросил он.

Питер сердито покачал головой.

— Зачем? Послушай, я понимаю, тебе наплевать на людей, но времена меняются, и тебе

лучше меняться вместе с ними, брат.

— Проклятье! О чем ты говоришь, безумец? Люди никогда ничего не значили для нас.

— Ты ошибаешься, — прервал его Коди.

Он-то прекрасно понимал, к чему ведет Питер.

— Разве ты не видел камеры? — спросил Питер.

Он указал в сторону базилики, откуда Трейси Сакко и Сандро Риччи вели съемку.

Ганнибал покачал головой.

— Все, что произошло сегодня, все было снято, теперь эти кадры увидит вся планета, — с улыбкой проговорил Питер. — Мир уже никогда не будет прежним.

— Ты это сделал! — воскликнула Меган.

Глядя на Питера с удивленной счастливой улыбкой, она обняла его.

— Мы это сделали, — вмешался Коди.

— Я хочу спросить тебя, — вмешалась Александра, ткнув пальцем в грудь Ганнибала, — хочешь ли ты, чтобы тебя преследовали, чтобы за тобой охотились, как за существом ночи, бесчеловечным дьяволом? В мире, где живут люди! Или ты предпочитаешь, чтобы люди смотрели на тебя, как на несчастную жертву зла, сумевшую его победить?

— Мы можем, стать их героями, — добавила Меган.

Ганнибал ошеломленно посмотрел на нее, широко раскрыв глаза от удивления, перевел взгляд на базилику, в тени которой совсем недавно стояли люди, готовые открыть миру тысячелетние тайны. Ганнибал хотел было сказать что-то, несколько раз набирал в грудь воздуха, на его лице сомнения сменялись гневом, но в конце концов он прикрыл глаза и отошел на несколько шагов. Через минуту он повернулся к ним и проговорил:

— Вам нужно поскорее поймать этого проклятого священника!

— Нас уже здесь нет.

Все четверо летели изо всех сил. Они понимали, что не имеют права опоздать. Меган вновь приняла форму сокола и легко их обгоняла. Шенг не мог победить Малкеррина при обычных обстоятельствах. Оставалось надеяться, что священник ослабел и это немного уравнивает их силы.

«Дерьмо, — подумал Питер, входя в ментальный контакт с Меган, — нам не следовало оставлять его одного. Нужно было отправить еще кого-нибудь в помощь».

«Если в этом кто-то и виновен, то только я, — ответила она. — Я настояла на том, чтобы мы обе прилетели на площадь. В любом случае, кто бы мог подумать, что Малкеррин перемещается так быстро».

Все они были связаны между собой ментально. Коди, Алекс и Питер были детьми Карла фон Рейнмана, а Меган была связана, с Питером. Клан отказался от Питера и Коди, и их разумы были закрыты друг для друга. Как только хотя бы один из них поймет, насколько все просто, они легко восстановят контакт.

Шанс сделать это представился очень быстро.

Наконец они увидели дом Ганнибала. Оказалось, что фасад здания обрушился. В эту минуту разумы всех четверых пронзил отчаянный крик.

Это был Шенг.

Они приземлились почти одновременно, тут же превратившись в людей. Зрелище, представшее их глазам, заставило всех четверых застыть на месте.

Среди развалин стоял отец Лиам Малкеррин, подняв вверх правую руку. В левой руке он сжимал книгу зла, и это вызвало у них ужас. Он что-то говорил, но никто из них не мог

разобрать слов.

Над священником высился зеркальный портал, такой огромный, что сразу стало ясно, отчего разрушился дом. Портал, шириной с дом Ганнибала, находился на высоте семидесяти футов. Они не могли увидеть его структуру, все загораживало огромное зеркало. Жидкая поверхность портала бурлила.

Но самым ужасным было то, что они увидели среди развалин рядом с Малкеррином. Отчаянный ментальный крик Шенга ошеломил всех. Меган пожалела, что поняла, кто звал на помощь. Шенг был любовником Александры, и ярость затмила ей разум.

Три тени, демоны среднего размера, то ли последовали за Малкеррином от площади, то ли были созданы им уже здесь, они держали Шенга, и он был совершенно беспомощен перед слепой сестрой Марией. Она поднимала над головой серебряный меч, а потом обрушивала его вниз, по запаху смерти определяя направление удара. Она опускала меч снова и снова, словно могла видеть то, что делала. Непокорные не могли отвести глаз от чудовищной сцены, от этих окровавленных кусков плоти, еще недавно бывших Ши-эр Жи-Шенгом.

Меч опускался снова и снова, а Малкеррин, не останавливаясь, произносил какие-то слова, жидкость в портале бурлила все сильнее.

— Вы трое, — приказал Питер, — займитесь этой безумной монашкой и демонами! Я пойду за книгой.

— У меня совсем нет желания узнать, что выйдет из этой дыры, — добавил Коди.

Меган, Алекс и Коди двинулись к Шенгу и его мучителям.

Меган снова приняла форму тигра, ей она так понравилась. Александра превратилась в медведя, правда не слишком совершенного. Потребуется практика, но она избавлялась от пут, державших в повиновении ее разум. Коди сохранил человеческий облик, он предпочитал его любому другому.

Меган налетела на одного из демонов, Александра отбросила сестру Марию с такой силой, что когти прошли сквозь плоть монахини. Странно было, что она осталась жива после схватки на площади, но теперь-то ей наверняка придет конец. Коди на бегу поднял выпавший из ее рук меч и нанес удар по второму демону, Александра оказалась перед третьим.

Вопль заставил Коди оглянуться, и он увидел кровавую рану на мохнатом боку Александры, однако она так же яростно боролась с врагом, и он решил, что с ней все в порядке. Чьи-то когти, словно огромные грабли, поцарапали Коди лицо, сорвав половину кожи, и он упал на колени от боли и шока.

Питер отправился к Малкеррину. Казалось, священник не обращал на него внимания. Когда до врага оставалось менее пяти футов, а до портала — десять, Питер бегом бросился к книге.

И с криком пролетел сквозь фигуру колдуна, задев левой рукой обжигающую жидкость портала Питер вытащил руку, от запястья до локтя она была объята пламенем. Боль и гнев переполняли Питера. Он оглянулся. В нескольких футах от него стоял Малкеррин с книгой в руках. Колдун закрыл ее, повернулся к Питеру, словно только теперь его заметил. Портал бурлил все сильнее.

— Ты видел мое отражение. Неплохое заклинание, правда? — осведомился священник.

— Ты чудовище! Что еще ты вызываешь сюда?

— Чудовище? Дьявольские творения безумны, это несомненно, — закричал Малкеррин. Его едва было слышно сквозь вой поднявшегося ветра.

Только в этот момент Питер заметил, что снегопад прекратился.

— Не важно, кого я звал. Важно, кто ответил. Сам Вельзевул, первый из теней, созданный Люцифером Павшим. И ты, Непокорный, будешь его первой трапезой на земле.

Малкеррин засунул «Евангелие теней» под мышку, словно мальчик, возвращающийся домой из школы.

— Однажды, при помощи магии этой книги, последователи “Христа сумели воздействовать на ад. Не чистилище, где можно найти демонов, но сам ад, где в руках Люцифера и первого ордена Тени вечно страдают проклятые души. Я повторю их деяния. Только я вызову его сюда!

Страх охватил Питера. Но, посмотрев на бурлившую горячую жидкость портала, он почувствовал, как страх превращается в яростный всеобъемлющий гнев.

— Ты совершенно потерял разум! — закричал он.

Он оскалил зубы, его пальцы стали превращаться в когти, а голос напоминал рычание.

— Ты мог забрать книгу и сбежать! Вместо этого ты вызываешь в наш мир то, что сам не в силах контролировать!

Питер прыгнул на врага, но Малкеррин поднял руку и громко произнес три слова:

— *Ladithe, Rothiel, urthot.*

Питер на минуту застыл в воздухе и камнем упал вниз.

— Я ухожу, Октавиан, — сказал Малкеррин. — Но прежде я должен увидеть, как свершится Божья справедливость.

На лице у Малкеррина блуждала безумная улыбка, а в глазах сияло благоговение и безрассудство.

Нет, Питер мог двигаться, но это происходило так мучительно медленно, что практически он оставался на месте. Малкеррин не хотел убивать его своим заклинанием, оно должно было лишь помешать ему действовать, прежде чем из портала выберется чудовище. Посмотрев на Малкеррина, Питер понял, что уже слишком поздно.

Нечто, похожее на руку, медленно высунулось из портала, словно гибнущее существо пыталось выбраться из зыбучих песков. Нет, оно не тонуло. Оно выходило в наш мир!

Отвратительная жизнь пульсировала в его огромных шишковатых темно-красных пальцах, искривленных, точно древнее дерево. Блестящие когти были острыми, как бритвы. Питеру совсем не хотелось видеть все остальное. Рука рассекла портал, и Питер с трудом повернул голову, чтобы увидеть, куда она устремилась. Он уже догадался. Пальцы схватили Коди и подняли его над, землей.

— Питер, ты в порядке? — закричала Меган.

Заклинание слабело, однако оно лишило Питера стал Последнюю тень прикончила, раненая Александра, а туманные призраки просто разлетелись. Коди отчаянно закричал. Питеру просто необходимо было найти способ остановить Малкеррина, помешать Вельзевулу перейти в наш мир и спасти Коди.

— Помогите ему! — крикнул Питер.

В ту же минуту Меган изменила форму, вместе с Алекс они поднялись в воздух и устремились к чудовищу. Они разжимали гигантские пальцы, чтобы освободить Коди.

— Уберите от меня эту задницу! — закричал Коди.

С искаженным от боли лицом он и сам пытался освободиться.

«Превратись в туман!» — прозвучал в его голове голос Алекс.

— Я не могу! — в панике завопил Коди. — Мне вообще не удастся изменить форму!

Туманные призраки собирались вокруг Малкеррина — он собирался улетать. Высоко над ними сквозь портал показалось гигантское лицо демона, и только теперь Питер понял, что это действительно Вельзевул.

Питер Октавиан видел множество демонов прежде, они были уродливыми, отвратительными, мерзкими, но никогда они не вызывали у него страха. Это существо испугало Питера. Оно посмотрело на него сверху вниз, на пурпурном лице высились холмы и зияли расселины, два рога украшали голову, а в сверкающих глазах отражался далекий свет. Их взгляды встретились, и Питеру показалось, что на него снова действует заклинание — он не мог сдвинуться с места от ужаса.

Больше всего Питера напугал разум, светившийся в глазах гигантского демона. Глаза, нос и рот у него были, у многих существ их могло и не быть, но вот чего не было у обычных демонов и было у этого чудовища — это разум и даже характер. Остальные тени были всего-навсего злобными монстрами.

Чудовище улыбнулось Питеру.

Лицо чудовища казалось воплощением вселенского зла, но в его улыбке Питер не увидел ненависти, она была даже мудрой. Чудовище как будто кивнуло Питеру, подмигнуло ему.

Казалось, чудовище разговаривало с ним.

«Да, действительно, — как будто услышал Питер, — я — существо этого мира. Все здесь истинно и все ложно. Хочешь ли ты знать то, что известно мне?»

Питеру казалось, он слышит эти слова в своей голове.

Возможно, так и было.

— Я призвал его, и он пришел! — закричал Малкеррин.

Туманные призраки уже несли его над землей.

— ОН ПРИШЕЛ! КАКАЯ СИЛА!

Наконец Питер смог пошевелиться. Вот уже вторая рука выбралась из портала. Жидкость отчаянно бурлила, будто не желая выпускать чудовище — ад цеплялся за своего демона. Из-за портала показалась вся голова. Ниже, между землей и головой существа, Питер увидел нечто похожее на рог.

«Должно быть, это его фаллос», — подумал Питер.

Питер услышал, как Меган кричит Алекс, чтобы она превратилась в пламя. Сейчас его друзья погибнут.

Он бросился к останкам Шенга и поднял серебряный меч, оброненный Коди. Питера Октавиана всегда занимало, как вампирам во время превращений удается втягивать в новую форму различные предметы, в том числе и одежду, а потом делать обратное превращение, и все получалось безупречно — пуговицы на рубашке застегнуты, пистолет заряжен. Он никогда не думал, что может произойти, если он во время превращения поглотит серебро. Глупый вопрос. Ведь серебро — это яд. Серебро — это боль.

Сжимая меч в руке, Питер начал превращение, и серебряный меч впитался в его тело. Он стал иным, крылатым существом с когтями и клыками, выкованным в мучительной боли. Возможно, он превратился в грифона или в кого-то, существующего только в его сознании, но сейчас его разум воплотил форму, которая нужна будет ему для схватки.

Через минуту боль и ярость остались далеко позади. Он взлетел в небо, вслед за убежавшим колдуном, легко догнал его и вонзился серебряными когтями в туманных призраков. Они с пронзительными криками бросились врассыпную, а Малкеррин и

«Евангелие теней» упали с высоты в сорок футов на каменную мостовую.

Огромная рука потянулась к Питеру, пальцы сомкнулись вокруг него, и на лгиг надежда оставила Октавиана. Но он не сдался. Он рвал ладонь гиганта руками и зубами, острыми, точно бритва, серебряными когтями. Собственная боль наполняла его сознание чудовищным шумом, казалось, каждый нерв его тела горит жарким огнем. Серебро — это яд для созданий, не принадлежавших земле, пришедших с других уровней бытия. Но прежде Питер был человеком, быть может, именно поэтому он смог победить яд.

Они так мало знали о себе.

Демон взревел от боли, и Питер оказался на свободе. Он посмотрел на склоненную над ним голову, улыбка исчезла, на смену пришла жуткая удовлетворенная усмешка, уверенность в неизбежности победы.

«Питер! — прозвучал в его сознании голос Меган. — Ты как?»

«Уходите! — приказал он, не отвечая на ее вопрос. — Без вас мы все бы погибли, но сейчас уходите, иначе вам конец».

«Коди!» — напомнила Александра — «О Коди я позабочусь сам».

Как только Алекс и Меган отступили, Питер вернулся к демону, едва увернувшись от огромного когтя. Кровь лилась у Коди изо рта. Питер метнулся к нему. Он успел заметить, что плечи у Коди в крови, может быть, демон сломал ему позвоночник. Питер ударил серебряными когтями, но пальцы не разжимались. Коди был в ловушке.

«Коди, ты должен изменить форму!»

Ответа не последовало. Каким-то образом демон не давал Коди измениться. Питер никак не мог понять, без сознания Коди или его уже нет среди живых.

Питер вновь бросился на чудовище, нанося удары когтями по руке демона. Пальцы сжались еще сильнее, сдавливая тело Коди. Демон взвыл, его вторая рука устремилась вниз, чтобы отбросить Питера., но поэтому пальцы, сжимавшие Коди, слегка расслабились.

«Ну, давай, Уилл, сейчас самое время».

И Коди превратился в огонь — рука демона запылала. Коди соскользнул вниз, но Питер больше ничего не мог для него сделать. Уже в человеческом облике Коди опустился на камни рядом с Малкеррином.

Из портала показалась уже и левая нога демона, 14 Питер понял, что рог, который он принял за пенис чудовища, на самом деле был, каменным отростком на его левом колене. Теперь они видели большую часть его груди и плеч. Однако от пояса вниз, если не считать левой ноги, демон оставался невидимым.

Впрочем, ждать оставалось недолго.

Питер приземлился рядом с Алекс и Меган. Они оттащили Коди подальше от портала. Коди не шевелился, но Питер видел, что он быстро исцеляется. Питер снова превратился в человека. Серебряный меч со звоном упал на землю, а Питер прижал руки к животу.

Меган бросилась к нему, помогла подняться на ноги.

— Через минуту со мной все будет в порядке, — пробормотал Питер.

— А у нас есть эта минута? — спросила Александра.

Она пыталась привести Коди в сознание.

Все повернулись к демону, его огромная фигура уже возвышалась над ними.

Дом Ганнибала превратился в развалины. Ка-Редзониго, примыкавший к нему, лишился одной из стен, внутри полыхал пожар. К дому Ганнибала стекались Непокорные, но Питер сомневался, что они сумеют сделать больше, чем он.

— Как нам его остановить? — спросил Питер, ни к кому конкретно не обращаясь.

— А где книга? — спросила Меган.

Она повернулась к Питеру так, чтобы он мог сфокусировать на ней взгляд, на лице у него застыло озадаченное выражение.

— Там наверняка сказано, как это сделать!

— Она была у Малкеррина, когда он упал, — ответил Питер, поглядывая на демона.

— Что это такое, Питер? — спросила у него Алекс. — Что за существо? Все эти существа? Демоны или что-то иное? И почему серебро действует на них так же, как на нас? Неужели мы демоны, Питер? Неужели мы вышли из ада, как эта тварь?

— НЕТ! — вскричал Питер.

Он не хотел быть порождением ада.

Собравшись с силами, он ответил на ее вопрос.

— Мы не имеем ничего общего с этими чудовищами, — заверил он ее, видя, как глубоко взволнована Алекс. — В нас есть нечто человеческое, каким бы трудным ни был к нему путь.

— ХА!

Оглушительный голос прозвучал с высоты, они подняли головы. Демон наклонился, перенес вес тела на левую ногу, его ступня покоилась уже на развалинах дома Ганнибала. Только спина и правая нога демона еще оставались внутри портала. На лице чудовища читалось напряжение — силы ада не хотели отпускать его. Однако ему удалось утвердиться в другом измерении, и ему было уже легче двигаться. Он по-прежнему смотрел на Питера.

Демон заговорил с ними. Всего одно предложение прозвучало после его оглушительного хохота, но когда слова его прозвучали, Ка-Редзонико обратился в прах, и земля задрожала, когда из глубин его глотки вырвалось пламя невиданного цвета.

— ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПОНЯТИЯ, КТО ВЫ ТАКИЕ!

Так он сказал. И Питер, и остальные испытали боль, ведь демон сказал правду.

Питер будто пробудился от приятного сна, в котором он спас Коди жизнь, где он ждал Вельзевула, или как там его звали на самом деле, ждал, когда он придет в их мир. Сейчас он проснулся. Питер не был уверен, что сумеет помешать демону, но он знал, что не позволит врагу войти в его мир без боя.

Через минуту Питер оказался рядом с Малкеррином. Он с трудом верил своим глазам — колдун все еще был жив. Он лежал рядом с телом погибшей сестры Марии Магдалины, ярость Алекс оказалась для нее фатальной. На мгновение Питер увидел свое отражение в мерцающем зеркале портала.

«Может быть, во мне и есть нечто человеческое!» — подумал он.

Книга лежала в двух шагах от него. Питер схватил ее, опустился на колени рядом с Малкеррином и отвесил ему пощечину, чтобы привести в сознание.

— Священник! — позвал он.

Никакой реакции.

— Малкеррин! Лиам Малкеррин! Как мне отправить его обратно? Как закрыть портал?

Колдун не отвечал, и Питер вновь ударил его, левая нога Вельзевула была уже в нескольких ярдах от них. Будь его правая нога вне портала, он мог бы растоптать Питера.

— Будь ты проклят! — закричал. Питер в лицо распростертого Малкеррина, ударив книгой о землю. — Ты хотел власти? Вот она. Ты призвал ее, и она пришла к тебе. Но есть ли у тебя сила, способная отправить демона обратно? Ты призвал ее...

«Я призвал ее, и она пришла ко мне».

Так ответил ему Малкеррин.

— Меган, — крикнул Питер.

В ту же минуту она оказалась рядом с ним.

— Возьми.

Он протянул ей книгу.

— Что? Что ты собираешься делать?

Не ответив ей, Питер поднял тело Малкеррина на плечо. Священник, наверное, умирал: тело его старело на глазах. Он выглядел сейчас лет на восемьдесят, и Питер понял, что только магия делала его молодым. Странно, но существа, которых он так ненавидел и презирал, обладали бессмертием, а Малкеррину нужно было его могущество, чтобы украсть у времени хоть несколько десятков лет.

Питер повернулся к демону, и Меган схватила его за руку.

— Что ты собираешься делать? — снова спросила она.

Он посмотрел ей в глаза..

— Наш мир — это мир порядка. Если верить легендам, ад — мир хаоса У нас есть правила И их немало. Если бы у нас их не было, заклинания, магия, при помощи которых церковь так долго держала демонов под контролем, были бы лишь словами. Серебро — совсем другое дело. То, что объединяет наш мир в целое, дает нам правила — естественные или противоестественные... Не важно. И все подчиняется этим правилам.

Он оглянулся. Вокруг был его, народ, несколько сотен существ, которых легенда нарекла вампирами, но они были чем-то большим. Они ждали, а ветер приносил из портала миазмы самородной серы. Дверь в ад была приоткрыта. Кто мог быть уверен, что она закроется, когда чудовище Вельзевул войдет в этот мир?

— Малкеррин вызвал демона, и тот пришел к нему. К нему! Ты понимаешь?

Он произнес эти слова так, будто они имели огромное значение, были частью заклинания.

— Может быть, если его не станет, у демона не будет здесь якоря! — ответил Питер.

— ПРОКЛЯТЬЕ! С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ? — выкрикнула Меган.

Питер увидел боль на ее лице, почувствовал, как она страдает. Потерять то, что они обрели так, недавно для существ бессмертных... нет, это было бы ужасно.

— Я не знаю, — едва слышно ответил Питер.

— Ладно, просто убей его.

— Боюсь, этого будет недостаточно.

— Господи, Питер! — вскричала Меган.

Он почувствовал реакцию всех остальных, их удивление, с какой легкостью она произнесла имя Всемогущего. Ведь они столетиями считали это имя смертельно опасным для себя.

— Ты хочешь пойти туда?..

Он опустил Малкеррина на землю и обнял Меган, книга оказалась зажатой между ними. Они поцеловались, но не так, как прежде, — в их поцелуе не было желания, которое их соединяло. Это было печальное чистое прикосновение, и, когда Питер отодвинулся от Меган, он увидел, что она плачет кровавыми слезами.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— И я тебя люблю.

Питер видел, что Александра помогла Коди подняться на ноги, и ему стало легче — с Уиллом все будет в порядке. Теперь им втроем предстоит разбираться с новым порядком вещей. Очень скоро они войдут в совершенно иной мир.

— Возвращайся ко мне, — попросила Меган.

Питер кивнул, понимая, что это невозможно. Он даже не был уверен, что пройдет сквозь портал в дыру, которую Малкеррин пробил в их мире. Но в глубине души Питер чувствовал, что так и будет. Что-то звало его, подталкивало и торопило.

Он повернулся к portalу. За пределами их мира оставалась лишь правая нога демона и огромный хвост, которого они раньше не видели. На лице демона застыло напряжение, было видно, что он стремится вырваться в новый мир. Что тогда? От этой мысли Питеру стало не по себе.

Он наклонился, чтобы поднять Малкеррина..

Но священник исчез.

— НЕТ!

— У тебя над головой! — закричала Меган.

Питер посмотрел вверх: израненное тело Малкеррина вновь уносили туманные призраки.

— Береги книгу, — бросил он и превратился в грифона.

«Очень скоро она может тебе понадобиться. А сейчас постарайтесь как можно быстрее убраться отсюда. Пусть все покинут это место. Используй книгу! Узнай нашу истинную сущность!»

Меган побежала к Алекс и Коди. Рольф, Ганнибал и все остальные тоже были здесь. Меган крепко прижимала книгу к себе. Она смотрела в небеса, ужасные небеса, откуда к ним приближался ад и где человек, который навсегда изменил ее жизнь, подарив ей цель, сражался, чтобы спасти отвергнувшую его семью.

Он снова превратился в грифона, только сейчас у него не было серебряных когтей. В полете он атаковал туманных призраков, ухватив одним когтем руку Малкеррина. Оставив своего хозяина, призраки набросились на грифона Меган видела, как тело Питера стало распухать, казалось, еще немного, и он взорвется, но прежде он превратился в пламя. Повалил черный дым — возможно, в него обратились призраки. Огонь разгорелся ярче, и призраки исчезли.

Питер их уничтожил, но потерял контроль над ситуацией. Малкеррин падал вниз, и если догадка Питера была верной, его смерть могла сделать задачу невыполнимой. Меган приготовилась подхватить Малкеррина, но увидела, что Питер ее опережает.

Наполовину грифон, наполовину огонь, Питер кричал от боли, но мчался вслед за Малкеррином. И в самый последний момент он успел поймать священника. Они вместе упали на землю. Меган хотела подбежать к ним, но Алекс схватила ее и прижала к себе.

— Не смей! — воскликнула она. — Посмотри туда!

Демон уже вытащил правую ногу из портала и поставил ее на землю. Питер и Малкеррин оказались между его ступней. Лишь хвост демона удерживал его, Вельзевул решил немного передохнуть. Он посмотрел на собравшихся вокруг него бессмертных, и Меган показалось, что на его лице появилось смущение.

Наверное, он не понимает, почему мы не убегаем, подумала она.

Демон посмотрел вниз.

— ПИТЕР, СКОРЕЕ! — закричала Меган.

Демон поднял высвободившуюся ногу, чтобы раздавить их обоих, Чтобы спастись, Питеру нужно было изменить форму, но он не мог этого сделать вместе с Малкеррином.

У него оставался только один шанс. Именно этот шаг он и собирался сделать. Выбора у него больше не было.

«ВПЕРЕД!» — мысленно закричала она.

Питер принял свой прежний облик — так выглядел Никифор Драгазес, когда пал Константинополь, а он стал бессмертным. Питер забросил Малкеррина на плечо и прыгнул в зеркальную поверхность портала.

Сквозь портал сначала прошли ноги Малкеррина, страшная боль привела священника в сознание, и он закричал. Тут нога демона опустилась. Питера и Малкеррина больше не было видно.

Земля содрогнулась от могучего удара, заглушив вопли священника, но Меган знала, что и Питер, и Малкеррин уже скрылись в портале.

Медленно, так же как Вельзевул выходил из портала, его затаскивало обратно. Он цеплялся когтями, разрушая дома вокруг, но ад неумолимо тянул к себе свое порождение.

«Я БЫ МОГ НАУЧИТЬ ВАС! — вопил демон. — ВЫ МОГЛИ БЫ ПРАВИТЬ МИРС ЕСЛИ БЫ узнали свою истинную СУЩНОСТЬ!»

Силы постепенно оставляли его, и юн лишь отчаянно цеплялся когтями за землю.

Питер поступил, руководствуясь зовом сердца, и нашел правильный ответ. Бессмертные молча смотрели, как руки демона скрываются в портале. Как только они исчезли, портал начал растворяться. Вскоре никто бы даже не догадался, что еще недавно здесь проходила граница миров.

Меган повернулась к бессмертным, по их лицам текла кровь, они тоже плакали.

— Что теперь? — спросила Алекс.

Меган улыбнулась, она вдруг почувствовала себя смелой, к ней вернулась надежда.

— Мне кажется, Коди знает, что делать, — сказала она и выжидательно посмотрела на него.

Он уже полностью исцелился, но по-прежнему опирался на плечо Алекс. Поняв, что имела в виду Меган, он рассмеялся.

— А теперь, — ответил он Алекс, — нам предстоит общаться с прессой.

— Репортеры? — удивленно спросила она.

— Дорогая, — продолжил свою мысль Коди, — это храбрый новый мир²³. И старый шоумен, как я, не может отвернуться от огней рампы. К тому же Трейси и Сандро уже на полпути к Риму. У нас нет выбора.

Меган смотрела на дом Ганнибала Многие из бессмертных бродили среди руин, словно потерянные в «храбром новом мире» Коди.

— Уилл, — сказала она, не оборачиваясь.

Ее голос заставил Коди замолчать.

— Еще одно. Они должны знать, что когда-то мы были людьми. И частица человеческого в нас осталась. То, как поступил Питер, подтверждает это.

Она повернулась к ним, и в ее печальных глазах была сила.

— Никогда не позволяйте говорить, что у нас нет души.

— Меган, дорогая, просыпайся. Ты опоздаешь на самолет.

Наконец она очнулась от глубокого сна, который был ей так необходим. Она зевнула, потянулась, перевернулась на спину и посмотрела на свою любовницу. Обе были обнажены, и в спальне до сих пор пахло ароматами любви. Меган сонно потянулась к Алекс, обняла ее и увлекла за собой в постель, они прижались друг к другу, их губы соединились в жадном поцелуе.

Солнце вливалось в широкие окна спальни их старинного дома. Они еще немного повалялись в постели, наслаждаясь друг другом, они так редко могли позволить вести себя глупо.

— Отправляйся в душ, — сказала Александра. — Иначе ты опоздаешь.

— Пойдем со мной, — предложила Меган.

— Замечательная мысль. Тогда ты точно опоздаешь.

Меган состроила кислую гримасу, сжала напоследок грудь любовницы и направилась в душ.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — спросила она.

— Как я могла забыть? — отозвалась Алекс. — Подожди, ты увидишь, какие будут заголовки в «Глоуб».

— Что происходит?

— «Слушания о членстве в ООН», «Земля для вампиров», «Первая годовщина священной войны в Венеции оставляет мною вопросов», — процитировала Алекс, держа «Бостон глоуб», которую только что бросили к их дверям.

— Дерьмо, — проворчала Меган. — Пусть скажут нам что-нибудь новенькое. Когда они собираются заняться Ватиканом?

— Если бы я знала, милая.

Зазвонил телефон, и Алекс взяла трубку.

— Уилл? Где ты?

— Где я могу быть, дорогая? В этом проклятом месте. Нас оказалось гораздо больше, чем мы думали, все лезут и лезут на свет божий.

— Ты должен быть здесь.

— Я встречу Меган завтра в Нью-Йорке, — пообещал Коди. — Мне казалось, я вот-вот найду Лазаря, но ничего не вышло.

— Ты уж нас не подведи, полковник Коди. Меган нужна твоя помощь, потом я подкину тебе кое-какую информацию.

— Значит, ты не смотрела новости? — спросил Коди.

— О чем ты говоришь?

— Включи Си-эн-эн.

Алекс включила телевизор и нашла канал Си-эн-эн. На экране была Эллисон Виджету более известная под именем Трейси Сакко. За последний год она стала серьезной силой в мире телевидения. Среди журналистов она считалась главным специалистом по Непокорным.

Алекс включила звук.

— ...объявлено, что президент заверил: он использует все необходимые средства для

поддержки резолюций ООН относительно Венецианской священной войны. Заявление было сделано на фоне постоянного вмешательства церкви в расследование, которое вела ООН, о возможно участии Ватикана в Венецианской священной войне и «попытке геноцида» так называемых Непокорных. Пресс-секретарь дал понять, что Белый дом отказывается исключить возможность использования военной силы.

— Да! — крикнула Алекс, бросая телефонную трубку.

Она зашла в ванну, собираясь поторопить Меган, чтобы та могла послушать новости.

Вернувшись в спальню, Алекс вновь прислушалась к словам Эллисон.

— ...печально отметить, что один из тех, кто был косвенно связан с наступлением «нового порядка», инициатор расследования ООН в Ватикане, мертв. Бывший кардинал Анри Жискара умер прошлой ночью, по-видимому, от естественных причин. Между тем тысячи людей мечтают подвергнуться так называемой трансформации, многие предлагают стать донорами. Нам известно, что Жискару многократно предлагалась трансформация, но он всякий раз отказывался. Многим будет не хватать мудрого и мужественного человека — Анри Жискара.

Алекс молчала, по-прежнему держа в руках телефонную трубку. Она печально покачала головой, услышав далекий голос Коди.

— Алекс, — позвал он.

— Проклятье, — прошептала она и вновь поднесла трубку к уху, — нам никто об этом не сообщил. Не могу поверить! Репортеры узнали это раньше нас. Грязная игра.

От естественных причин.

— Послушай, — начала Алекс, — тебе не кажется...

— У тебя тоже возникли сомнения? — сказал Коди.

Теперь его голос стал серьезным.

— Встретимся завтра, — вздохнула Алекс.

— Ты прилетишь?

— Теперь у меня нет выбора.

Алекс повесила трубку, размышляя, чем это может им грозить. Неужели им мало других проблем? Расследование ООН, Ватикан, постоянные схватки с хищниками, как человеческой, так и нечеловеческой природы, вполне понятные страхи и предубеждения. Неужели этого недостаточно?

«Узнайте, кто мы такие!»

Они дали клятву, что последнее желание Питера будет исполнено. Они все его любили и почитали. Алекс и Меган были его любовницами. И вопрос, который он задал перед смертью, все еще оставался главным для них, а также для правительств, ученых и самых обычных людей всего мира.

В самом деле, кто они такие?

Алекс, Коди и Меган посвятили себя поискам ответа. Первый шаг в этом — отыскать Лазаря, если они смогут найти его, а в жизни постоянно возникало множество других дел.

Одной из главных было изучение «Евангелия теней». При помощи этой книги они надеялись узнать как можно больше о магии. Должен существовать способ контроля над тенями, только Пентагон мог надеяться, что американские военные располагают достаточной мощью для борьбы с ними. Алекс понимала, что Пентагон все еще занимается этим вопросом только потому, что никто не хочет взять его решение на себя — не хватает мужества. Действительно, кто мог сделать это лучше?.

Столько вопросов. Столько обязательств. А теперь смерть еще одного друга и новые вопросы.

Меган вышла из душа, энергично вытирая все еще влажные волосы. Александра взглянула на обнаженное тело подруги, она была так красива — капельки воды застыли у нее на груди и на животе. Алекс любила Меган сильнее, чем кого-либо из своих прежних любовников. Это было так странно, ведь она потеряла столько друзей. Они обладали силой, но вместе с ней на их плечи ложилась огромная ответственность. Это начали понимать даже Ганнибал и его последователи. Александра не смогла бы сказать точно, найдется ли у них когда-нибудь время друг для друга.

Впрочем, впереди у них была целая вечность.

Сидя в кресле-качалке, доктор Джордж Маркопулос курил трубку. Он никогда не считал это привычкой — так, способ расслабиться. Об этом знали немногие. Конечно, знала его жена Валери, некоторые члены семьи. А вот в больнице это было тайной для всех. В последнее время курить в общественных местах становилось все труднее. Если вы врач, то курение и вовсе исключалось, в противном случае вас считали совсем никчемным.

Он потихоньку раскачивался, медленно-медленно, именно так, как следовало качаться на этом кресле. Когда-то кресло принадлежало его дяде Джорджу, в честь которого его называли, он тоже любил покурить. Именно чудесный аромат дядиной трубки заставил его пристраститься к курению, а потом и к креслу-качалке. Со временем он пришел к выводу, что курение трубки нельзя назвать настоящим курением, что бы ни утверждал Минздрав.

Джордж, попыхивая трубкой, попеременно смотрел то в окно, то на огонь в камине. Иногда он пытался читать перед сном, но слишком часто бессонница одерживала вверх, и он оказывался в кресле с трубкой в зубах, курил, качался и размышлял. Много он передумал в этом кресле у камина.

Питер Октавиан был одним из тех, кто знал о его пристрастии к курению. Они знали все друг о друге, рассказывали друг другу секреты, как это делают мальчишки в шалаше на дереве или в темноте ночи. Конечно, они уже давно перестали быть мальчиками, он, старый грек, и его друг, который был много, много старше его, — последний правитель предков Джорджа Маркопулоса.

Когда Джордж не мог спать, он курил, поглядывая то в темноту, где гулял ветер, то в мерцающее пламя, и размышлял о Питере.

Он пытался курить только ради чудесного аромата трубочного табака, качался и вспоминал о друзьях, которые его покинули. Сначала Питер, потом Анри Жискар. Оба обладали поразительной внутренней силой и интеллектом, и Джордж гордился тем, что был с ними дружен. Он совсем немного знал Анри и чувствовал некоторую долю вины в его смерти. В определенном смысле он винил Анри в гибели Питера, но понимал, что это глупо.

Произошло то, что должно было произойти, и Джордж не сомневался, что Питеру было суждено сыграть свою роль. Даже если бы Октавиан выжил, их дружба уже никогда не была бы прежней. Новый мировой порядок теперь контролировал каждый миг жизни его новых друзей: Меган Галахер, Уилла Коди и Александры Нуэва. Жизнь Питера тоже изменилась бы. Ничто уже не будет прежним.

Так всегда бывает, когда тайное становится явным. Знание чужих секретов есть могущество, которое лишь немногим под силу, оно часто оказывается слишком тяжелым бременем. Огромное могущество неразрывно связано с обязательствами. Дружба строится на таких обязательствах, и близость — ее результат. Целые нации могут погибнуть, если тайна

разглашена. Тайны могут' быть основой для любви и дружбы... секреты, которые Питер когда-то делил с Джорджем, стали всеобщим достоянием. У Питера Октавиана не осталось секретов, но он сознательно выбрал этот путь для достижения более высоких целей.

«Да, делиться тайнами всегда нелегко», — размышлял Джордж Маркопулос.

Он медленно раскачивался в кресле, делая длинные затяжки. Его взгляд надолго задержался на плясавших в пламени искорках.

Он слышал, что жена зовет его. Джордж с трудом оторвал взгляд от огня, повернулся — жена, шаркая туфлями, вошла в его кабинет. До утра оставалось совсем немного. Красивая, Валери нашла своего мужа в кресле-качалке, он вновь перестал согревать их постель.

Джордж не стал говорить ей, что не может спать, она и сама это знала. Множество раз Валери видела, как он курит трубку, раскачиваясь в качалке, глядя то в ночь, то в огонь. Ему не нужно было говорить жене, что с ним все будет в порядке. В их возрасте, после сорока лет супружества, необходимость в словах почти отпала. Она с трудом наклонилась — холод плохо отражался на ее самочувствии — и поцеловала Джорджа в макушку. Затем медленно побрела к лестнице.

Огонь в камине уже догорел, близился рассвет.

Он перестал раскачиваться, высыпал пепел из трубки в пепельницу.

Весть о смерти Анри опечалила Джорджа, но в этот вечер он думал о Питере. Как и всегда, о Питере. Ему не хватало их бесед, не хватало рассказов о его приключениях. Он страдал без его визитов, слишком часто вспоминал о чувстве юмора, которое немногие люди могли оценить.

Он знал, куда ушел Питер, знал о его переходе в иное измерение, но ему хотелось бы знать еще одно: что нашел там его друг. Джорджу сказали, какой вопрос до самого конца мучил Питера. Питер хотел узнать правду о своей природе, о своем происхождении.

«Узнайте, кто мы такие», — просил он свой народ.

Джордж мог бы сказать им, поскольку все определения можно найти в глубинах скорбящего сердца Питер Октавиан был человеком.

Его другом.

И Джорджу его ужасно не хватало.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Престижный жилой район Бостона, неподалеку от реки Чарльз. Здесь вдоль улиц Маунт-Вернон и Кобблстоун-Акорн расположены старинные аристократические дома с внутренними дворами-садами. (Здесь и далее прим, перев.)

Curiosity killed the cat — любопытство убило кошку (амер. поговорка).

Tax shelters («налоговые убежища») — законный способ уменьшить суммы выплачиваемых налогов.

Вогей — Богарт Дамфри (Bogart, Humphrey, 1899–1957) — американский актер, в кино с 1930 г. Снимался в различных амплуа, от холодных преступников до романтических героев, все его работы проникнуты глубоким психологизмом и драматической напряженностью.

Фильм вошел в историю кино как лучший криминальный фильм 40-х гг., сценарист Джон Хьюстон дебютировал в качестве режиссера. Фильм был в числе претендентов на премию «Оскар» по трем номинациям.

«Микелоб» — товарный знак пива компании «Анхойзер-Буш» (Сент-Луис, Миссури).

Последний день перед началом Великого поста у католиков называется «Грешный Вторник», прихожане исповедуются, каются в своих грехах (по-французски Марди-Гра). Во время поста необходимо воздерживаться от продуктов животного происхождения, и Марди-Гра — последние дни, когда излишества позволительны. Многие фестивали и карнавалы мира, проводимые в эти же дни, получили французское название «Марди-Гра». Самые известные среди них — карнавалы в Рио-де-Жанейро и в Новом Орлеане.

Пепельная среда — День покаяния (первый день Великого поста у католиков и протестантов).

Футбольная лига «Папы» Уорнера — лига американского футбола для мальчиков 7—15 лет. Основана в 1929 г. Названа в честь тренера Г. Уорнера.

Candy — конфетка (англ.).

Цитата из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес».

Анни Оукли (1860–1926) — американка, известная своей меткой стрельбой.

Кеннеди, Джон Фицджералд (1917–1963), 35-й президент США.

Громкий политический скандал, связанный с незаконными тайными сделками 1986–1987 гг. по продаже Соединенными Штатами оружия Ирану в обмен на американских заложников в Айване и передаче вырученных средств никарагуанским контрабандистам. В скандале были замешаны высокопоставленные сотрудники Совета национальной безопасности.

Буффало Билл (1846–1917) — первопроходец и проводник, один из первых поселенцев фронта, участник военных действий против индейцев, занимался шоу-бизнесом, выступая со знаменитым шоу «Дикий Запад».

Сидящий Бык (1835–1890) — вождь индейцев племени сиу. Возглавлял борьбу против белых переселенцев и регулярных американских войск. Вместе с вождем по имени Бешеная Лошадь руководил сражением у Литл-Бигхорна в 1876 г. убит во время ритуальной танца духов, при помощи которого его вооруженные участники попытались предотвратить арест своего вождя.

Джон Маклолин по прозвищу Отец Орегона (1784–1857) — торговец пушниной. Приветствовал прибытие американских переселенцев на территорию Орегона, поддерживая притязания США на районы, спорные с Канадой. Основал форт Ванкувер.

Decard (хат.) — десятый.

Onze (фр.) — одиннадцатый.

Settimo (ит.) — седьмой.

Sechs (нем.) — шестой.

Так называемая «Авторизованная версия», английский перевод Библии 1611 г., которым пользуется большинство англиканских церквей, этот перевод был одобрен королем Яковом.

Название романа О. Хаксли, аллюзия на строчку из «Бури» Шекспира.